

КОРИЧНЕВЫЕ ДИКТАТОРЫ

Л. Черная

Л. Черная

КОРИЧНЕВЫЕ

ДИКТАТОРЫ

ГИТЛЕР

ГЕРИНГ

ГИММЛЕР

ГЕББЕЛЬС

БОРМАН

РИББЕНТРОП

Л. Черная

КОРИЧНЕВЫЕ ДИКТАТОРЫ

ГИТЛЕР
ГЕРИНГ
ГИММЛЕР
ГЕББЕЛЬС
БОРМАН
РИББЕНТРОП

Москва
Издательство
«Республика»
1992

ББК 63.3(4Г)

Ч-49

Черная Людмила Борисовна

Ч-49 Коричневые диктаторы: (Гитлер, Геринг, Гиммлер, Геббельс, Борман, Риббентроп).— М.: Республика, 1992.— 384 с.: ил.

ISBN 5—250—00798—8

Цель настоящей книги — рассказать советскому читателю о главных правителях нацистской Германии, о тех, кто персонально виновен в превращении цивилизованной страны в фашистское тоталитарное государство, кто несет наибольшую ответственность за развязывание самой кровопролитной войны в истории человечества.

Гитлер, Гиммлер, Геббельс, Геринг, Борман, Риббентроп... Кто стоял за их спиной, как этим людям удалось захватить власть и на протяжении двенадцати с половиной лет удерживать созданный ими террористический режим насилия, страха и обмана, поработить большинство стран Европы?

Книга Л. Черной, адресованная широким кругам читателей, показывает силы, которые привели к власти лидеров фашизма, и напоминает о трагических уроках истории.

Ч $\frac{0503010000-036}{079(02)-92}$ 93—92

ББК 63.3(4Г)

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *А. Г. Мартынова*
Художник *И. И. Сулов*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *В. П. Крылова*

ИБ № 8444

Сдано в набор 05.09.91. Подписано в печать 23.06.92. Формат 84x108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 22,20. Тираж 50 000 экз. Заказ № 2217. С 036.

Российский государственный информационно-издательский Центр «Республика»
Министерства печати и информации Российской Федерации.

Издательство «Республика». 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий».
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

ISBN 5—250—00798—8

© Л. Б. Черная, 1992

АДОЛЬФ ГИТЛЕР. «ОДИН НАРОД, ОДНА ИМПЕРИЯ, ОДИН ФЮРЕР»

Адольф Гитлер не был сумасшедшим. Хотя некоторые журналисты на Западе и утверждали, будто он страдал паранойей. Не наблюдалось у него и сильных отклонений, вызванных применявшимися им медикаментами, о чем охотно писали (и пишут!) даже некоторые более или менее серьезные западные историки.

В чем же дело? Почему вообще возникла легенда о психической болезни Гитлера?

Причины, на мой взгляд, видны невооруженным глазом.

Во-первых, любовь к сенсациям. Звучит ошеломляюще: сумасшедший двенадцать лет правил семидесяти-миллионным народом в центре Европы — и не в глубокой древности, и даже не в средневековье, а во вторую треть XX, цивилизованного века, века великих открытий! Сумасшедший завоевал Австрию, Францию, Бельгию, Нидерланды, Норвегию, Югославию, Грецию, Польшу, Чехословакию, дошел почти до Москвы, дошел до Волги! И все это в шизофреническом бреду!

Во-вторых, если Гитлер и впрямь был сумасшедшим, то, стало быть, какой-нибудь грядущий фюрер сможет воплотить его идеи в жизнь. И не проиграть войну, а выиграть ее. Подчинить себе весь мир и создать «тысячелетний рейх» — новую цивилизацию на обломках двухтысячелетней старой.

Нет, отнюдь не безобидно утверждение о паранойе или неполноценности Гитлера. Цель этой главы — доказать очевидное: Гитлер обладал способностью выбирать наилучшие для себя, иногда даже логически верные решения в рамках нацистской системы, которую он создал. Он был самым здравомыслящим и нормальным среди его окружения. И затеял и проиграл войну не потому, что оказался безумным, а потому что такова была логика — или антилогика — его системы. Сама система толкала нацистского фюрера в пропасть, а вместе с ним и Германию.

Биографию Гитлера писали, пересказывали и толковали бесчисленное количество раз. И до и после 1945 г. После 1945 г. пытались найти в ней уже на раннем этапе что-то исключительное, «жареное», как теперь говорят, что-то объясняющее его «величие» или его преступность. Но так и не нашли.

Гитлер родился 20 апреля 1889 г. (начиная с 1933 г. этот день стал национальным праздником нацистской Германии). Свое пятидесятишестилетие он отметил в бункере, в подземелье под имперской канцелярией в Берлине.

Отец будущего фюрера Алоис Гитлер был сперва сапожником, потом таможенным служащим. И получил не слишком высокий чиновничий чин обер-официала, но все же по понятиям тех времен вышел в люди, хотя за его спиной была лишь начальная школа. Мать — Клара, урожденная Пёльцль, происходила из крестьянской семьи. Родился Гитлер в Австрии, в Браунау на Инне, в деревушке в гористой части страны. Семья часто переезжала с места на место и наконец осела в Леондинге, пригороде Линца, где и обзавелась собственным домом. На надгробии родителей Гитлера высечены слова: «Алоис Гитлер, обер-официаль по таможенному ведомству, домовладелец. Его супруга Клара Гитлер».

Гитлер родился от третьего брака отца. Вся многочисленная родня Гитлера старшего поколения — бабушки, дедушки, их братья и сестры были, видимо, неграмотные. Священники записывали фамилии этих лиц в церковноприходских книгах на слух, поэтому возник явный разнобой: кого-то звали Гюттлер, кого-то Гидлер и т. д. и т. п.

С точки зрения закона ничего предосудительного в родословной Гитлера нет. Никто из его предков не был ни разбойником с большой дороги, ни убийцей, ни вором-рецидивистом. Но в обществе, созданном нацистами и их фюрером, «генеалогия» Гитлера могла вызвать большие подозрения. Дедушка фюрера остался неизвестен. Алоиса Гитлера, отца Адольфа, усыновил некий Гитлер по просьбе дяди, тоже Гитлера, видимо, фактического его родителя. Усыновление произошло после того, как и сам усыновлявший и его жена Мария Анна Шикльгрубер, бабушка нацистского диктатора, давным-давно скончались. Самому же незаконнорожденному было по одним источникам — уже 39, по другим — 40 лет! По непонят-

ным, но, думается, вполне прозаическим причинам, необходимость в усыновлении возникла именно тогда. Наверное, речь шла о наследстве. Но как бы то ни было, с полной определенностью о дедушке Гитлера ничего сказать нельзя. В «третьем рейхе» это могло бы сыграть роковую роль. А вдруг одна «четвертушка» фюрера оказалась бы «неарийской»? Неарийская четвертушка могла сокрушить любую карьеру! ¹

На последнем этапе нацистской империи «сам» Гиммлер пытался проникнуть в «жгучую тайну» предков фюрера. По его сверхсекретному указанию в соответствующих старых книгах, где регистрировались рождения, браки и смерти, рылись бдительные ищущие «человека в пенсне». После войны их сменили ушлые журналисты. Но и те и другие ничего предосудительного с точки зрения «расовой теории» найти не сумели. Правда, люди Гиммлера обнаружили, что отец Гитлера был плодом инцухта — кровосмешения. Но в тех отдаленных от больших центров, отгороженных горами деревушках, откуда шел этот род, браки между близкими родственниками были довольно частыми. На такие браки требовалось специальное разрешение церкви. И в данном конкретном случае оно было получено.

Первые тридцать четыре года будущего нацистского фюрера прошли до ужаса обыденно. Все, что можно сказать об этих годах, умещается буквально на нескольких страничках. Гитлер плохо учился в старших классах. Посему не окончил реальное училище и не получил аттестата зрелости. Отец его умер сравнительно рано — в 1903 г. Мать продала дом в Леондинге и поселилась в Линце. С 16 лет Адольф ничего не делал. В 18 — отправился в Вену, чтобы поступить там в Академию изобразительных искусств. Поступал дважды — один раз не сдал экзамен, второй раз даже не был допущен к нему. Ему посоветовали поступить в архитектурный институт, но для этого надо было иметь аттестат зрелости. С 16 лет

¹ В книге «Лицо третьего рейха» известный западногерманский историк Иоахим Фест утверждает, что в мае 1938 г., сразу после «аншлюса» (присоединения Австрии), Гитлер приказал сровнять с землей поселок Деллерсхайм и его окрестности, где родился отец Гитлера Алоис и где была похоронена его мать, бабушка фюрера, Мария Анна Шикльгубер. Фест видит в этом желание Гитлера что-то скрыть, замести следы. Однако Деллерсхайм не единственное место в Австрии, которое Гитлер превратил в полигон, а следовательно, сровнял с землей. Искать в каждом поступке Гитлера какой-то тайный смысл, боясь разоблачений — нет оснований. — *Здесь и далее примечания автора.*

будущий фюрер жил на иждивении матери довольно-таки свободно. Одно время даже учился музыке. Спал до полудня, ходил в театры, особенно в оперу, просиживал часами в кофейнях.

Известно, что Гитлер готовил себя к карьере «свободного художника», как говорили в ту пору. Мы бы сказали, к творческой профессии. Нынешние западногерманские ученые, люди строгие (Калов, Фест), уверяют, будто молодой Адольф попросту был отчаянным лентяем. Ничего путного не делал и делать не хотел.

Ясно одно: он был «автодидактом». Это устаревшее слово лучше, чем современное «самоучка», передает сущность тогдашнего поведения Гитлера; не будучи способен к упорному, систематическому труду, он читал запоем все, что попадалось под руку. Впоследствии отрывочные знания, почерпнутые из популярных философских, социологических, исторических трудов, а главное, из брошюр того далекого времени, и составили «философию» Гитлера, а стало быть, философию нацизма. Это варево, как мы увидим позже, было прекрасно приспособлено к пониманию немецкого обывателя. А уж немецкие полуинтеллигенты типа Розенберга, Гесса, Дарре, а также сотни немецких профессоров из прославленных университетов Германии придали ему (вареву) наукообразный вид.

Но вскоре фортуна повернулась к будущему фюреру спиной. Деньги, оставленные матерью Адольфа (она умерла от рака груди в 1909 г.), и наследство его состоятельной тетки растаяли. Несмотря на получаемую пенсию, молодому Гитлеру пришлось заботиться о хлебе насущном. Без образования, без профессии... А надо сказать, что профессию, к примеру ремесленника, в тогдашней Германии и Австрии было получить не так-то легко. После народной школы подростки шли в ученики — и это отнюдь не было формальностью. Молодые люди постигали все секреты ремесла, учились и за страх, и за совесть. А уж став мастерами, могли претендовать на хорошо оплачиваемую работу.

Не получив ни аттестата зрелости, ни профессии, Гитлер автоматически, как только у него кончились средства к существованию, попал в категорию деклассированных элементов, изгоев общества, люмпенов. Некоторое время ночевал на скамейках в парке, потом в ночлежке в Майдлинге. И, наконец, осел на Мельдемаштрассе в благотворительном учреждении Меннерхайм, что в букваль-

ном переводе означает «Мужской дом». В Меннерхайме спали не на нарах, а на кроватях в отдельных каморках, там была столовая, читальня и т. д.

По нашим нынешним понятиям он был типичный бомж — лицо без определенного места жительства. Аббревиатура самая что ни на есть современная. Однако, согласимся, понятие «бомж» существовало всегда и оно не адекватно слову «бродяга». Бомж безусловно деклассированный элемент, со своей психологией, логикой и эмоциями.

Все это время Гитлер перебивался случайными заработками, занимался на какую-нибудь временную работу (например, помогал на стройках, чистил снег или подносил чемоданы), потом стал рисовать (вернее, срисовывать) картинки, которые продавал сначала его компаньон, а позже он сам. В основном он срисовывал с фотографий памятники архитектуры в Вене и в Мюнхене, куда переехал в 1913 г. Некоторые из этих картинок (акварелей) сохранились и воспроизводятся во многих монографиях о Гитлере. Натура — церкви, дворцы, мосты — тщательно выписана, видны не только все архитектурные украшения, все завитушки, но и каждая черепица. Тона блеклые, пастельные. Глядя на эти рисунки, нельзя предположить, что Гитлер был неусидчив. Наоборот, кажется, что будущий фюрер день и ночь склонялся над бумагой и буквально с лупой в руке проводил черточку за черточкой. А ведь платили за эти акварели гроши, их надо было фабриковать десятками, сотнями...¹ Однако, по рассказам тогдашних «товарищей» Гитлера (друзей он не имел), он работал неохотно, часами просиживал в мрачном уединении, иногда без видимого повода приходил в ярость. Впрочем, веселой его жизнь в Меннерхайме в Вене, а потом в Мюнхене и впрямь назвать нельзя. Никаких надежд, никаких перспектив... и так продолжалось ни много ни мало целых шесть лет. В 25 лет у будущего фюрера не оказалось ни семьи, ни любимой женщины, ни друзей, ни постоянной работы, ни жизненной цели — было от чего прийти в отчаяние.

Впоследствии в «Майн кампф» Гитлер написал об этом мрачном периоде своей жизни: «В то время вырабатываемые мною взгляды и мировоззрение превратились в гранитный фундамент моих нынешних деяний. К тому,

¹ По свидетельству В. Мазера, самого дотошного немецкого биографа Гитлера, он за неделю рисовал 6—7 картинок небольшого формата.

что я тогда воспитал в себе, мне пришлось немногое добавить, изменять я ничего не должен был. Как раз наоборот...»

Венский период жизни Гитлера кончился весьма внезапно: он переселился в Мюнхен; спасаясь от воинской повинности, Гитлер предпочел оказаться человеком без гражданства, только бы не отбывать службу в армии. Однако военные власти Австрии разыскали беглеца. И он написал письменное объяснение своего антипатриотического поступка. Историки, знакомые с этим документом, — он сохранился до наших дней — отмечают не только невнятность изложения, но и неграмотность автора. Несмотря на нежелание, Гитлеру пришлось отправиться в Австрию, в Зальцбург, где он прошёл военную комиссию. Однако был признан не годным к военной службе по состоянию здоровья. Как это ему удалось — покрыто мраком неизвестности.

Вообще факт с призывом в армию довольно занятный: будущий «величайший полководец всех времен» — именно так именовали Гитлера в коричневом рейхе, — увиливает от военной службы!

В Мюнхене жизнь Гитлера не изменилась: он по-прежнему жил бедно на деньги от продажи акварелей и рекламы. По свидетельству историков, Гитлер рекламировал (то есть рисовал соответствующие картинки) самые разные изделия, в частности, пудру, туфли, ваксу, даже... дамское белье.

Но тут в его судьбу вмешалась сама история — 1 августа 1914 г. началась первая мировая война.

Подводя итоги этого отрезка времени — от 1907 до 1914 г., — надо сказать, что он был для будущего фюрера весьма плачевным. Гитлер оказался на дне общества: сын добропорядочного бюргера Алоиса вращался в среде полууголовных, а иногда и уголовных элементов.

Совершал ли он сам в эти годы какие-то криминальные деяния? Преступления? Данными об этом историки не располагают. Известно лишь, что в ту пору Гитлер несколько раз смошенничал.

Например, он заявлял, что бросил школу, потому что отец толкал его на чиновничью стезю. Однако, когда неуспевающий ученик Адольф Гитлер покинул реальное училище, папаша Алоис уже два года как покоился на кладбище. Далее: Гитлер совершил подлог после смерти матери. Он незаконно получал пособие по сиротству. Это пособие выдавалось юношам лишь в том случае, если

они учились где-либо, то есть для продолжения образования. А Гитлер, как мы знаем, к тому времени нигде не учился. Документы были явно сфальсифицированы. И наконец, заметая следы своего бегства из Вены в Мюнхен, Гитлер официально сообщил, что он переехал в Германию в 1912 г. В действительности, как точно установлено, он бежал в 1913 г., то есть тогда, когда его уже наверняка должны были призвать на военную службу.

Детали мелкие, но характерные. Обман, мошенничество, с точки зрения тогдашнего немецкого бюргера, были совершенно неприемлемы, строго осуждались общественным мнением. В биографии Гитлера они появились уже смолоду. Тогда никто еще не предполагал, что спустя три десятилетия подлоги, подлость и блеф будут возведены в ранг государственной политики. И что на этом «гранитном фундаменте» Гитлер и построит свой «рейх».

В книге «Преступник № 1» мой соавтор Д. Мельников и я утверждали, что знакомство с «дном» общества не прошло для Гитлера бесследно. Что некий криминальный, преступный отпечаток получила не только личность Гитлера, но и все нацистское движение. Опыт венских уголовников, безусловно, не прошел даром для Гитлера. Он твердо усвоил несколько аморальных постулатов преступного мира: «Все дозволено», «Нет ничего святого», «Человек человеку волк», «Цель оправдывает средства». Пожалуй, эти постулаты и стали его личной, не предназначенной для обнародования философией.

* * *

Мировую войну будущий фюрер воспринял с восторгом, что не так уж удивительно: шовинистический угар в среде немецких обывателей был в 1914 г. чрезвычайно велик. А деклассированная, недовольная своим существованием прослойка общества, к которой принадлежал Гитлер, с воодушевлением приветствовала войну, считая, что «война все спишет» и что у каждого неудачника появится шанс выйти в «герои».

Гитлеру «повезло»: существует фотография, где он явно виден в толпе ликующих людей в Мюнхене. Разинутый рот, выпученные глаза — само олицетворение «немецкого патриотизма» и шапкозакидательства...

В «Майн кампф» Гитлер написал по этому поводу: «Мне эти часы (часы объявления войны.— Л. Ч.)

показались как бы избавлением от злых впечатлений юности. Я и сейчас не стыжусь сказать, что, преисполненный бурного воодушевления, упал на колени и ото всего сердца возблагодарил судьбу...»

Став добровольцем, Гитлер четыре года протрубил на столь желанной ему войне. Он служил в штабе «Полка Листа» (по имени его первого командира, полковника Листа) связным в чине ефрейтора. Даже не стал офицером. Зато получил не только медаль за ранение, но и ордена. Орден Железного креста второго класса, это уж точно. А может, даже и первого. Некоторые историки считают, что Гитлер носил Железный крест I класса, не имея на это права. Другие утверждают, что его наградили этим орденом по представлению некоего Гуго Гутмана, адъютанта командира полка... еврея. И что поэтому в официальной биографии фюрера возникла невнятица.

* * *

Но вот кончилась война. Германия ее проиграла. Гитлер, а вместе с ним сотни тысяч других немцев-неудачников оказались у разбитого корыта.

Чтобы понять истоки дальнейшей головокружительной карьеры Гитлера, надобно представить себе, что творилось в Германии сразу после проигранной войны.

Страна была охвачена пожаром революции. В самом начале ноября 1918 г. восстали матросы в Киле. Во всей Германии стали стихийно возникать Советы рабочих и солдатских депутатов. 9 ноября победила революция в Берлине. Кайзер бежал, была провозглашена республика. Однако страна не успокоилась. Январские бои рабочих в Берлине показали, что бунтарский пыл левых далеко не погас. Несмотря на мощный шквал контрреволюции, реакции никак не удавалось утихомирить страну. В январе 1919 г. Советы захватывают власть в Бремене. И наконец, уже в апреле 1919 г. была провозглашена Советская власть в Мюнхене, подавленная реакцией с необычайной жестокостью. Последним отголоском революционных событий было гамбургское восстание рабочих под руководством Эрнста Тельмана в 1923 г. Вот как долго тлели уголья народного гнева, готовые каждую минуту вспыхнуть ярким пламенем...

И одновременно происходило вот что: 28 июня 1919 г. был подписан кабальный для Германии Версальский договор, а в августе того же года принята Веймарская

конституция, провозгласившая создание буржуазно-демократической республики в стране...

После лазарета в Пазевалке Гитлер вернулся в Мюнхен — Обервизенфельд в свою казарму. Хотя какая-то крыша над головой! Некоторое время он пережидал, а потом стал действовать: участвовал в так называемой Следственной комиссии, занимавшейся «чисткой» 2-го пехотного полка, выявлял «смутьянов» и «революционеров». А 12 июня 1919 г. его откомандировали на краткосрочные курсы «политического просвещения», которые опять же функционировали в Мюнхене. Окончив курсы, он стал V-агентом ¹, попросту говоря, шпиком на службе у определенной группки реакционных офицеров, борющихся с левыми элементами среди солдатской и унтер-офицерской массы ².

Надо сказать, что Гитлер и сам понимал безысходность своего тогдашнего положения. Вот что он писал в «Майн кампф»: «Не имея никакого имени, я не обладал ни малейшей предпосылкой для любой целесообразной деятельности».

Чем же занимался конкретно будущий фюрер «Великогермании»?

Составлял списки солдат и офицеров, причастных к апрельскому восстанию рабочих и солдат в Мюнхене. «Прощупывал» всевозможные карликовые организации и партии на предмет их мировоззрения, программ и целей. И доносил обо всем этом «по начальству».

А «главные начальники» в Баварии были очень важные и очень реакционные господа, ибо Бавария оказалась цитаделью реакции в Германии, эдакой веймарской Вандеей. Назовем лишь некоторых из них: Риттер фон Эпп, капитан Герман Эрхард. И где-то в тени капитан Эрнст Рем, будущий глава штурмовых отрядов (СА), ближайший друг, а потом жертва Гитлера.

Видимо, однако, между этими «боссами» и никому не известным Гитлером существовали какие-то промежуточные звенья. Ибо перечисленные лица были решающими фигурами, а Гитлер всего лишь пешкой в сложной игре реакции.

И все-таки: не юношеские годы, не война, а послевоенный Мюнхен стал «университетами» Гитлера. Здесь были заложены основы его будущего.

¹ Vertrauensmann — так называемое «доверенное лицо».

² Во время провозглашения Советской республики в Баварии Гитлер якобы значился в «черных списках» коммунистов.

Но чтобы осознать это, следует обратиться к социальным реалиям тех далеких времен.

Правящие круги Германии были до смерти напуганы революционным движением. Народ, измученный войной, жил неимоверно трудно: инфляция, безработица, разруха...

Были, однако, специфические обстоятельства в том времени. После войны возникла отнюдь не малочисленная прослойка деклассированных людей, обладавшая огромным потенциалом озлобленности, жестокости, пренебрежения к человеческим судьбам... Со дна народной жизни в побежденной, разоренной, голодной Германии поднялась всякая муть. Бесы и бесенята — из среды «потерянного поколения». Неизменные попутчики всякого перелома, всякого массового движения. И эти бесы и бесенята отлично умели консолидироваться, воссоединяться...

В Германии появились десятки милитаристских, реваншистских союзов, банд, шаек. Строго секретных и до зубов вооруженных, незаконных, а потому связанных круговой порукой и обетом молчания, имеющих свои писанные и неписанные законы и свое «правосудие» (суды феме)¹, жестоких, кровожадных и очень живучих... Вот далеко не полный перечень правозкстремистских военизированных организаций, возникших сразу же после войны на территории Германии: фрейкоры (добровольческие корпуса) — Тулебунд, Оберланд, Дойч-фолькишер шутц, Трутцбунд, организации Эшериха, Канцлера, союз Альтрейхсфлаге, Национальный союз немецких офицеров; «бунды» (союзы): Черно-бело-красный, Молодые баварцы, Фольксвер, Железный кулак; фрейкор фон Эппа, особые отряды Богендерфера и Пробст-Майера, Бертольда, Вольфа, фрейкоры Вюрцбурга, Байрета. Многочисленные союзы кавалеристов и артиллеристов.

Разумеется, у этих шаек были свои спонсоры и свои покровители: кто-то их содержал, кто-то спасал от суда. Так, например, известно, что некие силы вызволили из тюрьмы явно замешанного в убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург будущего начальника абвера адмирала Канариса. Установлено, что все крупные функционеры нацистской партии, СА и СС прошли «школу» фрейкоров.

¹ Тайные судилища, заимствованные реакцией из средневековья, так называемые «королевские суды».

Именно фрейкоры и другие правозэкстремистские организации сеяли смуту и рознь, беспокойство и неуверенность в завтрашнем дне в еще не оправившейся от войны, дестабилизированной Германии. А главное, запугивали население страны. Самое примечательное, что, несмотря на свою относительную малочисленность, они вызывали почти у всех немцев темный, мистический ужас.

Сейчас, спустя много десятилетий, не трудно понять, зачем эти первые террористические организации «бесов» были нужны правящим кругам в Германии, найти рациональное объяснение разгулу насилия.

Экстремистские формирования боролись с левыми и пролевыми организациями. Запугивали средний класс и интеллигенцию, сочувствующую левым. Убирали, то бишь убивали, наиболее ярких прогрессивных деятелей — от вождей трудящихся Розы Люксембург и Карла Либкнехта до буржуазных министров Эрцбергера и Ратенау.

В их рядах проходили обучение молодые люди, которые по условиям Версальского договора не имели на это права. И наконец, офицеры, не желавшие или просто не способные включиться в нормальную жизнь, свыкнуться с «гражданкой», ожидали там «лучших времен».

На мой взгляд, только *один* человек понял значение этих шаек для будущего веймарской Германии. И этим человеком был **Адольф Гитлер**.

Он понял, что настало время использовать *страх* сильных мира сего, *разброд* и *отчаяние* народных масс и *потенциал «бесов»*, и что для этого нужна организация наподобие фрейкоров, только куда более широкая и менее кастовая.

Все дальнейшее было делом случая, везения и практических усилий. Но, чтобы понять все это, необходимо было иметь политический инстинкт, интуицию — и этими качествами Гитлер, по всей видимости, обладал.

Случай представился очень скоро.

12 сентября 1919 г. Гитлера послали на собрание в пивную «Штернекерброй» — сборище очередной карликовой группки, громко именовавшей себя Немецкой рабочей партией. Таких карликовых партий было тогда зарегистрировано в одной лишь Баварии 49. На собрании обсуждалась брошюра инженера Федера, с которым Гитлер уже был знаком по курсам «политического просвещения». Идеи Федера о «производительном» и «непроиз-

водительном» капитале, о необходимости борьбы с «процентным рабством», с ссудными кассами и «универсальными магазинами» (это последнее чрезвычайно импонировало мелким лавочникам), сдобренные шовинизмом, ненавистью к Версальскому договору, а главное, антисемитизмом, показались Гитлеру вполне подходящей платформой. Он выступил, имел успех. И руководитель партии Антон Дрекслер, железнодорожный рабочий, пригласил Гитлера на следующее собрание, дал ему свою брошюру «Мое пробуждение» и предложил вступить в ДАП — так сокращенно называлась партия. Посоветовавшись с начальством, Гитлер это предложение принял. И получил билет за № 7. Существует первоначальный список членов этой партии по профессиям:

врач — 1,
химик — 1,
мелких хозяйчиков — 3,
торговцев — 2,
банковских служащих — 3,
художник (видимо, сам Гитлер!) — 1,
литератор — 1,
дочь земельного судьи — 1,
ремесленников — 16,
солдат — 6,
студентов — 5,
без определенных занятий — 5.

Вот какой исходный «материал» представился Гитлеру. Не жирно!

Но если верить, допустим, такому добросовестному западногерманскому историку, как Гельмут Хайбер, то Гитлер уже до того, еще будучи на курсах «политического просвещения», пытался организовать свою «партию» и назвал ее «социально-революционной». Однако из этой затеи ничего не вышло. Так что привередничать не приходилось. И Гитлер со всем своим ораторским пылом бросился завоевывать популярность для партии Дрекслера. Хотя бы в пределах Мюнхена. Осенью 1919 г. он выступал трижды на многолюдных собраниях. В феврале 1920 г. снял в пивной «Хофбройхауз» так называемый парадный зал и собрал две тысячи слушателей. (Убедившись в своем успехе партийного функционера, Гитлер бросил заработок шпика в апреле 1920 г.)

Успехи Гитлера, с одной стороны, привлекали к нему рабочих, ремесленников и людей, не имевших постоянного места работы, словом, всех тех, кто составлял

костяк партии, с другой — отпугивали. В том же «Хофбройхаузе» возникла ожесточенная драка. Кроме того, старых членов партии Дрекслера шокировал и тот факт, что в свите Гитлера появился не только Дитрих Эккарт, довольно известный литератор того времени, типичный представитель послевоенной богемы, но и толстосумы-баварцы, а также их жены, «дамы из общества», то есть те персонажи, с которыми эта партия была призвана бороться.

Однако кризис в ДАП еще не созрел. Уж слишком очевидны были победы Гитлера: в конце 1920 г. в партии числилось уже три тысячи человек. В апреле 1920 г. возникла также первая «ячейка», или группа, вне Мюнхена, а в 1921 г. еще одна группа.

Но самое большое завоевание произошло в 1920 г., когда на занятые Эккартом у генерала Эппа деньги партия купила разорившуюся захудалую газетенку под названием «Фелькишер беобахтер», что в переводе означает «Народный наблюдатель». Таким образом, у партии появился свой орган. Немаловажное событие!

В январе 1921 г. Гитлер уже снял цирк Кроне, где выступал перед аудиторией в 6500 человек. В том же году будущий фюрер полетел в Берлин, чтобы принять участие в кашповском путче¹. Но опоздал, генеральский путч был подавлен. И все же и в Берлине Гитлер сумел получить известный «профит» — познакомился с генералом Людендорфом, бывшим генерал-квартирмейстером немецкой армии, кумиром всех реакционных сил в послевоенной Германии.

Итак, все было хорошо. Единственное, что перестало удовлетворять будущего фюрера, это — сама партия, в которую он вступил и ради которой «работал».

Партией управлял Комитет. В 1921 г. Гитлер не был ни первым, ни даже вторым председателем партии. Но не только в этом заключалось дело. Гитлеру вообще не нужна была *такая* партия. Партия, где каждый высказывал свое мнение. В которой люди спорили друг с другом. Партия, из которой свободно можно было выйти, которую можно было бы критиковать и на собраниях и в любом кругу, даже писать на нее памфлеты. Партия, руководство которой обязано было отчитываться в своих действиях.

¹ Попытка контрреволюционного переворота в Германии (13—17 марта 1920 г.). Ликвидирован в результате всеобщей забастовки.

У нас теперь заговорили о ротации кадров. О том, что, дескать, нельзя быть всю жизнь редактором газеты или, допустим, министром. В США, как известно, каждый президент приводит свою «команду»... Но кардинальной всего решают вопрос «ротации» несменяемые диктаторы. Время от времени они попросту изгоняют все свое окружение: либо дают возможность эмигрировать или «залечь на дно», либо и вовсе сажают в тюрьмы и расстреливают...

Гитлер сравнительно недолго продержался на политической сцене: с 1923 до 1945 г. Однако нацистская «команда», севшая на скамью подсудимых в Нюрнберге в 1945 г., была совсем иной, нежели «старые бойцы», окружавшие Гитлера в начале карьеры. Только историки вспоминали после 1945 г. о Дрекслере и втором председателе партии Харере ¹, о Федере, Шюсслере, Эккарте, Крибеле, Кребсе и многих других... При жизни Гитлера они давно стали политическими трупам.

Поскольку реальной власти в 1921 г. у Гитлера было еще немного, он ограничился весьма скромной «ротацией» — повыгонял основателей партии. Видимо, тогда же он переименовал ее в Национал-социалистскую рабочую партию, сокращенно НСДАП.

«Ротация» летом 1921 г., как сказано выше, прошла на редкость скромно. Поводом для нее послужил весьма отградный для Гитлера факт: с партией захотели воссоединиться реакционные шовинистические группировки на севере и юге Германии. Однако Гитлер заартачился — заявил, что ни с кем не намерен объединяться на принципах равенства. Пусть группировки «самораспустятся», а их члены вступят в партию на общих основаниях. И тут он разыграл великолепный спектакль: подал в отставку. Все было предусмотрено заранее: Эккарт подкупил многих членов партии, кое с кем заключил соглашение. Отставка Гитлера не была принята. Но Гитлер, как капризная примадонна, не хотел успокаиваться. Он начал ставить условия. Его условия были приняты. Гитлер получил пост первого председателя с *диктаторскими* полномочиями, изгнав Дрекслера и Харера. Комитет полностью потерял влияние. Взамен коллегиального руководства в партии официально был введен принцип *фюрерства*. На место Шюсслера, занимавшегося финан-

¹ Этот второй председатель партии добровольно покинул ее уже в 1920 г.

совыми и организационными вопросами, Гитлер посадил своего человека, бывшего фельдфебеля в его части Амана. Естественно, Аман отчитывался только перед самим фюрером.

Нельзя сказать, что «переворот» в партии прошел уж вовсе безболезненно. Дрекслер и его сторонники распространили листовку, в которой обличали диктаторские замашки и «нечистые помыслы» Гитлера. Но Гитлер подал на них в суд. Дрекслер потерпел поражение и отступил¹.

Характерно, что столь принципиальные организационные изменения в партии не повлияли на партийную программу, она оставалась той же и до прихода к власти Гитлера, и после. Программа никогда не интересовала фюрера, поскольку он никогда не собирался ее выполнять...

Уже в 1921 г. в помощь партии были созданы штурмовые отряды — СА. Их руководителем после Эмиля Мауриса и Ульриха Клинка стал Герман Геринг. Пожалуй, Геринг был единственным уцелевшим соратником Гитлера, хотя не раз и его сгоняли с нацистского Олимпа. Но это исключение лишь подтверждает правило.

Создавая СА, будущий фюрер заглядывал далеко вперед. Ведь сама гитлеровская партия была в ту пору достаточно «боевой» — в прямом смысле этого слова и, стало быть, вполне могла «охранять» себя и подавлять противников. Даже в конце 20-х годов многие нацистские главари (только не Гитлер!) ничем не гнушались: к примеру, били стульями по головам инакомыслящих. Несмотря на бесконечное попустительство веймарской полиции, у всех у них было множество «приводов», они платили штрафы за «нарушение общественного порядка» и т. д.

Зачем же нужно было создавать уже в 1921 г. дорогостоящие СА? Собственное войско?

Историки на Западе правильно поняли замысел Гитлера: он дал определенной прослойке немцев, околдованной «магией строя» (Хайбер), «счастье маршировать в строю» (Хайбер).

«Строй» был издавна окутан в Германии множеством легенд: легендой о мужском сообществе и о мужской силе, легендой о «равенстве и братстве»: мол, одинаково одетые люди в одних шеренгах — высшее проявление

¹ Интересно, что Дрекслер действовал полностью в рамках тогдашних партийных нравов, пользуясь той же, с позволения сказать, терминологией, что и Гитлер. Так, он утверждал в листовке, что Гитлер вел подрывную работу в партии от имени... мирового еврейства.

социальной справедливости! На самом деле «строй» привлекал возможностью бездумной жизни: мне приказывают, я подчиняюсь. И наконец, тем, что давал мнимую защищенность «маленькому человеку». В те суровые времена маленький человек в Германии, а особенно деклассированный маленький человек, только что снявший шинель, чувствовал себя беспомощным и незащищенным. У него не было сил в одиночку бороться с враждебным миром, зато в «строю», «на марше» он был храбр как лев. Вдобавок в любом «строю» за него думали и отвечали начальники. О, сладостное чувство — ни о чем не заботиться, ни за что не отвечать!!! Повиноваться и слушаться. Не на этой ли основе Гитлер, знаток человеческих душ, создал свое государство? Не в этом ли секрет покладистости поданных в любом тоталитарном государстве?

Создавая СА, Гитлер опирался на опыт военизированных организаций, возникших в Германии сразу после окончания войны, на опыт фрейкоров.

Разумеется, строительство партии продолжалось и после «ротации» ее кадров.

В январе 1923 г. был созван имперский (!) партийный съезд. Именно «имперский», хотя партия нацистов существовала не в Германии, тем паче не в «империи», а всего лишь в Баварии, точнее, в Мюнхене. Но Гитлер все делал, так сказать, «на вырост».

В 1922—1923 гг. оформилась и символика нацистов. Они заимели свой флаг — красное полотнище, а внутри белый круг со свастикой, кстати сказать, совершенно неизвестно, что символизирующей. У них появились партийные значки, повязки со свастикой. А главное, «свое» приветствие: «Хайль!», трансформировавшееся в конце 20-х годов в «Хайль Гитлер!». О форме даже и не мечтали, поскольку на том этапе не было материальных возможностей. Символикой в ту пору «заведовал» Эккарт.

Выше мы уже затронули тему спонсоров или, как тогда говорили, меценатов. С ростом партии, то есть фактически отряда «боевиков» и приданной ей военизированной организации СА, проблема финансов возросла до небывалых размеров. Всю эту рать надо было подкармливать, иначе она могла в любой день разбежаться.

Западные историки в один голос утверждают, что первыми спонсорами Гитлера были дамы, жены богатых баварских промышленников. Назовем только нескольких из них: Хелене Бехштейн (всемирно известная фирма «Рояли Бехштейна»), Гертруда фон Зейдлиц (финская

бумага), фрау Брукман (крупная издательская фирма). Помогало Гитлеру также богатое семейство издателей Ханфштенглей (книги по искусству). Сын Ханфштенглей («Путци») подружился и с Гитлером, и с Герингом. Дружба эта продолжалась и после 1933 г., но все же в конце концов Ханфштенгль попал в немилость и, опасаясь за собственную жизнь, бежал в Англию. Через Ханфштенглей, Брукманов и Бехштейнов Гитлер познакомился примерно в то же время с промышленниками Борзигом, Гранделем, Фрицем Тиссенем — эти люди начали поменьку платить Гитлеру и в марках и в твердой валюте.

Впоследствии биографы Гитлера — от профессора в Оксфорде Алана Буллока, написавшего отличную фундаментальную книгу о нацистском фюрере под названием «Гитлер. Путь к власти. Путь к гибели», до Перси Шрамма, очевидца событий, — в один голос утверждали, что Гитлеру «нравились красивые женщины». Но никто из них не попытался объяснить, почему красивые, холерные, пусть не самые молодые женщины так возлюбили Гитлера на заре его карьеры? Почему они наперебой приглашали бывшего обитателя ночлежек в свои салоны? Чем привлекал всех этих дам экс-ефрейтор в его мешковатом пиджаке, обсыпанном перхотью? Явно не светский человек, даже малограмотный (Гитлер писал с грубыми орфографическими ошибками), говоривший хриплым голосом с австрийским простонародным акцентом?

Для дам из высшего света Гитлер был не то юродивым, не то модным шарлатаном, не то страстотерпцем, может быть, революционером. Он как бы придавал «изюминку» их сытой, но пресной жизни. Однако при этом немецкие дамы 20-х годов показали свое недюжинное чутье: реакции в Германии в ту пору нужен был именно такой политик, каким был Гитлер. Вульгарный демагог, умеющий воздействовать на самые низменные инстинкты толпы, совершенно беспринципный политикан, уже имевший за спиной свою организацию «бесов» — нацистов и штурмовиков, готовых буквально на все, ярый антикоммунист.

* * *

Мюнхенский путч 1923 г., так называемый «пивной путч», нацисты громко называли «генеральной репетицией» «революции» 1933 г. В действительности между путчем и последовавшим ровно через десять лет захватом власти нацистами было не так уж много общего.

Хотя нечто сходное обнаружить можно: тяжелое положение в стране, слабость и раздробленность левых сил и наличие воинственно настроенной, активной правой оппозиции.

Много сходного можно заметить и в тактике нацистов: они *хотели получить власть из рук реакционных политиков*, подталкивая их на решительные действия. И обещая скорое и радикальное искоренение «крамолы», начиная от уничтожения либерально настроенных буржуазных лидеров и кончая рабочими организациями, профсоюзами, а главное, коммунистами. (Как уже упоминалось, баварские столпы общества были самыми реакционными в стране.)

Эта книга не ставит себе задачей проанализировать те или иные этапы в истории Германии. Но так уж получилось, что история Гитлера и нацизма буквально «вросла» в германскую историю — оторвать, а тем паче «выделить» ее из общего исторического потока совершенно невозможно...

Итак, что же творилось в Германии накануне путча?

В 1921 г. правые убили видного представителя католической партии «Центр» Эрцбергера¹. После чего их несколько попржиало правительство в Берлине. Ряд милитаристских баварских организаций были на время прикрыты. И Гитлер отсидел даже один из трех месяцев за собрание в Баллерштедте (с 24 июня до 27 июля). 24 июля 1922 г. террористы убили Вальтера Ратенау, министра иностранных дел, подписавшего Рапалльский договор с Советским Союзом². Примерно в то же время было покушение и на Штреземана, председателя Немецкой народной партии, будущего рейхсканцлера Германии.

Так обстояло дело «с верхами».

Еще безнадежнее было «внизу». Страна задыхалась от репараций союзников, сумма которых была определена в апреле 1921 г. — 132 миллиарда золотых марок! Инфляция нарастала с каждым часом, безработица также. Людей охватывали апатия, отчаяние.

Роковым годом стал 1923-й. Уже в январе в Рур, дававший Германии 80% выплавки железа и стали и более 80% угля, вошли французские войска. 1 июля 1923 г. 1 доллар стоил 160 тысяч марок, 1 августа — 1 миллион

¹ Эрцбергер был председателем «комиссии по перемирию», а в 1920—1921 гг. — министром финансов веймарского правительства.

² Ратенау убила правозкстремистская организация «Консул».

марок, 1 ноября — 130 миллиардов марок. «Вера людей в деньги, в собственность поколебалась», — пишет английский историк Буллок.

В этой обстановке произошла консолидация реакции в Баварии. В начале февраля 1923 г. благодаря Рему был создан Комитет отечественных и боевых союзов, во главе которого встал подполковник Крибель. Комитету подчинялись несколько милитаризированных организаций: Рейхскригсфлаге (фактически СА), сколоченный Ремом, Кампффербанд Нидербайерн под командованием лейтенанта Гофмана и Бунд Оберланд под руководством Мильцера¹.

Все это воодушевило Гитлера. Кроме того, уверенность в него вселил и закончившийся победой фашизма в Италии «поход Муссолини на Рим» в октябре 1922 г.

Разумеется, сам Гитлер не сидел сложа руки. Приведем только одну цитату из тогдашних публичных выступлений Гитлера (подчеркиваем, **публичных!**):

«Для освобождения необходимо нечто большее, чем экономическая политика, большее, нежели прилежание; для свободы необходимы гордость, упрямство, ненависть и еще раз ненависть! Наша обязанность говорить об этом, ибо в недалеком будущем мы должны взять в свои руки власть и одновременно вздернуть на виселицу этих демонов, этих негодяев, врагов народа...»

Все знали, кого подразумевал Гитлер под врагами народа, демонами и негодьями: законно избранных политиков Веймарской республики. Нацисты даже «изобрели» новое выражение: «Ноябрьские преступники» (в ноябре была подписана капитуляция Германии).

Но речей уже было мало, даже самых «зажигательных»! Та отчаявшаяся, подогретая человеконенавистническими монологами Гитлера, взвинченная толпа «бесов» — опора нацизма, требовала решительных действий... Виселиц, массовых казней, бог знает чего...

И вот 30 апреля Гитлер созывает митинг и заявляет, что нацисты готовы выступить. Выступление решено было приурочить к 1 мая 1923 г. — к дню традиционного

¹ Нельзя сказать, что в стане милитаристов в то время было единство. Гитлер воспринимал объединенные союзы как свое «политическое войско». Что касается Рема и многих других военных, то для них военизированные отряды были заменой или, скорее, своего рода «детонатором» для рейхсвера. Впоследствии Рем вообще хотел заменить своими штурмовиками, «армией революции», германскую армию, малочисленную по условиям Версальского договора.

праздника трудящихся. Но баварское правительство, обладавшее все же здравым смыслом, запретило любые акции нацистов, а командующий баварскими войсками генерал Лоссов не дал им дополнительного оружия. Во главе рейхсвера стоял в то время генерал Сект, умный и авторитетный военный, и ссориться с ним Лоссову не было расчета. Акция Гитлера повисла в воздухе. Тем не менее нацистское войско собралось в предместье Мюнхена Обервизенфельде. Там были не только мюнхенцы, но и члены военизированных союзов, съехавшиеся из разных мест. Однако все они стояли в полном бездействии, хотя имели и винтовки и легкие пулеметы. Гитлер в солдатской каске и с Железным крестом на груди метался по полю, ожидая условного знака от Рема. С ним вместе были командиры военизированных отрядов Вебер, Грегор Штрассер, лейтенант Россбах, Крибель и многие другие. Но Рем знака так и не подал, его в это время распекал генерал Лоссов. Несмотря на советы Крибеля и Штрассера, Гитлер не решился сдвинуться с места, боясь регулярных частей рейхсвера. Он сдался, и его люди несолоно хлебавши разошлись и разъехались кто куда. Пресловутый нацистский «строй» не сработал.

Прокурор возбудил против Гитлера дело, но оно было прекращено по... телефонному звонку уже 1 августа. Звонил, по-видимому, Гюртнер, баварский министр юстиции, «перешедший» после 1933 г. к Гитлеру в той же должности. Как мы видим, «телефонное право» существовало, увы, и в Веймарской республике!

И все же обескураженный Гитлер исчез с политического горизонта на все лето. Появился он только осенью.

В сентябре 1923 г. в Нюрнберге реакция решила отпраздновать так называемый «Немецкий день» — очередную годовщину победы над Францией при Седане аж в 1870 г.! Сотни тысяч обывателей — «патриотов» вышли на улицы, а на трибуне рядом с Людендорфом красовался Гитлер. Большая победа для нацистского фюрера, ибо Людендорф, как сказано выше, для миллионов немцев был кумиром.

С осени 1923 г. власть в Баварии фактически сосредоточилась в руках триумvirата: Карра, генерала Лоссова и полковника Зейссера, полицей-президента. Триумvirат на первых порах был враждебно настроен к центральному правительству в Берлине.

Положение во всей Германии было необычайно лабильно, но к ноябрю 1923 г. стало, хотя и очень медленно,

стабилизироваться. Восстание в Гамбурге и выступления трудящихся в Тюрингии и Саксонии правящим классам удалось подавить. Да и вообще правительство Штреземана оказалось вполне дееспособным¹. Но эта «дееспособность» выявлялась чрезвычайно медленно. И в октябре еще никто в Германии не знал, что будет дальше. Да и само правительство в Берлине не было уверено в том, что рейхсвер и персонально глава рейхсвера Сект будут поддерживать его не только в борьбе с левыми силами, но и в борьбе с правыми заговорщиками.

Однако Сект не желал гражданской войны и 4 ноября призвал бунтовщиков уняться, после чего тогдашний президент Эберт передал Секту и военному министру Гесслеру всю полноту власти для поддержания порядка.

Ну а что же происходило в это время в Баварии?

26 сентября Карр, баварский премьер-министр, ввел чрезвычайное положение. И запретил 14 (!) манифестаций нацистов.

Однако, зная реакционность тогдашних хозяев Баварии и их недовольство имперским правительством, Гитлер продолжал призывать своих сторонников к «походу на Берлин». Монархист Карр втайне, видимо, тоже мечтал свергнуть берлинских политиков и восстановить в Баварии монархию, то есть дом Виттельсбахов, после чего и вовсе отделиться от Германии.

Хотя Гитлер был явным противником баварского сепаратизма, он не без основания видел в триумvirате своих союзников, которых впоследствии можно будет обмануть, перехитрить, не допустив отделения Баварии.

Уже в октябре зарвавшийся главарь нацистов выступил в «Фёлькишер беобахтер» с нападками на Секта, Штреземана (рейхсканцлера) и Гесслера. В ответ военный министр Гесслер потребовал запрещения «Фёлькишер беобахтер» и ареста наиболее оголтелых баварских «бесов»: капитана Хейсса, капитана Эрхарда и лейтенанта Россбаха. Характерно, что о Гитлере и речи не было. Этого «барабанщика контрреволюции» (так его часто называли) в Берлине всерьез не принимали.

После того как Карр и Лоссов отказались повиноваться Гесслеру, тот объявил о снятии Лоссова. Карр не подчинился и этому приказу.

¹ При рейхсканцлере Штреземане Германию приняли в Лигу Наций. Штреземан подписал Локарнский договор и план Дауэса, выгодный Западу. Но одновременно он был за торговый договор с СССР и договор о нейтралитете (так называемый Берлинский договор 1926 г.).

Словом, между Мюнхеном, столицей Баварии, и Берлином произошел открытый разрыв. Однако в конце октября — начале ноября стало ясно, что правительство Штреземана овладевает положением, и полковник Зейссер по распоряжению Карра отправился на поклон в Берлин.

Но, как правильно отмечают исследователи, для Гитлера отступление было невозможно. Во-первых, он рисковал потерять всех своих сторонников. Во-вторых, чувял, что грядет стабилизация. А стало быть, экстремизм будет не в чести. Надо было ловить момент.

Главарь милитаристских союзов придумывали разного рода планы к чему бы приурочить «поход» или, как они именовали, «революцию». И как бы заставить баварский триумvirат возглавить эту «национальную революцию»... И вдруг выяснилось, что 8 ноября предстоит большой митинг в «Бюргербройкеллере», где с речью выступит Карр и где будут присутствовать и другие видные баварские политики, включая генерала Лоссова и Зейссера.

Дальше все развивалось как фарс.

Зал, где проходил митинг, окружили штурмовики, и в него ввалился под охраной вооруженных молодчиков Гитлер. Вскочив на трибуну, он заорал своим хриплым хамским голосом: «Национальная революция началась. Зал захвачен шестьюстами военными, вооруженными пулеметами. Никто не смеет покинуть его. Объявляю низложенным баварское правительство и имперское правительство в Берлине. Временное национальное правительство уже образовано. Казармы рейхсвера и земельной полиции захвачены моими людьми. Рейхсвер и полиция отныне выступают под знаменами со свастикой!»

Все это было чистейшим блефом. Но на время подействовало. Гитлер, оставив вместо себя в зале Геринга, который тоже начал орать нечто «патриотическое» насчет «ноябрьских преступников», затолкал в комнату за кулисами Карра, Лоссова и начал их «агитировать», уговаривать, молить, прельщать... Одновременно другой сподвижник Гитлера — Шейбнер-Рихтер поехал за Людендорфом. Гитлер то угрожал пистолетом перепуганным баварским политикам, то приставлял его к виску, говоря, что немедленно застрелится. Перепалка продолжалась довольно долго. В конце концов, выскочив снова на трибуну, Гитлер заявил, что «национальная революция» будет проведена *вместе* с баварским триумvirатом. Все

захлопали. Гитлер отлично «чувствовал» аудиторию. Что касается правительства в Берлине, то его возглавит он, Гитлер, а рейхсвером будет командовать генерал Людендорф. И тут как раз появился Людендорф. Впрочем, не вполне довольный тем, что диктатором будет не он, а ефрейтор, то есть Гитлер.

Не станем пересказывать все перипетии тех далеких и в общем-то не столь важных событий, которые давно канули бы в Лету, если бы в 1933 г. Гитлер и впрямь не захватил власть в Германии и не превратил годовщину 8—9 ноября в помпезный праздник.

Скажем кратко: «поход на Берлин» не удался. Участники митинга в «Бюргербройкеллере» разошлись, в том числе и энергичный Лоссов, который тут же дал телеграмму Секту. Баварскому кронпринцу Рупрехту «не посоветовали» впутываться в это дело. Регулярные части и полицейских мобилизовали на разгон беспорядков. Одним словом, подготовились к отпору нацистам.

Но Гитлер, к которому отовсюду стекались его молодчики, не мог дать обратный ход. Пришлось в 11 часов утра после долгих проволочек двинуться во главе колонны к центру города.

Впереди колонны рядом с Гитлером шествовал генерал Людендорф (он был твердо уверен, что в него стрелять не будут!), Шейбнер-Рихтер, Ульрих Граф, Геринг, Федер (наконец-то он опять появился!), Крибель и множество других головорезов, все вооруженные. Колонна для бодрости пела и выкрикивала свои человеконенавистнические лозунги. Но на узкой Резиденцштрассе ее встретила цепь полицейских. Полицейские были в явном меньшинстве, историки потом подсчитали, что пропорция была поразительной — 1:30! Колонна остановилась. Блюстители порядка и «революционеры от реакции» простояли бы, наверно, довольно долго, но вдруг раздался выстрел. До сих пор не известно, кто выстрелил первым. После этого минуты две продолжалась перестрелка. Упал Шейбнер-Рихтер — он был убит. За ним — Гитлер, который сломал себе ключицу. Всего со стороны полиции оказалось убитыми четыре человека, а со стороны нацистов 16 человек. И тут же все кончилось, «мятежники» разбежались. Первый удрал Гитлер, оставив на произвол судьбы убитых и раненых товарищей. Его втолкнули в желтую машину и увезли¹. Только Людендорф

¹ Гитлера увез некий Вальтер Шульц, тогдашний врач нацистов, в поместье Ханфштенглей.

продолжал шагать вперед, словно «заговоренный», по направлению к Одеонплатц и Фельдхернхалле («галерея полководцев»). Часа два спустя сдался и Рем, который захватил казармы рейхсвера со своим Рейхскригсфлагге — штурмовиками.

Таков был приблизительно ход событий 8—9 ноября 1923 г. (в описаниях различных историков встречаются некоторые незначительные расхождения).

Как показал себя в эти два дня Гитлер? Как трус? Как истерик?

Трудно сказать. Тираны сильны и храбры только в условиях, когда они побеждают. Но тираны-политики умеют извлекать выгоду даже из самых, казалось бы, невыгодных, позорных эпизодов. Так и поступил Гитлер. Успокоившись, он понял, что, размахивая револьвером в зале «Бюргербройкеллера» и пройдя несколько улиц с толпой своих разгоряченных сообщников рядом с Людендорфом, он стал вдруг «фигурой» в общенациональном масштабе. Получил известность. О нем написали все немецкие газеты. Его портреты поместили еженедельники. А в ту пору Гитлеру нужна была любая «слава», пусть самая скандальная, любая реклама, пусть самая позорная.

Все, что произошло дальше, объясняется, на мой взгляд, одним обстоятельством, ставшим ясным в XX веке: *демократия не умеет себя защищать.*

Через два дня после неудачного «похода на Берлин» Гитлера забрала полиция. А 26 февраля 1924 г. начался процесс против него и его сообщников. На первый взгляд, дело было ясное. Несанкционированная антиправительственная демонстрация вооруженных до зубов «боевиков». А накануне — срыв митинга, объявленного официальными политиками. Наконец, выступление Рема и штурмовиков против армии, захват казарм, где находились части командования военного округа. В результате всего этого — жертвы, раненые, убитые. Очевидное преступление, квалифицированное как «измена государству». Да еще в то время, когда действовало «чрезвычайное положение»!

Трудно представить себе более ясное судебное дело, более явный состав преступления. И в то же время, как отмечают историки, «расклад» оказался для Гитлера очень благоприятным.

У баварских политиков рыльце было в пуху. Они сговаривались с Гитлером, и Гитлер не преминул их запутать. Да и сами судьи были махровые реакционеры.

Но ведь все это происходило в демократической стране, где была свобода печати, гласность. Происходило в условиях, когда левые силы имели право на демонстрации, стачки, обладали своей прессой, своими профсоюзами, *партиями!*

Однако дадим слово уже цитировавшемуся историку Хайберу. Вот как он описывает смехотворный процесс над Гитлером:

«И сейчас он стучал кулаком по столу, угрожал немцам грядущим судом, *его* судом, неустрашимо обвинял действующего рейхспрезидента в измене родине, разносил в пух и прах своих противников от 8 ноября и уверял, что «вечная богиня правосудия» оправдает его...» Все это было в тех условиях не так уж трудно, говорит Хайбер далее, ибо судом «прекрасно дирижировал министр Гюртнер (баварский министр юстиции, фашист.— Л. Ч.), а суд был в большинстве случаев на стороне обвиняемых: «Председатель, трое присяжных: торговец канцелярскими товарами и два страховых агента, а также свидетели из уголовного полиции и даже один из двух прокуроров».

Наглые речи Гитлера только однажды прервал генерал Лоссов, зычно накричавший на распоясавшегося хулигана. Всего один раз! Но, по свидетельству очевидцев, нацистский фюрер сразу замолк, съезжился и струсил. А все остальное время — с 26 февраля по 1 апреля, месяц и два дня, суд не призвал к порядку распаленного нацистского «беса».

Широкая германская общественность, читавшая отчеты о суде, вела себя не лучше: либо весело усмехалась, дивясь нахальству нацистского монстра, либо пугалась, либо действовала по, увы, испытанному рецепту «болота»: «моя хата с краю» и «с такими субъектами лучше не связываться».

Судебная комедия, обернувшаяся спустя десять лет трагедией, кончилась тем, что Гитлера и двух его сообщников приговорили к пяти годам крепости с зачетом того времени, которое они уже просидели в тюрьме. Людендорфа и других участников кровавых событий вообще оправдали.

Уже тогда в Германии *знали* (даже пари не хотели заключать!), что Гитлера под каким-нибудь предлогом досрочно выпустят на свободу. Не только не сломленного, но еще более наглого. И он — кстати, человек без гражданства, которого можно было на законном основании выслать из страны! — немедленно возьмется за старое.

Ну, хорошо, скажут мне, а как надо было поступить с Гитлером в демократической Веймарской республике? Убить его? Посадить в каземат? В концлагерь? Их еще не существовало тогда в Германии. Вывести на площадь и судить судом Линча?

Прежде всего, веймарскому обществу, действительно прогрессивным его слоям, — а ведь были в этом обществе передовые силы: передовые трудящиеся, интеллигенция, политики — следовало уяснить, какую роль играл уже в ту пору Гитлер.

Да, он никого лично не убил — ни старика, ни ребенка. Но ведь ни Гитлер, ни Гиммлер, ни тем более Геринг, Геббельс или обер-антисемит Юлиус Штрейхер никого вообще собственноручно не убивали. Гиммлер вообще боялся крови.

Более того, Гитлер еще не стал в 1923 г. военным преступником, не развязал геноцид против инакомыслящих, против евреев, поляков, против «мирового славянства», не начал мировую войну.

Кем же он был тогда? Неужели веймарское правосудие этого не понимало? Общественность не понимала? Он был наемным убийцей на службе у *реакции*.

Не чудакom, не фанатиком ложной идеи, а именно наемным убийцей...

Многие десятки лет прошли с 1923 г., который, на мой взгляд, должен был запомниться человечеству не пародией на «революцию», а пародией на суд... Но вот уже и наши доморощенные «прогрессисты», которым надо было бы всеми силами защищать слабенькие, еще неокрепшие ростки демократии, разглагольствуют о примирении с прошлым, о смягчении нравов, а главное, о смягчении приговоров. О примирении с кем? О гуманности по отношению к кому?

Да, правосудие должно быть демократическим, неподкупным, справедливым. Гуманно надо вести следствие и суд. С правом на защиту. С подробным разбирательством дела. Чтобы, не дай бог, из сиюминутных пропагандистских соображений не пострадали невинные.

Но приговоры лицам, посягнувшим на справедливость, на демократию, на законное правительство, должны быть жесткими. Ибо история научила нас тому, что грош цена всякой демократии, которая не умеет бороться со своими врагами! Нам говорят, что зло порождает зло. Да, если убивают без суда и следствия — человеческая жизнь обесценивается!

Но Нюрнбергский трибунал вынес в середине века не просто смертный приговор преступникам, а смертный приговор в самом жестком варианте, он приговорил одиннадцать человек к виселице! И может быть, благодаря нюрнбергским судьям мы прожили столько времени без мировой войны.

Наемных убийц демократии, насаждающих расовую ненависть, призывающих к насилию, поддерживающих террористов, экстремистов, заплечных дел мастеров, надо судить пока еще по самым строгим законам.

Иначе рано или поздно мы опять придем к массовым репрессиям, к геноциду.

«Всепрощение» — это одна из форм общественного эгоизма или карьеризма. Эгоизма, потому что кому-то неохота связываться, да и боязно. Карьеризма, ибо прекраснорасистские слова ласкают слух, приносят дешевую популярность.

На протяжении этой книги мы еще не раз будем сталкиваться с мягкотелостью, беспомощностью, эгоизмом веймарской демократии. И каждый раз это будет вызывать у любого нормального человека чувство неприятия, протеста, возмущения.

Некоторые на Западе, правда, считают, что в самой демократии, как таковой, заложена незащищенность, а стало быть, семена гибели.

Вот что пишет, например, один из известных историков фашистской Германии Карл Дитер Брахер:

«Демократию метко назвали «трудной идеологией» и этим выразили тот факт, что авторитарная, или диктаторская, форма правления кажется гражданам, жаждущим порядка и защиты, предпочтительней, нежели сложная демократическая система, построенная на компромиссах и коалициях...»

Но далее исследователь Брахер все же так переходит от демократии вообще к частному — чрезвычайно слабой демократии в Веймарской республике. И здесь с его характеристиками можно согласиться.

«С самого начала в Веймарской республике была разработана система террора (разрядка моя.— Л. Ч.). Бюрократия не поддержала строй, а относилась к нему «настороженно». Чиновничество жаждало вернуться к традиционной престижности своего слоя». Здесь Брахер ссылается на книгу историка Арнольда Брехта, посвященную тому же периоду в истории Германии, на книгу, которая так и называется: «Бюрократический саботаж».

Если добавить к этому недовольство послевоенным положением в Германии представителей крупной буржуазии, а также дворянства, в большинстве своем богатых аграриев, всех этих «фон», «цур» и «фон цу», то можно представить себе, в какой тяжелой осаде оказались демократические силы.

Все это предопределило не только приговор Гитлеру, но и последующее его житье-бытье...

Тюрьму, или крепость, в Ландсберге на Лехе, где Гитлер отсидел до и после суда в общей сложности 13 месяцев (по приговору за «государственную измену» всего девять месяцев!), историки нацизма называют то нацистским «санаторием», то прообразом «Коричневого дома», то «комфортабельной казармой». Мы назвали бы эту тюрьму «Домом творчества», ибо, проживая на всем готовом, гуляя по саду и принимая многочисленных гостей и деловых визитеров, отвечая на письма и телеграммы, нацистский фюрер написал там основной труд своей жизни «Майн кампф».

Вначале денщиком и одновременно секретарем Гитлера был Маурициус, но потом его сменил Рудольф Гесс, который добровольно (!) вернулся в Германию (после путча он бежал в Австрию) и добровольно же сел в тюрьму, дабы помогать своему фюреру.

Газеты, книги — все было в распоряжении Гитлера. Времени свободного хоть отбавляй. Из комнаты, то бишь из камеры № 7, где в гордом одиночестве проживал фюрер, «открывался восхитительный вид», комната была светлая, солнечная ¹.

Ну чем не курорт? Ну чем не «Дом творчества»!

Итак, именно в тюрьме Гитлер взялся сформулировать и «разработать» идеологию нацизма.

В исторической литературе существует мнение, будто «Майн кампф» писал не сам нацистский фюрер, а кто-то за него. В этой связи называют множество имен: от патера Штемпфле, личного друга Гитлера, которого в конце 20-х годов тихо «убрали», до Рудольфа Гесса, который хотя бы учился в университете и писал без орфографических ошибок.

Однако большинство биографов Гитлера не ставят под сомнение его авторство. Ибо все «идеи» этой книги ничем особенным не отличаются от идей,

¹ В тюрьме Гитлер чрезвычайно пышно отпраздновал свое тридцатипятилетие, получив «с воли» массу цветов и подарков, не считая телеграмм и поздравительных адресов.

сформулированных в речах фюрера до и после «пивного путча» или, скажем, в его так называемых «Застольных беседах» в 1942—1943 гг., о которых речь пойдет ниже. Не блещет «Майн кампф» также ни слогом, ни образностью, ни эрудицией¹.

Об идеологии нацизма, о «мировоззрении» (любимое словечко Гитлера) сказано много. И идеология эта начала формироваться задолго до написания «Майн кампф».

* * *

Безусловно, государство Гитлера после 1933 г. было *идеологическим*. Идеология была тем цементом, который скреплял и НСДАП, нацистскую партию, и вообще всех сторонников Гитлера, которых сначала было тысячи, а потом миллионы. Надо признать, это была могучая идеология! И притом воистину простая, как мычание.

Если на время отбросить многочисленные псевдофилософские «украшения» этой идеологии (они, впрочем, тоже важны), то Гитлер предложил немцам, страдавшим от тысячи бед после проигранной войны, одного *универсального* испытанного виновника, врага в сатанинском облики — еврея. Все, что не нравилось Гитлеру и другим, приобретало эпитет «еврейский». «Еврейский коммунизм», «еврейская плутократия», «еврейский капитал», «еврейские политики», «еврейские эксплуататоры», «еврейская демократия», «еврейская печать», «еврейское искусство».

Ну а, допустим, если коммунистом был немец? А политиком, вызвавшим ненависть Гитлера, — американец? Как поступить в этом случае?

Проще простого. Гитлер говорил, что за спиной коммуниста-немца стоят евреи. А, скажем, негодный ему Рузвельт не американец вовсе, а тайный еврей. Его истинная фамилия не Рузвельт, а Розенфельд (кажется, так). Смешно? Страшно!

После «освобождения» от евреев Гитлер сулил немецкому народу великое будущее. Притом немедленно. На немецкой земле настанет райская жизнь. Все лавочники получают лавки. Нищие квартиросъемщики станут домовладельцами. Неудачники-интеллигенты — геррами про-

¹ Более того, по свидетельству западногерманского историка Мазера, который в своем труде «Адольф Гитлер. Легенда. Миф. Реальность» пытается исподволь обелить Гитлера, говорится, что в рукописи «Майн кампф» пришлось сделать... 2500 стилистических поправок.

фессорами. Бедняки крестьяне — богатыми хуторянами. Женщины — красавицами, их дети — здоровяками, «улучшится порода».

Не Гитлер «изобрел» антисемитизм. Не Гитлер насадил его в Германии. И он был далеко не последний, кто воспользовался им в своих целях.

Вот что пишет об антисемитизме в Германии почтенная старая энциклопедия, вышедшая в С.-Петербурге, в издательстве «Просвещение».

В томе девятом, датированном 1902 г., говорится:

«В Германии, несмотря на то что Лютер громко провозгласил их (евреев.— Л. Ч.) братьями по крови на том основании, что и Христос принадлежал к их племени, несмотря на то что он проповедовал кротость и человеколюбие в обращении с Е., их все-таки жестоко преследовали, обвиняя в поругании над причастием и в употреблении христианской крови для своих богослужений. Иоахим Бранденбургский 1510 приказал в один день сжечь 30 Е. в Берлине. Несмотря на охранную грамоту, данную им Карлом V, они были изгнаны из Баварии, Пфальца и из австрийских земель. Предписания против Е. издавались еще в середине XVIII в. Начало политического и умственного освобождения Е. мы видим в последней четверти XVIII в., когда Моисей Мендельсон с своими единомышленниками, Домом и Лессингом, стали неутомимо трудиться для улучшения их положения в Германии, Франции и Англии... Французское национальное собрание, на котором Мирабо говорил в пользу Е., провозгласило 1791 их равноправие. Наполеон урегулировал их положение созданием собрания нотаблей под председательством Фуртадо (1806)... Революции 1830 и 1848 не только не ограничили, но даже расширили их права, сравнив права раввинов с правами прочих духовных лиц... Германию побудила к эмансипации Е. французская революция. Но вопреки 16 пар. (параграфу.— Л. Ч.) германского союзного акта, по которому положение лиц иудейского вероисповедания должно было получить одинаковую регламентацию во всей Германии, в некоторых частях ее такое урегулирование производилось медленно, а в отдельных немецких государствах, как, напр., в Гессене, Мекленбурге и Пруссии, снова начали стеснять Е. и ограничивать их права. Германские основные законы 1848 определили, что пользование государственными и гражданскими правами не должно стоять в зависимости от вероисповедания. Этот принцип получил силу для всей Германии по имперскому закону 3 июля 1869».

А далее в старой энциклопедии следует знаменательная фраза:

«Но против этой равноправности Е. с 1874 начало действовать все усиливающееся течение, распространившееся и по другим странам Европы и получившее название антисемитизма».

Заключается, однако, сообщение энциклопедии «Е. в Германии» мажорным аккордом: «Все цивилизованные страны Европы и Америки дали своим еврейским поданным одинаковые права с остальными, и только в деспотических странах... Е. находятся еще в приниженном состоянии и подвергаются иногда насилиям со стороны черни».

Наивно звучит этот пассаж через 90 лет после издания энциклопедии. Итак, «чернь»! Но ведь и идеология нацизма была рассчитана на «чернь», на «бесов».

«Заслуга» Гитлера заключалась в том, что он превратил «бытовой» антисемитизм, имевший, как мы видим, глубокие средневековые корни, в идеологическую и политическую категорию! А потом и в *государственную доктрину*. Вот до этого еще никто не додумался!

Обращаемся опять к нашей дореволюционной энциклопедии, к тому девятому. Что там написано дальше?

Оказывается, в Германии (в 1902 г.) Е. было 1,15% всего населения.

Неужели 1,15 процентов могут так уж напакостить многомиллионному народу?

Но тут мы взываем к логике, к разуму. А Гитлер взывал не к разуму, даже не к чувствам «черни», а к ее атавистическим инстинктам.

Конечно, Гитлер сильно усовершенствовал антисемитизм конца прошлого — начала XX века. Он превратил его в *расовую теорию*. Если в той же энциклопедии написано, что «прекращается еврейское состояние принятием христианства...», то Гитлер «еврейством» считал не вероисповедание, а «расу», «кровь». Ну, а «расу» и «кровь» никаким «христианством» не отмоешь, ничем, так сказать, не вытравишь!

Кроме того, расизм воистину всеобъемлющ.

«Расовая теория» призвала ненавидеть не только евреев, но и цыган. А после и славян. Ибо была создана целая иерархия рас. Наверху — арийская (немцы, скандинавы, англичане и т. д.). В середине пирамиды — средиземноморские расы (видимо, народы Средиземноморья). Внизу — черные и желтые расы. Еще ниже — славя-

не (впрочем, эти последние «расы» время от времени менялись местами). А уж на самом-самом-самом дне евреи и цыгане...¹

Вначале Гитлер хотел назвать свою книгу «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости». Но, если верить американскому историку Ширеру, Макс Аман, издававший Гитлера, воспротивился такому длинному заголовку.

Однако сама книга на первых порах вызвала разочарование не только у Амана, но и у других сподвижников нацистского фюрера. Они ждали автобиографии Гитлера или по крайней мере расчета с «отступниками», подробного рассказа о «пивном путче». Чего-нибудь такого-эдакого разоблачительного и занимательного.

Но занимательно Гитлер писать не умел — около 800 страниц его текста буквально вязли в зубах².

Впрочем, Гитлер и тут оказался куда хитрее и «прозорливее» своего окружения. Он вовсе не желал писать злободневную публицистику. Он решил написать книгу *основополагающую*. Нечто вроде Библии или Корана. Вспомним его последующий лозунг: «Одна империя, один народ, один фюрер». Естественно, что в одной империи, у одного народа должна была быть *одна книга*. А именно «Майн кампф» — «Моя борьба».

Что же представляла собой эта книга?

Рассуждения на разные темы, идеологические «установки» на все случаи жизни. Текст, словно специально созданный для цитирования. Повторы, повторы, повторы!

Как говорилось выше, Гитлер заявил, что уже в Вене он воздвиг гранитный фундамент своего «мировоззрения»: ненависть к евреям, к демократии, к марксизму. Убеждение в том, что Провидение избрало немецкий народ стать «нацией господ».

По меткому выражению американца Ширера, «Майн кампф» — как эту книгу логически ни выстраивай —

¹ Конечно, все это была чистая демагогия. Гитлер воевал против англичан и скандинавов и находился в тесном союзе с «желтой» императорской Японией. А о «неполноценности» «средиземноморских рас», в том числе и итальянской, вспоминал лишь в дни поражений.

² Первый том «Майн кампф» вышел в свет в 1925 г., в нем 400 страниц. Второй — в 1926—1927 гг., в нем почти столько же страниц. В 1933 г., после захвата власти Гитлером, тираж этой книги стал 1 млн экземпляров. А до 1940 г. было издано 6 миллионов «Майн кампф». Книгу выдавали и школьникам (бесплатно), и новобранцам, тоже бесплатно, то есть за счет налогоплательщиков.

представляет собой «лабиринт» — все свалено в одну кучу, не проберешься к сути. Высказывания о культуре, воспитании, театре, кино, живописи, литературе, истории, любви и браке, проституции и даже сифилисе (СПИДа тогда еще не было!) перемежаются с инвективами по адресу врагов нации и врагов Гитлера, рассуждениями о «еврействе» и т. д. Однако тот же Ширер сумел вычлени из книги внешнеполитическую и внутривосточную программы Гитлера.

Внешнеполитическая программа нацистов:

Освободившись от «пут Версаля», Германия должна прежде всего рассчитаться с «безжалостным смертельным врагом немецкого народа» — Францией. С Францией надо вступить «в решающий бой» и, само собой разумеется, «уничтожить» ее.

Далее: Германии «следует распространиться на восток, главным образом за счет России». На страницах первого тома Гитлер порицал кайзеровских политиков за их «стремление овладеть колониями». «Жизненное пространство», по его словам, надо завоевывать в Европе.

«Если хотят захватить в Европе землю, то необходимо делать это за счет России, новому рейху придется двинуться по дороге, которой маршировал когда-то германский рыцарский орден, дабы завоевать немецким мечом и немецким плугом не только новую родину, но и дать нации хлеб насущный».

И во втором томе Гитлер еще разжевал эту «глубокую мысль»:

«Только достаточно большое пространство обеспечивает на этой земле народу свободу существования...» Гитлер призывал забыть о границах 1914 г. и двигаться дальше, ибо те границы «были нецелесообразны с военно-географической позиции». Точку отсчета Гитлер видел в дали веков, когда немцы якобы оттеснили далеко на восток славян. «Сейчас мы насчитываем восемьдесят миллионов немцев в Европе (такие «мелочи», как государственные границы, Гитлера не волновали: в 80 миллионов он включал австрийцев и немецкие национальные меньшинства в других государствах.— Л. Ч.). Только тогда наша внешняя политика будет правильной, если за какие-нибудь сто лет или меньше на этом континенте станет проживать двести пятьдесят миллионов немцев». И конечно же, в границах одного рейха! «Мы (национал-социалисты.— Л. Ч.) начинаем там, где все кончилось шесть столетий назад. Мы прекращаем вечный

поход Германии на юг и запад Европы и обращаем свой взор на восток... И если мы сейчас говорим в Европе о новой земле, то в первую очередь имеем в виду одну лишь Россию и подчиненные ей окраинные государства». «Гигантская империя на востоке созрела для катастрофы. И конец еврейского господства (подразумевается советский строй.— Л. Ч.) в России будет концом России как государства (разрядка моя.— Л. Ч.)».

Кто может оспорить тот факт, вопрошает уже цитированный нами американец Ширер, что в «Майн кампф» все изложено ясно и недвусмысленно? «Францию надо уничтожить, но лишь для того, чтобы Германия смогла распространиться на восток».

Правда, «по дороге» Гитлер намеревался еще захватить Австрию, Судеты, западные провинции Польши с Данцигом (Гданьском) и т. д.

«Почему же мир был так удивлен, что канцлер Гитлер сравнительно скоро пошел по пути осуществления этих целей?» — пишет далее Ширер.

В самом деле, почему? Потому что программа была уж слишком бредовой, не имеющей, так сказать, прецедентов? Или потому, что она не считалась с реальной расстановкой сил, требовала полного «передела» мира? Но XX век, увы, научил нас, что самые бредовые идеологические, религиозные, экономические программы воплощались в действительность. Особенно если при этом придерживались лозунга: не жалеть человеческих жизней! А Гитлер их никогда не жалел!

Гораздо более расплывчатой была *внутриполитическая программа* Гитлера, изложенная им в «Майн кампф».

Ну, конечно, Гитлер заявил, что он построит в Германии совершенно новое «иерархическое государство» на базе «расовой теории», сам станет «абсолютным диктатором», а в один прекрасный день и «господином мира». Разумеется, в этом государстве не будет «еврейской заразы», «еврейских паразитов», «еврейских бацилл», «еврейских насекомых», «еврейских вампиров». (Тему «бацилл» и «насекомых» развил в своих речах и писаниях Гиммлер.) Не будет в этом государстве и «демократической чуши».

Экономика, по утверждению Гитлера, всегда была и будет делом десятым. «Государство — народный организм, а не экономическая организация... Внутренняя мощь государства только в редчайших случаях совпадает с так называемым экономическим расцветом... Наобо-

рот (!), многочисленные примеры показывают, что это (расцвет.— Л. Ч.) является предвестником гибели». «...Как раз Пруссия с предельной наглядностью доказала, что не материальные предпосылки, а идеальные добродетели способствовали созданию государства...» «...Никогда еще государство не строилось благодаря мирной экономике...»

Итак, главное — не экономика, не благосостояние народа, главное — *идеология, дух!* И тут все «логично». Где лучше всего укрепляется дух? *Не на мягкой постели, не в обстановке изобилия и радости. А в борьбе, предпочтительно в борьбе вооруженной, в экстремальных военных условиях.*

«В вечной борьбе человек стал великим — в вечном мире он гибнет». «Самый храбрый и прилежный получает, как любимец ее (природы.— Л. Ч.), право на существование, на господство... Сильнейший должен господствовать, а не растворяться в более слабом, жертвуя собственным величием». «Стало быть, кто хочет жить, тот борется», а кто не хочет «вражды в этом мире, кто не хочет вечных сражений, не заслуживает жизни. Даже если это жестоко, это так, а не иначе».

И наконец, последняя и особо важная основная тема «Майн кампф» — улучшение расы и порабощение низших рас.

«Для создания более высоких культур одной из важнейших предпосылок было наличие людей низшего сорта... Наверняка первая культура человечества основывалась не на прирученных животных, а на использовании низших сортов людей. Только после порабощения покоренных рас подобная судьба ожидала и животных (!)... Ибо сперва плуг тащил раб, а только потом лошадь».

«Поэтому не случайно первые культуры возникали там, где арийцы, встретившись с народами низшего сорта, покоряли их, подчиняли своей воле...» «Человек гибнет не в результате проигранной войны, а из-за потери сопротивляемости, которая присуща лишь чистой крови. Все, что не является хорошей расой на этой земле,— отбросы».

Из дальнейшего следует, что на европейском континенте «отбросами» были евреи и славяне.

Отсюда Гитлер выводил необходимость запрещения смешанных браков, а главное — принудительное выведение «чистопородных немцев».

«Национальное государство... обязано считать проблему расы центральной проблемой своей жизни. Оно обязано печься о чистоте расы... Заботиться о том, чтобы только здоровые люди зачинали детей...» Величайший позор рождать «уродов от спаривания человека и обезьяны» («обезьяна» в данном случае то же самое, что и «отбросы»). Ну а если все время правильно производить «спаривание» (по-научному — селекцию), то народится «избранный фюрерский слой»...

Но хватит цитировать.

От этого текста буквально начинаешь задыхаться.

Так неужели же миллионы читателей «Майн кампф» были глупее нас, нынешних? Неужели они не замечали злобный и душный идиотизм этого «труда»?

Ручаюсь, что все всё замечали, но закрывали глаза. Ибо «универсальные» теории типа нацистской очень утешительны и необременительны. Прав немецкий историк Герт Калов, когда он говорит: «Каким простым и прозрачным казался мир при Гитлере: нордическая раса, чьим знаменосцем мы (немцы.— Л. Ч.) были, творила все прекрасное и ценное, «еврей» олицетворял зло и неполноценность...» Все это создавало «простую модель». «Мы знаем ее во многих вариантах — грубых и утонченных,— она намного старше средневековых «процессов ведьм». Она соответствует первобытному магическому сознанию, которое ищет выхода с помощью человеческих жертв; беда, которую оно (сознание) чувствует как ежедневную угрозу в себе и вокруг себя, взваливается на другого человека или на группу других людей, локализуется и таким образом становится преодолимой...»

Но это философия, а «Майн кампф» была замыслена как программа к действию!

Базировалась ли «идеология» Гитлера на каких-либо серьезных философских трудах?

Многие западные историки считают, что лоскутные взгляды фашистского фюрера опирались и на известных философов, и просто на модных в ту пору теоретиков. Из известных называют и Ницше, и Шпенглера, и Шопенгауэра, и даже Гегеля, и Дарвина (социал-дарвинизм — перенесение внутривидовой борьбы на человеческое сообщество).

Больше всего не повезло Ницше. Нацистский фюрер объявил его своим великим предтечей. Это выразалось в том, что он часто ссылался на Ницше и держал бюст философа на своем письменном столе.

Естественно, что «автодидакт» Гитлер не изучал систематически ни отдельных философов, ни историю философии. Кто-то из биографов Гитлера не без юмора заметил, что Гитлеру было достаточно запомнить заготовки работ Ницше: «Человеческое — слишком человеческое», «Воля к власти», «По ту сторону добра и зла». Расхожим понятием стал и герой Ницше из книги «Так говорит Заратустра» — «сверхчеловек», «белокурая бестия».

Однако даже самое поверхностное знакомство с Ницше показывает, что поистине трагическое мироощущение этого философа конца XIX века ничего общего не имеет с «философией» Гитлера, а тем более с практикой гитлеризма. Философия нацистов была набором прагматических лозунгов, адресованных немецкому филистеру, которого так презирал Ницше, даже если тот был «Bildungsphilister», то есть образованным или, скажем, полуобразованным филистером. Ницше исполнял функцию, так сказать, украшения на фасаде фашистской идеологии ¹.

Что касается забытых или полузабытых «теоретиков», из трудов которых черпал свою «премудрость» Гитлер, то им несть числа. Назовем только некоторых из них:

«Почвенник» *Александр фон Мюллер* — он «влиятелен» на Гитлера через Экарта, своего ученика. С 1936 по 1944 г. был президентом Баварской академии наук.

Геополитик профессор *Гаусгофер* (этот более известен) был учителем Гесса, первого заместителя Гитлера по партии, который, как мы уже знаем, помогал ему писать «Майн кампф» ².

¹ Написав о том, что Ницше уж никак нельзя считать виноватым в бесчеловечности гитлеровского режима, а тем паче в застенках Гимmlера, я вдруг (честно говоря, с некоторым ужасом) наткнулась на утверждение советского философа Ю. Давыдова (см. «Литгазету» от 22 февраля 1989 г.) о том, что «философский аморализм» Ницше косвенно виновен в репрессиях Ежова — Берии. Да помилуйте, тов. Ю. Давыдов, призовите на помощь, так сказать, ваш здравый смысл — система, созданная Сталиным и К^о, даже в дурном сне не могла присниться Ницше!

² Геополитика — поистине удивительная наука: она утверждает (естественно, я упрощаю), что на границах государства должны быть «дружественные» (читай — вассальные) страны. Стало быть, приграничные территории надо завоевывать, но тогда границы сильно расширяются и число приграничных стран увеличивается... Эта наука напоминает мне детскую присказку: «У попа была собака...»

Рудольф Кьеллен, последователь Гаусгофера, также геополитик.

Профессор *Эрнст Хассе*, кафедра в Лейпциге, председатель Всегерманского союза, махровый шовинист и милитарист. Имел обширную программу создания «Великогермании» «до Персидского залива», призывал «захватить Швейцарию, Балканы, Малую Азию, семь восточных департаментов Франции», а под конец «присоединить к «германской империи» Францию, Англию, Австрию...

Фридрих Бернгарди. Родился в 1849 г. в Петербурге. Кавалерийский генерал, командовал корпусом в 1914 г. Милитарист и шовинист. Призывал Германию вооружаться, вооружаться и вооружаться.

Граф *Жозеф Артюр Гобино* (1816—1882) удостоился сомнительной чести считаться создателем «расовой теории». Был французским литератором — писал стихи, романы, пьесы. Самый его известный теоретический труд — «Эссе о неравенстве человеческих рас». Согласно этому труду, расовая борьба — движущая сила истории и развития человечества. Гобино считал «наиболее благородным отпрыском белой расы» «белокурую и голубоглазую германскую расу». Уверял, что смешение рас понижает уровень культуры и приводит к... демократии.

Хьюстон Стюарт Чемберлен. Последователь Гобино, англичанин по национальности. Был женат на одной из дочерей Вагнера. Гитлер приехал к нему знакомиться летом 1923 г. Чемберлен был уже стар и болен, но пришел в полный восторг от «богемского ефрейтора». Писал нацистскому фюреру: «В мгновение ока Вы изменили состояние моего духа. То обстоятельство, что Германия родила в свою самую тяжкую годину Гитлера, свидетельство ее живучести».

Но кроме этих учителей были и другие.

Большинство историков, которые занимаются Гитлером, — от Хайбера до Мазера — с некоторым смущением пишут, что в основе «Майн кампф» и вообще философии нацизма лежали расистские брошюры «ОСТАРА», которые выпускал некий Либенфельс, он же Йорг Ланс, в Вене в 1908—1909 гг. Либенфельс был законченный авантюрист, к тому же не то юродивый, не то сумасшедший. Между прочим, он создал «Орден нового храма» и много чего напридумал по части «расовой теории», не читая ни Гобино, ни прочих «образованных господ». Человечество он делил на «эффлингов» — от немецкого слова «обезья-

на», «шретлингов» — от немецкого слова «леший», с одной стороны, и на «ариогероев», то есть «арийцев — героев», — с другой. Йорг Ланс все предусмотрел: и «спаривание» на «научной основе», и стерилизацию «эффлингов», и депортацию, а также штрафные лагеря для детей «леших» и «обезьян».

Конечно, этот теоретик погромов и душегубок, а также секс-маньяк был бы давным-давно забыт, если бы следы его «изысканий» не оказались столь заметными в «Майн кампф», в письмах Бормана к жене и в «практике» Гиммлера.

Повлиял на Гитлера также Георг Шонерер, глава Немецкой национальной партии в Австрии, убежденный пангерманист. А еще больше Карл Люгер — бургомистр Вены, отчаянный демагог. В «Майн кампф» Гитлер с похвалой отозвался о его умении «действовать на инстинкты широкой массы своих сторонников».

Разумеется, имени Йорга Ланса ни Гитлер, ни другие видные нацисты никогда вслух не поминали, однако, если занимаешься германским фашизмом, мимо его «идей» пройти нельзя!

* * *

Из крепости Ландсберг Гитлер вышел 20 декабря 1924 г. За плечами у него был неудачный путч. И не очень сильная к тому времени партия, хотя уже приобретающая кое-какой опыт. Гитлер считал, это он создал «теорию» и «философию» нацизма, написав «Майн кампф» и тем самым выделив НСДАП из множества мелких партий и союзов, существовавших в Веймарской республике в середине 20-х годов. У этих партий своей «философии» не было.

Но самое главное, что нацистский вождь извлек из путча, он не очень стремился обнародовать. А именно: убеждение в том, что в недрах веймарской Германии необходимо создать *свое «государство»* со своим чиновничьим аппаратом, своей *армией и карательными органами*. Рано или поздно, считал Гитлер, это «государство» с согласия власть имущих заменит демократический веймарский строй.

На первых порах надо было очистить НСДАП от «фракционеров», ввести железную дисциплину и принцип «фюрерства», то есть единовластия, потом укрепить свою армию — СА, уничтожить там бунтарский дух.

Уже 27 февраля Гитлер произнес речь в «Бюргербройкеллере» (на нее ссылаются все западные историки), где прямо заявил:

«Я один руковожу Движением и лично несу за него ответственность. И я один опять же несу ответственность за все, что происходит в Движении... Либо враг пройдет по нашим трупам, либо мы пройдем по его...»

Соответственно в то же время Гитлер провел очередную «ротацию» кадров. Судьба ему в этом благоприятствовала. Часть нацистов после путча разбежалась, в том числе Геринг. Шейбнер-Рихтер был убит. Дитрих Эккарт умер в конце 1923 г. после тяжелой болезни. Видный нацист Пенер погиб в результате несчастного случая в 1925 г. Крибель, сидевший в тюрьме вместе с Гитлером, покинул партию и эмигрировал в Китай.

Однако на первых порах Гитлер не мог избавиться от своих самых сильных соперников — Грегора Штрассера и Рема. Хотя отеснять их на задний план он начал сразу же.

Грегор Штрассер, аптекарь из Ландсхута, обер-лейтенант в отставке, «левый» нацист, делавший ставку на широкие круги мещанства, деклассированных рабочих и крестьянство, был сильным организатором и неплохим оратором. С помощью Людендорфа он создал в 1924 г. так называемый «Народный блок» и «Национал-социалистское немецкое движение за свободу». «Народный блок» получил на очередных выборах в рейхстаг почти 2 миллиона голосов избирателей и 32 места. Среди депутатов были Людендорф, Фрик, Федер и, разумеется, Штрассер и Рем. Соответственно все они пользовались массой преимуществ: парламентской неприкосновенностью, возможностью разъезжать по стране бесплатно и т. д. и т. п.

Что касается Рема, то в его руках сверх того было войско ландскнехтов, которое называлось в ту пору не СА, а «Фронтбанн» и насчитывало 30 тысяч человек.

Не будем рассказывать о всех перипетиях внутрипартийной борьбы, скажем только, что ради своего положения «фюрера» Гитлер пошел на то, чтобы заморозить деятельность Людендорфа — Штрассера, в результате чего партия потеряла половину избирателей и более половины мандатов в рейхстаге: из 32—18!

12 февраля 1925 г. Людендорф, Штрассер и Грефе ушли с постов председателей «Национал-социалистского движения за свободу» и распустили эту группировку. Однако полностью отказаться от услуг Штрассера Гитлер еще был не в состоянии. Он отдал ему «на откуп» Северную Германию.

Что касается Рема, то тот подал в отставку 8 апреля 1925 г., и организация «Фронтбанн» временно осталась без хозяина. Вместе с Ремом ушел и другой видный нацист — Брюккер. Так что «ротация» получилась полная!

Только группа братьев Штрассеров (кроме Грегора Штрассера был еще его младший брат Отто) кое-как держалась на плаву. Штрассеры выпускали в Берлине газету «Берлинер арбайтерцайтунг» и теоретический журнал «Национал-социалистише брифе», выходявший раз в две недели. Журнал призывал экспроприировать тяжелую промышленность, изгнать крупных аграриев из их латифундий, а вместо рейхстага создать фашистские «палаты», своего рода «гильдии» по профессиям¹.

22 ноября 1925 г. Грегор Штрассер созвал северогерманских гаулейтеров на конференцию в Ганновере. Там присутствовали Карл Кауфман, впоследствии гаулейтер Гамбурга, Бернгард Руст, после 1933 г. министр культов, Керль, в будущем министр по делам церкви, Роберт Лей, возглавивший гитлеровские профсоюзы «Арбайтсфронт», Эрих Кох, ставший в 1941 г. «имперским комиссаром Украины». Гитлер на конференцию не явился, он послал вместо себя бесцветного Федера. Конференция была настроена очень решительно, выступала за новую программу. Наиболее активно вел себя секретарь Штрассера Геббельс. Распространялся даже слух, что он потребовал исключить из партии самого... Гитлера.

14 февраля 1926 г. Гитлер собрал контрконференцию в Бамберге — на нее явились лишь Грегор Штрассер и Геббельс, остальные северогерманские нацисты приехать не смогли. В Бамберге Гитлер, разумеется, одержал полную победу, тем более что Геббельс, не долго думая, переметнулся на сторону фюрера, который к тому времени уже очень серьезно субсидировался крупными монополиями. Геббельс понял, что куда приятнее служить богатому фюреру, нежели бедным, как церковные мыши, братьям Штрассерам...

Закончилась «чистка» партии тем, что Гитлер создал в 1926 г. свой «партийный суд» УШЛА — следственный и третейский комитет. Его председатель Вальтер Бух до самого 1945 г. боролся с «крамолой» в рядах НСДАП.

¹ Систему палат-гильдий Гитлер переименовал по-своему, создав палаты писателей, ремесленников, актеров и т. д.

Однако в ту пору партия Гитлера вообще не могла рассчитывать на успех. Положение в Германии постепенно стабилизировалось. Инфляция пошла на спад. Безработица уменьшилась. Промышленникам удалось модернизировать германскую экономику. Французские войска ушли из Рура. Правительство Штресемана сумело заключить некоторые соглашения с Западом: Локарнские договоры в 1925 г. и пакт Келлога — Бриана в 1928 г. 8 сентября 1926 г. Германию приняли в Лигу Наций. (Не надо забывать при этом, что первым пошел навстречу разоренной Германии Советский Союз, заключив с ней Рапалльский договор уже в 1922 г., то есть при жизни Ленина.)

Вершиной успеха Гитлера в тот период был первый партийный съезд в августе 1927 г. в Нюрнберге — большое «шоу», на которое стеклись тысячи зрителей. Гитлер сумел его провести, поскольку именно тогда с него сняли запрет на произнесение речей¹.

В 1927—1928 гг., то есть за пять-шесть лет до прихода к власти, возглавляя еще сравнительно слабую партию, Гитлер создал в НСДАП «теневое правительство» — Политический отдел II. В то время как Штрассер (Политический отдел I) по-прежнему занимался борьбой с режимом, некий Константин Хирль сформировал следующие подотделы: сельского хозяйства во главе с Дарре, экономики (Вагнер), расы и культуры (Конопат), внутренней политики (Николаи), юстиции (Ганс Франк), техники (Федер), рабочего движения (Шульц). Шефом прессы «теневого правительства» стал Отто Дитрих. Начальником отдела пропаганды с 1928 г. — Геббельс.

Казалось бы, зачем партии нацистов, отнюдь не правящей партии, тем паче не имевшей никакого отношения к кабинету министров, заниматься сельским хозяйством, техникой, юстицией и внутренней политикой?

Как мы увидим далее, Политический отдел II очень даже пригодился Гитлеру, когда он с помощью Гинденбурга в 1933 г. получил власть.

Дарре, Ганс Франк, Отто Дитрих, Геббельс прямым ходом перешли из партийного аппарата в государственный, где «великолепно» сыграли свою роль.

¹ «Заработал» он этот запрет, выйдя из тюрьмы и испросив разрешение на первый митинг. На этом митинге он сказал уже цитированные нами слова: «Либо враг пройдет по нашим трупам, либо мы пройдем по его».

Не менее важным «изобретением» Гитлера были и гаулейтеры на местах, то есть нацистские бонзы в отдельных землях. Огромные штабы гаулейтеров заменили после 1933 г. административные органы, созданные в веймарской Германии.

* * *

В 1930 г. наступил конец временного процветания Германии. Жесточайший кризис охватил всю мировую капиталистическую систему. Естественно, он не мог не обрушиться и на Германию — слабое звено этой системы.

Много писалось о том, как реакционное крыло немецких промышленников, военщина, крупные аграрии и беспринципные буржуазные политики помогли прийти к власти Гитлеру и его клике.

В настоящей работе надо рассказать и о той роковой роли, которую сыграла политика Коминтерна и лично Сталина в возвышении нацистского фюрера.

Об этом существует много исследований на Западе. Об этом же пишут сейчас и наши историки в своих публикациях.

Передо мной книга немецкого исследователя Томаса Вайнгартнера «Сталин и возвышение Гитлера» с подзаголовком: «Политика Советского Союза и Коммунистического Интернационала по отношению к Германии. 1929—1934».

Предисловие к этой книге написал историк, также немецкий, Рихард Лёвенталь.

Больше всего поражает в работе Вайнгартнера тот факт, что он ссылается не на какие-нибудь секретные сенсационные источники, а на резолюции Коминтерна, на протоколы ИККИ, на «Роте фане» — орган коммунистов Германии, а чаще всего на наши центральные газеты! На наши газеты, которые вели огонь не по национал-социалистам, с бешеной силой рвавшимся к власти, а по социал-демократам, крупнейшей в ту пору партии трудящихся Германии. Именно материалы о социал-демократах — «социал-фашистах», как их именовали в 20 — начале 30-х годов, проникнуты нетерпимостью и злобой. Именно их Сталин, ставший единовластным руководителем не только СССР, но и Коминтерна и мирового рабочего движения, считал «главным врагом».

Западные историки (в частности, Лёвенталь) задаются вопросом: почему Сталин проводил столь убийственную

для мирового рабочего движения, а в конечном счете и для Советского Союза политику в отношении НСДАП?

На выбор предлагается несколько вариантов ответа: 1) Сталин сознательно желал победы Гитлера, предполагая, что после этого будет больше шансов на пролетарскую революцию в Германии. 2) Сталин, наоборот, не хотел пролетарской революции в Германии и потому «подыгрывал» Гитлеру. 3) Сталин надеялся, что приход Гитлера к власти приведет к войне между Германией, с одной стороны, и Францией — с другой. 4) Сталин не принимал всерьез Гитлера и считал, что даже в случае его победы он продержится смехотворно короткое время.

В последнем случае, скажем мы, Сталин разделял ошибку многих буржуазных политиков. Возможно, это и так. Уж очень карикатурной казалась фигура Гитлера с его «чаплинскими усиками», челкой, акцентом, полувоенной формой, с его проклятиями по адресу евреев, плутократов, интеллигентов. Как-никак, а шла вторая треть XX века, и Германия считалась цивилизованной страной. Используя «аргументацию» Сталина, это была страна Гёте и Шиллера, Лессинга и Томаса Манна, Канта и Гегеля, Эйнштейна и Маркса.

И все же, думается, у Сталина были *свои* причины ненавидеть социал-демократов, сочувствовавших нашим крестьянам, рабочим, интеллигенции. Что касается Гитлера, то он призывал к ненависти, погромам, кровопусканиям, и никакой неприязни «Коба», на мой взгляд, к нему не питал. Но это, так сказать, «личные» мотивы. А Сталин был политиком и имел вполне ясную программу действий. Разуверившись в возможности революции на Западе, он рассматривал Коминтерн не как объединение коммунистических партий, а как инструмент своей власти в разных странах.

Но каковы бы ни были причины сталинских установок по отношению к Коминтерну, они привели к трагическим последствиям.

В опубликованном недавно письме старого коминтерновца (ныне покойного) Эрнста Генри Эренбургу отмечается:

«Слова Сталина были таким же приказом Коминтерну, как его указания Красной Армии или НКВД. Они разделили рабочих друг от друга как бы баррикадой».

Несколькими строками ниже Генри писал:

«Везде, как будто спятив с ума, социал-демократы и коммунисты неистовствовали друг против друга на

глазах у фашистов... Отказался Сталин от теории социал-фашизма только в 1935 г., но было уже поздно — Гитлер смеялся и над коммунистами и над социал-демократами».

Однако если сейчас мы начнем сваливать на одного лишь Сталина вину за поистине братоубийственную политику Коминтерна в отношении социал-демократии в Германии, это опять будет неправдой или полуправдой.

Нетерпимость по отношению к социал-демократам буквально годами взращивалась в Коминтерне.

Не кто иной, как Г. Зиновьев, многолетний руководитель Коминтерна, в 1929 г. писал о том, что «контрреволюционные вожди герм. с.-д.-тии на деле готовят участие буржуазной Г. (Германии.— Л. Ч.) к войне против СССР». Ни больше ни меньше! Лидеров левого крыла немецких социал-демократов (слово «левый» Зиновьев писал неукоснительно в кавычках!) он называл «ренегатами коммунизма», утверждая, что «левые» приносят гигантский вред германскому и мировому революционному движению, «служа прикрытием для самой контрреволюционной политики». «Левое» крыло, писал Зиновьев, является «самым верным слугой буржуазии, самым опасным противником революционных рабочих».

Всю социал-демократию Зиновьев обвинял в преклонении «перед империалистическим государством и, в особенности, перед его лживо-демократическими вывесками...». И далее: «... с.-д.-тия — все более и более превращается в партию социал-фашизма» (разрядка моя.— Л. Ч.). До этого тот же Зиновьев называл учение социал-демократов «социал-империализмом».

Много лет нам вдалбливали (и до сих пор многие советские ученые пишут так же), будто задолго до 1933 г. германские коммунисты призывали немецких трудящихся к единому фронту против фашизма.

Однако западные исследователи справедливо отмечают, что делалось это в неприемлемой форме — рабочим социал-демократам предлагали объединиться с коммунистами через голову их (социал-демократов) вождей, лидеров. И вот ту же странную идею мы видим уже у Зиновьева: «Освобождение германского пролетариата может прийти и придет только через голову контрреволюционных вождей германской с.-д.-тии».

В аналитической статье в журнале «Иностранная литература», скромно названной «Из хроники Коминтер-

на», Цецилия Кин пишет, что на состоявшемся в Москве VI конгрессе Коминтерна в 1928 г. на первый план была выдвинута задача «борьбы против социал-демократии». При этом основной доклад делал Н. Бухарин. Именно тогда, пишет Ц. Кин, возник *поворот*, «приближалось время «социал-фашизма». Нельзя не процитировать Ц. Кин и далее:

«В Москве с 3 по 19 июля 1929 г. заседает X расширенный пленум ИККИ. Идут гораздо дальше того, что было сказано на VI конгрессе. Именно во время этого пленума говорят о социал-фашизме как порождении социал-демократии. Бела Кун доходит до того, что утверждает: фашизм Муссолини родился из идей социал-демократов. С докладами на пленуме выступают Куусинен и Мануильский. Куусинен говорит: «У фашистов и у социалистов одинаковые цели; разница только в девизах и в методах». Кроме двух докладчиков и Бела Куна на пленуме выступают Лозовский, Молотов, Тельман и другие. В унисон».

Чем же объяснялась столь неверная политика Зиновьева, Каменева, Бухарина, Бела Куна и многих других руководителей Коминтерна? Прежде всего, конечно, *диктатом* Сталина, который действительно руководил Коминтерном так же безапелляционно, «как Красной Армией или НКВД», но и не в последнюю очередь слепотой многих вождей мирового рабочего движения. Чтобы не быть голословными, процитируем еще раз Г. Зиновьева, который писал в 1929 г., то есть всего за четыре года до прихода Гитлера к власти и через семь лет после «похода Муссолини на Рим»: «Грядущие революционные бури — а они не за горами — сметут германскую буржуазию и ее агентуру в рабочем классе — германскую с.-д.-тию».

Через четыре года «буря» и впрямь смела и социал-демократов, и коммунистов в *одни и те же нацистские* лагеря.

* * *

Самая пора теперь вспомнить, что в 1930—1933 гг. в Германии шла ожесточенная борьба за голоса избирателей. Одни выборы сменяли другие. Накануне днями германской реакции нацисты изо всех сил рвались к власти. В 1933 г. они хотели получить ее из рук президента Гинденбурга. Но для этого им надо было создать

видимость поддержки партии НСДАП широкими слоями населения. Иначе пост канцлера Гитлеру было бы не видать как своих ушей. Ибо у Гинденбурга были свои фавориты — фон Папен, Шлейхер. Именно с их помощью ему было «удобнее» всего править 70-миллионным немецким народом.

Раскол трудящихся, безусловно, помог Гитлеру. Ведь абсолютного большинства голосов Гитлер на выборах ни разу не получил! И важным препятствием на его пути были чрезвычайно сильные партии рабочего класса — социал-демократическая и коммунистическая. Приведем всего лишь несколько цифр: в 1930 г. социал-демократы завоевали на выборах 8 миллионов 577 тысяч голосов, коммунисты — 4 миллиона 592 тысячи, а нацисты — 6 миллионов 409 тысяч. В июне 1932 г. социал-демократы потеряли немного голосов, но все же получили 7 миллионов 959 тысяч голосов, а коммунисты зато приобрели новые голоса, набрав 5 миллионов 283 тысячи голосов. Нацисты на этих выборах достигли своего «пика», они получили 13 миллионов 745 тысяч избирательных бюллетеней. Но уже в декабре того же года потеряли 2 миллиона избирателей. В декабре положение было такое: социал-демократы получили 7 миллионов 248 тысяч голосов, коммунисты опять усилили свои позиции — 5 миллионов 980 тысяч голосов, нацисты — 11 миллионов 737 тысяч голосов.

Попробуем произвести элементарное арифметическое действие — сложение голосов двух рабочих партий! Партии трудящихся в 1930 г. имели 13 миллионов 169 тысяч голосов против нацистских 6 миллионов 409 тысяч, то есть вдвое больше! В июле 1932 г. — 14 миллионов 242 тысячи против нацистских 13 миллионов 745 тысяч. А в декабре 13 миллионов 228 тысяч против 11 миллионов 737 тысяч. Иными словами, перевес *всегда* был на стороне *рабочих партий*.

Еще сидя в крепости Ландсберг, Гитлер сказал:

«Если я снова займусь политикой, то это будет новая политика. Вместо того чтобы завоевывать власть с помощью оружия, мы к неудовольствию депутатов католиков и марксистов сунем нос в рейхстаг. Правда, понадобится больше времени, чтобы их переголосовать, нежели на то, чтобы их перестрелять... Но под конец их же собственная конституция приведет нас к успеху. Каждая легальная процедура длится долго... Но рано или поздно мы завоюем большинство и тем самым Германию».

Гитлер так ни разу и не «переголосовал» избирателей, хотя, к примеру, Аденауэр сделал это много раз. Число поданных за Гитлера и его партию избирательных бюллетеней даже в апогей их карьеры не превышало 37,3%.

Так что ни о каком «общенародном признании» говорить не приходится. «Народная общность», «единогласие», все «за», ни одного «против» — это «изобретение» тоталитарного строя, диктатур, тираний...

Повторяем еще раз, Гитлер не был безусловным, неоспоримым избранником немецкого народа! Он получил пост имперского канцлера из рук реакционера и монархиста Гинденбурга, который стал впервые президентом уже в 1925 г. Этим самым Веймарская республика показала, что демократию она понимает довольно своеобразно. На письменном столе Гинденбурга стоял портрет Вильгельма II, и он не скрывал, что император ему куда больше по душе, чем республиканские лидеры. Фельдмаршал Гинденбург, как и Людендорф, считались героями первой мировой войны. Сам Гинденбург был твердо уверен, что является кумиром немцев. К Гитлеру относился с некоторой брезгливостью. В разговорах с близкими ему людьми называл его не иначе как «богемский ефрейтор». При первой встрече сказал окружающим, что «он (Гитлер) и на министра почт не тянет».

Но в 1933 г. Гинденбургу минуло 86 лет, и он, будучи крупным аграрием, запутался в разного рода махинациях, связанных с «восточной помощью» (государственных субсидиях крупным помещикам в Восточной Пруссии), а также оброс своим личным «кабинетом», куда входили его сын Оскар Гинденбург, начальник президентской канцелярии Мейсснер и множество разных должностных лиц, заблаговременно подыскивавших себе сильного хозяина (все понимали, что Гинденбург недолговечен).

Кроме того, к 1933 г. парламентаризм в Германии был вконец расшатан; каждый новый канцлер — а они сменяли друг друга очень часто — правил с помощью «внепарламентского права» так называемых «нотферорднунген», предоставлявших большую власть президенту.

Прибавим к этому тяжелые последствия кризиса, огромную безработицу¹ и страх правящих классов перед революцией. А самое главное — дестабилизацию жизни, о чем позаботились сами нацисты. Люди стали бояться

¹ В 1930 г. безработных в Германии было 3,5 миллиона, в марте 1931 г. — 4,75 миллиона, в декабре 1931 г. — более 5 миллионов, а в 1932 г. — 6 миллионов.

выстрелов на улице, драк в залах, где проходили собрания, таинственных исчезновений и убийств, демонстраций, которые разгоняла полиция и которые с разрешения бюрократов («саботаж бюрократии») сразу же возникали снова.

Кое-кто из обывателей захотел «сильной власти». Пугая причину со следствием, эти кое-кто решили, что национал-социалисты — наименьшее зло и что «сильный человек» Гитлер наведет в стране порядок.

Думается, умение современных демократических государственных механизмов «меняться», «перестраиваться» в зависимости от обстоятельств лучше всего можно продемонстрировать на примере борьбы этих механизмов с дестабилизацией общества. Начало века не знало ни массового терроризма, ни мафий с их особыми «законами» и «правом», ни мощных национально-освободительных движений, ни «расовых беспорядков», ни студенческих волнений. В наши дни часто кажется, что западная демократия вот-вот будет ввергнута в пучину хаоса — тем не менее этого не происходит. А в 1933 г. произошло. И именно тогда, когда положение в Германии должно было стабилизироваться, кризис сходил на нет, Гинденбург и его окружение буквально «спасли» Гитлера в самую последнюю минуту¹. Это прекрасно видно не только по снижению числа избирателей, голосовавших за эту партию правых экстремистов, но и по дневникам Геббельса, не раз писавшего, что нацисты «на пределе».

«Фашизм можно было предвидеть так же, как и предотвратить. Для его победы и для его поражения существовали равные объективные предпосылки», — пишет немецкий ученый Гейнц Бергшиккер.

Но веймарская демократия совершенно ничего не умела ни предвидеть, ни предотвращать, по-видимому, веря, что сам по себе парламентский строй может быть гарантией против тоталитарной власти.

Даже назначая Гитлера рейхсканцлером, не только Гинденбург, но и лидеры буржуазных партий были убеждены, что он надежно «подстрахован» их людьми. Вот что пишет Конрад Гейден, немецкий журналист и современник тех событий, в своей книге «История германского фашизма» (книга Гейдена во всем мире считается как бы первоисточником, настолько она документальна):

¹ Подглавка в книге историка нацизма Гейдена так и называется: «Спасение Гитлера».

«Гитлер стал рейхсканцлером.

Рядом с ним был создан пост вице-канцлера, который редко встречается в германских кабинетах. Назначенный на этот пост Франц фон Папен является одновременно министр-президентом Пруссии. Этот вице-канцлер всегда присутствует во время доклада рейхсканцлера президенту — *enfant terrible* со своей гувернанткой. Разумеется, вождю самой большой партии нельзя было отказать в нескольких важных постах (всего в двух. — Л. Ч.): Фрик становится поэтому имперским министром внутренних дел, а Геринг прусским министром внутренних дел... Всё же считают, что в Пруссии последнее слово осталось за Папеном, а национал-социалисты в имперском, как и в прусском, кабинете остались в безнадежном меньшинстве. Правда, в конституции значится, что политику в основных чертах определяет рейхсканцлер, но разве этот чудаковатый господин Гитлер, который ничего не понимает в делах, в состоянии настоять на своем? К тому же президент оговорил, что министерство иностранных дел должно остаться в руках консерватора барона Нейрата, а рейхсвер должен быть доверен испытанному офицеру, генералу Бломбергу...

Все остальные посты в новом кабинете Гитлера снова достались главным образом испытанным коллегам Папена (бывшего рейхсканцлера. — Л. Ч.): министром финансов остался заслуживший общее признание как дельный человек граф фон Шверин-Крозикг, министром путей сообщения был назначен барон Эльц фон Рубенах, а имперским комиссаром по созданию рабочих мест — доктор Герике, ближайшее доверенное лицо Гинденбурга. В свое время он руководил кампанией в пользу избрания фельд-маршала президентом республики. Поэтому-то через несколько недель его арестовали национал-социалисты ¹. За ним следует бывший министр юстиции баварец Гюртнер... Два важных министерства — министерства хозяйства и земледелия — достались д-ру Гугенбергу. В его руки перешли также соответствующие ведомства в Пруссии. Теперь он может применить свои таланты специалиста, к чему он уже давно стремился... В министерстве труда сидит Франц Зельдте, вождь «Стального шлема» ²...

¹ В 1932 г. Гитлер также баллотировался в президенты, выступая как соперник Гинденбурга.

² «Союз фронтовиков», довольно реакционная, но отнюдь не гитлеровская организация, пользовавшаяся большим влиянием в веймарской Германии.

Гитлер в безнадежном меньшинстве! Гитлер под игом! Что же, посмотрим!»

Лучше, чем Гейден, современник тех событий, не скажешь, не опишешь умонастроение тогдашних реакционных лидеров, превзошедших все хитрости парламентских интриг, коалиций и компромиссов, но понятия не имевших, что такое *политика* в глазах Гитлера и его сообщников. Этим лидерам и в голову не приходило, что вождь нацистов и впрямь будет претворять в жизнь свою программу, изложенную еще в 1925 г. в книге «Майн кампф». И уже не с помощью «нотферорднунген» («внепарламентского права»), а с помощью массовых арестов, конфискаций, запретов, убийств, погромов.

* * *

Итак, 30 января 1933 г. произошло чрезвычайное событие — президент Гинденбург назначил рейхсканцлером Германии главу НСДАП Адольфа Гитлера.

В тот же день великолепно организованные штурмовики сосредоточились на своих сборных пунктах. Вечером они с зажженными факелами прошли мимо президентского дворца, в одном окне которого стоял Гинденбург, а в другом — Гитлер¹. По официальным данным, в факельном шествии участвовало 25 тысяч человек. Продолжалось оно несколько часов.

С такого устрашающего и одновременно эффектного спектакля началось правление Гитлера в Германии, правление, поистине ввергнувшее мир в катастрофу!

Западногерманский историк Герт Калов подсчитал: «тысячелетний рейх» Гитлера длился 4482 дня.

Все эти 4 тысячи 482 дня были ознаменованы какими-либо кровавыми событиями. Гитлер полностью учел эффект *внезапности*. Он не только не дал сплотиться, консолидироваться антинацистским силам, он их буквально *ошеломил, захватил врасплох и очень скоро разгромил окончательно и бесповоротно*. Это был первый блицкриг нацистов на собственной территории.

¹ Естественно, штурмовики приветствовали Гитлера, но президент мог подумать... Вот на таких двусмысленностях была построена политика нацистов до самой смерти «старого господина» Гинденбурга в августе 1934 г. Президенту все время казалось, что он не только «вывеска», но и действующее лицо в империи нацистов.

Хроника — неинтересное чтение. Но иногда она убедительнее самого квалифицированного изложения. Приведем выдержку из хроники первого года правления Адольфа Гитлера:

30 января — первое заседание кабинета Гитлера. Обсуждение мер против Компартии Германии.

31 января — обращение Гитлера по радио к населению Германии (телевидения тогда, к счастью, не существовало). «Дайте нам четыре года сроку». «Наша задача — борьба против коммунизма».

1 февраля — роспуск рейхстага. Новые выборы назначены уже на 5 марта. Запрет всех митингов коммунистов под открытым небом (залов им, разумеется, не давали).

2 февраля — приказ президента «О защите немецкого народа», фактический запрет собраний и газет с критикой нацизма. Негласное разрешение «превентивных арестов», арестов без соответствующих юридических санкций. Роспуск городских и общинных парламентов в Пруссии.

7 февраля — «Указ о стрельбе» Геринга. Разрешение полиции применять оружие. В помощь полицейским привлекаются СА, СС и «Стальной шлем».

22 февраля — вооруженные отряды СА, СС, «Стального шлема» поступают в распоряжение Геринга как «вспомогательная полиция».

27 февраля — пожар рейхстага¹. В ночь на **28 февраля** — арест примерно 10 тысяч коммунистов, социал-демократов, людей прогрессивных взглядов. Запрет компартии и части организаций социал-демократов.

28 февраля — приказ президента «Об охране народа и государства». Фактически объявление «чрезвычайного положения» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Приказ об аресте лидеров КПГ.

3 марта — арест Тельмана.

6 марта — запрет Рейхсбаннера (Железного фронта) — боевой организации социал-демократов сначала в Тюрингии, а до конца месяца — во всех землях Германии.

12 марта — новые государственные флаги. Один — со свастикой, второй — черно-бело-красный как в кайзеровской Германии.

¹ Подробнее об этом в очерке «Ордена и бриллианты Германа Геринга».

21 марта — еще один указ президента, так называемый указ «О предательстве», направленный против высказываний, которые вредят «благополучию рейха и репутации правительства». Создание «чрезвычайных судов». Первое официальное упоминание концлагерей. До конца года их будет создано свыше 100.

29 марта — Закон о смертной казни. Введена смертная казнь через повешение.

31 марта — первый закон о лишении прав отдельных земель. Роспуск земельных парламентов. (Кроме парламента Пруссии.)

1 апреля — «бойкот» еврейских граждан.

4 апреля — запрет свободного выезда из страны. Введение специальных «виз».

7 апреля — второй закон о лишении прав земель. Возвращение всех титулов и орденов, отмененных в 1919 г. Закон о статусе «чиновничества», возвращение ему прежних прав. Из корпуса «чиновников» исключались лица «неблагонадежные» и «неарийского происхождения».

11 апреля — объявление 1 мая «Праздником национального труда».

14 апреля — изгнание 15% профессоров из университетов и других учебных заведений.

24 апреля — Ганс Франк (будущий палач Польши) назначен имперским комиссаром для унификации юстиции.

26 апреля — создание гестапо.

2 мая — назначение в отдельных землях «имперских наместников», подчинявшихся Гитлеру (в большинстве случаев бывших гаулейтеров).

7 мая — «чистка» среди писателей и художников. Публикование «черных списков» «Не (истинно) немецких писателей». Конфискация их книг в магазинах и библиотеках. Число запрещенных книг — 12 тысяч 400, запрещенных авторов — 141.

10 мая — публичное сожжение запрещенных книг в Берлине и других университетских городах.

21 июня — включение «Стального шлема» в СА.

22 июня — запрет социал-демократической партии, аресты еще оставшихся на свободе функционеров этой партии.

25 июня — введение контроля Геринга над театральными планами в Пруссии.

С 27 июня по 14 июля — самороспуск всех еще не запрещенных партий. Запрет создания новых партий. Тем самым — фактическое установление *однопартийной* системы. Закон о лишении всех эмигрантов германского гражданства. Гитлеровское приветствие становится обязательным для государственных служащих.

1 августа — отказ от права помилования в Пруссии. Немедленное приведение в исполнение приговоров. Введение гильотины.

25 августа — публикуется список лиц, лишенных гражданства; среди них — коммунисты, социалисты, либералы, представители интеллигенции.

1 сентября — открытие в Нюрнберге «Съезда победителей», очередного съезда НСДАП.

22 сентября — Закон об «имперских культурных гильдиях» — палатах писателей, художников, музыкантов. Фактический запрет на издание, исполнение, выставки всех тех, кто не является членом палаты.

12 ноября — выборы в рейхстаг по однопартийной системе. Референдум о выходе Германии из Лиги Наций.

24 ноября — закон «О содержании в заключении рецидивистов после отбытия ими срока наказания». Под «рецидивистами» подразумеваются политзаключенные.

1 декабря — «закон об обеспечении единства партии и государства». ПЕРСОНАЛЬНАЯ уния между партийными фюрерами и крупными государственными функционерами.

16 декабря — обязательное разрешение властей на художественные выставки и выставки прикладного искусства.

Таким образом, менее чем за один год в Германии была полностью уничтожена *демократия*, запрещены все партии и профсоюзы (чрезвычайно мощные во времена Веймарской республики), начисто похерены демократические установления и права: свобода печати, свобода совести, свобода передвижения, свобода стачек, собраний, демонстраций. Наконец, свобода творчества. Из *правового государства* Германия превратилась в страну *тотального* беззакония. Любого гражданина по любому навету без всяких юридических санкций можно было посадить в концлагерь и держать там *вечно*. За год «земли» (области) в Германии, обладавшие большими правами, были их совершенно лишены. Государственная система подчинилась партийной бюрократии, созданной Гит-

лером еще до прихода к власти; во всей Германии правили его сатрапы. Все предусмотрели нацисты, даже проскрипционные списки, даже разгром Академии художеств.

Ну, а как обстояло дело с экономикой?

Еще до 1933 г. Гитлер сказал: «Неужели вы считаете меня столь безумным, что я захочу разрушить немецкую крупную промышленность? Предприниматели за счет деловых качеств завоевали ведущее положение. И на основе отбора, который доказывает их чистую расу (!), они имеют право на главенство».

Но это были лишь пустые слова. За тот же 1933 г. Гитлер постепенно приготовился к тому, чтобы подчинить себе и промышленность и финансы, сделать их придатком своего военно-политического авторитарного государства.

Во-первых, военные планы, которые он на первом этапе, этапе «национальной революции», скрывал даже от близкого окружения, диктовали свои законы — необходимо было в кратчайший срок вооружить Германию до зубов. А для этого требовалась сверхнапряженная и целенаправленная работа, вложение капиталов в определенные отрасли. Создание полной экономической «автаркии» (то есть такой системы хозяйства, которая сама производит все нужное для себя и сама это потребляет). Капиталистическое же хозяйство уже в первой трети XX века как раз стремилось к установлению широко разветвленных мировых связей, к разделению труда и т. д.

Во-вторых, авторитарный строй вообще не терпит никакой самостоятельности, даже самостоятельности экономики, бизнеса. Ибо любая самостоятельность подрывает «устой», ведет к ущемлению интересов партийно-бюрократической верхушки, в данном случае к потере самостоятельности нацистских бонз, гаулейтеров, ортсгруппенлейтеров, карательного аппарата Гиммлера, наконец, носителей «Ордена крови» — особо заслуженных нацистов, вступивших в НСДАП еще до 1923 г.

Факт остается фактом: Гитлер желал контролировать экономику, а тем самым постепенно урезал права собственников, вводил нечто вроде госкапитализма (не афишируя это, впрочем). И в этом нас опять же убеждает сухая хроника:

16 марта — все того же злополучного 1933 г., то есть через полтора месяца после прихода к власти, предсе-

дателем имперского банка Германии назначается Шахт. «Свой» человек будет теперь ведать финансами, изыскивать гигантские суммы на финансирование военной экономики. Недаром в 1945 г. Шахт сел на скамью подсудимых в Нюрнберге, хотя отошел от дел еще до войны.

24 марта — «Имперский союз немецких предпринимателей» благодарит Гитлера за охрану промышленности от «помех» (в лице уничтожаемых профсоюзов) и от «политических шатаний» (демократического строя), то есть как бы присягает на верность нацистам.

4 апреля — создан «Тайный имперский совет» и его Исполнительный комитет для ремилитаризации.

7 апреля — Гитлер по требованию предпринимателей запрещает вмешиваться местным партийным властям в экономику. Можно себе представить, как функционеры на местах докучали промышленникам!

30 мая — создается Попечительский совет для «Фонда немецкой экономики Адольфа Гитлера». Создан тайный фонд («Касса Л») для финансирования военно-воздушного флота.

29 июня — генеральный директор Шмитт (из страховых компаний) назначен новым министром экономики.

6 июля — Гитлер, дабы успокоить бизнесменов, объявляет через своих «наместников» об окончании «национальной революции».

15 июля — важнейшее событие! Созыв Генерального совета немецкой экономики: 17 крупных промышленников, аграриев, банкиров, представителей торговых фирм и аппаратчиков НСДАП — издают закон об «обязательном объединении предприятий» в картелях. Часть предприятий «присоединяется», иными словами, поглощается более крупными концернами.

Что за всем этим последовало, хорошо известно: «четырёхлетний план» Геринга, создание сверхмощного государственного концерна «Герман Геринг-верке», перевод всей экономики на военные рельсы. А под конец правления Гитлера и передача крупных военных заказов в ведомство Гимmlера, у которого были миллионы узников, а стало быть, дармовая рабочая сила.

Конечно, не надо забывать, что крупные монополии безмерно наживались при Гитлере — в первые годы за счет «аризированных» предприятий (экспроприированных фирм, в которых участвовал еврейский капитал), а позже за счет захваченных у других стран заводов,

банков, сырья и прочих ценностей. И все же экономика оказалась под пятой нацистского государства, все контролировалось и регламентировалось. И сразу же обнаружили сбой, диспропорции, отставание легкой промышленности и т. д. Что касается промышленников, банкиров и коммерсантов, выступавших в роли грабителей с большой дороги, то наиболее дальновидные из них не могли не понять, что их «бизнес» плохо кончится! Недаром в Германии в годы войны говорили: «Пусть уж лучше ужасный конец, нежели ужас без конца».

Расхваливая «экономическое чудо» на германской земле в первые годы нацистской диктатуры, известный немецкий публицист Хаффнер в нашедшей книге «Примечание к Гитлеру» писал: «Гитлеру не приходилось считаться ни с союзами предпринимателей, ни с профсоюзами; он мог запихнуть и тех и других в Немецкий трудовой фронт и тем самым парализовать; он мог также заключить каждого предпринимателя, который вел нежелательные дела с заграницей или же повышал цены на свои товары, в концлагерь, равно как и каждого рабочего, который требовал повышения зарплаты или, не дай Бог, угрожал стачкой». Вот какая идиллия! Но, по Хаффнеру, именно в царстве гитлеровского насилия немцы на первых порах зажили спокойно и в достатке. Так им по крайней мере казалось ¹.

* * *

Как мы видим, в первый год после прихода к власти нацистский фюрер не только не почил на лаврах, но развил бешеную деятельность по демонтажу всех законов и установлений демократического государства.

Что же представлял собой в ту пору неограниченный властитель Германии Адольф Гитлер?

Некоторые современные литераторы в ФРГ (в частности, недавно умерший Александр Кемпфе) утверждают, будто Гитлер был первой «поп-звездой». Дескать, нацистская пропаганда сделала из этого заурядного в общем человека идола, кумира для миллионов людей. Дей-

¹ Неправильно было бы утверждать, что Гитлер не пытался после захвата власти завоевать сердца простых людей. И для них существовала широкая программа: от уничтожения безработицы путем форсированного создания военной промышленности до дешевых турпоездов за границу на судах организации «Сила через радость».

ствительно, реакция на партийные съезды в Нюрнберге и на довольно частые «явления» Гитлера «народу» — то в открытой машине, то на балконе какого-то здания, то на митинге — вполне напоминает реакцию «фанатов» на появление ведущих поп-музыкантов. Гитлер, безусловно, умел без сверхмощных децибелов вызывать неистовство толпы, массовую истерию. Это запечатлено на киноплёнке, об этом же поведали нам современники фюрера, присутствовавшие на нацистских сборищах, в том числе иностранцы, которых не заподозришь в необъективности.

Почти карикатурный господин с челкой, свисавшей на лоб, с «чаплинскими» усиками, с плохими зубами и со странной привычкой складывать руки где-то ниже живота и впрямь стал фюрером для миллионов людей¹... На мой взгляд, этот психоз (по выражению советского критика Золотусского — «гипноз») был сочетанием животного ужаса (см. очерк «Человек в пенсне») и хорошо организованной пропаганды (см. очерк «Палач от идеологии»).

Слово «имидж» вошло в наш лексикон сравнительно недавно. Имидж — это образ человека в глазах толпы. Имидж очень часто — грим, макияж, маска, имеющая

¹ Вот что написал о внешности Гитлера Макс фон Грубер, ведущий специалист по «расовой гигиене» в Германии:

«В первый раз я увидел Гитлера вблизи. Лицо и голова — плохая раса. Метис. Низкий покатый лоб, некрасивый нос, широкие скулы, выражение лица не вполне сохраняющего самообладание человека, а скорее, бессмысленно возбужденного. Под конец выражение удовлетворенного тщеславия».

Не более лестен и портрет еще не ставшего знаменитым Гитлера в ту пору, когда его начали приглашать в светские гостиные. Английский историк Алан Буллок приводит рассказ очевидицы, впервые встретившей Гитлера в 1923 г.:

«...Когда его представили гостям, лицо у него было как у прокурора, присутствующего при казни. Помню, что меня поразил его голос, когда он благодарил хозяйку дома за чай и за пирожные, которых он, кстати сказать, поглотил невероятное множество. Голос его был вызывающе запальчивый, грубый и хриплый. Вообще он почти ничего не говорил, примерно полчаса просидел молча. Видимо, устал. Только когда хозяйка дома неосторожно уронила какое-то замечание о евреях, которых шутливо защищала, Гитлер начал говорить. И говорил без умолку. Через некоторое время он встал, оттолкнул стул, на котором сидел, и продолжал говорить или, вернее, кричать таким пронзительным голосом, какой я никогда не слыхала. В соседней комнате проснулся ребенок и заплакал. После того как Гитлер более получаса держал речь... он внезапно замолчал, подошел к хозяйке, извинился и попросился, поцеловав ей руку. Других гостей, которые ему, очевидно, не понравились, он, прежде чем выйти из комнаты, удостоил всего лишь коротким кивком».

мало общего с настоящим лицом «поп-звезды», с обликом того или иного политика.

Какой же имидж был придуман для Гитлера?

Здесь усилия пропаганды с самого начала шли в двух направлениях — Гитлер изображался «фанатиком идеи национал-социализма» и аскетом, с одной стороны (кстати, слово «фанатик» было любимым словом Гитлера), и самым «мудрым из всех людей на планете» — с другой.

Начнем с фанатика и аскета... Эти «качества» нацистского фюрера воспевались на все лады. Воспевалась «солдатская простота» Гитлера. Он и впрямь часто ходил в гимнастерке с портупеей, но без погон. Иногда надевал плащ, шляпу или «почтальонскую фуражку» и довольно куций костюмчик. Иностранные журналисты писали, что он ходил в «Räuberzivil», что означает одетый кое-как, а в буквальном переводе — в разбойничьей — гражданской одежде. Фюрер не брал в рот спиртного, не курил, был вегетарианцем. Не был женат, не имел детей. Со своей любовницей Эвой Браун не показывался на людях, она вышла на сцену только перед закрытием занавеса, когда от «тысячелетнего рейха» остался всего лишь подвал — бомбоубежище под имперской канцелярией. В годы благополучия Гитлера Эва Браун никакой роли не играла¹. У Гитлера не было привязанностей вообще; биографы не нашли в его биографии ни единого друга, а он как-никак прожил на свете 56 лет. Были «партайгеноссен» (товарищи по партии), соратники, министры, военные, несколько подпевал от искусства, свита — адъютанты, секретари, порученцы, шоферы, врачи. И две любимых овчарки — Блонди и Белла. Иногда Гитлер появлялся в обществе красивых женщин. Часто его снимали с детьми. Но все это была, как сейчас говорят, чистая показуха. Гитлера мало интересовали красивые женщины и умилительно-невинные малыши. Не интересовали его и «простые люди», люди «из народа», с которыми он также снимался. Повидимому, все человеческие чувства Гитлера, если говорить языком Фрейда, «сублимировались», то есть были переключены, на жажду власти, на неумное честолюбие.

¹ В литературе о Гитлере существует мнение о том, что его единственной любовью была Гели Раубал, молоденькая племянница фюрера, покончившая с собой при довольно неясных обстоятельствах. В связи с этим высказывалось много всяких предположений, вплоть до того, что Гели убили по приказу самого Гитлера. Доказать это сейчас невозможно. Но, думается, что любовь Гитлера к племяннице его биографы несколько прусвеличили, может быть намеренно, чтобы придать фюреру хоть какие-то человеческие черты.

Единственного человека, с которым он был на «ты» и которому был многим обязан, — Эрнста Рема он собственноручно вытащил из кровати, засадил в тюрьму и велел убить без суда и следствия...

Аскетизм Гитлера был всего-навсего атрибутом имиджа. Как только партия НСДАП начала субсидироваться дамами из общества и их богатыми мужьями, Гитлер сел в роскошную машину, завел себе шофера, снял семикомнатную квартиру в центре Мюнхена и загородный дом в Берхтесгадене, курортном местечке в Баварских Альпах.

Известно, что Гитлер уговаривал братьев Штрассер продать свою аптеку и не крохоборствовать, брать из партийной кассы столько, сколько им нужно для безбедной жизни.

Перси Эрнст Шрамм¹, нацистский военный, написавший предисловие к «Застольным беседам Гитлера»², довольно подробно описал резиденцию Гитлера в Берхтесгадене: огромный холл, террасу, зал для гостей, гигантских размеров салон со сплошной стеклянной стеной, сквозь которую открывался великолепный вид на горы, цветы («Гитлер очень любил орхидеи»), картины, ковры (ковры он тоже очень любил). Экспозиция картин каждые несколько месяцев менялась. Предпочтение Гитлер отдавал большому рисунку Дюрера — мужскому портрету. Таким образом мы узнаем, что картины у «аскета» Гитлера были музейные!

Приведем также свидетельство камердинера Гитлера Линге.

«Гитлер решил построить в своем поместье в Оберзальцбурге второй чайный домик (один уже был!). С этой целью на высоте в 1000 метров над уровнем моря, где находились многочисленные постройки для фюрера и его штата, провели шоссе сквозь тоннель к площадке на высоте 1700 метров. А отсюда еще один тоннель к лифту в скале, поднимавшемуся на 120 метров. И там возвели чайный домик, из которого открывался особенно красивый вид. Идея выстроить это сооружение, которое, насколько я помню, стоило тридцать миллионов (!) марок, принадлежала Борману», — пишет Линге,

¹ Шрамм служил сперва в верховном командовании вермахта, а потом в верховном командовании сухопутных войск. В последние месяцы войны попал в непосредственное окружение Гитлера. Так что его рассказы — это рассказы очевидца.

² Запись монологов, которые Гитлер произносил за столом в своей ставке в 1941—1942 гг.

стараясь свалить вину за роскошную жизнь «аскета» Гитлера на Бормана.

Добавим к уже процитированному из тех же мемуаров Линге: в Берхтесгадене «на партийные деньги» (то есть на деньги немецких налогоплательщиков) были построены казармы (для охраны Гитлера и других бонз), гостевые виллы, имение «Гутсхоф» — государственное сельскохозяйственное предприятие под началом Бормана, кормившее всю эту гигантскую свору челяди и охраны, загородные дома для Геринга, Шпеера, Бормана. Буквально за одну ночь была снесена большая ферма, которая «портила вид» Гитлеру¹.

Случайно в Москве оказалась копия киноленты (цветной!), которую в эпоху черно-белого кино снимала Эва Браун для собственного удовольствия. Там запечатлен нацистский «рай» — десятки, если не сотни мужчин и женщин из окружения Гитлера, резвящихся на фоне восхитительной природы: гор, ручьев, водопадов, «царские охоты», купанья, пикники, прогулки. В «раю» и сама Эва Браун в одних трусиках, с обнаженной грудью (заметим, что это было до пресловутой «сексуальной революции» на Западе, дело происходило в «аскетической» нацистской Германии!).

Миллионы стоили и помпезные партийные здания, которые воздвигал Гитлер, считавший себя великим архитектором и желавший увековечить в граните и мраморе свой «тысячелетний рейх» — эти «партийные храмы» были, по чьему-то меткому выражению, гибридами казарм и публичных домов (с публичными домами они могли соревноваться роскошью и безвкусицей).

Тот же Линге пишет, что «Гитлер не знал счета деньгам». И тут ему можно верить, поскольку известно, что не только Гитлер, но и его приближенные не делали разницы между собственным кошельком и государственными финансами. Уже из вышесказанного следует, что фюрер оперировал народными деньгами с легкостью небывалой... Строил, сносил, раздавал деньги просто так... Приведем еще только один пример: после банкета, устроенного Гитлером для крупных промышленников, по кругу пустили лист для сбора денег на так называемую «зимнюю помощь» (помощь бедным «солдатикам» в окопах). Богатеи-промышленники, надо думать, вписа-

¹ По уверению Линге, у фермера забрали землю и переселили его. Только Линге не пишет, куда именно, не в концлагерь ли?

ли в лист значительные суммы, но эти суммы не удовлетворяли Гитлера, когда лист дошел до него, он начертил: «Гитлер — 1 000 000».

Тем не менее в сознание немцев успешно внедрялся образ фюрера-бессребреника, «простого человека», доступного всем истинным арийцам, отзывчивого к чужой беде, доброго, чуткого... Присяжные пропагандисты сочиняли и распространяли десятки апокрифов, которые передавались из уст в уста. Приведем только два из них: Гитлер, незадолго до того пришедший к власти, мчался поздней осенью в своем «мерседесе», а на обочине «голосовали» два человека. Заметив это, Гитлер приказал своему шоферу Шрекку вернуться и забрать с собой «голосовавших». Увидев Гитлера, простые труженики — а это, разумеется, были «простые труженики» — чуть было не отдали Богу душу от... восторга. Но Гитлер заставил их войти в машину и довез до требуемого места. А после отдал одному из работяг свое пальто (тот оказался в одном костюмчике)! Второй апокриф был даже не апокрифом, а прекрасно разыгранной пропагандистской сценкой: как известно, Гитлер после 1933 г. начал усиленно строить автострады — стратегические шоссе, которые были необходимы моторизованной нацистской армии в годы блицкрига в Европе. Официально строительство автострад называлось «великой стройкой фюрера», благодаря которой он спас страну от безработицы. Итак, перед первой «великой стройкой» на грузовиках в «чисто поле» привезли 700 безработных, а вслед за ними появился и сам Гитлер, взял в руки лопату и вместе с двумя рабочими вынул гору грунта. Грунт оставили лежать, а окрестное население и 700 бывших безработных унесли его «на счастье» в мешочках, носовых платках и пакетах... Произошло сие якобы 23 сентября 1933 г. на отрезке автострады Франкфурт — Дармштадт.

Естественно, что подобного рода апокрифов были сотни...

Не менее упорно внедрялся в сознание немцев и миф о том, что «автодидакт» Гитлер был великим знатоком во всех областях знаний, затыкавших за пояс разных «узких специалистов».

Разумеется, он считался *великим архитектором*. Этот миф создавал, между прочим, и профессионал-архитектор Шпеер, ставший в годы войны министром вооружений — ключевая должность! И конечно же Гитлер числился самым *великим знатоком искусства*. В первую

очередь живописи и не в последнюю — литературы. В довоенные годы немцам внушали, что Гитлер лучше всех разбирается в *технике*. Якобы он «придумал» автомобиль «фольксваген» и все другие технические новинки. Ну а в годы войны нацистского фюрера провозгласили не только *супер-великим стратегом*, но и самым главным специалистом по *военной технике*. Это он диктовал, какие самолеты выпускать, какие стволы у орудий делать, какие ракеты строить. Характерно, что даже на Нюрнбергском процессе после проигранной войны обвиняемые фельдмаршалы и генералы-свидетели говорили о *военном гении* Гитлера!

Да, миф о разностороннем «гении» Гитлера столь укоренился, что его повторяют историки и в послевоенные годы. Так, историк Мазер, книги и статьи которого чрезвычайно популярны среди части немцев, писал: «Лучше всего и с течением времени все основательней Гитлер знал искусство, военную историю, историю и технику; но он хорошо разбирался в музыке, и в истории культуры, и в истории религии, и в биологии, часто поражая окружающих знанием деталей...» Вот так-то! Титан мысли!

В действительности же факты показывают, что Гитлер был человеком малообразованным. Не вдаваясь в подробности, скажем, что он совершенно не понял значения атомной энергии, что он перекраивал историю по собственному вкусу, нередко приходя к совершенно абсурдным умозаключениям. Его высказывания по педагогике и медицине просто невероятны по глупости. Так, он всерьез предлагал заменить школьных учителей фельдфебелями, а всем медикам заявлял, что потребление мяса ведет к... раку. Не менее бредовыми были и его планы на будущее — превращение Советского Союза в «колонию», война с Америкой, изменение климата в целых регионах, создание питомников для выращивания «полноценных арийцев», «высшей расы» с помощью спаривания эзэсовцев со случайными дамами арийского происхождения.

* * *

Но в конце концов медицина, история, музыка и архитектура были всего только хобби Гитлера. Нас интересует Гитлер-*политик*, ибо он единолично правил многомиллионным цивилизованным народом в самом центре

Европы. И Гитлер-военачальник, ибо он имел во второй мировой войне диктаторские полномочия и развязал мировую бойню. И тут мнения западных исследователей разделились.

Вот что пишет, к примеру, Иоахим Фест в своей семисотстраничной монографии о Гитлере: «Если бы Гитлер в конце 1938 г. стал жертвой покушения, то мало кто заколебался бы и не назвал его величайшим государственным деятелем, венцом истории Германии. Его агрессивные речи, «Майн кампф», антисемитизм и планы мирового господства были бы приписаны фантазиям молодости... Шесть с половиной лет отделили Гитлера от его славы».

Остановимся подробнее на этом, на мой взгляд, опасном тезисе. Итак, если бы Гитлер стал жертвой покушения в конце 1938 г., спросим себя, что оставил бы Гитлер... И ответим со всей возможной объективностью.

Гитлер оставил бы экономику, нацеленную *исключительно* на войну, разрушенные демократические установления, негодный рейхстаг (парламент), поработанных, лишенных защиты своих партий и профсоюзов трудящихся, урезанных в правах предпринимателей, сложную хаотическую систему управления, обросшую массой бюрократических инстанций, наполовину запуганную, наполовину развращенную интеллигенцию...

Все, что делал Гитлер на протяжении шести лет, было *прологом* к войне. Нельзя делить его правление на «мирный» и «военный» периоды... Система была одна. Он и его сподвижники были ее создателями. И поражение было заложено в самой *системе*, в самой политике Гитлера...

Несколько иной точки зрения (более последовательной) придерживается видный немецкий журналист Хаффнер в уже упомянутой книге «Примечания к Гитлеру». Хаффнер, хоть и в косвенной форме, готов оправдать и военные деяния нацистского фюрера. Полемизируя со швейцарцем Буркхардом, который писал о Гитлере: «Тот, кто разрушает все на свете, не может быть большим политиком», Хаффнер заявлял, что у Гитлера были «достижения большого калибра» и даже что «его дорога в пропасть вела через величественные вершины». Нетрудно догадаться, что под «величественными вершинами» Хаффнер подразумевает бескровные победы Гитлера в Западной Европе, его блицкриг, а также, очевидно, первые успехи в борьбе против Советского Союза.

И тут возникает неизбежный вопрос — был или не был Гитлер большим полководцем? Ведь он и впрямь за шесть недель сокрушил Францию, считавшуюся самой сильной военной державой в Западной Европе. И оккупировал за несколько месяцев огромный кусок Советского Союза — от Балтики до Черного моря. Генералы Гитлера на самом деле видели в бинокль Кремль. И эту победу нацисты одержали несмотря на то, что народы СССР в течение десятилетий недоедали и недосыпали, готовясь к войне...

Итак, был или не был Гитлер великим полководцем?

На наш взгляд, говорить о полководческом *гении* по отношению к неограниченному властителю, тирану, который либо терял в начале войны одно сражение за другим, а потом побеждал великой кровью, или же, наоборот, сперва шел от победы к победе, а потом зарвался настолько, что его страну полностью оккупировали, ввергнув население в чудовищные беды, просто противоестественно. Ибо великий полководец должен побеждать малой кровью, не впадать в эйфорию и мудро беречь свой народ!

Коммунисты во всем мире без усталости повторяли: «Гитлер — это война».

Во всех работах о Гитлере существует глава «Гитлер как военачальник». Не обойдемся и мы без такой главы.

* * *

Известно, что нацистский вождь хотел начать мировую войну уже в 1938 г. Известно, что до этого он сумел «мирным» путем присоединить к Германии большие территории. В частности, в 1935 г. Саарскую область с помощью плебисцита. Плебисцит этот оказался блестящим трюком гитлеровской дипломатии и пропаганды. 91% населения проголосовал за «присоединение». А может, результаты голосования были фальсифицированы? С достоверностью при таких режимах, как гитлеровский, этого никогда нельзя сказать!

И далее западные политики, вопреки элементарному здравому смыслу, начали сдавать одну позицию за другой. Уже в том же 1935 г. Гитлер заключил с Англией пресловутое «соглашение о флоте», которое дало нацистам возможность открыто создавать боевые корабли. В том же 1935 г. в Германии была введена всеобщая

воинская повинность. 7 марта 1936 г. Гитлер отдал приказ о занятии демилитаризованной Рейнской области. Запад молчал, хотя не мог не видеть, что аппетиты диктатора растут. В 1936 г. нацисты вмешались в гражданскую войну в Испании — Франко был их ставленником. Запад не только молчал, он восторгался порядком в Германии, послав своих спортсменов и болельщиков на Олимпиаду. И это после «ночи длинных ножей» — убийств Рема и его штурмовиков, после Лейпцигского процесса над Димитровым и после принятия пресловутых Нюрнбергских законов, превращавших еврейское население Германии в париев!

Наконец, в 1938 г. в рамках интенсивной подготовки к войне Гитлер провел очередную «ротацию» — изгнал военного министра Бломберга и верховного командующего армией Фрича. А также заменил профессионального дипломата фон Нейрата нацистом Риббентропом.

11 марта 1938 г. нацистские войска победным маршем вступили в Австрию. Правительство Австрии было запугано и деморализовано. «Пятая колонна» действовала всюду. Гестапо распорядилось в этой стране, как у себя дома. И ни одна из западных держав не пожелала вступить за маленькую Австрию! Операция по захвату Австрии получила название «аншлюс», что означает «присоединение», а в действительности это было «поглощением»¹. И наконец, кульминационным пунктом 1938 г. был захват Чехословакии в результате Мюнхенского соглашения, то есть фактически с согласия и одобрения тогдашнего британского премьера Чемберлена и французского Даладье, а также союзника Германии — фашистской Италии.

Во всех этих акциях Гитлер выступал не как стратег, не как тактик, даже не как политик, а как игрок, который знал, что его партнеры на Западе готовы на всевозможные уступки, он изучил слабости сильных, непрерывно говорил им о мире, льстил, хитрил, а неуверенных в себе — запугивал, подавлял. Мюнхенское соглашение, отдавшее Чехословакию на растерзание нацистам, осталось воистину позорным пятном на совести западных политиков. Тем более что людям понимающим было ясно: в 1935 и в 1936 гг. нацистский фюрер блефовал.

¹ В «Майн кампф» Гитлер назвал «воссоединение» Германии и Австрии «жизненной задачей» его поколения.

Объединенными усилиями европейских стран его агрессию можно было подавить в зародыше.

15 марта 1939 г. нацисты захватили обкорнанную Чехословакию и объявили о создании так называемого «протектората» на территории Богемии и Моравии.

23 августа 1939 г. Гитлер заключил пакт о ненападении с Советским Союзом (подробнее об этом в очерке «Организатор нечестивых сделок») и тем самым обеспечил себе свободу рук в Польше.

После нападения Гитлера на Польшу Англия и Франция объявили войну Германии. Начало второй мировой войны датируется 1 сентября 1939 г. С тем же успехом его можно датировать 1938 г. — «аншлюсом», или же 1940 г. — нападением на Францию. Ибо уже после объявления войны Францией и Англией ничего в мире не изменилось, кроме того, что Гитлер захватил за 18 дней половину Польши, наголову разбив ее армию. Польское государство было не в состоянии сражаться один на один с мощным германским вермахтом. Первый этап войны в Германии называли «сидячей» войной, а в других странах «странной» или даже «забавной». Все это время Гитлер оставался хозяином положения. «Забавная» война кончилась 9 апреля 1940 г., когда нацистские войска вторглись в Данию и Норвегию. 10 мая Гитлер начал поход на Запад: первыми жертвами его стали Нидерланды и Бельгия. За шесть недель нацистский вермахт победил Францию, разгромил и прижал к морю экспедиционный английский корпус. Перемирие Гитлер подписал в салон-вагоне маршала Фоша, в лесу под Компьеном, то есть именно в том самом месте, где капитулировала в 1918 г. Германия. Блицкриг — мечта Гитлера — осуществился.

Каким образом произошли все эти «чудеса»?

Западные историки признают ныне, что на первом этапе войны нацисты одерживали скорее политические, нежели военные победы. Но при этом в специальном номере «Шпигеля», посвященном столетию со дня рождения Гитлера, говорится, что «ни одна армия не была даже в отдаленной степени столь моторизована, как германская». И это приписывается полководческому дару Гитлера. Хотя не Гитлер, а Гудериан написал книгу «Внимание, танки!». Однако тот же «Шпигель» сообщает, что не только немец Гудериан, но и француз Де Голль прекрасно понимали значение танков и мотопехоты в грядущей войне. «Шпигель» забывает добавить, что в СССР теория

«войны моторов», тактика глубоких прорывов и десантов была воистину новаторски разработана Тухачевским и другими военными, группировавшимися вокруг этого военачальника. Однако Тухачевского и его единомышленников расстреляли. Де Голлю не давали хода, надеясь на пресловутую оборонительную «линию Мажино», а Гудериану Гитлер открыл «зеленый свет». Стало быть, какая-то звериная хитрость в этом самоучке все же была. Далее, Гитлер в наступлении на Францию присвоил себе нетривиальный план молодого генерала Манштейна, который, по-видимому, был самым способным военачальником в Германии. По выражению Черчилля, это был «разрез серпом» — немецкая армия двинулась через Арденны, считавшиеся «непроходимыми», и окружила французские войска во Франции и Бельгии. Словом, Гитлер на все сто процентов использовал элемент внезапности, быстроты и натиска, а главное — «моторы». После этого у Гитлера закружилась голова.

«Когда он оглядывался на генералитет, — отмечалось в том же «Шпигеле», — то чувствовал его недовольство всем. Разве они не встречали каждое его решение боязливо и опасно? Так было перед оккупацией Рейнской области в марте 1936 г., при судетском кризисе в августе 1938 г., при «сидячей войне» осенью 1939 г. и, наконец, при планировании операции «Разрез серпом». И разве он не оказывался правым каждый раз? Скажем, при рискованной операции в Норвегии, во время которой ОКХ (верховное командование сухопутных сил. — Л. Ч.) сразу было выключено из игры?..»

Словом, азартный игрок Гитлер почувствовал себя, как писали тогда, «величайшим полководцем всех времен и народов», а также «поражительным прозорливцем в техническом и тактическом отношениях»... «создателем современных вооруженных сил» (Йодль ¹).

Вспомним при этом, что возражать Гитлеру было невозможно, что его разрешалось только прославлять и обожествлять. Верховное командование вермахта превратилось, по меткому выражению одного исследователя, в «канцелярию фюрера» ². Результаты не замедлили сказаться: в армии воцарилась атмосфера свержэйфории.

¹ Генерал-полковник, начальник штаба верховного командования вермахта.

² Правда, специалисты уверяют, что этот дилетант к концу войны многому научился, читая военно-морские календари и учебники по тактике.

В дневнике Гальдера от 3 июля 1941 г. черным по белому написано: «Итак, я не преувеличиваю, если утверждаю, что военный поход против России будет выигран за 14 дней». Правда, далее Гальдер скромно добавил: «Разумеется, он еще не будет окончен».

Нашлись ли генералы, которые открыто противоречили Гитлеру? Конечно нет. Тем не менее известно, что в ходе войны вышли в отставку, впад в немилость, или были смещены три верховных командующих армиями, 4 начальника генерального штаба (пятый — Кребс — погиб в Берлине вместе с Гитлером), 14 из 18 фельдмаршалов сухопутных войск, 21 из 37 генерал-полковников.

Конечно, ни один нормальный генералитет, то есть генералитет не в тоталитарном государстве, не допустил бы столь страшного поражения, какое потерпела Германия.

Хочется высказать крамольную мысль: все победы Гитлера были незакономерными, поражение — неизбежным. Ибо цель Гитлера заключалась в достижении мирового господства. И он был настолько поглощен этой целью и настолько упоен своими победами, что забыл азы стратегии. Скажем, невозможность для Германии вести войну на два фронта.

Теперь, через полвека, оглядываясь назад, западные историки признают то, что понимали в свое время западные политики. Главной задачей Гитлера было завоевание «жизненного пространства» на востоке, сокрушение «большевизма» и порабощение «мирового славянства». Об этом, как уже говорилось выше, он писал в «Майн кампф» в 1925 г., об этом поведал Раушнигу, бывшему гаулейтеру Данцига, который издал свою книгу «Разговоры с Гитлером» в 1939 г. накануне пакта Гитлера со Сталиным. Он повторял это и в «Застольных беседах» в своих ставках в Виннице и Восточной Пруссии. Это же продиктовал Гитлер Борману в качестве завещания накануне самоубийства.

Крупнейший английский историк Арнольд Тойнби в 1936 г. получил аудиенцию у Гитлера. Тойнби писал, что Гитлер старался его всячески «очаровать». Даже голос его был непривычно мягок. Но лишь только слово «Россия» слетало с его губ, как голос становился грубым, и он начинал хрипло кричать. «Приступы русофобской хрипоты, — не без остроумия пишет Тойнби, — напоминали мне реакцию обезьяны, которая была в моем детстве

развлечением в лондонском зоопарке. Обычно эта обезьяна вела себя миролюбиво, но когда где-то в пределах ее слышимости произносили слово «полицейский», она сразу же впадала в ярость и начинала испускать непонятные громкие возгласы. Большим местом в душе этой обезьяны, очевидно, было слово «полицейский», в душе Гитлера это место занимало слово «Россия».

В общем и целом (а Гитлер всегда все упрощал, сводя к четким, примитивным формулам) военная концепция нацистского фюрера сводилась к следующему: времена заокеанских колоний миновали; господин мира должен иметь колонии не за «семью морями», а у себя под боком, на том же континенте. В качестве «колонии» Гитлер облюбовал себе «восточное пространство» до «Уральских гор». «Туземцы», то бишь славяне — русские, украинцы, белорусы, а также народы Кавказа, должны были стать «илотами», то есть рабами: их рождаемость предполагалось строго регламентировать, не допускать лечения заболевших, детей учить всего лишь азбуке, правилам сложения и вычитания, а также правилам уличного движения. «Культурный слой», активные элементы следовало уничтожать.

Как ни чудовищно звучит эта «программа», она была ключевой в политике национал-социализма. Английский историк Тревор-Ропер убедительно показал, что с 1925 г. и до самой смерти Гитлер ни на секунду не усомнился в том, что великие народы Советского Союза можно обратить в безгласных рабов, которыми будут управлять немцы-надсмотрщики, голубоглазые «арийцы» из рядов СС. Вот что пишет об этом Тревор-Ропер: «После войны часто слышишь слова о том, что русский поход был большой «ошибкой» Гитлера. Если бы он вел себя по отношению к России нейтрально, то сумел бы подчинить себе всю Европу, организовать ее и укрепить. И Англия никогда не смогла бы изгнать немцев оттуда. Эту точку зрения я не могу разделить, она исходит из того, что Гитлер не был бы Гитлером!

Для Гитлера русский поход никогда не являлся побочной военной аферой, частной вылазкой за важными источниками сырья или импульсивным ходом в шахматной партии, которая выглядит уже почти ничейной. Русский поход решал, быть или не быть национал-социализму. И этот поход стал не только обязательным, но и безотлагательным».

Программа Гитлера была переведена на военный язык — «План Барбаросса» и на язык оккупационной политики — «План Ост».

Английские историки правильно утверждают, что война Гитлера на Западе была лишь *подготовкой* к военному походу на восток, *прологом* к основному действию. Гитлер хотел, с одной стороны, нейтрализовать, обезопасить и утратить Запад, а с другой, морально подготовить немцев к кровавым схваткам на востоке, вселить в них уверенность в своих силах!

Ну что ж, этот раздел можно закончить лишь словами из Евангелия, которые так часто повторяли у нас в стране в дни войны с нацистской Германией:

«ВЗЯВШИ МЕЧ, МЕЧОМ ПОГИБНУТ...»

* * *

О последних часах и днях Гитлера в подземелье под имперской канцелярией много раз писали. И у нас в стране тоже. Очень уж необычной была эта смерть для диктатора, завоевавшего «полмира»!

Писали о том, что Гитлер «отлучал» одного за другим своих неверных палладинов, пытавшихся заключить сепаратный мир с Западом,— Геринга, Гимmlера... Писали о завещании, которое было продиктовано Борману¹. Писали о том, что пятидесятишестилетний фюрер превратился физически в развалину. Подробно рассказывали о том, что «аскет-революционер» Гитлер, который упорно не желал связывать себя браком, вдруг обвенчался со своей многолетней любовницей Эвой Браун. Почему, собственно? Наконец, писали, что, решив покончить с собой, Гитлер медлил, видимо, надеялся на чудо, не верил до самого последнего момента, что его игра безвозвратно проиграна.

К сожалению, в нашей литературе не было свидетельств «изнутри», из самого «логова» Гитлера. Чтобы восполнить этот пробел, приведем рассказ шофера нацистского фюрера Эриха Кемпки «Я сжег Гитлера».

«Было около часу дня 30 апреля. В районе имперской канцелярии и правительственного квартала непрерывно

¹ Некоторые западные историки ставят под сомнение аутентичность этого завещания. Хотя для этого у них, на мой взгляд, нет оснований.

била русская артиллерия. Сражение становилось все более ожесточенным. С диким шумом и грохотом рушились здания, улицы вокруг имперской канцелярии превратились в каменную пустыню.

Фюрер попрощался со всеми, кто был в бункере. Каждому он еще раз пожал руку и поблагодарил за безупречную службу и за то, что тот сохранил верность ему лично. Секретарш фрау Юнге и фрау Христиан, а также свою диетическую поварику фройляйн Манциази он пригласил к обеду. Рядом с Адольфом Гитлером сидела его жена. Как в свои лучшие дни, он старался непринужденно вести беседу, уделяя внимание каждому из присутствовавших.

Когда эта последняя трапеза кончилась и три женщины разошлись, адъютант шефа еще раз от имени фюрера позвал их обратно. У входа в переднюю, ведущую в комнату Гитлера, стояли он и его жена. Он захотел еще раз попрощаться с тремя женщинами. Фрау Гитлер обняла многолетних сотрудниц своего мужа и опять пожалала каждой руку. И с Борманом и его адъютантом шеф в последний раз попрощался. Адъютант шефа Гюнше во второй раз получил недвусмысленный приказ немедленно связаться со мной и запасть достаточным количеством горючего, чтобы сжечь Гитлера и его жену.

— Не желаю, чтобы после моей смерти меня выставили в каком-нибудь русском паноптикуме.

Я находился в то время в менее разрушенном помещении подземных гаражей. Только что вернулся с поверхности и намеревался сменить часовых. В эту секунду зазвонил телефон. У телефона был Гюнше:

— Надо, чтобы ты немедленно приготовил 200 литров бензина!

Сперва я подумал, что это глупая шутка, и попытался растолковать Гюнше, что он требует невозможного!

— Нельзя ждать ни минуты. Постарайся собрать бензин из разбитых машин. Пошли не мешкая твоих людей с канистрами к выходу из бункера фюрера, а сам сразу же иди сюда.

Я тут же стал пробираться через груды обломков, через разбитые машины, хотел узнать, что стряслось. В ту секунду, когда я очутился в бункере фюрера, Гюнше вышел из его кабинета, и мы встретились в комнатке, где проводились оперативные совещания. Я заметил, что Гюнше был на себя не похож.

— Шеф мертв!

Меня как громом поразило. А Гюнше был так потрясен, что не мог вымолвить больше ни слова. Он поднял правую руку, сжал ее в кулак наподобие пистолета и пальцем показал на рот.

— Что с Эвой? — спросил я с глубоким волнением.

Гюнше показал рукой на только что закрытую дверь комнаты шефа.

— Она разделила его участь.

С трудом я узнал, как прошли последние минуты Гитлера. Шеф в кабинете выстрелил себе в рот и упал вперед головой на столешницу стола ¹. Эва Гитлер сидела рядом с ним, привалившись боком к мягкой спинке дивана. Она приняла яд.

В ту минуту один из моих людей вошел в помещение и отрапортовал, что у входа в бункер стоят канистры с бензином — литров 150—180.

Доктор Штумпфэггер ² и Линге пронесли через комнату для совещаний труп Адольфа Гитлера, покрытый большой темной плащ-палаткой. Лицо шефа было закрыто до ноздрей. Из-под сильно поседевших за последнее время волос виднелся бледный восковой лоб мертвого. Левая рука выскользнула из-под плащ-палатки и повисла.

Время уже, видимо, приближалось к двум часам дня. Район имперской канцелярии непрерывно обстреливали. Совсем рядом с нами разрывались русские снаряды. Вздыхались бесчисленные фонтаны земли.

В спешке доктор Штумпфэггер и Линге положили мертвого шефа примерно в трех метрах несколько правее входа в бункер. Непосредственно перед покойником стоял огромный каток, который первоначально привезли, чтобы еще на метр нарастить бетонную крышу бункера фюрера.

Гюнше и я положили Эву Гитлер рядом с мужем. Вокруг нас рвались снаряды, казалось, в этот момент огонь артиллерии, направленный в сад имперской канцелярии и в бункер фюрера, усилился вдвое. Я кинулся назад к бункеру и стоял секунду, переводя дух, старался переждать очередные залпы. Потом схватил одну из канистр, выбежал наружу и поставил канистру рядом

¹ Некоторые историки считают, что Гитлер отравился.

² Последний врач Гитлера.

с обоими трупами. Быстро нагнулся и придвинул левую руку Гитлера вплотную к туловищу. Перед глазами у меня ветер трепал волосы фюрера. Я поспешно открыл канистру. В непосредственной близости от нас рвались снаряды. Нас забрасывало грязью и землей. Осколки жужжали и свистели вокруг нас. Мы быстро бросились опять к входу в бункер, чтобы укрыться. Нервы у нас были на пределе. В возбуждении мы ждали, когда хоть немного стихнет вой снарядов, чтобы облить трупы бензином. Еще раз кинулись к бункеру и вытащили остальные канистры. После этого артиллерийский обстрел настолько усилился, что вообще стало невозможно покидать убежище.

У выхода из бункера рядом с нами, выполнявшими эту страшную задачу, стояли доктор Геббельс, Борман и доктор Штумпфэггер — в те дни личный врач Гитлера. Никто теперь не осмеливался выйти из укрытия. Снаружи был ад кромешный. Как поджечь бензин? Предложение бросить ручную гранату и тем самым вызвать пожар, я отверг. Случайно взгляд мой упал на большой кусок материи, который валялся около шлангов пожарных у самого входа в бункер. И вот уже Гюнше схватил тряпку и разорвал ее. Открыть канистру и опустить внутрь тряпку оказалось делом минутным. Канистру я слегка наклонил. Тряпка быстро пропиталась бензином.

— Спичку!

Доктор Геббельс вытащил из кармана коробок спичек, протянул его мне. Я чиркнул спичкой и поджег тряпку. Как только она загорелась, комок огня полетел и, описав высокую кривую, упал на облитые бензином тела.

Спустя секунду, бурля и клокоча, взвилось пламя. В то же мгновение поднялись к небу высокие облака дыма. Темный дымный столб от охваченной огнем столпцы на заднем плане довершал эту страшную картину. Как замороженные глядели мы на это страшное зрелище: доктор Геббельс, Борман, доктор Штумпфэггер, Гюнше, Линге и я. Языки пламени медленно пожирали трупы. Все шестеро мы отдали честь нашему мертвому шефу и его жене. А потом, потрясенные и глубоко взволнованные ужасом происходящего, отступили в глубь бункера».

ОРДЕНА И БРИЛЛИАНТЫ ГЕРМАНА ГЕРИНГА

Герман Геринг — второй человек в империи Гитлера, официальный наследник нацистского фюрера, прожил по меркам XX века сравнительно недолго, всего 53 года. Гитлеровский рейх, империю смерти, он пережил всего на год с небольшим. Родился Геринг в январе 1893 г., кончил жизнь самоубийством в 1946 г., после того, как был приговорен Нюрнбергским трибуналом к смертной казни через повешение.

В биографии Геринга, так сказать, догитлеровского периода вряд ли можно найти нечто неординарное. Все его зловещие свойства: жестокость, необыкновенная алчность, дремучая безнравственность в полной мере проявились только при нацистском режиме, одним из создателей которого он являлся и который, в свою очередь, создал его...

Отец Геринга доктор Генрих Эрнст был крупный чиновник, вполне благонамеренный господин, не чета таким плебеям, как родные Гитлера. Юрист по образованию, доктор Геринг стал первым имперским комиссаром в тогдашней немецкой колонии в Юго-Восточной Африке, нынешней Намибии. Пост достаточно высокий, да еще при «железном канцлере» Бисмарке. Правда, мать будущего рейхсмаршала была из «простых», хорошенькая фермерша, как мы бы сейчас сказали. Родители Геринга обвенчались в Лондоне. Для пятидесятишестилетнего доктора Генриха Эрнста это был второй брак, для его двадцатилетней супруги — первый. Всего в браке Герингов родилось пятеро детей. И от первого брака Генриха Эрнста было пятеро детей. Так что Герман, девятый ребенок в семье доктора Геринга, не имел недостатка в братьях и сестрах как родных, так и единокровных. Среди братьев Геринга были военные, один был врач, другой полицейский офицер, один — инженер. Сестры Геринга выходили замуж за офицеров, юристов... Никаких тебе мезальянсов.

Родив Германа на родине, мать оставила младенца на

попечении своей приятельницы в Фюрте. Только после выхода отца на пенсию родители Геринга взяли к себе мальчика. На первых порах они поселились в хорошем районе Берлина Фриденау. Сюда же переехал старый знакомый Герингов богатый врач Герман фон Эпенштайн, крещеный еврей. Вскоре Эпенштайн купил замок Вельденштайн в 25 километрах от Нюрнберга, принадлежавший ранее крупному торговцу. Древний замок был прекрасен, но требовал непрерывных денежных затрат. За сорок лет Эпенштайн вложил в него полтора миллиона марок, сумму по тем временам баснословную. Но благодаря этому Эпенштайн и семейство Герингов смогли поселиться в роскошном замке, который чрезвычайно импонировал юному Герингу, а впоследствии дал ему возможность гордо заявлять, что Вельденштайн — владение его семьи! Некоторые основания на это рейхсмаршал, впрочем, имел. Красотка Франциска, мать Геринга, находилась в связи с Эпенштайном, что не так уж скрывалось от окружающих — у них даже родился сын Герберт, еще один братец Германа, на сей раз единоутробный. Сей треугольник — старый Геринг, его жена и Эпенштайн — пребывал в добром согласии много лет. Однако всему приходит конец, и в 1913 г. Эпенштайн распрощался со своей возлюбленной, а стало быть, и с ее семьей. Сама Франциска, ее одряхлевший супруг и дети выехали из прекрасного замка. Отец Геринга умер в том же году, а остальные поселились в Мюнхене, где оказались в весьма стесненных обстоятельствах.

Пока Геринг учился в гимназии, с его успеваемостью дело обстояло худо, но как только он перешел в кадетское училище, все пошло по-иному — подросток буквально расцвел. Экзамен на фенриха¹ он сдал на «отлично». Мундир этому юноше оказался как раз впору.

Став фенрихом, Герман Геринг вместе с другими фенрихами отправился на отдых в Италию. Там он бредил Леонардо да Винчи, Рафаэлем, Рубенсом и Беллини... Кто мог подумать, что из этого юнца вырастет невиданный мародер, который будет грабить полотна великих мастеров во всей Европе?

Уже в ту поездку Геринг начал вести дневник, изливая на бумаге свое восхищение красотами Италии.

В январе 1913 г. двадцатилетний Герман сдал офицерский экзамен... Был канун первой мировой войны.

¹ Фенрих — выпускник кадетского корпуса, кандидат в офицеры.

Занимаясь историей нацизма и его фюрерами, непременно наткнешься на знаменательный факт: в биографии каждого крупного функционера на заре его карьеры обязательно было какое-то темное пятно, чаще всего преступление, раскрытое или нераскрытое. Функционер либо попадал под суд, либо бежал. Например, Роберт Лей, председатель так называемого Трудового фронта (нацистского эрзаца мощных некогда немецких профсоюзов), обвинялся в изнасиловании. Главный антисемит при дворе Гитлера Юлиус Штрейхер соблазнил малолетнюю девочку. Эрнст Рем и его ближайшие сатрапы-штурмовики преследовались тогдашней юстицией за гомосексуализм... Мартин Борман организовал убийство ни в чем не повинного человека.

Биографы Геринга не обнаружили в начале его жизни преступлений. Преступления он совершал потом, очутившись в верхнем эшелоне власти. Но все же что-то темное, не раскрытое до конца было и в его жизни. И совпало это темное с самым лучезарным периодом в карьере молодого Геринга. Период этот пришелся на военные годы — Герингу повезло: удалось сменить форму пехотного офицера на форму летчика. Стало быть, ему не пришлось кормить вшей в окопах. А главное, профессия летчика в годы первой мировой войны была окружена неким ореолом. О немецких летчиках асах Рихтхофене, Удете, Иммельмане, Бёлке слагались в ту пору легенды. Чтобы сравняться с ними, надо было стать первоклассным пилотом и сбить как можно больше вражеских самолетов. Не вдаваясь во все перипетии летной карьеры Геринга, скажем, что он решил перехитрить судьбу — и начал приписывать себе трофеи, которые не добыл: рапорты о сбитых самолетах явно превышали число действительно сбитых Герингом машин¹.

О своих жульнических проделках Геринг рассказывал товарищам-летчикам — ведь он был не только мошенник, но и отчаянный хвостун. Однако в годы гитлеризма товарищи предпочитали не раскрывать тайны рейхсмаршала, хотя многие из них сильно недолюбливали этого раздувшегося самовлюбленного павлиана. К тому времени было известно, что в необъятном теле Геринга скрывается жестокая, мстительная и злобная душонка. За болтовню о незаслуженно добытых наградах Геринга в первую мировую войну он мог сгноить в концлагере.

¹ В официальной нацистской биографии Геринга значилось, что он сбил 22 самолета.

Зато после разгрома фашизма языки у старых знакомых рейхсмаршала развязались. Так, генерал авиации Ульрих Кесслер показал на допросе в 1945 г.: «Геринг хотя и считался храбрецом, но в действительности это был как раз обратный случай,— многие его прежние коллеги в 20-х годах были против его вступления в союз ветеранов рихтхофенской дивизии из-за его трусости, что было в свое время доказано».

Но об истории с союзом ветеранов ниже...

С мая 1917 г. Геринг, так же как и его закадычный друг Лёрцер, стал командиром эскадрильи. Сбылась и вожденная мечта Геринга получить орден за храбрость — «Pour le mérite». Правда, вслед за этим в карьере будущего рейхсмаршала наметился сбой: после того как Манфред фон Рихтхофен погиб в воздушном бою, Геринга не назначили его преемником, командиром прославленной эскадрильи № 1. Понадобилась еще одна смерть, смерть следующего командира, и Геринг наконец добился того, к чему с такой бешеной энергией стремился.

Все это произошло летом 1918 г., а в ноябре братоубийственная кровавая бойня, первая мировая война, кончилась...

Для Германии эта война оказалась особенно бессмысленной, ибо она была проигравшей стороной, ей навязали кабальный мирный договор. Тяжелая инфляция и безработица — следствие войны — в первые послевоенные годы поразили миллионы немцев. Немудрено, что десять с лишним лет спустя именно в Германии появилась, пожалуй, самая беспощадная и правдивая книга о прошедшей войне — роман Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен». Даже среди таких великолепных произведений, как «Прощай, оружие!» Хемингуэя, «Смерть героя» Олдингтона и многих других, книга Ремарка выделялась своей пронзительной горечью. Можно без преувеличения сказать, что роман «На Западном фронте» был вершиной пацифистского антивоенного искусства. И говорил в нем Ремарк от имени целого поколения, «потерянного поколения», от имени юношей, хоть и не убитых на войне, но погибших от войны. Так он это сформулировал.

Однако дальнейшие события в Германии показали, что говорить от имени поколения опасно. Среди «неубитых» появилась небольшая, но становившаяся все более влиятельной группка, которая чуралась мира, гламурифицировала войну, упивалась воспоминаниями

о прошедших «славных днях». У этой группки тоже оказались свои певцы, такие, как писатель Эрнст Юнгер — прямой проповедник железного кулака, насилия, войны, жестокости. Эрнст Юнгер был эстетом и снобом, и националистское движение во главе с Гитлером ему не понравилось как чересчур массовое и «неаристократичное». Однако Юнгер и ему подобные умели создавать определенную атмосферу. И в этой нездоровой атмосфере постепенно начала вызревать фигура некоего Патриота, ярого германского националиста, презиравшего как все другие народы, так и всякого рода мирные исходы. Патриоты внушали немцам, что они несправедливо обиженная нация, оскорбленная и растоптанная. При том, что Германия дала миру куда больше, нежели другие страны. Но это был лишь пролог. История показала, что как только начинаются такие счеты, такая арифметика: чей народ больше дал, чей меньше и кто в чем виноват, — добра не жди! Обязательно объявится какой-нибудь «фюрер», который пожелает один народ возвеличить, остальные наказать: переселить, выслать, а то и вовсе ликвидировать.

Однако для Геринга арифметика сия оказалась чрезвычайно подходящей. И хотя он видел войну лицом к лицу, был ранен, лежал в лазаретах и потерял много товарищей, но конец войны воспринял как личную обиду и беду, нанесенные ему как немцу. И объяснить это можно: нравственно и граждански он был неразвит — понять, что война приносит несчастье миллионам людей, — не мог, знал только, что сам он с концом военных действий разом потерял привилегии, твердое положение и виды на карьеру. В самом деле, что было за душой у этого двадцатипятилетнего парня? Офицерский экзамен? Умение летать? Приятная внешность и манеры?

Таковыми, как он, молодыми офицерами послевоенная Германия кишмя кишела. Конечно, еще не поздно было учиться, приобретать мирную профессию. Но для Геринга это был чересчур тернистый путь. Он решил попытаться счастья на чужбине. В поисках легких заработков и полезных знакомств Геринг отправился в Швецию, потом в Данию, потом опять в Швецию. Теперь он стал пилотом на пассажирских линиях. Профессия летчика и на гражданке оказалась выгодной — можно было попасть в хорошее общество, ибо сами полеты еще не стали рутиной, бедняки не пользовались в первой четверти века воздушным транспортом. И вот, очутившись в Швеции

в поместье графа Рокелста, Геринг встретился со шведской графиней — Карин Фок, сестрой жены хозяина дома. Карин была на пять лет старше Геринга, замужем, красивая, чрезвычайно восторженная дама. Целых одиннадцать лет продолжалась любовь между Карин и будущим вторым человеком в нацистском рейхе. Роман их с самого начала не только не скрывался, но всячески афишировался. Пожалуй, только в Нюрнберге накануне приговора Геринг отрешился от культа своей, как казалось тогда, в высшей степени аристократической и неземной любви к Карин, переросшей после ее смерти в обожествление мертвой Карин, и начал писать слезливые, слащаво-сентиментальные письма своей второй жене — мещаночке-актрисе Эмми Зоннеман. Однако до этого было еще далеко. Все 20-е годы прошли у Геринга под знаком его любви к Карин, завершившейся законным браком, но не потерявшей своего драматизма.

Надо сказать, что Карин и ее семья немало сделали для придания Герингу светского лоска, а главное, для формирования его довольно сумбурного мировоззрения. Простоватому офицеру и в голову не приходило обожествлять все «германское», поклоняться «истокам», предкам, обращаться к скандинавскому и древнегерманскому эпосу. Именно от взбалмошной Карин он научился ценить темную символику древних мифов, загадочную в ту пору свастику¹ и проповедовать культ героев. В голове Карин было много чего намешано, и все это пригодилось впоследствии практичному Герингу...

Правда, в жизни любовная эпопея Геринга оказалась весьма сложной и тягостной. Геринг был беден, постоянную работу найти не мог, очень часто приходилось прибегать к помощи обманутого, а потом и покинутого мужа Карин фон Кантцова. У Карин был маленький сын, и она то изнывала от разлуки с ним, то мучилась угрызениями совести, что не может предоставить мальчику того комфорта, какой он имел в доме отца. Родители Карин тоже были не в восторге от своего нового зятя. Карин, женщина достаточно избалованная, была к тому же болезненной. Словом, не будь Геринг таким толстокожим, ему пришлось бы страдать в этом браке. Впрочем, за все неприятности Герингу в будущем воздалось сторицей. Карин воистину оставила неизгладимый след в его жизни: он раз и навсегда получил титул Романтического

¹ Свастиками был украшен камин в поместье Рокелста.

Любовника, придававший ему особый шик и загадочность в глазах обывателя. В дальнейшем Геринг очень ловко добавил этот титул к многочисленным титулам и званиям, которыми одарил его Гитлер. На нацистском Олимпе он один мог похвастаться столь возвышенными чувствами и столь престижной женой.

Но все, что было с Герингом до тридцати лет — служба в армии, фронт, полеты, послевоенная безработица, роман с замужней женщиной, — не предвещало тех преступлений, которые он совершил в дальнейшем.

Нам предстоит ответить на вопрос: каким образом заурядный молодой человек превратился в чудовищного монстра Германа Геринга — преступника, приговоренного судом народов к виселице?

* * *

Первым шагом Геринга на этом пути, безусловно, была его встреча с Гитлером. Произошла она довольно случайно. Геринг в 1922 г. задумал организовать нечто вроде союза офицеров-фронтовиков. В ту пору в Германии, как мы уже знаем, было великое множество всякого рода националистических союзов, объединений, карликовых партий и т. д. И Геринг сразу же угодил в ту среду реваншистов, которая уже вытолкнула на поверхность Гитлера. Они познакомились. Гитлер тут же назначил Геринга командующим СА, своей первой военизированной организацией.

Все было, как видим, чрезвычайно просто. И все-таки, если проявить известную дотошность, не так-то просто. Мы уже знаем, какой ядовитой ненавистью были проникнуты речи Гитлера — он грозился сокрушить не только буржуазных лидеров победивших стран — Ллойд Джорджа и Клемансо, не только «жидомасонов» (загадочное, хотя и чрезвычайно ходовое словообразование), он хотел перерезать богачей: хозяев универсальных магазинов и промышленников, словом, тех немцев, которые принесли славу Германии своей деловой хваткой, создали высоко развитую экономику.

Почему же Геринг, который, кстати, воспитывался в замке богача и «жидомасона» Эпенштайна, так легко клюнул на удочку дешевого агитатора? Чем ему были противопоставлены богатые люди? Ведь и на войне он общался не со рванью из венских ночлежек, а с благородными асами из эскадрильи Рихтхофена? А потом сразу же

попал в салоны шведских аристократов, где воистину «вевяло древними поверьями» и отнюдь не воняло потом погромщиков.

Откуда же такая тяга к Гитлеру, к его истерическим призывам, к его программе, которая скорее могла импонировать мелкому лавочнику и деклассированному дебоширу, нежели сыну крупного чиновника?

Что тут сказать?

Видимо, Геринг «угадал» Гитлера, поверил в него вопреки его лозунгам. Видимо, алчной и честолюбивой натуре будущего рейхсмаршала соответствовала партия нацистов — быть может, тем, что ее фюреры были полностью лишены такого «предрассудка, как совесть» (это они сформулировали позже!).

И вот на прелестной вилле Герингов под Мюнхеном, снятой на деньги Карин и обставленной, между прочим, фон Кантцовым (бывшим мужем Карин), стал дневать и ночевать неопрятный Гитлер.

В комнате с розовыми оконными стеклами, обрамленными розовыми же шторами, с полом, устланном белыми и розовыми шкурами, на кровати под белоснежным кружевным балдахином возлежала Карин, рядом с ней стояла белая фисгармония и ваза, в которой всегда благоухали пурпурные розы... А внизу, в жилых комнатах, уставленных тяжелой мебелью, обговаривали свои темные дела Гитлер и его дружки, запивая зажигательные речи пивом.

Собственно, работу Гитлера и Геринга можно было в ту пору определить одним словом: «подрывная». И Гитлер и Геринг подкапывались под демократию, рушили устои буржуазно-демократической Веймарской республики. Но при этом, как все прочие «труженики», жаловались на то, что их труд плохо оплачивается и что он поистине каторжный. Вот что писал в 1923 г., спустя год после знакомства с Гитлером, Геринг своему другу в Италию:

«Часто я не ложился до четырех ночи, а в семь был уже опять на работе. За весь день я не имел ни минуты покоя. Один посетитель сменял другого... Вы знаете, мы, немцы, большие трудяги. Из двадцати четырех часов в сутки работаем 23! Поверьте, часто, приходя домой в одиннадцать вечера, полумертвый от усталости, посидев с женой четверть часика и выпив стакан чая или съев кусок хлеба, я, вместо того чтобы лечь спать, обдумывал часа два-три все происшедшее за день. А на следующее

утро, уже в семь, появлялся первый адъютант с важным сообщением».

Подрывная работа давала на первом этапе мало дохода — материальные дела были тогда плачевными и у Гитлера, и у Геринга. Гитлера подкармливали Геринги, Герингов — семейство Карин, а также ее первый муж. Сохранилось письмо свекрови Геринга, из которого явствует, что эта сердобольная дама якобы от имени Карин (та лежала в то время больная у родителей) послала своему зятю продуктовую посылку: кофе и масло, а также двадцать золотых крон. Царский подарок, ибо в 1923 г. любая иностранная валюта стоила миллионы марок на черном рынке!..

Если Геринг «угадал» Гитлера, угадал его будущее и поставил на него, то Гитлер «разгадал» Геринга — ясно увидел все его пороки и слабости. На этот счет нацистский фюрер обладал сверхъестественным чутьем. Ему нужны были люди, на недостатках которых он сумел бы сыграть. И в Геринге он, как мы увидим позже, обрел достойный объект. Вор и взяточник всегда покладистей, нежели честный человек.

Немаловажным обстоятельством явился и тот факт, что Геринг не претендовал на лидерство, на то, чтобы скинуть Гитлера и самому взять на себя роль фюрера. Какой бы жалкой ни выглядела программа Гитлера, Геринг не сумел бы сочинить и такой. И у него был неплохо подвешен язык, но он перемалывал лишь то, что до него молот Гитлер. Кроме того, он отнюдь не обладал тем фанатизмом, той одержимостью, наконец, тем, пусть внешним, аскетизмом (втайне, как мы видели, и Гитлер любил роскошествовать), которыми обладал Гитлер. Да и вообще история показывает, что отнюдь не каждый честолюбец обязательно хочет быть первым, есть честолюбцы, довольствующиеся вторыми ролями. И Гитлер сразу понял, что в лице Геринга он имеет именно такого честолюбца. Нюх у фюрера был феноменальный: возможных соперников он определял загодя. И Дрекслер, и Рем, и Грегор Штрассер еще даже не успевали сформулировать для себя «крамольную» мысль об устранении Гитлера, как он уже устранял их. И не просто устранял. Если соперники были серьезные, то и убивал.

Но главное достоинство Геринга, по разумению Гитлера, заключалась в том, что он, как говорят немцы, был «salonfähig»¹; в приблизительном переводе это означает

¹ В переводе: приличный, светский.

«рукоподаваем». Сущий клад для Гитлера! Молодой голубоглазый офицер с полным набором орденов: с Железным крестом первого класса за заслуги и с орденом за храбрость «Pour le mérite». К тому же Геринг был женат на шведской графине и поддерживал связи с летчиками — асами из эскадрильи Рихтхофена, к тому времени, правда, уже деклассированными. Все равно, он не только посещал пивные, где собирались нацистские буйные головушки, но и вращался, что называется, в приличном обществе.

В общем, и Гитлер, и Геринг друг друга устраивали, и их союз продлился до самого 1945 г., хотя немало лиц из ближайшего окружения фюрера предпринимали буквально «героические» усилия, чтобы его разорвать...

О нацистской пародии на революцию, «пивном путче» 1923 г. мы уже знаем. Знаем, что попытка организовать поход на Берлин из Баварии — подражание походу Муссолини на Рим — провалилась. Понадобилась всего лишь небольшая цепь полицейских, чтобы рассеять толпу наци, а с ними и притязания национал-социалистов на власть. Этот дурной сон рассеялся бы навек, если бы правящие круги Германии повели себя иначе.

Западные ученые и публицисты, занимающиеся историей фашизма и описывающие «пивной путч» 1923 г., вдруг как бы теряют зрение, не видят ничего экстраординарного в последующих событиях. Неужели им неизвестно, что после всех бунтов, не говоря уже о революциях, поднималась волна контрреволюции? Несвершившиеся революции буквально заливались кровью, подавлялись с неслыханной жестокостью. Власть, устояв, арестовывала и правых, и виноватых, расправлялась со всеми, кто был, хотя бы косвенно, связан с бунтовщиками.

Однако западные историки, говоря о фарсовом суде над Гитлером, не замечают, что фарсом обернулись и «карательные меры», предпринятые против остальных бунтовщиков.

Это легко проиллюстрировать на примере Геринга. В колонне нацистов, маршировавших к Фельдхернхалле («галерее полководцев») Геринг шел в первом ряду, по левую руку от Гитлера! Он был достаточно узнаваем в своем блестящем кожаном пальто, распахнутом на груди — хотел, чтобы люди видели его драгоценный орден «Pour le mérite», — в каске и с огромной свастикой на рукаве. Да, в тот день и накануне он вел себя явно

вызывающе. 8-го, накануне, расчищал дорогу для Гитлера в переполненном зале, где выступали баварские министры; кричал, отдавал приказы. На следующий день, 9 ноября, возглавил вместе с Ремом тогдашних штурмовиков, схватил заложников, повел их в колонне, заявив, что, если в нацистов будут стрелять, заложников расстреляют на месте. Через некоторое время «поправились»: дескать, не расстреляют, а заколют штыками или убьют ударами прикладов по черепу.

Первым же залпом Геринг был ранен в пах. И пролежал на мостовой, видимо, довольно долго. За это время Гитлера увезли на машине. Сестра Карин Фани (она бежала рядом с колонной) успела уведомить больную Карин, что ее муж валяется в лужи крови, и Карин приняла соответствующие меры. А Геринг все лежал и лежал. Почему же полиция не подобрала его сразу и не увезла в тюремный лазарет? Ведь полицейские чины не могли не видеть, что он был одним из зачинщиков беспорядков, в результате которых среди полицейских оказалось четверо убитых. За два дня Геринг с его орденом должен был сильно примелькаться блюстителям порядка.

Но, как мы уже знаем, в Баварии в министерстве внутренних дел всем заправлял Вильгельм Фрик, будущий министр внутренних дел в «третьем рейхе», проходивший на суде в Нюрнберге как военный преступник. А министром юстиции был Гюртнер, нацист.

Впрочем, не это главное. Главное, что ни большинство немецких политиков, ни высшие чиновники, ни стоявшие за ними силы — финансисты, промышленники, аграрии — не желали лишаться ультрареакционной группировки, боясь трудящихся, доведенных до отчаяния безработицей, инфляцией, отсутствием продуктов. Кошмар «коммунистической опасности» был настолько силен, что власть предержавшие (те же фрики во всех землях Германии!) были готовы заключить союз хоть с самим Люцифером. Тем более с «бесом» Гитлером. Ведь Гитлер много лет казался им мелким «бесом», совсем не страшным, поддающимся дрессировке...

Итак, чудеса с Герингом продолжались. Штурмовики из Оберланда подняли его буквально под носом у полицейских и отнесли в ближайший дом, где еврейская чета (не везло бедному Герингу) отправила раненого в клинику к знакомому профессору. Однако оставаться в клинике было опасно. И Геринга с присоединившейся к нему

Карин отвезли за сто километров от Мюнхена на виллу богатого голландца, «сочувствовавшего» нацистам. К тому времени баварские власти объявили всегерманский розыск путчиков. Будь Геринг не нацист, а, допустим, коммунист, его бы нашли и арестовали в два счета. Тем более что соседи богатого голландца сразу же сообщили в полицию о местопребывании разыскиваемого. Наконец, 10 ноября мюнхенские власти выписали ордер на арест будущего рейхсмаршала, о чем местные (баварские же) полицейские не преминули рассказать Герингам. При этом они добавили, что арестуют Геринга, если тот явится в полицию. Естественно, Геринг не явился. На машине его повезли вместе с Карин на пограничный пункт на австрийско-германской границе. В кармане у «преследуемого» (так это потом изображали нацистские историки!) лежал его собственный паспорт. Пограничники спросили: «Вы капитан Геринг?» На что Геринг гордо ответил: «Да, я капитан Геринг». После сего смелого поступка Геринга отправили в больницу в Гармише и оставили там под честное слово. Разумеется, он это слово нарушил: в ту же ночь тот же шофер, на той же машине перевез его с фальшивым паспортом через границу в Австрию. Там Геринга поместили в гостиницу «Золотая овечка», куда немедленно прибыла Карин. Все это трудно назвать побегом, скорее это детская игра в «кошки-мышки». Добавим, что «побег» организовывала не только жена Геринга, не только его адъютант Боденшац, но и целый нацистский союз Оберланд. И все это, так сказать, на глазах у ошеломленной публики!

В Австрии все шло по тому же сценарию. К больному Герингу (ранение оказалось не столь опасным, сколь болезненным) приходили сотни людей, выражая свое соболезнование и восхищение (!). Среди почетных посетителей был и сын Рихарда Вагнера Зигфрид Вагнер и полубезумный, но весьма влиятельный профессор Чемберлен, породнившийся с семейством Вагнеров. Богатые друзья обильно снабжали Герингов деньгами, а в отеле, где они жили («Тирольский двор»), по словам Карин, им давалась тридцатипроцентная скидка. Со всего, что мы заказываем, писала Карин в одном из своих посланий родственникам, «нам сбрасывают тридцать процентов. Почти все официанты состоят в штурмовых отрядах, они поклоняются Герману».

Все это, однако, вовсе не значит, что в Австрии не было людей, недовольных пребыванием Геринга в их

стране. Такие люди были. В первые дни после того как Геринги незаконно въехали в Австрию, Карин закидали камнями на улице, даже сломали ей лодыжку. Но власть была, как мы знаем, не в руках простых смертных, возмущавшихся наглым поведением путчистов, их безнаказанностью. Простые смертные могли только негодовать. В лучшем случае демонстрировать.

Всего Геринг пробыл в эмиграции, закончившейся, как мы сказали бы сейчас, заграничной командировкой, четыре года. Рана быстро зажила. Но последствия ранения оказались чрезвычайно серьезными — они давали себя знать всю последующую жизнь нацистского рейхсмаршала: Геринг стал морфинистом. Трудно сказать, кто был главным виновником этого: капризный, не терпящий боли, слабохарактерный пациент и потакавшая ему во всем супруга или покладистые безответственные врачи, старавшиеся угодить молодому нацисту. Факт остается фактом. С той поры Геринг уже не мог обходиться без наркотиков. Впрочем, не это мучило его в 1924 г. Геринг понял, что он... прогадал. Его «нравственные» страдания были куда тяжелее физических. По газетам и по рассказам очевидцев Геринг ясно видел, что оставшиеся в Германии путчисты стали «героями». Никто из них не боялся суда. Тюрьма — Ландсбергская крепость — превратилась в нацистский клуб. Пресса и «хорошее общество» любовались нацистскими молодчиками, которые провозгласили своей целью уничтожение демократии, попрание свободы личности.

Как бы ни куражился Геринг в Австрии, он знал, что гала-представление состоялось в Германии. Из этого представления он, так сказать, механически выбыл. На авансцене большой политики и больших интриг красовались Гитлер, Гесс, Людендорф, а он, Геринг, шедший в первом ряду путчистов и в прямом и переносном смысле этого слова, очутился где-то на обочине да еще со своей отчасти даже позорной раной в пах (в письмах ее сразу же стали именовать «раной в бедро»).

По свидетельству жены и друзей, будущий рейхсмаршал рвался на скамью подсудимых в Германию. Но его не пустил Гитлер. Адвокат Гитлера дважды побывал в Австрии и велел Герингу сидеть тихо и «беречь себя» во имя национал-социализма. Но Геринг был не дурак — он понимал, что в Германии ему не угрожает ничего серьезного. Просто фюрер исключил его из игры. Видимо, боялся еще одного соперника. В судебном зале в Мюн-

хене Геринг выглядел бы, наверное, эффектно. Гитлер решил не искушать судьбу. Он и так чувствовал себя не очень уютно — ведь ему предстояло состязаться за популярность с героем немецких милитаристов, первым генерал-квартирмейстером в германском верховном командовании армий Эрихом Людендорфом, ставшим в годы первой мировой войны на пару с Гинденбургом фактическим диктатором Германии.

Видимо, Геринг раскусил весь расклад и после процесса над Гитлером решил поставить крест на своей политической карьере, на Гитлере, на НСДАП. Поднакопив денег, — благо доброхотов оказалось много — он рассчитывал вернуться в Швецию и заняться чем-нибудь путным. Выражаясь высоким штилем, у Геринга появился шанс... Шанс не стать преступником, умереть в собственной постели. Но в его судьбу вмешалась Карин. 5 апреля 1924 г. она отправилась в Ландсбергскую тюрьму и испросила у Гитлера аудиенцию. Как истый герой, Гитлер подарил ей свою фотографию с собственноручной надписью: «Глубокоуважаемой супруге моего командира СА, госпоже Карин Геринг на память о ее визите в крепость Ландсберг».

Итак, на фото 1924 г. Гитлер подтвердил, что Геринг продолжал оставаться «его» командиром. Кроме того, он через Карин передал Герингу, что посылает его в Италию для налаживания связей с Бенито Муссолини. И Геринг подчинился: он опять попал в «команду» Гитлера.

Итоги итальянской эпопеи Герингов были весьма плачевные. Муссолини, уже прочно захвативший власть, не очень-то торопился вступать в сговор с Гитлером, как никак тот сидел в тюрьме и казался в то время чисто локальным (баварским) политиком. Да и дипломатические таланты Геринга, как признают его биографы, были равны нулю. Переговоры велись со второстепенными лицами, по второстепенным вопросам. Что не помешало Герингу, впрочем, пообещать отказаться от требований забрать Южный Тироль, отошедший к Италии в 1919 г. Требование это фигурировало во всех программах немецких реваншистов и шовинистов, в том числе и в программе Гитлера. Высказывание Геринга насчет Тироля вызвало некоторый переполох в нацистских кругах и позволило приближенным фюрера, так сказать, на законном основании, откреститься от этого «дурня Германа». Но самой основной неудачей Геринга было то, что ему так и не удалось встретиться с Муссолини и обговорить

предстоящее randevу фюрер — дуче. На все умоляющие письма будущего рейхсмаршала канцелярия Муссолини отвечала гробовым молчанием.

И в этом сказались не только личные недостатки Геринга как дипломата, но и «родовые» качества всех фашистов: они умели действовать лишь большими шайками, когда за их спиной была абсолютная власть, миллионы солдат, тысячи танков, самолетов, тюрьмы и карательные команды...

В итальянских мытарствах Геринга есть также одна деталь, характеризующая лично его... В 1924 г. в Италии произошли важные события. Фашисты похитили и зверски убили Генерального секретаря социалистической партии Италии депутата парламента Джакомо Маттеотти. В ответ на это какая-то из левых группировок совершила покушение на фашистского функционера Казалини. Казалось бы, все это никак не касается Геринга. Однако, как истый ландскнехт, он не захотел остаться в стороне от такого поворота событий. Сохранились письма Геринга, где он предлагал себя для расправы с антифашистскими силами. «Я всегда буду в вашем распоряжении, если понадобится моя помощь для борьбы против марксистов и коммунистов, против красных, против демократов. Мне было бы очень грустно, если бы я остался в стороне в тот день, когда все начнется...»

Трудно описать разочарование Геринга после того, как он понял, что ничего «не начнется». «А я так надеялся присутствовать при ударе против красных», — жаловался он.

В итоге Геринги в Италии обнищали, хотя они не платили ни за номер в гостинице, ни за еду. Теперь взоры Геринга были прикованы к Германии, но и там все было темно и непонятно. Гитлер засел за «Майн кампф», отстранившись на время от текущих дел. Геринг, как и многие другие ближайшие соратники фюрера, не мог взять в толк, зачем нужны «теоретические» труды, не лучше ли опять взяться за оружие.

Чета Герингов рассылала либо слезные письма с просьбами о вспомоществовании, либо письма с предложением услуг — экс-летчик Геринг хотел наняться на работу в какую-нибудь авиационную фирму. При этом, как уверяла Карин, Геринг ставил условием, чтобы в фирме не было «ни капли еврейской крови». Вот какой шепетильный проситель!

Среди «фирм», которым Геринг предлагал свои услу-

ги, на первом месте стояла НСДАП, он желал опять стать командиром СА. Но после выхода из тюрьмы Гитлер от него отказался.

1925 г. стал для Герингов годом сплошных неудач. Карин болела (сердце, туберкулез), но особенно плох был хозяин дома. Его лечение (от наркомании) в нервной клинике кончилось смиренной рубашкой и переводом в сумасшедший дом, в отделение для буйных. Правда, когда курс отвыкания от морфия кончился, Геринга выписали с заверением, что он не страдал и не страдает душевной болезнью. Тогда же врачи дали ему убийственную характеристику. В ней говорилось: «грубый истерик», «реакции непредсказуемы». «Сентиментален, но лишен моральных устоев».

В 1926 г., после того как новый германский президент Гинденбург добился амнистии для путчистов, Геринг на короткое время вернулся в Германию. Но здесь его ждало разочарование. Нацисты не приняли Геринга в свою мафию, все места оказались занятыми. Розенберг даже вычеркнул Геринга из списков членов НСДАП. То был большой удар, так как нацистам было очень важно, с какого года они числились в партии. Чем раньше «партайгеноссе» получал свой значок, тем больше привилегий и почета он имел. Особенно ценились нацисты, ставшие членами НСДАП до «пивного путча», а наибольшее презрение вызывали вступившие в партию после того, как Гитлер захватил власть, их не без основания считали отчаянными карьеристами и корыстолюбцами... Но до 1933 г. было еще далеко. Пока мы только в 1926-м. А в том году Геринга постигла еще одна неудача: его не приняли в союз ветеранов — летчиков эскадрильи Рихтхофена, хотя он был ее последним командиром. Союз возглавлял, пожалуй, самый известный из асов первой мировой войны — Удет, хорошо знавший Геринга как мастера блефа и как лжеца. Пришлось экс-летчику отбыть в Швецию несолоно хлебавши. Но и в Швеции Герингу, в сущности, нечего было делать. В 1927 г. он возвратился в Германию, на сей раз один, без Карин, которая была слишком больна, чтобы следовать за ним. Новая встреча с Гитлером дала очень немного — Гитлер посоветовал Герингу поселиться в Берлине и проникнуть в хорошее общество. Так Геринг и поступил. Живя в Берлине, связался с некоторыми своими старыми товарищами-летчиками, делая вид, будто служит в авиационной фирме, продает парашюты. Однако, по свидетельству

будущего заместителя Геринга Мильха, тогда коммерческого директора «Люфтганзы», он не продал ни одного парашюта. Дела семьи Герингов продолжали оставаться плачевными.

Все изменилось в мгновение ока после выборов в рейхстаг в 1928 г. ...

Но прежде чем писать о втором — решающем — повороте в судьбе Геринга (первый произошел благодаря встрече с Гитлером), следует подвести некоторые предварительные итоги.

Жизнь Геринга имела очень мало общего с той легендой, которая была создана вокруг его имени, когда он дорвался до власти. Кроме дат рождения самого Геринга и его близких все в этой легенде не совпадало с действительностью.

Вот как выглядела в общих чертах легенда.

Безумно храбрый летчик Герман Геринг, страстный патриот, не находит себе места в веймарской Германии. Авиафирмы во всем мире дерутся за него, хотят заполучить к себе на службу. Но служить Геринг хочет только родине — Германии. «Пока Германия не сбросит оковы Версальского мира, я не могу дышать полной грудью», — говорит молодой Геринг своей горячо любимой матушке. Чтобы не видеть унижений родной земли, Геринг уезжает в Швецию и встречает там свою будущую жену, графиню Карин Фок. Их прекрасная любовь освящает всю последующую жизнь Германа Геринга.

Вернувшись на родину, Геринг становится ближайшим соратником фюрера Адольфа Гитлера. В 1923 г. он вместе с Гитлером возглавляет «генеральную репетицию» немецкой национальной «революции», путч 1923 г., подло разогнанный берлинскими плутократами и «жидомасонами». Геринг тяжело ранен. Любящая жена Карин увозит его в Швецию, преодолевая тысячу преград, созданных свирепыми преследователями отважного аса. Но даже на больничной койке ни на минуту не прерывается трогательная связь Геринга с его фюрером, узником Ландсбергской крепости. Душою Геринг всегда с Гитлером. Фюрер посылает Геринга в Италию, и Геринг вместе с Муссолини закладывает основы будущего итало-германского сотрудничества... И т. д., и т. п.

Нацистские пропагандисты придали Герингу некий *идейный стержень* и *приписали его жизни смысл и цель, которых у него явно не было*. Ну, а все остальное они препарировали согласно вкусам тогдашних обывателей.

Некоторые биографы Геринга считают, что сверхъестественная лживость рейхсмаршала объяснялась воздействием наркотиков. С этим никак нельзя согласиться. Патологическая ложь была буквально растворена в воздухе, которым дышали нацисты. Вранье было их главным идеологическим оружием. Вот как Карин Геринг, не потреблявшая наркотиков, описывала своим родственникам выборы в Берлине: «Весь Берлин занят выборами... Они уже начали убивать друг друга, каждый день коммунистические шествия проходят по городу с красными флагами с изображенными на них звездами Давида и с горящими библиями в руках...» И это, можно сказать, «репортаж с места событий»!..

В каком страшном сне увидела шведская графиня горящие библии и звезды Давида? Письмо Карин кажется бредом сумасшедшей. На самом деле она просто «вошла в роль» и начала пользоваться политическими приемами гитлеровцев: ври больше, что-нибудь да останется в головах людей!

* * *

Итак, после целого ряда объяснимых неудач Герингу вдруг улыбнулась совершенно необъяснимая удача. В 1928 г. Гитлер включил Геринга в список кандидатов нацистской партии на предстоящих выборах в рейхстаг.

Известно, что этому предшествовала еще одна встреча Геринга с фюрером. Известно также, что сперва фюрер не хотел ничего слышать о Геринге. А потом... Мы никогда не узнаем, как Геринг добился своего. Однако, анализируя его последующее поведение, можно догадаться, что он фюреру чем-то грозил, шантажировал его. Некоторые биографы полагают, что грозил судом, обвинял Гитлера в вымогательстве денег у него и его жены на содержание партии и на путч. Но Гитлер сам был шантажист. Кроме того, он содержал в ту пору достаточно наемных убийц. Но, может быть, Геринг обладал какими-то важными документами, компрометирующими Гитлера?..

В общем, нам известно только одно: Геринг попал в избирательные списки НСДАП, был избран депутатом рейхстага, и Гитлер имел все основания не жалеть об этом. Именно Геринг более, чем кто бы то ни было, помог «богемскому ефрейтору» захватить власть в стране и превратить Германию в средневековую тюрьму.

Уже в первые годы депутатства Геринга его жизнь резко изменилась. После безденежья, случайных заработков, случайных подачек наступила полоса сплошного везения (назовем это так!). Как депутат рейхстага он получал 500 марок, а как спикер НСДАП — 800 марок ежемесячно. Но главное было не в этом, главное — он открыл для себя невиданный и неисчерпаемый источник обогащения: взятки!

Все началось с авиационных фирм, которые в обход Версальского договора строили военные самолеты. Фирмы эти получали огромные прибыли, но боялись, что их могут в любой момент прикрыть. И вот Геринг стал экспертом НСДАП в рейхстаге по транспортным вопросам, в том числе и по вопросам военно-воздушного транспорта. Теперь он мог «заступиться» за крупные самолетостроительные компании, уверяя, что они производят не военные машины, а пассажирские. Герингу начали платить (так же, впрочем, как и другим представителям буржуазных партий) Люфтвагза и Мессершмитт, Юнкерс и Хейнкель. Мессершмитт, Юнкерс, Хейнкель — имена эти нам хорошо знакомы. Это они насылали на нас одетых в броню хищных птиц, уничтожавших все живое — смертоносные самолеты. Воистину: фашизм — это война!

Чем дальше, тем больше растут запросы Геринга. Если вначале он брал от Люфтвагзы по тысяче марок, то скоро потребовал 50 тысяч на устройство своего бюро, на секретаря и секретаршу, которые, надо отдать им справедливость, с завидной точностью до самого 1945 г. регистрировали все награбленные рейхсмаршалом ценности. Расширяется и клиентура Геринга, теперь ему платят дань концерн БМВ, Кирдорф, Тенгельман и Тиссен — самые мощные монополии Германии. Но и это было только начало.

Можно сказать, что Геринга — этого невиданного взяточника — взрастили германские промышленники, жаждавшие нового передела мира, то есть войны, напуганные кризисом и угрозой коммунизма.

Чета Герингов была не из тех, кто откладывает что-либо на потом. Геринги сразу же стали жить на широкую ногу. И в их салон повалили... аристократы: экс-кронпринц (с ним Геринг познакомился еще в военные годы), его брат Август-Вильгельм, по кличке «Ави», а также принц Эйтель-Фридрих — все Гогенцоллерны! — племянник кайзера принц Филипп и его брат принц Христоф

Гессенские, принц Виктор Вид, князь Хенкель Доннерсмарк (этого парализованного князя в специальном кресле привозили на нацистские сборища), принц Шаумбург Липпе, который, как и Ави, был с гитлеровцами на дружеской ноге. И многие, многие другие принцы и принцессы, князья и княжны. А в 1930 г. Геринг сподобился пить чай с самим Вильгельмом II в голландском городе Доорне, куда кайзер бежал в страхе перед собственными подданными. Похоже, что начинало сбываться грустное пророчество немецкого писателя-классика Густава Фрейтага: самая большая опасность для Германии — союз между аристократами и плебсом.

Геринг, как и Гитлер, больше всего боялся теперь потерять доверие правящих кругов Германии. Бунты «левых» в партии и СА подавлялись немедленно. Всякие выпады против крупных предпринимателей были запрещены.

Гитлер явно сблизился с жирным взяточником Герингом. От имени Гитлера Геринг вел важные переговоры, к примеру, с кардиналом Пачели, будущим папой Пием XII. Геринг клялся Пачели, что нацисты только для вида проповедуют атеизм и язычество. Пачели ему, разумеется, не поверил, но, когда стал папой, заключил с гитлеровской Германией конкордат, хотя сотни тысяч верующих стонали под игом нацизма... Побеседовав с кардиналом, Геринг отправился к Муссолини, который охотно принял его, забыв, как он третировал Геринга раньше...

И наконец, фюрер брал с собой Геринга на решающие встречи с Гинденбургом, устроенные Риббентропом и Папеном. На этих встречах они добивались любой ценой: лестью, лживыми посулами, угрозами, шантажом, но легальным путем усадить Гитлера в канцлерское кресло, дабы, во-первых, не пугать промышленников, финансовых воротил и аграриев призраком революции, а во-вторых, использовать государственный аппарат Веймарской республики для уничтожения этой самой республики.

Личные дела Геринга тоже шли как нельзя лучше. Правда, Карин умерла в 1931 г. Но уже через год с небольшим, уехав на Капри отдыхать, Геринг дал телеграмму актрисе Эмми Зоннеман, белокурой пышной даме, недавно разведенной. Телеграмму, содержащую скрытое обещание «осчастливить» ее. Краткий роман закончился законным браком. При этом Геринг, однако, желал

сохранить ампула однолюбца. Посему первым его подарком невесте была... фотокарточка Карин. Но практичную Эмми это совершенно не тронуло, ибо при их знакомстве Геринг уже был чрезвычайно влиятельный и богатым господин. Он ездил на «мерседесе» (подарок Гитлера!) с шофером в ливрее, имел две квартиры: одну казенную, вторую, так сказать, гарсоньерку, снятую и богато обставленную Фрицем Тиссенем. В этих последних апартаментах Геринг принимал высокопоставленных гостей и нацистских бонз.

Однако всю эту роскошь толстяк «отрабатывал» с ливхвой. Грубая хамская натура его развернулась в ту пору во всю ширь. Став председателем рейхстага, он орал на депутатов других партий, «срезал» их, оскорблял, давил на слабых, угрожал сильным, интриговал.

Один из жульнических маневров Геринга вошел в историю нацизма и оказался роковым для Германии. Канцлер Папен, опытный политикан, хотел распустить рейхстаг и запастись «красной папкой», указом о роспуске, подписанным Гинденбургом. Он настойчиво требовал слова, но Геринг слова ему не давал. Вместо этого Геринг проголосовал вотум недоверия Папену. И только потом с ухмылкой обратился к Папену: а теперь говорите. Папен с известной всем «красной папкой» подошел к Герингу, считая, что сразил его. Но Геринг громовым голосом возвестил: «Господин Папен, вы больше не канцлер, распустить рейхстаг не в ваших силах».

«Если бы я хоть на секунду пришел в замешательство,— хвастался Геринг впоследствии,— весь маневр провалился бы».

Да, все было рассчитано точно. После своего афронта беспринципный Папен пошел на поклон к Гитлеру (секретная встреча 4 января 1933 г. в доме банкира Кирдофа) и согласился на его канцлерство, что сыграло решающую роль. Следующий ненацистский канцлер, генерал Шлейхер, продержался всего 57 дней. На этом демократическое правление в Германии закончилось на целых двенадцать с половиной лет!

Вот как описывал Геббельс в своем дневнике 29 января 1933 г. канун прихода Гитлера к власти: «Мы как раз сидели и пили кофе с фюрером, когда пришел Геринг и возвестил, что завтра Старый барин (Гинденбург) официально предложит Гитлеру пост канцлера...» На радостях Геббельс назвал Геринга, которого ненавидел и с которым враждовал, «честным солдатом с сердцем ребенка».

30 января 1933 г. Гитлер и впрямь стал канцлером Германии. Гинденбург и другие власть предержащие буквально спасли нацистов. Ведь время работало против них. Экономический кризис, поразивший капиталистический мир, шел на убыль. Шла на убыль и популярность НСДАП, во многом объяснявшаяся экстремальной обстановкой в стране: безработицей, массовым разорением крестьян и мелких собственников в городе и деревне. Тоштал и кошелек нацистской партии — одни выборы следовали за другими, а стало быть, одно дорогостоящее шоу сменяло другое. Да и содержать партийный аппарат и штурмовиков было накладно. К тому же еще раздавать всем желающим суп в «местах встреч» с нацистами. А главное, германские богачи в любой момент могли указать гитлеровцам на дверь. И вот такой неожиданный успех!

Однако, как показали дальнейшие события, 30 января дело было сделано лишь наполовину. Из двенадцати министров в первом гитлеровском кабинете только сам Гитлер, Геринг и Фрик были членами НСДАП. Остальные восемь хотя и принадлежали к ультраправым группировкам, первоначально вовсе не намеревались действовать по указке фюрера. Двенадцатый министр, министр юстиции, впопыхах вообще не был назначен. При этом каждый из восьми членов кабинета ненацист являлся прожженным политиком, зубы съевшим на парламентских и внепарламентских интригах. И за каждым стояли крупные монополии, аграрии, военная каста... Достаточно назвать имена этих восьми: фон Папен — вице-канцлер. Только что он был канцлером, и его кабинет называли «кабинетом баронов», а сам он давно ходил в любимчиках Гинденбурга и всей реакционной клики германских милитаристов... Барон фон Нейрат, министр иностранных дел, чрезвычайно влиятельная фигура, долгое время нацистам не удавалось сместить его... Генерал-лейтенант фон Бломберг, министр обороны, ставленник генералитета, всех милитаристских сил в стране. Граф Шверин фон Крозигк, министр финансов. Занимал тот же пост при Папене и Шлейхере. Ярый милитарист и антисемит. Продержался на своем посту до 1945 г.

Гугенберг, министр экономики, продовольствия и сельского хозяйства. Крупнейший монополист, газетный король и владелец кинокомпании «Уфа»,

председатель Немецкой национальной партии, пользовался полным доверием правого крыла монополистов. Франц Зельдте, командир «Стального шлема», массовой реакционной, полувоензированной организации. Барон фон Эльтц-Рюбенах, министр почт и транспорта. Был министром у Папена и Шлейхера, за его спиной стояли католические круги. Доктор Гереке, имперский комиссар по созданию рабочих мест. Крупный помещик, чиновник, представитель земельной аристократии.

Совершенно очевидно, что Гинденбург и его окружение считали Гитлера временной фигурой. Руками Гитлера они хотели расправиться с левыми кругами, которые, по их разумению, представляли большую опасность¹. А когда черное дело будет сделано, реакционная верхушка Германии намеревалась, очевидно, избавиться и от Гитлера. Мавр сделал свое дело, мавр может уходить!.. Что касается наглеца Геринга и тупого Фрика, то крупные политики их вообще не принимали всерьез. Тем более, считалось, что эта троица надежно контролируется в кабинете восемью «приличными» министрами.

Какими бы коррумпированными, ловкими, своекорыстными и малопочтенными ни были веймарские политические деятели на последнем этапе, они просто мыслили совсем иными категориями, нежели нацисты. Им и в голову не приходило, что инакомыслящих можно засадить на всю жизнь в концлагеря без суда и следствия, выборы — отменить, партии и профсоюзы прихлопнуть, их кассы присвоить себе, а рейхстаг сжечь... Какой тут контроль, когда каждый из министров стал бояться ночного звонка в дверь и скрипа тормозов ехавшей по улице «зеленой мины» — закрытого автомобиля, в котором увозили арестованных.

Геринг на первом этапе нацистского господства оказался чрезвычайно важной, если не решающей фигурой.

Прежде чем начать воровать и грабить, собирать ценности и ордена, строить себе замки и отрезать все новые земельные угодья, он развязал в Германии чудовищный террор. Его путь к вершинам власти и богатства был буквально устлан трупами. Перевертыш Геринг показал в то время свой кровожадный, злобный и палаческий лик.

¹ Повторим ранее написанное: даже на последних выборах уже после прихода Гитлера к власти, в условиях преследований и запретов, коммунисты получили около пяти миллионов голосов избирателей, а социал-демократы — более семи миллионов.

Уже 31 января, на следующий день после прихода к власти, Гитлер назначил Геринга «чрезвычайным комиссаром» в прусском министерстве внутренних дел. Как пишут историки, очень скоро он стал «некоронованным королем» Пруссии, этой крупнейшей из всех немецких земель. С места в карьер Геринг начал чистку всего аппарата министерства. По-видимому, Геринг, как и Гитлер, прекрасно понимал значение элемента внезапности. Вот что пишет о чистке в Пруссии, учиненной Герингом, Конрад Гейден, корреспондент «Фоссише цайтунг», известный журналист, бежавший от нацистов за границу: «Он (Геринг) немедленно ввел в аппарат большое число так называемых почетных комиссаров, как, например, вождя «особых отрядов» Далюге, своего личного адъютанта Халля и Зоммерфельда. В качестве юридического советника он привлек в прусское министерство внутренних дел адвоката Гитлера доктора Лютгенбуна. Директором отдела полиции Геринг назначил весьма своеобразную личность, а именно прокурора в отставке Грауэрта, бывшего управляющего делами Союза работодателей северо-запада, самой непримиримой и антисоциальной организации германской тяжелой промышленности. Грауэрт уже давно был национал-социалистом и имел большие заслуги по части финансирования своей партии.

Немедленно во всей Пруссии начались отставки и новые назначения. Увольнялись или отпускались в длительный отпуск чиновники — от старшего председателя до уголовных комиссаров, которые были известны как сторонники левых партий. Их преемниками стали большей частью национал-социалисты. Это происходило во всех без исключения ведомствах, имевших отношение к полиции. Многочисленные фюреры штурмовиков или национал-социалистские функционеры были назначены полицай-президентами, и притом на посты, которые ранее занимали даже весьма правые чиновники... Еще до новых выборов в рейхстаг 5 марта в Пруссии было смещено несколько сот политических чиновников...» По более поздним подсчетам немецкого историка и публициста Хёне в его книге «Орден под знаком «Мертвой головы», число смещенных чиновников в прусской полиции достигло 1457 человек.

Вся свора вновь назначенных комиссаров и чиновников в великой спешке кинулась разгонять предвыборные собрания и митинги левых партий, запугивать их лидеров, избивать коммунистов и социал-демократов,

закрывать их печатные органы. Благо для этого появилась «законная» база.

4 февраля 1933 г. Гинденбург по наущению Гитлера издал так называемый закон «В защиту германского народа». Это был закон, явно противоречащий самим основам демократии, сводящий на нет свободу слова, печати и совести. Отныне можно было запретить любое собрание, любую демонстрацию, если они «угрожали общественному спокойствию».

Но это было еще только началом.

7 февраля Геринг распустил прусский ландтаг.

17 февраля он издал беспрецедентный «указ о стрельбе» — разрешение применять оружие против безоружных граждан. Вот как разъяснил Геринг этот указ своим подручным: «Полицейским чиновникам, которые при исполнении своих обязанностей пустят в ход оружие, я окажу покровительство, независимо от последствий... Напротив, всякий, кто проявит ложное мягкосердечие, должен ждать наказания по службе. Пусть чиновник всегда помнит, что непринятие мер — большой проступок, чем ошибка, допущенная при их проведении». Иными словами, убивайте! Я даю вам карт-бланш.

22 февраля Геринг издал еще один драконовский закон: «О привлечении в Пруссии вспомогательных сил в полицию», то есть о привлечении «добровольцев» из числа штурмовиков. Как это претворялось в жизнь, опять же рассказал Конрад Гейден, очевидец трагических событий тех далеких лет: «Этот приказ означал мобилизацию штурмовиков... 50 процентов вспомогательной полиции должны были состоять из штурмовиков... Всего в Пруссии было вовлечено во вспомогательную полицию около 50 тысяч человек». «Вспомогательные полицейские получали три марки в день. Это вполне удовлетворяло их. А для правительства важно было то, что эти люди получали резиновые дубинки и пистолеты».

А вот как Геринг напутствовал молодчиков из вспомогательной полиции: «Я пришел сюда не для того, чтобы блюсти справедливость, моя цель — уничтожить и искоренять. Вот и все». И далее: «Эту борьбу не на жизнь, а на смерть я веду вместе с низами, а именно с коричневыми рубашками...» Таким образом, Геринг прямо сказал, что официальное государственное учреждение отныне приравнивалось к СА, распоясавшейся своре штурмовиков в коричневых рубашках.

И наконец, 22 февраля 1933 г. (все поистине пошло

с калейдоскопической быстротой) люди Геринга ворвались в дом Карла Либкнехта, где помещался ЦК легальной Коммунистической партии Германии (мы подчеркиваем: *легальной*), и захватили все документы, в том числе списки членов компартии. С редким цинизмом Геринг заявил, что списки необходимы ему для будущих арестов. Одновременно нацисты пустили слух, что среди конфискованных материалов находятся планы... революционного переворота в Германии.

Но всего этого и Гитлеру, и Герингу было мало, чтобы развязать всегерманский террор и раз и навсегда уничтожить правовое государство в центре Европы.

Нужно было уж нечто вовсе экстраординарное. И это экстраординарное было совершено...

27 февраля запылало гигантское здание рейхстага.

А уже на следующий день, 28 февраля, Гинденбург издал закон «Об охране народа и государства», де-факто и де-юре ликвидировавший все конституционные права немецких граждан. Этот же закон вводил смертную казнь для участников антифашистского Сопротивления.

Короче говоря, в Германии было введено чрезвычайное положение.

Интересно, что авторы всех нацистских мемуаров и дневников обязательно доказывают свое алиби в день пожара. Геббельс писал, что они с Гитлером мирно ужинали, когда в 9.30 раздался телефонный звонок «Путци» — Ханфштенгля, который сообщил о поджоге, на что Геббельс сказал, что, дескать, это «бред сумасшедшего». Особо подробно было рассказано, что делал Геринг в вечер пожара. Оказывается, он сидел в своем кабинете в здании прусского министерства внутренних дел. Узнав — опять же по телефону — о поджоге, он надел верблюжье пальто, шляпу с полями (и это сообщалось) и сел в машину. Тогдашняя правая рука Геринга Дильс, шеф политической полиции, будущего гестапо, находился вместе с Папеном в Клубе господ неподалеку от рейхстага.

Встретившись на месте происшествия у пылающего здания, Гитлер, Геринг, Геббельс и Папен (то есть вице-канцлер) отнюдь не поддались панике, они как по нотам разыграли сценарий будущего процесса. Геринг закричал: «Пожар — дело рук коммунистов!» Гитлер воскликнул: «Это знак судьбы!» Геринг добавил: «Надо считать это началом коммунистического восстания». Гитлер прервал его: «Отныне никакой пощады коммунистам! Кто

встанет на нашем пути, будет уничтожен!» И так, Гитлер и Геринг уже все знали — знали, кто поджиг и кого надо уничтожать. Дело было за малым. Надо было найти преступников. И тут все шло как по маслу. У одного из выходов рейхстага полиция задержала полуголого взломаченного человека, бормотавшего какие-то невнятные слова. Этим человеком оказался голландский подданный Ван дер Люббе, подмастерье каменщика ¹. В ту же ночь по приказу Геринга было арестовано три тысячи человек, из которых он сам выбрал четырех и обвинил их в поджоге: председателя коммунистической фракции КППГ в рейхстаге Торглера и трех болгар — Танева, Попова и Димитрова. Хотя было без труда доказано, что Торглер покинул здание рейхстага за час до пожара, Геринг тупо повторял, что видел его на фоне горящего здания.

На экстренном заседании кабинета Геринг заявил, что поджог рейхстага был коммунистическим ответом на конфискацию секретных материалов КППГ в доме Карла Либкнехта. В этих материалах якобы значилось, что коммунисты собираются совершать покушения на крупных деятелей, поджигать общественные здания, отравлять еду в общественных столовых, а детей и жен министров красть и держать в качестве заложников. Чтобы распространить панику в стране, Геринг распорядился закрыть музеи и дворцовые ансамбли...

Но никакой паники не возникло. Наоборот, и в самой Германии и за ее пределами люди заговорили о том, что рейхстаг подожгли сами нацисты.

Конечно, демократически настроенные юристы и общественные деятели не могли вести расследование в условиях нацистского террора. Но история показывает, что современники — граждане страны, где была совершена политическая провокация, убийство или другой акт беззакония, очень часто узнают их истинных виновников. Сопоставляя факты, прислушиваясь к рассказам очевидцев (известно, что рядовые преступники часто выбалтывают

¹ Нельзя сказать, что Ван дер Люббе был люмпеном и предателем, как его многие называли в 30-х годах. Он, по-видимому, не был сознательным пособником нацистов. А тот факт, что он не сумел защитить ни себя, ни других, говорит только об одном: в условиях тоталитарного государства (а оно уже почти сложилось в Германии) надо было обладать для этого совершенно выдающимся мужеством и умом, какими обладал лишь Димитров. Нацистский суд по сострепанному новому указу приговорил Ван дер Люббе к смерти *вопреки* всем германским конституционным законам.

тайны либо родным, либо совсем незнакомым людям), они докапываются до истины. Так было и на этот раз; штурмовики, задействованные в поджоге, нет-нет да и хвастались в пьяном виде своим участием в столь громком деле. Правда, их постепенно ликвидировали, но на это тоже требовалось время, а слухи просачивались... Уже в марте 1933 г. в прусское министерство внутренних дел поступил донос на то, что в «Форвертсе», органе социал-демократов, имеется материал, в котором министр Геринг фигурирует как виновник поджога рейхстага. Через несколько дней было зафиксировано аналогичное сообщение в отделе здравоохранения Берлин — Центр. 5 мая стало известно, что некий Краузе, член «Стального шлема», работавший в чиновничьем квартале Берлин — Далем кем-то вроде нашего управдома, прямо заявил: «Рейхстаг поджег Геринг».

На западе очень оперативно была выпущена «Коричневая книга», где доказывалось то, что уже было ясно большинству подданных в империи Гитлера: рейхстаг подожгла группа берлинских штурмовиков, проникшая туда через подземный ход, который вел из казенной квартиры Геринга. Естественно, что операция подготавливалась заранее, поскольку надо было незаметно пронести несколько центнеров горючего материала и притом в здание, охраняемое привратниками и сторожами. Долгое время считалось, что всей акцией руководил лично Геринг. Эту версию приняло большинство известных западных историков: английский историк Буллок, американский — Ширер, немецкий — Брахер и другие. Правда, в более позднем исследовании историка Чалича говорится, что кроме Геринга поджогом рейхстага занимался и малоизвестный тогда Гейдрих, который для этой цели приехал из Мюнхена в Берлин ¹.

В сентябре 1933 г. состоялся вошедший в историю как пример мракобесия и лжеправосудия Лейпцигский процесс над Ван дер Люббе и остальными схваченными Герингом людьми. На этом процессе Геринг выступал

¹ В 1959 г. в журнале «Шпигель» было напечатано сочинение некоего Фрица Тобиуса, министерского советника ведомства по защите конституции в ФРГ, который утверждал, будто огромное здание рейхстага мог спалить один Ван дер Люббе. Немецкий историк Момзен быстренько присоединился к Тобиусу. Это использовал английский историк Дэвид Ирвинг, который написал чрезвычайно увлекательную книгу о Геринге и счел, что его «героя» оболгали, обвинив в поджоге рейхстага. Посмертное оправдание Ван дер Люббе судом, похоже, не произвело ни на Момзена, ни на Ирвинга особого впечатления.

главным свидетелем обвинения — чудеса нацистского судопроизводства! Геринг вопил, ругался, прерывал не только подсудимых, но и председателя суда, который, в свою очередь, лишал слова нежелательных свидетелей, юристов, а главное, Димитрова — выводил его из зала и т. д. Тем не менее процесс провалился благодаря мужественному поведению Димитрова и из-за полного отсутствия серьезных улик. Логика Димитрова, его самообладание и достоинство сделали храброго болгарина не только моральным победителем, но и спасли жизнь всем коммунистам-подсудимым. Лишь несчастного Ван дер Люббе, который не то под действием наркотических средств, не то по каким-то другим причинам признал себя поджигателем, приговорили к смертной казни и спешно расстреляли.

Была еще вторая жертва Лейпцигского судилища: многолетний начальник берлинских пожарных команд, обер-брандиректор Гемп, который, согласно официальной версии, давал «противоречивые показания». Через месяц после поджога он был отстранен от должности якобы «за попустительство марксистской и коммунистической подрывной работе», хотя Гемп отнюдь не сочувствовал левым. Потом Гемпа начали таскать на допросы, а затем заключили под стражу. 2 мая 1939 г. его нашли в камере задушенным.

Лейпцигский процесс особо интересен по двум причинам:

Во-первых, даже тень гласности и независимости суда мешала нацистам вершить их темные дела. Процесс настолько напугал Гитлера, что с тех пор он ни разу не давал санкции на открытое судебное разбирательство. В «третьем рейхе» убивали в обстановке глубокой секретности.

Во-вторых, все последующие провокации нацистов строились примерно по той же схеме: на месте преступления находили какого-либо неуравновешенного, запутавшегося субъекта, либо «левого», либо еврея, за спиной которого стояли сами нацисты, внушая ему, что он «герой Сопротивления».

Дело о «поджоге рейхстага» было сработано топорно и грубо. И вызвало самый неблагоприятный резонанс за границы. Но нацисты словно с цепи сорвались. Им надо было как можно скорее демонтировать буржуазно-демократический строй в Германии. Для этого все средства были хороши, а Геринг — подходящая фигура.

Демонтаж демократии, на наш взгляд, закончился задолго до Лейпцигского процесса, уже в июле 1933 г. К тому времени все партии, кроме НСДАП, были либо запрещены, либо «самораспустились», естественно, под давлением террористического нажима. Закон от 14 июля (всего через полгода после прихода гитлеровцев к власти) был опубликован в «Немецком вестнике законов» и гласил:

«Имперское правительство приняло следующий закон, обнародованный ниже:

§ 1

В Германии существует одна-единственная политическая партия, Национал-Социалистская Рабочая Партия.

§ 2

Каждый, кто предпримет попытку сохранения другой политической партии или создания новой политической партии, будет приговорен к 3 годам каторжной тюрьмы или к тюремному заключению от 6 месяцев до 3 лет, если его действия, согласно другим указам, не повлекут за собой более тяжелого наказания.

Берлин, 14 июля 1933 г.
Рейхсканцлер
Адольф Гитлер
Рейхсминистр внутренних дел
Фрик
Рейхсминистр юстиции
Д-р Гюнтнер».

Так было покончено с демократией в Германии...

* * *

Но карьера Геринга только начиналась. Громадная шайка нацистов, захватившая власть, еще представляла собой нечто бесформенное, клубок змей, кучу политиканов, ожесточенно дравшихся между собой. Лишь Гитлер занял свое место на верхней ступеньке пирамиды. За все остальные ступеньки шла борьба не на жизнь, а на смерть.

И тут Геринг сделал гениальный ход. Воспользовавшись тем, что в его руках был полицейский аппарат Пруссии, он создал так называемый Исследовательский

центр. Название звучит как насмешка. В Исследовательском центре не сидели за кульманами и не склонялись над микроскопами. Там подслушивали телефонные разговоры, записывали их и «исследовали». А люди в Германии еще не научились у себя дома, говоря по телефону, бояться раскрыть рот. Так никогда и не научились этому иностранные дипломаты. И даже нацистские боссы не освоили сию науку. В первое время новый центр явно недооценили. Тем более что там сперва работало всего 20 сотрудников. И помещался он где-то в скромной мансарде.

Забегая вперед, скажем, что Геринг отдал в 1934 г. Гиммлеру прусскую полицейскую машину, а свой Исследовательский центр, несмотря на многочисленные маневры и прямые наскоки коварного Гиммлера, наглого Гейдриха, необузданного Кальтенбруннера, не уступил ¹. В 1942 г. Гиммлер напрямик обратился к Гитлеру с требованием присоединить к своей «империи смерти» Исследовательский центр. Не тут-то было. Гитлер порекомендовал нацистскому обер-полицейскому утрясти спорный вопрос с... Герингом. Так и остался центр, который перешел на баланс министерства авиации (бюджет прусского министерства внутренних дел его не выдерживал!), ахиллесовой пятой Гиммлера и его аппарата. Без заглавной буквы «G» — Геринг, в Исследовательском центре не разрешалось подключаться ни к одному телефону. И любой расшифрованный разговор прежде всего ложился на стол к Герингу.

Почему центр Геринга приобрел такое большое значение?

Гитлер и его сподвижники не доверяли агентуре. Такова уж была особенность нацистского строя — тотальное недоверие. Усугублялось это спецификой шпионской работы. Агент должен был иметь некоторую самостоятельность, хотя бы свободно общаться с «подозреваемым» (объектом слежки). По логике нацистов, «объект» мог его перевербовать. Далее, агент должен был время от времени выезжать за границу. Как за ним уследишь? И т. д. и т. п.

Подслушивание и гигантская картотека были надежно засекречены, всегда под бдительным надзором. Каждый из сотрудников — а центр вырос до 3500 человек —

¹ Только 3 сентября 1944 г. Геринг обещал снять подслушивающее устройство с аппарата Гиммлера.

давал специальную подписку (присягу) о неразглашении тайны. Подписка-присяга требовалась и от подслушивателей, и от дешифровальщиков, и от лингвистов (переводчиков). У центра за 12 лет было всего два начальника: сперва Шимф, а после 1935 г., когда Шимф покончил с собой, запутавшись в какой-то грязной истории, принц Христоф Гессенский (родственник герцога Эдинбургского).

Уже в 1935 г. центр занимал комплекс зданий в районе Шарлоттенбург в Берлине. Проникнуть в эти здания постороннему было невозможно — их охраняли целые кордоны вооруженных людей. Вооруженные охранники расхаживали и по длинным коридорам центра. Каждый клочок бумаги нумеровался и регистрировался — выносить из зданий ничего не разрешалось.

Итоги «исследований», то есть подслушивания, печатались на коричневой бумаге (на каждом листке была надпись: «Совершенно секретный имперский документ»). Официально листки так и назывались — «коричневые листки», и центр рассылал их многим постоянным адресатам, включая Гитлера. Вот как выглядела процедура рассылки: «коричневые листки» вкладывали: 1) в специальные двойные конверты, 2) в специально запечатанные папки (у каждого адресата была своя папка), 3) в ящички для пневматической почты, обслуживавшей правительственные здания. Конверты и папки развозились засекреченным курьером по адресам, обозначенным шифром. Разумеется, адресаты тоже давали подписку о неразглашении. Кроме того, они расписывались на трех квитанциях за каждый «коричневый листок».

С 1937 г. все сотрудники стали носить авиационную форму, поскольку, как уже было сказано, центр оплачивался на этом этапе из бюджета министерства авиации. Но форма также служила целям конспирации.

Отделения центра были открыты во всех оккупированных странах, равно как и в странах — союзницах Германии. Контролировалась и телеграфная сеть, проходившая по территории Германии или на оккупированных нацистами территориях. Люди Геринга сумели подключиться к многим подземным кабелям. Таким образом, перехватывались все телеграммы между Лондоном и Индией, между Парижем и Таллинном, между Веной и Прагой.

С помощью своего Исследовательского центра Геринг был, что называется, вездесущ. Так, например, стоило его сотрудникам подслушать в 1943 г. разговор

№ 400784 о том, что военный концерн Хейнкеля плохо снабжается в Вене для строительства самолетов Хе-219, как Геринг, разыгрывая из себя ясновидящего и добряка, звонил директору концерна и предлагал свою помощь. Неоценимые услуги оказывал центр нацистам и в их торговых и финансовых операциях. Разговоры всех торговых иностранных миссий в немецких отелях неизменно подслушивались. Прекрасно использовал «коричневые листки» и такой уважаемый министр, как Нейрат, и его куда менее уважаемый преемник Риббентроп. Из «коричневого листка» № 34500 в марте 1938 г. нацисты узнали, к примеру, что Великобритания не придет на помощь Австрии, а из «коричневого листка» № 83000 в сентябре 1938 г. (на нем были записаны переговоры между Лондоном и тогдашним президентом Чехословакии Бенешом), что Англия не намерена помогать Чехословакии. Воистину неоценимая информация! Подслушивались также частные, зачастую интимные разговоры государственных деятелей, и они нередко использовались. Впрочем, Геринг и его адресаты не довольствовались нечестно добытыми сведениями. Информация превращалась в их руках в злостную дезинформацию. Центр и его «коричневые листки» они использовали в борьбе с Ремом и во всех других разбойничьих акциях.

Как это делалось?

Чрезвычайно примитивно. Вот один пример: люди Геринга подслушали 25 января 1934 г. разговор влиятельного церковника, антифашиста пастора Нимеллера с неизвестным лицом. В разговоре было сказано, что Гитлера пригласит к себе президент Гинденбург и что у президента будет к тому времени меморандум группы Нимеллера.

По этому случаю Гитлер и Геринг разыграли целый спектакль. Гитлер вызвал к себе Нимеллера и начал обвинять его в нелояльности к режиму. И тут в кабинет ворвался Геринг, размахивая «коричневыми листками». Геринг заорал: «Вот что вы, Нимеллер, говорили по телефону: «Мы здорово обработали старика (Гинденбурга.— Л. Ч.). Теперь уж ему не отвертеться. Эту б... (Гитлера.— Л. Ч.) он наконец-то выгонит вон». Ничего подобного Нимеллер, разумеется, не говорил.

Подытоживая, скажем: Исследовательский центр давал его хозяину, Герингу, огромные преимущества. Можно сказать, что Геринг получил действенный инструмент контроля. В первую очередь контроля над своим же

братом «партайгеноссе» в высших эшелонах власти. Именно это его больше всего интересовало. Во всех сложнейших интригах, которые плелись вокруг «трона» фюрера, он всегда имел тайные козыри, что вызывало страх у его врагов и соперников. А все «толпящиеся у трона» были априори его врагами и соперниками. Как мы видели, Геринг подбрасывал соответствующую информацию (или дезинформацию) и Гитлеру ¹.

Не надо думать, однако, что Исследовательский центр был единственным детищем Геринга. Так называемые «дикие концлагеря» также дело его рук. Их еще именовали «пещерами пыток». Штурмовики Геринга хватили коммунистов, социал-демократов, левых интеллигентов, евреев и просто неприглянувшихся им людей, заталкивали их в закрытые фургоны и везли в свои «пещеры». Иногда «пещеры» помещались в подвалах, иногда на чердаках, иногда в нежилых квартирах. Людей в «диких концлагерях» избивали, морили голодом, пытали электрическим током. «Дикие лагеря» продержались сравнительно недолго, но темный, безотчетный страх, который они оставили по себе, преследовал немцев все двенадцать лет нацистского господства.

Кроме «диких лагерей» Геринг создал и два «штатных» концлагеря — в Ораниенбурге и в Папенбурге. Эти два лагеря он позже передал Гиммлеру.

26 апреля 1933 г. в прусском полицейско-президиуме, уже превращенном Герингом в штаб не подотчетных никому бандитов и громил, была создана тайная политическая полиция. В июле она получила официальное название «гестапо». Эту аббревиатуру кто-то из чиновников переделал в «гестапо». Начальником гестапо стал Дильс, большой прохвост, дружок и подпевала Геринга. В 1941 г. Дильс женился на племяннице Геринга, потом бросил ее. В Нюрнберге выступал против Геринга как свидетель обвинения.

Власть Геринга в Германии возрастала с каждым днем. 10 апреля 1934 г. Гитлер назначил его министром-президентом Пруссии.

Одновременно Геринг с бешеной быстротой перевооружал Германию. Самолетостроительные фирмы под

¹ По утверждению английского биографа Геринга Дэвида Ирвинга, картотека центра после войны бесследно исчезла. Только разрозненные документы случайно всплывают в некоторых архивах. Сам факт исчезновения чрезвычайно знаменателен. Неужели кто-то до сих пор пользуется «коричневыми листками»?

видом строительства спортивных и транспортных самолетов перешли на производство боевых машин. Заводы Юнкера и Хейнкеля росли как на дрожжах. В 1934 г. на предприятиях Юнкера работало уже 9000 человек. В то же время 2 миллиона рабочих строили аэродромы, взлетно-посадочные полосы и казармы для летчиков, на сей раз под маркой «стройки века» — гитлеровских автострад.

Вообще 1934 г. значил в жизни Геринга очень много. В частности, он был одним из организаторов расправы с Ремом.

Кровавая резня 30 июня 1934 г., когда Гитлер уничтожил верхушку СА, была заключительным этапом борьбы за власть внутри нацистских рядов. СА — самая массовая организация гитлеровцев, стремилась установить свою диктатуру с помощью «второй революции». При этом главари СА использовали «левые» лозунги: «Долой финансовый капитал», «Долой владельцев крупных универсальных магазинов» и т. д. Лозунги, которые в свое время провозгласил сам Гитлер, а потом отказался от них. Особую опасность представлял Рем для военной касты Германии¹, ибо держал в своих руках миллионное вооруженное войско и хотел «поглотить» с его помощью стотысячный рейхсвер, регулярную армию. Опираясь на военных, промышленников и аристократов, Гитлер в июне 1934 г. раз и навсегда покончил с Ремом, расстреляв его сподвижников в камерах, в подвалах, в кабинетах, а иногда и в спальнях, куда врывались его отряды СС. Заодно он ликвидировал и всех оппозиционных политиков, начиная от бывшего канцлера Шлейхера до нациста Штрассера. Безусловно, 30 июня Гитлер не только устранял конкурентов, но и выполнял социальный заказ верхов Германии. Однако это всего лишь схема.

На самом деле «ночь длинных ножей» была не столько проявлением классовой борьбы, не столько политической борьбой, сколько борьбой разбойничьих атаманов друг с другом.

И это хорошо видно на примере Геринга. «Толстобрюхий Герман», как его называли в Германии, проявил и до событий и во время них необыкновенную активность². Сперва он собирал фальшивые «коричневые листки» — дескать, Рем готовит заговор против фюрера,

¹ 30 июня 1934 г. генерал Фрич привел войска в боевую готовность.

² После 30 июня Геринг получил поздравительную телеграмму от Гинденбурга за подавление «заговора».

хочет его убить. Потом по приказу Гитлера руководил расстрелами в Северной Германии, в том числе в Берлине и Потсдаме. (Генерал Шлейхер, бывший рейхсканцлер, и его жена были убиты в своем доме в Бабельсберге, под Потсдамом.)

Однако Геринг действовал не только по «велению свыше», но и по чисто личным мотивам. В 1934 г. этот новоиспеченный генерал (его сделали генералом 31 августа 1933 г.) мечтал стать главой немецкой армии — не то военным министром, не то главнокомандующим. Правда, кроме Рема, который претендовал на звание генералиссимуса, были еще генералы Бломберг и Фрич, первый — военный министр, второй — главнокомандующий сухопутными силами. Но Геринг понимал, что справиться с ними будет куда легче. И действительно, в 1938 г., накануне войны, Гитлер смахнул их с шахматной доски нацистской политики одним небрежным движением.

Стало быть, главным соперником для Геринга был Рем. Ради его уничтожения Геринг готов был принести «персональные» жертвы. В первый и последний раз в жизни Геринг предпочел журавлю в небе (посту военного министра) синицу в руке — власти над гестапо и прусской полицией. Без отрядов СС и их шефов Гитлера и Гейдриха нельзя было расправиться со штурмовиками, а значит, Гиммлеру и Гейдриху следовало отвалить «жирный кусок». Так гестапо отошло к Гиммлеру, который в то время уже фактически подчинил себе все полицейские силы в Германии, за исключением тех сил в Пруссии, которые крепко держал в своих жирных руках Геринг.

* * *

Мир содрогнулся, узнав о «ночи длинных ножей». Людей убивали без суда и следствия, убивали по тайному сговору, как в Варфоломеевскую ночь. Но история показала, что политики очень часто не делают выводов и не извлекают уроков из кровавых событий. После 30 июня иностранные послы демократических держав с удовольствием проводили время с хлебосольным Герингом. Назовем их поименно: посол Великобритании Фипс (Фипса намного превзошел его преемник Гендерсон, просто-таки восхищавшийся «железным Германом»), посол Франции Франсуа-Понсэ, посол Польши Липский (этот особенно подружился с Герингом).

После 30 июня, покончив с потенциальным соперником Ремом и заключив временное соглашение

с Гиммлером, Геринг впал в эйфорию. Этому способствовала и смерть Гинденбурга 2 августа 1934 г. И хотя Гинденбург был очень старым, некоторый страх гитлеровцам он все же внушал. И Геринг поторопился — сразу же привел всех офицеров и солдат военно-воздушных сил к присяге не... Германии, а лично фюреру нацистов. И так, отныне в рейхе был один Бог, и, соответственно, один Пророк его — сам Геринг. 7 декабря 1934 г. это было подтверждено, так сказать, на государственном уровне — в этот день Гитлер издал два секретных указа¹. Согласно первому указу, Геринг назначался заместителем фюрера, если тому будет трудно совмещать пост президента и канцлера. Согласно второму Геринг провозглашался в случае смерти Гитлера его преемником.

Эйфория Геринга выражалась в том, что он за все стал хвататься: за иностранные дела, за экономику, даже за... искусство.

Доморошенная иностранная политика вообще была особенностью гитлеровского правления. Не только Геринг, но и Розенберг считал себя первоклассным дипломатом. Дипломатом-«любителем» был и Риббентроп, назначенный Гитлером на пост министра иностранных дел в 1938 г., что вызвало глубокое недовольство Геринга.

Некоторое время, однако, Геринг нахально дублировал профессионала фон Нейрата: вел переговоры с Италией и Польшей, совершал вояжи в Венгрию, Югославию (там он хоронил югославского короля Александра, видимо, убитого не без участия нацистов), в Грецию. Зондировал почву, чтобы выяснить отношение Англии к рейху. Союз с Англией («нельзя, чтобы две самых чистых расы в мире враждовали», — повторял Геринг) был заветной мечтой каждого нацистского политика. Однако за граница не принимала всерьез Геринга. В дипкорпусе распространялись остроты Буллита, доверенного лица Рузвельта: «Задница Геринга диаметром в ярд» и «Геринг — это задница слона». Кто-то из дипломатов сказал также, что Геринг — карикатура на немецкого тенора в вагнеровской опере.

Куда успешней шли дела Геринга в германской экономике, где он сперва наступал на пятки профессионалу Шахту, а потом и вовсе оказался ее «куратором». Этот

¹ Да, секретных! В каждом благодеянии Гитлера была заложена какая-либо гадость. Попробуй «качать права» — указ-то секретный!

капитан в отставке лихо командовал капитанами немецкой индустрии, своими взяточдателями и друзьями. Тут он говорил от имени Гитлера, призывая промышленников и финансистов форсированно развивать военные отрасли и создавать сырьевую базу для военных нужд.

Усилия Геринга в области экономики не пропали даром — 4 апреля 1936 г. он был назначен «комиссаром» по вопросам сырья и горючего. А уже 18 октября 1936 г. возглавил Комитет по четырехлетнему плану. Слова «четырёхлетний план» расшифровывались просто: это был план усиленной подготовки к агрессии. И Геринга он фактически делал хозяином всей экономики страны, подчиненной гонке вооружений.

Наконец в июле 1937 г. был создан государственный концерн-гигант, руководителем которого стал Геринг. Концерн вошел в историю нацизма под названием «Герман Геринг-верке» («заводы Германа Геринга»). Начав с капитала 5 миллионов марок, он уже через год оперировал 400 миллионами марок. Из них всего лишь 25 миллионов можно считать акционерным капиталом. Концерн был так же прожорлив, как и сам Геринг, он проглатывал не только «аризируемые» фирмы (хозяев этих фирм — евреев отправляли в концлагеря, если они не успевали бежать), но и чисто «арийские» (немецкие) предприятия. После начала агрессии концерн Геринга проникал во все оккупированные страны, захватывая горнорудные комбинаты, металлообрабатывающие, калийные заводы и т. д.

Создавая свой гигантский управленческий аппарат, Геринг не отказывал себе в удовольствии поиздеваться над промышленными воротилами, которые как-никак считали себя создателями этой «слоновой задницы». Так, однажды он заявил, что немецкую промышленность губит бюрократизм. И привел такой пример: одна немецкая экспортная фирма при торговом обороте 60 тысяч марок в месяц должна была получить на своих бумагах 1900 подписей и заполнить 15 тысяч формуляров.

Ирония судьбы заключалась в том, что именно огосударствление всех сторон жизни, проведенное нацистами, и плодило неслыханный бюрократизм. Даже если бы не было войны, можно смело предположить, что Геринг и К^о разрушили бы германскую экономику. Характерно, что в конце нацистского правления не только Гитлер сожалел, что не экспроприировал немецкую тяжелую

промышленность, но и Геринг. На последнем этапе он и Гиммлер вообще предлагали отдать самые важные отрасли промышленности начальникам концлагерей, ведь заключенными было куда проще управлять.

Примерно в те же годы — от 1934 до 1938 г. создавался «имидж», образ Геринга в глазах окружающего мира, своего рода постоянная «маска», как в итальянской «комедии масок». Трудно однозначно сказать, что это была за «маска». Жирного хапуги и взяточника? Личного шута Гитлера? Сверхбогача с потугами на аристократизм? Собирателя драгоценностей, антиквариата, лошадей и машин? Друга животных и убийцы людей? Надутого павиана, обвешанного орденами всех отечественных и иностранных марок? Просителя все новых и новых постов и званий? ¹

Сразу же после 1933 г. Геринг начал тратить гигантские суммы на обустройство тех казенных зданий, куда вселялись его ведомства (прусское правительство и министерство авиации), на перестройку казенных квартир, на постройку собственных дворцов.

Купив (за взятки) поместье Вальдхоф в 80 километрах от Берлина, Геринг переименовал его в Каринхал (в память о первой жене Карин), построил там дворец, поражавший всех роскошью и безвкусицей.

Кроме Каринхала Геринг захватил, или купил, или взял в качестве подарка множество других крупных владений, в частности огромный кусок земли в Оберзальцбурге (Бавария), неподалеку от Бергхофа, имения Гитлера. Баварское правительство «подарило» ему еще одно поместье в Хохрейте. Заграбастал Геринг и замок Вельденштайн, в котором жил в юности.

Но начнем сначала...

В главном здании министерства авиации было не то 2800, не то 3000 комнат. Соединив четыре зала, Геринг сделал себе кабинет; его письменный стол был величиной в пять квадратных метров, кресла, обитые вишневым бархатом и украшенные золотой тесьмой, также были необыкновенных размеров.

Для постройки Каринхала ² жадный Герман с места в карьер потребовал 15 миллионов марок (по тем ценам

¹ Вот еще один штрих: получив от Гитлера звание генерала авиации, Геринг сразу же стал выпрашивать звание фельдмаршала. Правда, фельдмаршала ему присвоили лишь после разгрома старого генералитета в 1938 г. (дело Бломберга и Фрича).

² Строительство Каринхала было закончено в июле 1937 г.

нечто небывалое!) от министерства авиации и прусского правительства. Два известных архитектора сделали проект за 10 месяцев, и работа закипела. В этом поистине уникальном дворце вестибюль был шириной 50 метров и длиной 150 метров. Кроме огромного салона Геринг построил две гостиных — золотую и серебряную, — в них он выставлял подарки, «преподнесенные моим народом» (выражение Геринга). Дизайнеры проектировали не только мебель для дворца (на каждом предмете был «герб» Геринга. Дипломаты называли его «сборная солянка»), но и униформы для геринговских лесников и ливреи для его челяди. Камердинеры Геринга носили золотистые камзолы, штаны до колен и гамаша — все а-ля XVIII век. Обои в Каринхале были из пергамента, хрустальные люстры — огромных размеров, канделябры — золотые, настенные ковры — неслыханной ценности. Во внутреннем дворе били фонтаны, подсвеченные прожекторами. В аллеях на каждом шагу стояли мраморные статуи.

Из всей Европы в Каринхал свозился антиквариат — старинные вазы и ковры, скульптуры и безделушки, слоновая кость, золото, янтарь. Эмиссары Геринга сперва скупали полотна старых мастеров, потом просто крали их из частных коллекций, музеев и картинных галерей.

Одна из секретарш Геринга, фройляйн Грудтман, вела толстые конторские книги, в которых записывала все сокровища, попадавшие тем или иным путем в руки ее патрона. В книгах этих — нескончаемые списки «дарителей»: немцев и иностранцев, послов и шпионов, аристократов и министров, издателей и промышленников масштаба Фрика, Тенгельмана, Круппа, бургомистров буквально всех немецких городов — от Аахена до Цоссена. Нетрудно догадаться, что подарки эти — попросту взятки.

Во всех домах, в которых жил Геринг, обязательно вделывались клетки для львов. За 12 лет этот хапуга «воспитал» 7 львов. Время от времени в присутствии почетных гостей (однажды это были сыновья Муссолини и их жены, в другой раз — министр иностранных дел Австрии Гвидо Шмидт) Геринг появлялся в сопровождении крупного льва и с ухмылкой наблюдал, как визжат дамы и бледнеют мужчины. Даже в прусский совет министров Геринг зачастую приводил льва.

Чрезвычайно много времени и внимания уделял Геринг и своей внешности. На невероятно толстое тело он напяливал совершенно фантастические одеяния. Вот

несколько примеров: *Охотничий костюм* — ярко-зеленая кожаная куртка, коричневые бриджи, высокие сапоги, кинжал в красных ножнах, поверх всего — короткое пальто, отороченное мехом, на голове зеленая шляпа с плюмажем. *Костюм домашний*: алая шелковая рубаша навыпуск, рукава с буфами, копые (!). *Костюм рыцарский*: сафьяновые сапоги с позолоченными шпорами, шелковая блуза, мантия до пола, как у французских королей. *Костюм нарядный*: древнегреческая тога и сандалии, украшенные драгоценными камнями. На официальных приемах в присутствии Гитлера Геринг появлялся в чрезвычайно странных белых мундирах, иногда, по свидетельству очевидцев, даже в бархатных. Под плечи Герингу подкладывали большие подушки, чтобы «сбалансировать» ширину плеч с шириной бедер.

Нынешние «металлисты», безусловно, позавидовали бы количеству металла, которым украшал себя Геринг, — он носил массивные золотые перстни с бриллиантами, сапфирами, изумрудами, броши, цепи... И ордена. Ордена на шее, на груди...

Ногти на огромных ручищах Геринга были наманикюрены, он душился, красил щеки, губы...

Этот разукрашенный и раскрашенный монстр устраивал время от времени какие-то полуязыческие церемонии... Балы, охоты... 20 июля 1934 г., за десять дней до «ночи длинных ножей», Геринг перенес из Швеции в специально построенный в Каринхале мавзолей (он был сделан из бранденбургского гранита, толщина стен достигала почти двух метров) останки своей первой жены Карин. Железнодорожные станции на всем протяжении следования поезда в Германии украшали траурные флаги, на перронах шпалерами стояли парни из гитлерюгенда, играли духовые оркестры, охотники трубили в охотничьи роги... В Германии говорили, что со времени фараонов никто не устраивал своим женам таких похорон. Когда гроб с останками Карин прибыл в Каринхал, Геринг сошел в мавзолей по ступенькам вдвоем с Гитлером. Злые языки утверждают, что именно там, за толстыми стенами, они и договорились окончательно об убийстве Рема и других неугодных фюреру лиц!

Не менее «оперной» (а может, опереточной!) была и свадьба «слоновъей задницы» с актрисой Эмми Зоннеман. Движение в Берлине было остановлено, 30 тысяч солдат очищали дорогу, по которой в открытой машине, украшенной нарциссами и тюльпанами, ехали жених и невеста (невеста, впрочем, не только уже давно жила в Каринхале, но и сопровождала Геринга повсюду в роли

«личной секретарши»). Перед домом министр-президента Пруссии развевались флаги, над собором, где венчали Геринга и Зоннеман, кружили самолеты, за штурвалами которых сидели немецкие асы — дружки жениха. Далее был «скромный» завтрак в отеле Кайзергоф на 320 персон. Все расходы по этой свадьбе взяла на себя «имперская палата ремесла» (объединение ремесленников). Остальные позаботились о подарках: уникальных сервизах из королевских мануфактур, сапфирах, орденах (орденом, в частности, наградил Геринга по случаю свадьбы болгарский царь Борис!), спальнях и т. д. и т. п.

Вот как генерал Гудериан охарактеризовал «образ жизни» Геринга: «Геринг... поддался соблазнам вновь обретенной власти, усвоил себе привычки феодалов — начал собирать ордена, драгоценные камни, антиквариат, построил себе небезызвестное поместье Каринхал и предался кулинарным утехам, результаты которых не преминули сказаться»¹. Далее Гудериан приводит всем известное в Германии того времени «изречение» Геринга: «Я — человек Ренессанса. Люблю великолепие!»

Интересна также оценка Каринхала английским историком Ирвингом, который написал почти восьмисотстраничную биографию фельдмаршала, явно стараясь несколько приукрасить это чудовище.

«... Каринхал превратился в крикливый, перегруженный роскошью дворец, чрезмерно огромный, вульгарный, прямо-таки гротеск, как и его хозяин. Казалось, блеском и роскошью он хочет затмить Голливуд. А одежды Геринга становились все более причудливыми, его замашки все более абсурдными...»

Однако западные историки почему-то забывают, что подобные излишества и роскошества стали возможными лишь в условиях нацистского режима. Надо было лишить граждан Германии не только элементарных демократических прав (хотя бы права запроса в парламенте, на какие средства живет Геринг, или права журналистов написать, что он вымогает взятки), но и фактически отменить все законы: налоги на землю, на недвижимость, контроль за доходами и т. д. Но в фашистском «Зазеркалье» жизнь людей принадлежала фюреру и его сатрапам, ведь они присвоили себе право перекраивать карту мира, так почему же запрещать Герингу конфисковывать целые состояния и «перераспреде-

¹ На вопрос, какими гормональными расстройствами можно объяснить тучность Геринга, личный врач Геринга в 1945 г. кратко ответил: «Он слишком много жрал».

лять» в свою пользу накопленные богатства, невзирая на какие-то там «права» и даже на государственные границы?

Прибавим к этому, что ничем не ограниченная власть нацистских политиков с самого начала приучила их не делать различия между государственным карманом и своим. Глубокое неуважение гитлеровцев к личной собственности (нацистский рейх то и дело конфисковывал состояния, отбирал их у «неарийцев», «лиц смешанной национальности», «неблагонадежных», «эмигрантов» и «врагов нации») приводило к тому, что появилось очень много бесхозных домов и предприятий, вилл и поместий, и каждый, кто был допущен к государственному пирогу, без зазрения совести присваивал их.

Как показала история, государственное беззаконие и аморальность личности всегда идут рука об руку.

Но возникает еще один вопрос: хотя нацисты и отказались на деле от левых лозунгов, они продолжали утверждать, будто пекутся о народе. Твердили, что навек ликвидировали безработицу, что все истинные немцы пользуются социальными преимуществами, какими раньше пользовались только богачи. Партия нацистов НСДАП расшифровывалась так: национал-социалистическая (мы пишем социалистская, ибо так было принято писать у нас с 30-х годов) немецкая рабочая партия. И так, социалистическая... рабочая...

Как же Геринг не боялся выставлять напоказ свои дворцы и бриллианты? Купаться в роскоши?

Фашистский строй развратил обывателя. Отучил его мыслить, сопоставлять, привил ему безграничное послушание, раболепие. А это прививало «человеку с улицы» чисто лакейскую, если не сказать рабскую, психологию — преклонение перед силой, «удачливостью».

Беззакония происходили на глазах у всех. Мол, смотрите! В этом был один из «фокусов» нацистского строя!

Геринг хвастался не только тем, что он «человек Ренессанса», но и тем, что он «любимец» немецкого народа. Как ни дико это звучит, но обыватель и впрямь не возмущался, а восхищался Герингом. Для обывателя он был «понятен». Жена — роскошная блондинка. Молодец наш Геринг! Орденов — тьма! Раз дают — почему не брать! Бриллианты на каждом пальце. Здорово! Отобрал у каких-то «Израэлей»¹. Так и надо этим Израэлям,

¹ В нацистской Германии каждому еврею мужского пола (до тех пор пока его не уничтожили) предписывалось прибавлять к своему имени имя Израэль.

попользовались и хватит. Пусть теперь пользуется наш брат, ариец. Бросающиеся в глаза пороки Геринга вызывали даже некоторое умиление. Взяточник, казнокрад, хвастун... Кто не без греха... Все мы люди, все человеки...

В оправдание немецкого обывателя надо сказать, что знал он о «железном Германе» далеко не все. Многие преступления Геринга тщательно скрывались до самого 1945 г.

Кроме того, Геринг исполнял еще одну роль: был антиподом Гитлера, как бы оттенял достоинства фюрера. Фюрер изображал из себя нечто безгрешное и бесплотное. Нечто такое, что стояло *над* людьми. У него не было ни жены ¹, ни детей... По ночам он не спал, думал о своем народе. А когда спал, то спал на походной кровати. Не брал в рот спиртного. Не ел мяса. Не курил. Ходил в сапогах, коричневой гимнастерке и фуражке, напоминавшей форменную фуражку немецких почтальонов...

* * *

После этого отступления вернемся к «текущим делам» Геринга, вернее, к его текущим интригам и преступлениям.

В 1938 г., накануне войны, произошла серьезная чистка германского генералитета. По сфабрикованному аппаратом Гимmlера обвинению ушли в отставку военный министр Бломберг и главнокомандующий вермахтом Фрич. Самое комичное, что и Бломберга и Фрича убрали с высоких постов из-за их... аморального поведения (Бломберг женился якобы на девице легкого поведения ², Фрича «уличили» в гомосексуализме и тут же оправдали!).

Как по команде, «высокоморальная» нацистская элита — среди них были и взяточники, и воры, и гомосексуалисты (министр хозяйства Функ) — встала в позу и изобразила благородное негодование.

Бломберг и Фрич с его неизменным моноклем — типичные представители дворянско-милитаристской касты Германии, немало сделали для прихода Гитлера к власти — жалости они не вызывают. Хотя нацисты, преследовавшие их, были куда более бессовестными.

¹ Эва Браун — любовница фюрера, что, как мы знаем, скрывалось. Об Эве Браун знал лишь узкий круг посвященных.

² По новейшим данным, «дело» молодой жены Бломберга Эвы Грун было целиком сфальсифицировано гестапо.

Естественно, что среди этих лиц почетное место занимал Геринг — ведь он претендовал на пост военного министра. Но Гитлер, уже непосредственно готовивший агрессию, хотел сконцентрировать всю полноту власти в своих руках. Пост военного министра вообще отменили. А главнокомандующим вермахтом стал сам Гитлер.

Шел последний предвоенный год. Военная экономика Германии набирала обороты. Геринг накрал целый мешок драгоценных камней и, отправляясь в «командировки» в специальных вагонах, «играл» ими — любимое занятие!

В своих публичных выступлениях он, однако, требовал от немецкого народа жертв. Так, выступая еще в 1936 г. во Дворце спорта (Спортпаласт), Геринг провозгласил печально знаменитый лозунг «Пушки вместо масла». А чтобы поддержать «имидж» «своего парня в доску», добавил: «Мы, немцы, обросли жиром... У нас слишком большие животы. Я сам стал есть меньше масла и похудел на 20 килограммов...»

Дальше все разворачивалось строго по плану: одна агрессивная акция следовала за другой. Гитлер сумел связать своих соратников круговой порукой. Поэтому судьба Геринга на этом этапе неотделима от истории нацистской агрессии. Так мы и будем ее рассматривать.

Австрия. Первая крупная нацистская агрессия, так называемый «аншлюс» (присоединение). В решающие часы Геринг сидит на телефоне и командует «пятой колонной», австрийскими нацистами, такими палачами, как Зейс-Инкварт, Глобокник и другие. Среди них и близкий родственник Геринга, муж его сестры, будущий министр. Одновременно он отдает распоряжения сотням военных летчиков, которые вместе со стотысячным войском должны «бескровно» занять Австрию. «Бескровность» обеспечивается тем, что деморализованное, запуганное, потерявшее надежду на помощь демократических стран правительство Шушнига-Микласа приказывает своей армии не сопротивляться нацистским войскам.

В благодарность за «аншлюс» Гитлер — на этот раз громогласно — объявил Геринга своим наследником и исполняющим обязанности в случае его отсутствия ¹.

¹ В октябре того же года английский король Георг VI наградил Геринга Большим крестом ордена Св. Михаэля и Св. Георга, а в 1939 г. Геринг получил от генерал-губернатора Ливии (тогдашней итальянской колонии) Бальбо очередной крест, сплошь усеянный бриллиантами. В середине Креста Бальбо красовался большой черный бриллиант.

Чехословакия. Операции «Грюн», захвату Чехословакии, предшествовало *Мюнхенское соглашение* (29—30 сентября 1938 г.). Консервативные политики Англии и Франции Чемберлен и Даладье отдали на растерзание Гитлеру Чехословацкую Республику. Геринг — один из активнейших участников сговора: встречается на вокзале Даладье, дает обед в его честь. В кадрах тогдашней немецкой кинохроники мы видим жирного Германа в белом мундире, он на авансцене; чтобы пройти вперед, Гитлер отталкивает его, выходит, садится в кресло. Геринг становится позади, прямо за фюрером.

Далее Геринг участвует 14 марта 1939 г. в разговоре Гитлера с Гахой, главой марионеточного правительства Чехословакии, угрожает ему воздушной бомбардировкой Праги: «Прага будет снесена с лица земли». Гаха отдает приказ по телефону не оказывать сопротивления немецким войскам. Во время этого разговора в 4 часа утра за его спиной стоит Геринг. В 6 часов утра нацистская армия оккупирует Чехословакию.

Польша. Операция «Вайс» — план захвата Польши, возник сразу же после захвата Чехословакии. 22 августа 1939 г. Гитлер созвал 30 ведущих нацистских генералов в Берхтесгаден, чтобы объявить о своем решении «покончить с польским вопросом». Речь на этом совещании Гитлер закончил так: «Я выполнил свой долг, теперь ваша очередь выполнять свой долг», иными словами, оккупировать Польшу. В ответ на эти слова Геринг вышел вперед, поднялся на возвышение и, обращаясь к Гитлеру от имени собравшихся офицеров, поклялся «в верности и послушании».

1 сентября в 4.45 утра немецкие войска перешли границу и вступили в Польшу. Авиация Геринга начала варварски бомбить польские города и селения, шоссе и железные дороги, колонны беженцев. Соотношение военно-воздушных сил Германии и Польши было 20:1. В тот же день, переодевшись в «полевую форму», Гитлер возвестил: «Если в этой борьбе со мной что-нибудь случится, моим преемником считайте партайгеноссе Геринга».

3 сентября 1939 г. английское правительство объявило Германии войну. Так началась **вторая мировая война**, унесшая 50 миллионов жизней. Однако инициатива осталась в руках Германии. Контрмер против нее никто не предпринимал. Война на Западе получила на первых порах название «странной» и даже «забавной». Немцы имено-

вали ее «сидячей». А тем временем Гитлер продолжал осуществлять свои разноцветные планы («Грюн» — зеленый, «Вайс» — белый). На очереди был план «Гельб» — желтый. Но тут вклинилась операция «Везерюбунг».

Норвегия. «Везерюбунг»: 9 апреля 1940 г. немецкие войска высадились в Норвегии. Операция «Везерюбунг» готовилась в большой спешке, ибо Геринг представил «коричневые листки» (подслушанные разговоры), в которых речь шла будто бы о предполагаемом наступлении Англии на Норвегию для захвата портов. Во время операции военно-морской флот нацистов действовал под прикрытием геринговской авиации.

Операция «Гельб». После многих проволочек эта операция — по существу, развернутое наступление против стран Западной Европы — началась 10 мая 1940 г. Нацистская авиация давно готовилась к ней и сыграла большую роль во всей кампании. И в Бельгии, и в Голландии парашютисты и авиадесантные войска захватывали склады, мосты и опорные пункты. Уже в мае 1940 г. была проведена варварская бомбардировка Роттердама... Пока шли военные действия, Геринг с большой энергией вел свои «действия». Он оборудовал специальный поезд (кодовое название «Азия») для поездок на фронт — в вагонах были деревянная обшивка, настенные ковры; в одном вмонтировали огромную ванну. В нескольких вагонах везли личные вещи фельдмаршала. Наконец, к поезду прицепили товарную платформу для автомашин «железного Германа»; автопарк Геринга состоял тогда из двух «бьюиков», двух «фордов-меркуриев», «ситроэна», «форда»-грузовика и двух «даймлеров-бенц» — одного спортивного типа, второго — вездехода. В специальном вагоне помещалась парикмахерская, сильно смахивавшая на туалет примадонны: там было все необходимое для макияжа, а также «горное солнце», лампы «солюкс» и т. д. 15 мая к спецпоезду прибавились новые вагоны, поскольку Геринг поместил рядом с собой свой «малый генеральный штаб», в который входили либо старые летчики, асы первой мировой войны, очень мало смыслящие в новой тактике воздушных боев, либо молодые прохвосты, славящие таланты Геринга и помогавшие ему пополнять его коллекции. В спецпоезде Геринга царили те же «демократические» порядки, что и во всем рейхе: в одном вагон-ресторане генералов кормили икрой и полили дорогими винами совершенно бесплатно, зато в вагон-ресторане № 2 офицеры попроще ели куда более

скромную еду за собственные деньги. Уборная в поезде была одна — для Геринга, и важные особы бежали по нужде в лес за колючую проволоку, где для них были устроены отхожие места... Естественно, спецпоезд Геринга на фронт не ездил, его постоянное место оказалось поблизости от... Потсдама. Однако пропустить такое шоу, как капитуляция французской армии, рейхсмаршал не захотел; в Компьене он появился в белом мундире с жабо, заколотом аграфом, и с поясом, на золотых пластинах которого сияли драгоценные камни. 23 июня 1940 г. вся нацистская камарилья вошла в исторический вагон в Компьене ¹ в таком порядке: впереди фюрер, за ним Геринг, потом Риббентроп, потом Гесс и адмирал Редер, замыкал шествие командующий сухопутными силами Рундштедт. В этот день Геринг объявил, что Гитлер — «самый великий полководец всех времен». В ответ на это 19 июля Гитлер присвоил Герингу чин рейхсмаршала. Таким образом, «железный Герман» стал вторым в истории Германии рейхсмаршалом. Первым был принц Ойген ².

Конец 1940 — начало 1941 г. прошли у нацистов в отвлекающем маневре — разведка, армия, пропаганда. Исследовательский центр Геринга делал вид, будто Германия готовится к операции «Морской лев» — нападению на Англию. В действительности шла лихорадочная подготовка к агрессии против Советского Союза, к плану «Барбаросса».

12 ноября 1940 г. состоялись переговоры в отеле «Кайзергоф» между Молотовым и Риббентропом, в них принимал участие и Геринг, требуя от Молотова еще увеличить поставки зерна, нефти и другого стратегического сырья, в частности цветных металлов. Геринг выступал на этих переговорах как ответственный за «четырёхлетний план». Казалось, «дружбе» Сталина и Гитлера конца не будет... Но уже 18 декабря того же года, ровно через пять недель после визита Молотова в Берлин, Гитлер отдал приказ о непосредственной подготовке к плану «Барбаросса».

Правда, некоторые непредвиденные обстоятельства отвлекли на время нацистских фюреров от их намерения не мешкая начать блицкриг на востоке.

Во-первых, Муссолини терпел поражения и в Греции,

¹ Вагон этот был тот же самый, в котором в ноябре 1918 г. германские политики подписали перемирие с Францией.

² Принц Савойский (1663—1736).

и в Северной Африке. Ему срочно требовалась помощь. С февраля 1941 г. нацистский Африканский корпус под командованием генерала Роммеля вел бои в Ливии. Во вторых, 27 марта 1941 г. в Югославии пришло к власти правительство, «не устраивающее» нацистов. В связи с этим Гитлер отдал приказ «уничтожить Югославию как военное и государственное образование». Ни больше ни меньше! В-третьих, фюрер попутно пожелал захватить Крит. 20 мая 1941 г. авиадесантные войска под командованием генерала Штудента приземлились на Крите, где их уже поджидали... англичане. По-видимому, к тому времени код немецкого командования сумели расшифровать в Лондоне. В результате кровопролитных боев нацистские отборные войска потеряли 4 тысячи человек. И все же Крит был оккупирован. Одновременно шли жестокие бомбардировки Белграда, налеты на Лондон, Ливерпуль, Ковентри, Глазго.

Но и Греция, и Африка, и Югославия для Гитлера и его приближенных были сущими пустяками по сравнению с «великой» идеей покончить с большевизмом. Поэтому Геринг не утруждал себя: все эти месяцы он гулял по горам, плавал в бассейнах и занимался проектами перестройки замка в Вельденштайне. А также тащил в Германию, вернее, в Каринхал сокровища из оккупированных стран Западной Европы. Весной 1941 г. он грабил несметные ценности дома Ротшильдов.

К плану «Барбаросса» нацистский рейхсмаршал подготовился загодя. В начале 1941 г. он образовал Экономический штаб «Ост» и выработал «директивы для ведения хозяйства во вновь оккупированных восточных областях». В историю эти «директивы» вошли под названием «Зеленая папка».

Конечно, сам факт, что государство, которое еще только собирается вести войну с великой державой, заранее вырабатывает «директивы» для управления ею, кажется явным безумием. Но безумным был не Геринг, а вся фашистская система. Как утверждают послевоенные биографы «железного Германа», он даже побаивался войны против СССР, но в основном потому, что эта война неизбежно должна была прервать советские поставки стратегически важного сырья, в том числе транзитные перевозки из Японии. Ну а о поражении Германии в этой войне Геринг вообще не думал. Ведь фюрер (сам фюрер!) авторитетно заявил, что лишь только вермахт нападет на Советский Союз, он «развалится, как карточный домик».

А слова Гитлера значили для Геринга куда больше, чем исторический опыт, чем донесения разведки, и уж во всяком случае больше, чем здравый смысл.

1 июня 1941 г. Гитлер собрал совещание в Оберзальцберге, которое продолжалось пять часов. Фюрер и его приближенные обговаривали детали блицкрига. 2 июня они сообщили о своем намерении вторгнуться в СССР Муссолини, 5 июня — Японии. Геринг отрапортовал, что на ближние аэродромы у советско-германской границы тайно стянуты 2770 боевых самолетов. Наконец, 14 июня Гитлер собрал у себя 40 фельдмаршалов, генералов и адмиралов, военную элиту Германии. Наряду с этим не только геббельсовская пропаганда, но и Геринг блефовали всюю: по коду, который, как в Германии догадывались, был известен англичанам, шел приказ за приказом готовиться к высадке в ... Англии.

22 июня 1941 г. жребий был брошен. Фашистская Германия напала на нашу Родину. Тысячелетнему нацистскому рейху оставалось жить менее четырех лет.

* * *

...Шел третий день агрессии против Советского Союза.

Что же волновало в этот день второго человека в Германии?

После полета Гесса в Англию — неожиданного, необъяснимого, тайного, как утверждали официальные нацистские источники ¹, — Борман стал начальником канцелярии Гитлера, а позже получил чин министра. И вот это-то ввергло Геринга в страшную тревогу: вдруг Борман перебежит ему дорогу? 20 июня Гитлер вновь издал секретный приказ: в случае смерти фюрера «железный Герман» станет его преемником на «всех постах».

Геринг полностью успокоился, хотя, как выяснилось, и Борман и Гиммлер завели на него досье — незаконное присвоение картин, покупка огромного количества алмазов в Амстердаме и т. д. и т. п. Однако, судя по дневниковым записям, Геринг занимался в те дни лишь собственным здоровьем и продолжающимися поисками драгоценностей Ротшильда. На фронте он даже не думал появляться. «Азия» курсировала между Парижем, Гаагой и Амстердамом с заездами в Рим. Зато уже 16 июля на

¹ Подробнее о полете Гесса мы еще расскажем.

совещании в ставке Гитлера в Восточной Пруссии Борман, Розенберг, Ламмерс и Геринг «разделили» европейскую Россию на ряд «лоскутов», которые «присоединили» к разным регионам Германии. Геринг, страстный охотник, зорко следил за тем, чтобы Беловежская Пуща досталась ему... Потом он на несколько дней уехал в отпуск.

30 июля Гейдрих представил ему на подпись воистину «исторический» (!) документ «об окончательном решении еврейского вопроса», то есть о физическом уничтожении 11 миллионов европейских евреев, и Геринг, уже твердо веривший, что *окончательная победа* близка, а стало быть, победа над всей Европой «до Уральских гор», подмахнул сей документ. Он решил, что отныне «расе господ» все дозволено. Ведь, по подлой морали нацистов, «победителей не судят».

Не так уж и глуп был выбор Гейдриха. Гитлер подписал достаточно страшных приказов, указов и распоряжений. Настала очередь второго человека в рейхе. Тем более что каждый преступник, совершая преступление, обязательно блюдет свою выгоду. «Кому это выгодно?» — спрашивают криминалисты. Уничтожение европейских евреев было выгодно Герингу, он грабил их в течение многих лет. Свидетелей и потерпевших следует уничтожать — такова «мораль» любого гангстера.

Мы подробно пишем об этом документе, хотя исполнение «окончательного решения» шло не по ведомству Геринга, а по ведомству Гиммлера. Пишем потому, что немало западных историков еще сегодня утверждают, будто Геринг подписал документ Гейдриха исключительно из-за своего легкомыслия — не ведал, что творил. И что он вообще не уничтожал евреев, а даже помогал им спасаться, особенно если они откупались от него шедеврами живописи. Нет смысла приводить здесь антисемитские человеконенавистнические речи Геринга, при желании их можно прочесть в нацистских газетах; секрета из них не делалось.

После приказа об «окончательном решении», как явствует из дневниковых записей Геринга, все опять пошло своим чередом. Настала осень, и Геринг стал, как одержимый, охотиться. Румынский генерал, фамилию которого он не запомнил, «вручил ему роскошный орден». Словацкие коллаборационисты Тисо и Туха последовали его примеру и нацепили на широкую рейхсмаршальскую грудь орден Победы 1 класса.

11 декабря Гитлер объявил войну Америке, и Геринг, еще недавно утверждавший, что американцы умеют делать бритвенные лезвия, но не умеют строить самолеты, повторил эту фразу в иной редакции. На сей раз он сказал: «Американцы выпускают неплохие автомобили, но они неспособны выпустить приличный самолет». Других реакций война против США у него не вызвала — все остальное пришлось на долю пропагандистской машины Геббельса.

Только в январе 1942 г. Геринг, видно, несколько излечился от своей эйфории и решил лично заняться военными действиями. Нет, он не поехал на фронт, не сел за штурвал самолета. Он стал бороться с «изменниками», которые, дескать, виноваты во всем, возглавил военный трибунал и присудил генерала Шпонека, действовавшего в Крыму, к смертной казни¹. А несколько позже приговорил к смерти генерала Штумме и его начальника штаба полковника Франке, потерпевших поражение в Северной Африке. И наконец, когда гестапо в сентябре того же 1942 г. раскрыло подпольную антифашистскую организацию «Красная капелла» под руководством Шульце-Бойзена, работавшего не только на оккупированных территориях, но и в геринговском министерстве авиации, «железный Герман» предложил одного из подпольщиков повесить на глазах у его товарищей, а всех остальных расстрелять и приговор обнародовать.

Этот год принес Герингу и ряд служебных неприятностей. В феврале в авиакатастрофе погиб Тодт, министр вооружений и боеприпасов. На его место пришел тридцатилетний архитектор Шпеер, любимец Гитлера. Шпеер потребовал для себя всю полноту власти и фактически подмял геринговский Комитет по четырехлетнему плану. Новый министр вооружений начал договариваться с промышленниками через голову Геринга.

Весной 1942 г. над Германией уже бушевала воздушная война. 30 мая тысяча английских бомбардировщиков совершила налет на Кельн. И тут немцы волей-неволей вспомнили хвастливые слова Геринга перед началом войны: «Ни одна вражеская бомба не упадет на Германию...» Трудно стало простым смертным жить в нацистском рейхе: все меньше выдавали продуктов по карточкам, туго было с топливом, электроэнергией, куревом. И все

¹ Гитлер смягчил наказание Шпонеку до 6 лет тюрьмы. Но после 20 июля 1944 г. его без суда прямо в тюрьме расстреляли.

это на фоне огромных потерь на советско-германском фронте, нескончаемого потока «похоронок». Однако для Геринга открылось в связи с нехваткой продовольствия новое поле деятельности. Теперь он начал спекулировать не только предметами роскоши, но и предметами первой необходимости. Известно, что огромные взятки платили ему крупные рестораны, за это он снабжал их вне очереди, давал бензин, предоставлял транспорт. Помог он и лейб-врачу Гитлера Морелю, который за бешеные деньги продавал армии свои «витаминные таблетки» — сплошное жульничество.

Само собой разумеется, что и в последующие трагические для немецкого народа месяцы — неслыханные потери на фронтах, массированные налеты авиации союзников, высадка союзников во французской Северной Африке, подготовка к окружению 300-тысячной армии Паулюса под Сталинградом — Геринг отнюдь не собирался менять свой образ жизни: поезд «Азия» курсировал между Берлином, Берхтесгаденом, Парижем, Римом, Гаагой, Амстердамом. «Жирный Геринг» вызывал генералов и показывал им свои парчовые халаты, свои перстни, Эмми Геринг приглашала сотни приятельниц «на чашку кофе», и в стране говорили, что столы у нее ломаются от самых изысканных угощений...

А когда генерал Паулюс начал посылать Гитлеру отчаянные телефонограммы с просьбами разрешить отход войск, доверенные лица Геринга, а потом и сам Геринг торжественно обещали фюреру, что они установят постоянный воздушный мост и будут переправлять 6-й армии все необходимое: от продовольствия до боеприпасов! Так что и в сталинградскую эпопею вермахта Герман Геринг внес свою лепту.

* * *

После Сталинграда Германия вступила в качественно новую стадию: из страны, одерживающей победы, она стала страной, терпящей поражения. Это было ясно всему миру, но только не гитлеровской верхушке. Верхушка жила в вакууме, в некоем заколдованном царстве, в жюльверновском корабле «Наутилус» на глубине 80 тысяч лье под водой. Нацистские фюреры боялись не поражений, не чувства ответственности за проигранную войну, не позора, даже не кары за злодеяния. Все заслонял страх впасть в немилость у Гитлера. Соответственно они и поступали.

9 января 1943 г. Геринг отпраздновал свой пятидесятилетний юбилей: получил от Муссолини Золотую звезду к Римскому ордену, орден Маурициуса от Чиано, итальянского министра иностранных дел, севрский сервиз из 2400 предметов от французских коллаборационистов, миллион марок от немецкого промышленника Плейгера и т. д. и т. п. Гитлер чествовал его, но не так, как этого хотелось бы Герингу... Геринг вышел из доверия.

И не только из-за катастрофически усилившихся бомбардировок рейха. Дело в том, что в Германии с 1933 г. все блефовали и жульничали. Цифры выработки явно завышались. В дни блицкрига блеф никого не смущал. Но начиная с 1942—1943 годов Гитлеру стало казаться, что его обманывают нарочно. А между тем блеф, как и коррупция, были неотъемлемыми особенностями нацистской системы — непросматриваемой, неконтролируемой, герметически замкнутой системы, где величайшим грехом считалось вынести сор из избы... В марте 1943 г. Геринг жаловался: «Еще до войны (до 1939 г.— Л. Ч.) мне сообщали о некоторых типах самолетов, будто они уже готовы, но и сейчас их нет и в помине».

Однако Гитлер не верил Герингу, считая, что тот нагло надул его. От одного плана фюрер переходил к другому, в частности, в 1944 г. он придумал следующее: создать над Германией «воздушный зонт» из истребителей в воздухе. Но о «зонте» и думать нечего было. Кроме всего прочего, Германия потеряла превосходство в воздухе. Налеты англо-американской авиации выводили из строя важнейшие предприятия в Руре. Болезненный удар нанесли союзники рейху в мае 1943 г., когда были разрушены ракетные заводы в Пенемюнде, где колдовал Вернер фон Браун, создавая свои баллистические ракеты Фау-1 и Фау-2.

В июне 1943 г. немцы начали операцию «Цитадель» на советско-германском фронте, сосредоточив там наиболее боеспособные дивизии. 4-й воздушный флот под командованием одного из самых отчаянных нацистских генералов — Кессельринга был переброшен с запада на восток. Но Красная Армия отразила удар немецких войск и перешла в контрнаступление. Операция эта, вошедшая в историю под названием Курская дуга, была одной из крупнейших в истории второй мировой войны.

Тем же летом 1943 г. после высадки англо-американских войск в Сицилии фактически вышла из игры Италия. Главой итальянского правительства стал маршал Бадольо.

А воздушные налеты на Германию все продолжались: и ночью, и днем.

В августе застрелился начальник штаба авиации Ешонек, представлявший Геринга в ставке Гитлера. Это было уже второе самоубийство среди ближайших приближенных «жирного Германа» — первым ушел из жизни легендарный летчик Удет. С Ешонеком поступили просто — сообщили, что он умер от желудочного кровотечения. Нацистским патриотам не дозволялось кончать жизнь самоубийством (правда, и в этом правиле были исключения — Паулюса Гитлер порицал за то, что тот не пустил себе пулю в лоб).

Летчица Ганна Рейч, фашистская фанатичка, предложила создать тысячную команду летчиков-камикадзе; с грузом взрывчатки они должны были пикировать на важные объекты, взрываясь вместе с ними. Идея эта, заимствованная от японских милитаристов, очень долго муссировалась — Гитлер то отвергал ее, то одобрял. Гиммлер даже внес свою палаческую «поправку» в этот «рыцарский» план — предложил на роль камикадзе заключенных.

В армии ввели еще более жесткий курс — был учрежден институт национал-социалистских офицеров — своего рода идеологических надсмотрщиков. Сбитых английских и американских летчиков нацисты убивали на месте. Это грубейшее нарушение всех конвенций о военнопленных, всех моральных и этических норм цивилизованных народов «оправдывалось» тем, что летчики якобы были террористами.

В начале июня 1944 г. произошла высадка войск союзников в Нормандии. Второй фронт — жупел нескольких поколений немецких военачальников — был открыт.

Ну, а что же Геринг? Как он реагировал на все эти события?

Впервые Геринг предпринял вояж по разрушенным городам. По-видимому, сам он ожидал гневных акций, возмущения толпы. Но тоталитарный строй Гитлера с его концлагерями и постоянными инъекциями «энтузиазма» сделал свое дело, что поразило даже Геринга, одного из создателей этого строя.

Геринга встречали криками «Зиг», «Хайль», матери протягивали ему своих детей.

Остался верен себе и Геринг. Накануне краха этот «крупнейший в истории клептоман», как его прозвал кто-то из западных публицистов, украл 15 ящиков из

итальянских музеев — статуи, старинную бронзу, серебро, золото, картину Питера Брейгеля, две картины Тициана, Рафаэля, Тьеполо... Генерал-лейтенант парашютист Рамке так описал встречу с ним в Каринхале в конце 1943 г.: рейхсмаршал был в «плаще до щиколоток из зеленого панбархата, расшитого золотом; благодаря пышным рукавам и сборкам плащ казался необъятным. Подпоясан Геринг был золотым поясом с золотыми кистями, обут в лаковые лодочки. Сильно напомаженные волосы и лицо, умащенное розовым маслом, довершали картину. Навстречу посетителю поднималось душистое облако — благовония Востока и Запада». Рамке заметил также, что изумруды в золотых и платиновых кольцах, которыми были унизаны толстые пальцы Геринга, он подобрал в тон своему плащу... Еще более впечатляющую картину нарисовал один из агентов английской секретной службы: летом 1944 г. Геринг засел в Каринхале и принимал посетителей в «шелковых штанах», сафьяновых сандалиях и лиловых чулках, с поясом, расшитым бриллиантами. Волосы у него были обесцвечены перекисью, брови подведены, щеки нарумянены».

Так шло до 20 июля, до покушения на Гитлера в его ставке. В подавлении генеральского заговора Геринг, естественно, пожелал принять самое активное участие — благо никто из его генералов не был в нем замешан, а представители Геринга в ставке фюрера очутились в лазарете (один из них скончался). Но Гиммлер, Геббельс и Борман, похоже, не нуждались в его помощи. Они прибрали к рукам власть и сами с неслыханной жестокостью расправлялись со всеми причастными к заговору.

«Поздним летом 1944 г., — пишет английский историк Ирвинг, — воздушный флот Германии распался. Еще недавно боевые самолеты нацистов летали над Лондоном, Сталинградом, Александрией. От Нордкапа и от Атлантики до Средиземного моря они топили корабли; авиаконструкторы работали над созданием самолетов, которые могли бы доставлять бомбы аж до Нью-Йорка. Но в августе 1944 г. пункты радиоперехвата союзников ловили приказы, в которых говорилось, что разведывательные полеты над Египтом и Кипром надо ограничить одним в месяц (из-за нехватки горючего. — Л. Ч.), а транспортные и почтовые полеты над территорией рейха в утренние часы прекратить из-за воздушных налетов союзников; запрещается также наземным командам оставлять горючее в баках самолетов, дабы «предотвратить потери».

С сентября 1944 г. Геринга фактически заменил на время любимец Гитлера и его первый личный пилот Грейм. Грейм действовал через голову командующего нацистской авиацией Геринга. Теперь Гитлер требовал отдать под суд всю верхушку германского воздушного флота. А производство самолетов и ракет поручить исключительно Шпееру, министру вооружений, который работал в непосредственном контакте с Гиммлером. Сотни тысяч заключенных сооружали гигантские штольни под землей и там же умирали. А на их место пригоняли новые сотни тысяч, которые должны были создавать оружие для агонизирующего гитлеровского рейха...

Приближался 1945 г., шли последние месяцы существования нацистской империи. События 1945 г. от 1 января до 9 мая укладываются в десятке строк:

12 января — 3 февраля — Висло-Одерская операция советских войск.

13 января — 25 апреля — Восточно-Прусская операция советских войск.

17 января — Освобождение столицы Польши города Варшавы.

8 февраля — 10 марта — Маас-Рейнская наступательная операция вооруженных сил союзников.

13 февраля — Освобождение советскими войсками столицы Венгрии города Будапешта.

6—15 марта — Балатонская операция советских войск.

16 марта — 15 апреля — Наступление американско-английских войск в Руре.

16 апреля — 8 мая — Берлинская операция советских войск.

25 апреля — Встреча советских и американских войск в районе Торгау на Эльбе.

29 апреля — Подписание акта о капитуляции немецко-фашистских войск в Северной Италии.

6—11 мая — Пражская операция советских войск.

8 мая — Подписание представителями германского верховного командования в Карлсхорсте Акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

9 мая — День Победы над фашистской Германией.

Чем безнадежнее становилось положение Германии, тем ожесточеннее грызлась ее верхушка. Геринг говорил, что если бы Гитлер его послушался, он сверг бы Бормана и постепенно лишил бы власти Гиммлера, хотя это труднее, ибо «в распоряжении Гиммлера вся полиция». Геббельс, напротив, писал, что пора убрать Геринга: «Об-

вешанные орденами дураки и тщеславные надушенные фаты не могут заниматься ведением войны...»

Ну а как реагировал Геринг на поражение страны и на подсиживания коллег?

У «железного Германа» на все был один ответ: в январе 1945 г. он вынес смертные приговоры молодым офицерам за трусость и за... воровство. Супервор и казнокрад начал карать мелких воров.

Параллельно с борьбой против «воров» Геринг занимался вывозом имущества из Каринхала. Для этого он собрал своих «хозяйственников», включая архитектора Хетцеля, и в два этапа начал эвакуацию Каринхала.

В марте 1945 г. Геринг попросил у Гитлера разрешения съездить в Берхтесгаден, дабы проинспектировать... зенитную артиллерию. Но все понимали, что Геринг будет проверять, как доехали транспорты с награбленным добром. 7 апреля рейхсмаршал провел преступную операцию «Вервольф», он сам назвал ее операцией «самопожертвования». 184 молодых летчика под громкие марши, под германский гимн, исполненный сводным женским хором, и под выкрики «Умрем за родину, за фюрера!» — все это передавалось специально для юных камикадзе германскими радиостанциями — с грузом взрывчатки спикировали на скопления войск союзников.

20 апреля Геринг в последний раз появился в Берлине в подземелье имперской канцелярии, чтобы поздравить Гитлера с днем рождения. В ту же ночь, прежде чем уехать, он прошелся по берлинским бомбоубежищам — «показался народу». Видимо, отдал дань «вагнеровской», театральной стороне своей натуры.

7 мая Геринг оделся «скромно»: напялил на себя светло-серый мундир «всего» с двенадцатью орденами, нанизал на пальцы несколько перстней и нацепил бриллиантовые запонки. Он приготовился к встрече с Эйзенхауэром, главнокомандующим экспедиционными войсками союзников в Западной Европе. Встреча не состоялась.

А дальше была тюрьма и Нюрнбергский процесс.

Характерно, что, сидя в одиночной камере, Геринг повторял: «И все же двенадцать лет я прожил хорошо». И это в ту пору, когда Германия в буквальном смысле этих слов лежала в развалинах.

Надо сказать также, что ампулу с ядом Геринг разгрыз за несколько часов до момента казни. Он знал, что виселицы уже построены в особом бараке на территории тюрьмы. И здесь он не совершил ничего опрометчивого.

«ЧЕЛОВЕК В ПЕНСНЕ». ГЕНРИХ ГИММЛЕР

Все биографы Гиммлера отмечают несоответствие между его внешним видом и его «работой», если палачество можно назвать работой. Ничего демонически-люциферского и даже ничего «суперменского», как говорят теперь, и ничего «сверхчеловеческого», как говорили 50 лет назад в нацистской Германии, в Генрихе Гиммлере не было.

Среднего роста человек, гладко причесанный — волосок к волоску — с аккуратным пробором. Подбородок убегает назад, отнюдь не волевой. Щеки слегка одутловатые. Вообще, несмотря на молодость — в 1933 г. Гиммлеру было всего тридцать три года, — он кажется человеком вне возраста, каким-то пожухлым. На фотографиях — а фотографий осталось великое множество — он даже слегка карикатурен.

Гиммлер всегда в сапогах, даже будучи в штатском и в нахлобученной широкополой шляпе. Впрочем, все дело, может быть, в моде. С того времени, когда рейхсфюрера СС запечатлевали на пленке, прошли многие десятилетия, мода изменилась, и люди, снятые лет пятьдесят назад, кажутся нам немного смешными, нелепыми.

Но главное, что удивляет всех западных исследователей, — это пенсне!

Разве можно представить себе германца, нордического воина, викинга, который должен был бы крушить своих врагов и мечом и дубинкой, в пенсне? Разве существовали рыцари в латах, бряцавшие холодным оружием, но при том столь близорукие, что не снимали очков? А ведь именно викинги и рыцари были идеалом для нацистов того времени! Именно «истых германцев» намеревался вывести Гиммлер в своих «питомниках» с помощью скрещивания и «селекции» (одно из самых распространенных слов в лексиконе эсэсовцев).

Пенсне, безусловно, отличало Гиммлера от всех других нацистских бонз.

Когда Гитлер стал дальнозорким, он не захотел надевать очки, чтобы не нарушить свой «имидж». Ему сконструировали специальную пишущую машинку с огромными буквами, на которой перепечатывали решительно все бумаги для фюрера, чтобы он мог читать без очков.

«Имиджу» Гиммлера пенсне не мешало. Тихий бюргер в пенсне.

Подробное описание рейхсфюрера СС оставил генерал Вальтер Дёрнбергер, руководивший созданием немецких баллистических ракет, персонаж весьма влиятельный. Встретился он с Гиммлером тогда, когда СС достигли апогея власти и когда Гиммлер был вторым человеком в государстве нацистов — вторым после самого Гитлера. О фактической власти Бормана в ту пору еще мало кто догадывался! В общем, у Дёрнбергера были все основания внимательно вглядываться в Гиммлера, внушавшего суеверный страх всей Германии.

Что поражает в описании этого многоопытного генерала?

Пожалуй, некоторое удивление, может быть, даже разочарование... Он-то ожидал встретить чудовище, дракулу, дьявола в человеческом образе, а увидел обывателя в пенсне...

«Он (Гиммлер.— Л. Ч.) показался мне интеллигентным учителем начальной школы,— пишет Дёрнбергер,— наверняка не человеком насилия. При всем желании я не видел ничего выдающегося или особенного в этом человеке среднего роста, молодежavo-стройном, в форме СС. Не очень высокий лоб, вопрошающе-спокойный взгляд серо-голубых глаз из-под поблескивающего пенсне. Под прямым носом — темный штрих ухоженных усиков, выделяющихся на нездорово-бледном лице (результат ночных бдений в государстве Гитлера.— Л. Ч.). Губы были бесцветные и очень тонкие. Меня поразил только его подбородок, почти не выдававшийся вперед, а скорее убегавший назад. Кожа у него на шее была дряблая, морщинистая. Когда его неизменная, застывшая в уголках губ улыбка, которая казалась насмешливой и временами даже презрительной, становилась шире, видны были два ряда белых зубов. Его тонкие, белые и женственно-нежные руки с сетью голубых прожилок во время всего нашего разговора лежали неподвижно на столе».

Да, действительно, внешность Гиммлера удивила Дёрнбергера, а ведь генерал видел его, наверное, и на тысячах портретов, и на партийных съездах в Нюрнберге, и на

других парадных церемониях, куда созывали всех более-менее выдающихся лиц, в том числе и «организаторов науки», как принято говорить сейчас у нас. Дернбергер не был ученым, а всего лишь начальником огромных промышленных комплексов и полигонов, связанных с немецкими ракетами Фау-1 и Фау-2!

Бывший гаулейтер Гамбурга Альберт Кребс, сравнительно рано впавший в немилость у нацистов, познакомился с Гиммлером в 1929 г. Они совершали вместе инспекционную поездку, занимали одно купе¹. Что узрел и описал Кребс?

Среднего роста молодого человека, довольно здорового на вид. Слабо выраженный подбородок навел Кребса на мысль об известной мягкости характера Гиммлера, но серо-голубые глаза, прикрытые стеклами пенсне, показались ему волевыми и пристально-внимательными. Удивили Кребса и довольно грубые (может быть, простецкие?) манеры Гиммлера в сочетании с хрупкостью маленьких наманикюренных, почти женских рук.

Кребс написал мемуары тридцать лет спустя после встречи с Гиммлером, и тем не менее он не внес никаких коррективов в свое первое впечатление о будущем всемогущем фюрере СС, который показался ему мелким сплетником и интриганом, человеком в высшей степени недалеким.

Сохранилось описание Гиммлера, сделанное графом Бернадоттом, шведом по национальности. Бернадотт встретился с Гиммлером в последние дни «коричневого рейха». Вот что он написал:

«Я на самом деле не увидел в нем ничего дьявольского. Он был на редкость вежлив, старался острить, причем в его остротах было нечто от юмора висельника; чтобы немного поднять настроение, он охотно рассказывал анекдоты».

Швейцарец Бургхардт, бывший комиссар Лиги Наций в Данциге, писал, что «Гиммлер показался ему жутковатым из-за той степени концентрированной несамостоятельности, которую он высказывал; несамостоятельности в соединении с узколобой добросовестностью, бесчеловечной методичностью и элементами автоматизма».

Но тут уж мы имеем дело скорее не с внешностью, а с чертами характера.

Сохранились подробные высказывания начальника

¹ К воспоминаниям Кребса мы еще вернемся.

разведки в РСХА Шелленберга о встрече с Гиммлером, а также описания Гиммлера другими властителями нацистской Германии. Подавляющее большинство этих описаний, высказываний и характеристик укладываются в одну фразу: ничем не примечательный педант, глуповатый школьный учитель.

Довольно подробный портрет Гиммлера мы находим у французского историка Жака Деларю. Предваряет этот портрет весьма показательная фраза:

«У Рема была голова разбойника, физиономия Бормана вызывала нечто большее, чем тревогу, у Кальтенбруннера и Гейдриха были лица убийц, у Гиммлера, напротив, гладкое, до ужаса банальное лицо».

И далее идет детальный рассказ: «Он был чуть выше среднего роста и довольно крепкого сложения. Лицо его казалось полноватым, а начавшаяся лысина открывала виски и часть лба, хотя на первых порах полицейской карьеры Гиммлеру исполнилось всего тридцать три года. У него была физиономия мелкого служащего, скромного бухгалтера или мелкого дельца. Усики прочеркивали его вялое лицо с оттопыренными ушами. Он постоянно улыбался, что придавало его физиономии нечто приказчиье.

Только две черты показывали, что с этим человеком надо быть сугубо осторожным,— очень тонкие, бесцветные, как бы бескровные губы и маленькие серо-голубые глазки, смотревшие на удивление пронзительно; его ледяной взгляд не могло скрыть даже пенсне с круглыми стеклами. Гиммлер, наверное, знал, что глаза выдают его, и посему склонял голову к правому плечу и прикрывал их поблескивающими стеклами, дабы из-под них наблюдать за собеседником, который, быть может, станет когда-нибудь его жертвой. Многим посетителям бросалась в глаза шея Гиммлера — она казалась болезненной, была обвисшей и морщинистой, как у старика. Кисти рук у Гиммлера были удивительно маленькие и нежные, очень белые и прозрачные, с голубыми прожилками, почти женские. Когда Гиммлер говорил или слушал, они лежали совершенно неподвижно, прижимаясь к столешнице письменного стола. Эти ничего не выражавшие руки соответствовали непроницаемому, неподвижному выражению его лица...»

Один из немногих, кто хорошо знал рейхсфюрера СС и заметил в его наружности нечто угрожающее, был Розенберг. Розенберг сказал: «Никогда я не мог смотреть Генриху Гиммлеру прямо в глаза. Они всегда, мигая,

прятались за стеклами очков. Теперь, когда они смотрят на меня в упор с фотографии, я вижу в них одно: коварство».

Однако сформулировал это Розенберг уже в Нюрнбергской тюрьме, «в преддверии виселицы», как написал кто-то из военных преступников.

Возможно, только в Нюрнберге самовлюбленный Розенберг понял зловещую роль Гиммлера и трансполировал свои мысли на прежние воспоминания.

Заканчивая разговор о его внешности, надо еще сказать, что она никак не соответствовала идеальному образу «белокурой бестии» и «сверхчеловека», то есть тех кадров, из которых Гиммлер вербовал свой эсэсовский «орден». Ни рост, ни «масть», ни прочие физические данные главы этого «ордена» ни один «расовый эксперт» не признал бы чисто «арийскими»! Как видим, теория и практика здесь сильно разошлись...

Заурядной внешности Гиммлера соответствовала и его вполне заурядная биография (разумеется, на первом этапе). Гиммлер родился в 1900 году в Мюнхене в семье учителя. Отец Генриха был директором гимназии, имел чин тайного советника по ведомству просвещения. К тому же Гиммлер-папаша являлся воспитателем принца Генриха из королевского баварского рода Вительсбахов. Династия эта так и не стала правящей, хотя баварские сепаратисты на нее кое-какие надежды возлагали. Добавим к этому, что Гиммлеры были набожными католиками. В семье Гебхарда Гиммлера — так звали отца будущего рейхсфюрера СС — было три сына: Гебхард, на два года старше Генриха, и Эрнст — на пять лет моложе. Отец Гиммлера отличался строгостью, как и положено было в ту пору главам порядочных бюргерских семейств в Германии. Зато «мамуля» — так называл мать в своих письмах юный Генрих Гиммлер — окружала сыновей материнской заботой. Среднему сыну Генриху особо повезло. Судя по всему, его крестным отцом был Генрих Вительсбахский, глава королевского дома!

Отметим, что будущий создатель варварских культов древнего Вотана и Одина, а также прочих языческих богов Генрих Гиммлер долго сохранял связь с католической церковью. Так, в 1919 г. он писал в одном из своих писем:

«Что бы ни случилось, я всегда буду любить Бога, буду Ему молиться, останусь верным католической церкви и буду защищать ее даже в том случае, если она меня изгонит из своего лона!»

В армию Гиммлер пошел добровольцем уже в конце войны. (Когда война началась, ему было всего 14 лет.) Правда, на флот, куда он рвался из патриотических и престижных соображений, Генриха не взяли как «очкарика». Полгода Гиммлера гоняли на плацу в Регенсбурге, потом он стал юнкером и опять обучался военному делу. На фронт он так и не попал, что считал большим изъяном в своей биографии, и, случалось, привирал, утверждая, что ходил в атаки.

Далее все тоже шло как будто бы гладко. По совету отца Генрих Гиммлер решил избрать себе карьеру сельского хозяина. Год проработал на ферме, потом заболел тифом и вернулся в город. Поступил в Мюнхенский политехникум на агрономический факультет. Вроде был успевающим, прилежным студентом. Влюбился в некую Майю Лоритц, свою отдаленную родственницу, дочку хозяйки семейного пансиона. Но фройляйн Лоритц предпочла ему другого молодого человека, ставшего впоследствии торговцем кожгалантереей. В бытность студентом Гиммлер танцевал вальс-бостон на костюмированных балах, предварительно поупражнявшись на уроках танцев. Участвовал на масленицу, которую очень пышно праздновали в Мюнхене, в карнавалах и балах-маскарадах, щеголяя в костюмах восточного паши, и т. д.

Политические взгляды тогдашнего Гиммлера нам не совсем ясны. Известно только, что он голосовал за крайне правых — за немецких националистов. Еще известно, что он гордился тем, что был баварцем, по той причине, что Бавария являлась своего рода Вандеей Веймарской республики.

В студенческие годы Гиммлер совершал некоторые весьма добродетельные поступки: например, в Рождественские дни читал вслух слепому (очевидно, не воззвания экстремистов!), испек старухе пенсионерке пирог, участвовал в благотворительном концерте, сбор от которого пошел в пользу венских детей бедняков. Увлекался он и «общественной работой» — бегал по разного рода собраниям, ибо был членом множества добровольных организаций: «Немецкого общества по выращиванию», «Немецкого экономического общества», «Объединения друзей гуманитарных гимназий», «Союза защиты «Свободы дороги», «Старобаварского союза», «Объединения фронтовиков Мюнхенского политехникума», «Секции альпийского союза», «Гимнастического общества Ландхут, основанного в XVIII веке», «Объединения офицеров

бывшего баварского полка». Звучит смешней, чем было на самом деле, — в Ландхуте семья Гиммлеров долгое время жила, в Баварском пехотном полку Гиммлер служил...

В 1921 г., после некоторого перерыва, Гиммлер снова появился в Ландхуте, под кровом отчего дома. Политехникум он, видимо, закончил в 20-х годах, получив диплом экономиста-аграрника. Некоторое время работал на заводе искусственных удобрений, из-за чего в первые годы его появления на политической арене получил среди местных «партайгеноссен» нелестную кличку «Гиммлер-навоз».

В 1926 г. (по другим сведениям, в 1928 г.) Гиммлер женился на женщине старше его на восемь лет — Маргарет Боден. Маргарет Боден была по профессии медсестра, а отец ее — помещик в Восточной Пруссии. И ко времени знакомства с Гиммлером его будущая супруга имела небольшую клинику в Берлине. Однако под влиянием молодого Гиммлера, который проповедовал в то время модную теорию «возвращения» из «асфальтовых джунглей», то есть городов, на землю предков с целью «обновления немецкого крестьянства», «станового хребта арийской нации», Маргарет клинику продала, и на эти деньги Гиммлеры купили себе хутор в Вальдтрудеринге недалеко от Мюнхена. На хуторе они занялись разведением кур, но прогорели чрезвычайно быстро.

Запасной выход нашелся незамедлительно. Еще в феврале 1925 г. Гиммлер написал восторженное письмо досрочно вышедшему из тюрьмы Гитлеру (его судили за мюнхенский путч 1923 г.), а 12 марта явился к нему на свидание в Мюнхен. Почва для этого была подготовлена. С конца 20-х годов Гиммлер окончательно перешел на службу к Гитлеру.

Впрочем, он и до этого активно работал в штабе Грегора Штрассера, тогда второго человека в нацистской партии, — неутомимо разъезжал на мотоцикле по окрестностям и вербовал сторонников. Прижимистый Штрассер платил ему смехотворную сумму — всего 200 марок ежемесячно!

Но постоянная служба в НСДАП — это уже второй этап в карьере Гиммлера.

Казалось, на первом этапе все было у этого молодого человека «как у людей»... Генрих Гиммлер влюблялся, ходил на лекции, сдавал экзамены, брал уроки танцев, занимался благотворительностью, участвовал во всяких

вполне легальных организациях, которых в тогдашней Германии было чрезвычайно много, наконец, женился — словом, вел жизнь обычного представителя «мидлкласса», среднего класса первой четверти XX века...

Однако кристальная биография Гиммлера уже в первые послевоенные годы временами теряла свою «кристальность». В ней появлялись белые или скорее черные пятна...

Почему-то юный Гиммлер познакомился с капитаном Ремом, почему-то строил планы похитить из тюрьмы некоего Арко-Валлери — убийцу баварского министра-президента Эйснера. И еще того удивительней, именно сын директора гимназии и воспитателя «самого» баварского принца стал... другом Хорста Весселя, сутенера и совершенно разложившегося субъекта.

Не правда ли, странная история?

Гиммлер жил в Мюнхене, танцевал на балах, читал вслух бедному слепцу на Рождество, а Хорст Вессель снимал комнату в сомнительных, если не сказать грязных берлинских «меблирашках» и делил хлеб и постель с профессиональной проституткой.

Каким образом попал нормальный бюргерский сынок в маргинальные слои общества, каким образом познакомился с капитаном Ремом, пьяницей и гомосексуалистом, что по законам того времени, писаным и неписаным, считалось позорным, предосудительным, безнравственным и строго каралось.

А Гиммлер не только водил знакомство с Ремом, не только участвовал в путче 1923 г. на стороне Гитлера и нес ремовский флаг. Он еще был, так сказать, активнейшим экстремистом. Дело в том, что ремовская организация Рейхсфлаге в октябре 1923 г., то есть совсем незадолго до путча, раскололась; большая часть ее членов выразила свою лояльность правительству Баварии, меньшая — 300 человек экстремистов, среди них и Гиммлер, организовали новый союз под названием Рейхскригсфлаге. (В переводе первое название организации значит «Имперский флаг», второе — «Имперский военный флаг».) Итак, Гиммлер оказался путчистом и сторонником Рема из числа самых крайних воинственных молодчиков!

И тут возникает законный вопрос: была ли в генах молодого Гиммлера заложена тяга к преступлениям, к переходу границы от дозволенного к недозволенному? Или само послевоенное общество Германии с его пренебрежением ко всяческому «устоям», с его взбаламученным

общественным сознанием, с отрицанием всех моральных и религиозных категорий так подействовало на заурядного молодого человека? Впрочем, не столь уж это важно. Факт остается фактом, хотя и несколько загадочным. Ведь чтение бедному слепцу на Рождество душеспасительных текстов и непосредственная политическая связь с Ремом как-то плохо корреспондируют друг с другом...

Уже упомянутый французский историк Деларю рассказал в своей книге, что эмигранты-антифашисты в Париже после 1933 г. издали на немецком языке брошюрку под названием «Фашистские фюреры с глазу на глаз с тобой», ее собирались переправлять в Германию. В брошюре были краткие сведения уголовного характера об известных в ту пору нацистах. Сведения были отрывочные, материала авторам сплошь и рядом не хватало. Тем не менее сразу же после того как нацисты вошли в Париж, книжечка была полностью конфискована и изъята. Однако два экземпляра сотрудники Национальной библиотеки сумели спрятать. Первое и второе издание 1935 г. Но во втором издании страницы, посвященные Гиммлеру, оказались вырванными.

Тот же Деларю со ссылкой на книгу другого французского историка, Андре Гербе, «Гиммлер и его преступление» приводит такой факт.

В начале 1919 г. Гиммлер жил в Берлине с проституткой по имени Фрида Вагнер, которая была старше его на семь лет. Они снимали номер в подозрительном отельчике в бедняцком районе Моабит. 2 апреля 1919 г. некий полицейский Франц Шторм сообщил, что соседи этой парочки жаловались на вечные скандалы. Юный Гиммлер, писал в своем рапорте полицейский, живет на средства Вагнер, в чем и признался. Однако в начале 1920 г. Гиммлер внезапно исчез, и выяснилось это тогда, когда Вагнер нашли мертвой. Полиция объявила розыск. Гиммлера обнаружили в Мюнхене и арестовали по подозрению в убийстве. 8 сентября его судили, однако из-за недостатка улик оправдали.

По-видимому, сей казус стал известен французским историкам через немецких эмигрантов. Соотвествует ли он действительности, проверить сейчас трудно. Исключить его полностью тоже нет оснований. Мы ведь знаем, что нацисты в свое время переписали и историю Германии, и историю своей партии. Ничего не стоило Гиммлеру переписать также собственную историю — ему было не привыкать «изымать» «ненужные» документы и убирать нежелательных свидетелей!

Но на мой взгляд, дело совсем не в том, какие грехи или преступления совершил Гиммлер в ранней молодости. Все *эти* грехи и даже преступления имеют срок давности. Их можно считать списанными. Интересно другое: за исключением Деларю и Гебре десятки ученых, изучавших «империю смерти», аппарат насилия в нацистской Германии и ее основателя и главу Генриха Гиммлера, изображали его не как криминальную личность, а как *бюрократа террора*. Таким он и вошел в историю германского фашизма. Бледной, бесцветной тенью Гитлера, человеком в пенсне, боявшимся крови и неспособным убить даже муху! Какой странный парадокс — миллионы уничтоженных, замученных, искалеченных — и «безобидный» чинуша, исполнявший приказы и писавший дурацкие бумажки!

* * *

А. Т. Твардовский в своем дневнике «Из рабочих тетрадей», говоря о романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба», пишет:

«Самое ужасное, что при такой «многопланности», когда действие переносится не только с фронта в тыл, из провинции в Москву, с севера на юг и обратно, но из стана в стан в отношении сражающихся сторон, из верховной ставки Сталина в верховную ставку Гитлера, из Магадана в Бухенвальд, из наших блиндажей в немецкие и т. д., и возникает неприкрытый параллелизм, сближение «двух миров» в их единой по существу «волкодавье» сути. Там несвобода, и тут несвобода, там сажают и мучат, и тут не меньше, и, пожалуй, похлеще, там взваливают на плечи народа — исполнителя — безмерный, бесчеловечный груз страданий, гибели, и тут то же самое».

Все в этом абзаце справедливо — если добавить одно: «волкодавья» суть тщательно скрывалась и тут и там. У нас за «доброй улыбкой вождя всех народов», принявшего цветы от милой девчушки, у них — за заботливо-сострадательной миной фюрера, сидевшего у постели раненых эсэсовцев. Были созданы бесчисленные апокрифы, целая идеология для сокрытия «волкодавье» сути обоих тоталитарных режимов...

Чемпионом в этом деле надо считать Генриха Гиммлера.

Среди тысяч фотографий Гиммлера, дошедших до наших дней, очень мало фотографий на фоне созданных

им концлагерей. Не снимался Гиммлер и на фоне ровов с трупами, наконец, у секретных зданий, где еще до начала войны стали умерщвлять стариков и психически больных по программе «эвтаназии» — программе уничтожения «лишних ртов».

Никто не умел притворяться лучше, чем Генрих Гиммлер. Если послушать многие его высказывания, может показаться, что более мягкого, добросердечного, даже глупо-сентиментального человека история не знала. Приведем только один пример: в мемуарах Феликса Керстена, лейб-медика Гиммлера, финна по национальности, рассказывается, как рейхсфюрер СС, который чрезвычайно дорожил услугами Керстена, буквально жить без него не мог, выговаривал ему за пристрастие к... охоте:

«Ну как вы можете получать удовольствие при том, когда вы, господин Керстен, из засады стреляете в бедных зверей, которые пасутся у опушки леса, такие невинные, незащитные и ничего не ведающие. Если говорить прямо, это настоящее убийство... Природа так прекрасна, и каждое животное имеет право на жизнь, в конце концов. Именно этой точкой зрения я особенно восхищаюсь у наших предков. Тогда и крысам и мышам по всей форме объявляли войну, требовали прекратить их позорные дела и покинуть определенную область в течение определенного срока, прежде чем начать против них войну на уничтожение. Это уважение к зверю вы найдете у всех древнегерманских народов. Меня просто поразило, когда я недавно услышал, что буддийские монахи, если они идут вечером по лесу, несут с собой колокольчик, чтобы звери, которых они могли бы раздавить, сумели бы вовремя уйти с дороги. У нас же каждую улитку затопчут, каждого червяка раздавят...»

Итак, жалость к червякам и букашкам и безжалостное уничтожение миллионов людей, не только врагов — «неарийцев» (евреев и цыган), не только «низших рас» (славян), не только всех инакомыслящих — от коммунистов и социал-демократов до масонов, священников и адвентистов седьмого дня, но и соотечественников, не повинных ни в какой ереси, а просто слабых, больных, немощных стариков.

Конечно, разглагольствования Гиммлера о любви к каждой живой твари были лицемерием чистой воды. Тот же Гиммлер сочинил целую «теорию» о вредных насекомых и равных им по «вредности» общественных и расовых слоев, «засоряющих человечество».

Но ведь не только сам Гиммлер считал себя «обыкновенным» человеком, обывателем, но и все историки германского фашизма подчеркивают его заурядность, «массовидность», что ли. Дескать, рейхсфюрер СС был не «штучным товаром», как Гитлер или Геринг, а нацистским «ширпотребом».

В подтверждение этого тезиса сошлемся на Ханну Арендт, одного из крупнейших философов Германии XX века. Ханна Арендт эмигрировала из нацистского ада и знала об ужасах нацизма не понаслышке. И вот Ханна Арендт отмечала, что на смену хулиганам и деклассированным элементам типа Гитлера и Штрейхера приходят бюрократы и чинуши типа Гиммлера. В своей известной книге «Элементы и истоки тоталитарного господства» Х. Арендт писала: «Фюреры, создавшие тоталитаристское движение и приведшие его к власти, еще носят характерные и хорошо известные черты dna общества...» Что касается новых фюреров масс-общества, то они «скорее всего будут педантически-расчетливо корректные, как Гиммлер, а не истерически-фанатичные, как Гитлер, будут скорее всего тупо-упрямые, как Молотов, а не физиологически-мстительные, как Сталин...»

И далее в той же книге Х. Арендт дает довольно развернутый портрет Гиммлера, созданный по такой же примерно схеме:

«Прежние члены нацистской партии были, как Гитлер, типичными представителями dna общества. Но после ни один из них не попал в самый тесный круг Гитлера, в котором вообще кроме Геринга и Геббельса не было старых «партайгеноссен». А это свидетельствует о том, что кроме Геббельса из прежнего сброда и деклассированных элементов, среди которых нацисты первоначально рекрутировали своих самых ценных помощников, никто не смог приспособиться к превратившейся в реальность тоталитарной власти. Ибо Гиммлер, ставший после 1936 г. потенциально самым могущественным человеком в Германии, не принадлежал ни к «вооруженной богеме» (К. Гейден) и, собственно говоря, не принадлежал он к подонкам тоже. Организатор «конвейера смерти» был «нормальной», нежели любой из первых фюреров нацистского движения, он был обыватель, а не опустившийся интеллигент, как Геббельс, не шарлатан, как Розенберг, не секс-маньяк, как Штрейхер, не истеричный фанатик, как Гитлер, и не авантюрист, как Геринг. Он обладал исключительной способностью столь абсолютно

вписывать массы в тоталитаристскую подчиненность, что из них можно было с тем же успехом по мере надобности выбирать как функционеров, так и жертвы для организованных массовых убийств; именно благодаря своему убеждению в том, что большинство людей не богема, не фанатики и не авантюристы, не половые психопаты и не просто дураки, а субъекты, прежде всего озабоченные собственной безопасностью и благополучием своей семьи, он сумел доказать это...»

Не со всем в этом пассаже можно согласиться. Не только страх за собственную жизнь и за благополучие близких превращал многих рядовых обывателей в преступников и палачей Гиммлера. Ханна Арендт, как и некоторые другие западные ученые, недооценивает идеологию нацизма в целом и идеологию его карательных органов в частности. Для них та мешанина плохо переваренных постулатов, надерганных нацистами из разных трудов, начиная от трудов Ницше и кончая учебниками по выращиванию скота,— не идеология вовсе, а куча часто перевранных цитат. Но идеология отнюдь не должна быть совершенной, для того чтобы завладеть массами. Она должна быть всего лишь доступной, легко усваиваемой и по каким-то причинам созвучной своему времени...

Гиммлер все это понимал не хуже Гитлера. Поэтому и считал себя не только практиком и аппаратчиком, но и идеологом. Как раз он лучше всех знал, что карательные отряды, у которых руки были по локоть в крови, особенно нуждались в «красивой» и «возвышенной» идее!

Нам известен «человек в пенсне» в двух ипостасях: железный организатор аппарата насилия и идеолог «ордена СС».

* * *

Чтобы понять, как все это сформировалось, надо возвратиться к истокам.

История СА и СС — штурмовых и охранных отрядов — началась почти сразу же после создания «движения» — так на первых порах именовалась нацистская партия. Уже в начале 20-х годов партийные фюреры стали появляться в окружении боевиков в форме. Боевики устраивали «зальные побоища», то есть побоища во время митингов и собраний других партий и организаций. Иногда их выпускали на улицу — запугивать прохо-

жих. Тактика боевиков была предельно проста — трое или четверо детей набрасывались на слабого на вид, ничего не подозревавшего пешехода, допустим, «неарийской» внешности с криками: «Еврей проклятый, проходи из-за вас, пархатых, нет простым немцам. Все заполонили!» Дав «неарийцу» несколько оплеух, они выкрикивали грязные лозунги и спокойно удалялись, ибо в большинстве случаев собравшиеся случайные прохожие боялись связываться с хулиганами. Даже если полиция забирала нарушителей спокойствия, они отделывались пустяковыми штрафами, которые возмещались из партийной кассы. Иногда штурмовики меняли названия своей организации из «конспиративных соображений». Как уже отмечалось выше, это могли быть «Любители игры в кегли», «Союз рыболовов» и т. п. Разумеется, суть от этого не менялась.

Сотни тысяч выбитых из колеи людей, не нашедших себе места в послевоенной Германии, были практически неисчерпаемым резервуаром, из которого нацистская партия во главе со своим фюрером черпала кадры боевиков. Тем более что у них была своя система льгот — им платили за «выступления», их вывозили на грузовиках на «пикники», а то и в «командировки» в другие города, где предоставляли бесплатное угощение, выпивку, кров. Недаром особо крупные акции штурмовиков против руководства НСДАП и лично Гитлера происходили из-за того, что, по мнению функционеров СА, им платили недостаточно щедро за их услуги. Но дело было не только в меркантильных соображениях, хотя в конце 20-х годов, когда все капиталистические страны были охвачены кризисом и когда в СА буквально повалили миллионы безработных, материальная поддержка, которая оказывалась боевикам, оказалась очень нужной. Но не хлебом единым... Форма, строевой шаг, марширующие колонны, вся эта «игра в солдатики» нравилась обывателю, возбуждала его. Ему казалось, что он обретает духовную независимость, возвращает себе поправное чувство собственного достоинства. Мы уже писали, что самые умные буржуазные политики, разрабатывавшие хитроумные финансовые реформы, не понимали, не хотели понимать, что Версальский договор, разоривший Германию, был особенно ненавистен людям за то, что он унижал немцев. В этих условиях оголтелый шовинизм, попытка нацистов внушить народу, что он уже в силу своей принадлежности к германской нации выше всех других, обладала невиданными преимуществами, падала на благодатную почву...

В книге «Власть гестапо» английский историк Роджер Меллвил пишет:

«Безработных и других деклассированных людей притягивало к СА ощущение боевой спайки. Во время побоищ на улицах можно было выплеснуть свое бешенство, а на партийных собраниях с их искусственно разжигаемым пылом люди чувствовали себя, как во время эмоциональных крестовых походов».

Однако история СА — штурмовых отрядов — связана с именами Пфедфера, Стеннеса. И конечно же Эрнста Рема. Гиммлер там особой роли не играл. Да и сама эта «славная» история относится ко времени до 1933 г.

Что касается СС, то до 1933 г. это была второстепенная организация, хотя Гитлер создал ее с дальним прицелом — для защиты не от «врагов», а от собственных сообщников, главным образом от СА, самостоятельности которых фюрер всегда опасался.

Вначале это была просто «охрана фюрера», так сказать, его личные телохранители. Руководил этой охраной Шрекк. Потом Гейден, потом Берхтольд, все трое сугубо эпизодические фигуры в истории нацизма. При Шрекке будущие СС назывались «штабной охраной», при Берхтольде — «ударной группой Адольфа Гитлера». В 1925 г. «ударную группу» опять переименовали, на сей раз назвав «охранными отрядами», и уже окончательно. В 1929 г., когда во главе СС встал Гиммлер, в них насчитывалось всего 280 человек.

Очень красочно охарактеризовал эсэсовцев на первом этапе немецкий писатель Вилл Бертольд:

«В боевые времена (до 1933 г.— Л. Ч.) чокнутый Ади¹ (как говорили простые мюнхенцы.— Л. Ч.) создал «Ударную группу Адольфа Гитлера», состоявшую из мясника, часовщика и конюха под предводительством почти карлика, торговца писчебумажными принадлежностями,— зародыш охранных отрядов СС, сперва представлявших собой своего рода партийную полицию — позже она стала отличаться от СА, частью которой была, черной формой. Это подразделение числилось элитой и потому имело numeros clausus (ограничение количества.— Л. Ч.) — соединения СС должны были составлять лишь 10 процентов от числа СА».

Таким образом, с самого начала Гитлер замыслил «охранные отряды» как своего рода «гвардию» в отличие от «армии» — штурмовиков.

Когда штурмовики «зарывались», эсэсовцы призыва-

¹ Адольф Гитлер.

ли их к порядку. Однако это было возможно только до того времени, пока Рем после ссоры с Гитлером не прибыл вновь по его призыву в Германию. Произошло это незадолго до прихода нацистов к власти. Рем был не такой фигурой, которую можно было как-то обуздывать, он был с Гитлером на ты, и чинуши вроде Гиммлера стояли перед ним навтыжку...

Да, Гитлеру нужно было избавиться от потенциальных соперников — независимых штурмовиков и создать послушный ему аппарат.

Не вполне понимают, однако, западные ученые, в том числе и Ханна Арендт, чрезвычайно важного обстоятельства: Гитлеру и национал-социализму в целом требовалась не обычная государственная система и не обычные чиновники-бюрократы, а какие-то «чрезвычайные» надгосударственные органы подавления и насилия и, соответственно, не простые бюрократы, а некая помесь бюрократов с палачами, люди в чиновничьих мундирах, но с «волкодавьем оскалом». Таким и был Генрих Гиммлер с первых же дней существования нацистского государства.

В феврале 1933 г. был провозглашен подписанный Гинденбургом декрет «Об охране немецкого народа». От кого? От чего? 17 февраля был принят печально знаменитый указ Геринга о «разрешении стрельбы» по «врагу». Нацисты — добровольные помощники полицейских — вооружались, и им разрешали убивать, проливать кровь, не считаясь ни с какими законами! 27 февраля был совершен поджог рейхстага. И уже 28 февраля появился пресловутый декрет Гинденбурга «Об охране народа и государства», по существу, введено *чрезвычайное положение*. А дальше пошло-поехало!

В марте появились первые публичные упоминания о концлагерях. Уже к концу года их число достигло 100, а число заключенных в них людей — 150 тысяч. Наличие концлагерей стало свершившимся фактом. Причем известно было, что бросить в концлагерь ничего не стоило — надо было лишь проставить в соответствующий «ордер» любую фамилию. Ни суда, ни следствия не требовалось. 27 марта последовал новый декрет Гинденбурга, согласно которому все действия и высказывания, подрывавшие «благополучие рейха или престиж правительства», влекли за собой тяжелую кару — они подпадали под действия чрезвычайных судов.

Уже в феврале — марте произошли и «перевороты»

в отдельных землях — областях Германии: земли потеряли свою самостоятельность. Их карательные органы весной 1933 г. подверглись унификации с гестапо — в ту пору это еще было чисто прусское образование — государственная тайная полиция, управляемая довольно случайными людьми, ставленниками Геринга, главы прусского ландтага.

Последний акт драмы — превращение Германии в тоталитарное государство — разыгрался в июле 1933 г., когда национал-социалистская партия была провозглашена единственной партией в стране. Старые партии распутили, новые не разрешали создавать. НСДАП получила монополию на власть.

Пора было подумать и о создании новых, *внеконституционных, внепарламентских*, а главное, *неподконтрольных* органов!

Хотя, казалось бы, вся исполнительная и юридическая власть находилась в руках нацистов. Верный, испытанный гитлеровец Вильгельм Фрик с самого начала стал министром внутренних дел Германии. В июне 1934 г. была создана Академия немецкого (!) права. В апреле 1934 г. Ганс Франк, будущий губернатор Польши, возглавил имперскую комиссию по унификации юстиции во всей стране. 24 апреля был создан Народный трибунал!

Ну а где же Гиммлер?

Пока что он еще в тени.

Но вот наступил роковой 1934 год. Роковой и для нашей страны — убийство Кирова, начало массового террора. Роковой и для Германии — год окончательного становления тоталитарного государства.

И именно в этом году на авансцене событий появился Генрих Гиммлер, «человек в пенсне», который до этого вместе с Гейдрихом подвизался в Баварии. (Там он руководил отрядами СС, созданными Гитлером в противовес штурмовикам.)

Уже весной этого года Геринг назначил Гиммлера «инспектором» гестапо (совершенно непонятный пост). Сохранилась и соответствующая фотография: представление служащим прусской тайной полиции нового сотрудника — на фотографии мы видим толпу людей в штатском, стоящих в довольно вольных позах, перед ними за столом возвышается огромная туша — Геринг, а за ним явно в тени жметесь человечек в черном мундире со свастикой на рукаве — Гиммлер.

Итак, из Баварии Гиммлер переехал в Берлин и забрал с собой Гейдриха. Как видно из анализа соответст-

вующих документов, перед этим зловещим дуумвиратом была поставлена совершенно конкретная задача — провести «чистку». В мае они, видимо, составили списки людей, которых надо было спешно убрать. Списки не коммунистов и не социал-демократов, не евреев и не непокорных священнослужителей, а бывших сообщников и меценатов, которые помогли прийти к власти Гитлеру, но которые мешали ему установить абсолютную диктатуру — имели чересчур много почитателей, сами претендовали на власть или слишком много знали.

Но как с ними расправиться? Сам Гитлер и его непосредственное окружение — Геринг, Геббельс, наверно, долго ломали себе голову над этим вопросом.

Да, открытый процесс исключался.

Кроме всего прочего всемогущий Рем и его соратники по СА Эрнст, Хейнес и многие другие, включая «опозиционера» Грегора Штрассера, были популистами чистой воды. Уж они сумели бы защитить себя на суде.

Стало быть, надо было их «ликвидировать» мгновенно, без каких-либо попыток закамуфлировать эту акцию с помощью «законных» оснований.

Блиц-резня разыгралась 30 июня 1934 г., когда были арестованы и убиты в камерах, а то и просто у себя дома руководители штурмовых отрядов и многие политики, в том числе бывший канцлер Германии Шлейхер.

Сценарий был разработан раз и навсегда — гитлеровцы якобы всего лишь «защищались»! В данном случае «защищались» от заговора Рема и К°. Неважно, что в этом сценарии концы с концами не сходились — никаких «вещественных доказательств», никаких улик, показывавших, что готовился заговор, никогда не приводилось. «Сработано» все было грубо, на живую нитку. К примеру, объявили, что Карл Эрнст казнен. А потом он появился на аэродроме в Берлине: его привезли, чтобы убить.

Начало второй мировой войны прошло по тому же не менее топорному сценарию. На первых порах — в этом и была сила Гитлера — он напал неожиданно и действовал столь нагло, что это вызывало почти мистический ужас. Жертвы цепенели, как кролики перед удавом!

План был составлен. А исполнители тоже нашлись — ими стали ээсовцы и их главари — малоизвестные тогда Гиммлер и Гейдрих. Правда, Гиммлер, как мы уже писали, служил в свое время у Грегора Штрассера не то секретарем, не то кем-то вроде порученца. Но он был

настолько мелкой фигурой, что Штрассер его в расчет не брал. Да и что значили 50 тысяч эсэсовцев, которыми командовал Гиммлер, по сравнению с 4 миллионами штурмовиков?

16 мая Гитлер сговорился с Фричем — командующим сухопутными силами и с другими высшими офицерами, которые ненавидели Рема. 25 июня Фрич объявил боевую тревогу в рейхсвере. 28 июня, то есть за два дня до «ночи длинных ножей», до резни, состоялась встреча Гитлера с Круппом и Тиссенем в Эссене. Армию предупредили, монополистов тоже — для тех и других главное было удалить «левых» экстремистов, а в качестве таковых выступали Рем и Грегор Штрассер.

«Черную работу», как говорилось выше, взяли на себя части СС, формально подчинявшиеся тогда Рему. Назвать это бюрократической акцией, однако, довольно трудно — ночью вооруженные люди ворвались в частный пансион и схватили политиков прямо в постелях. А потом расстреляли их в камерах, зачитав (или не зачитав?) по бумажке обвинительное заключение. Они же судьи, они же палачи! Шлейхера застрелили прямо у него в доме, заодно убив и жену. Прикончили также адъютанта Шлейхера генерала фон Бредова. Как-никак, все эти люди были политиками. Даже Рем. Его выбрали в рейхстаг. Еще недавно он появлялся повсюду рядом с канцлером Гитлером¹.

Вызвало ли это какое-то противодействие? Никакого. Напуганы были 70 миллионов немцев. Напугана была граница. Но, похоже, особых выводов из этого никто не сделал.

Так с «ночи длинных ножей» — явно «небюрократической» акции — началась эра *бюрократического террора*. Особое изобретение тиранов XX века. 30 июня 1934 г. пострадало сравнительно немного людей — несколько сот, может быть, тысяча с небольшим. По сравнению с дальнейшими «подвигами» Гиммлера — суший пустяк. Но разве дело в этом? Был создан некий *прецедент* — расправа внесудебными методами, так сказать, на глазах у ошеломленной публики.

В литературе о нацистской машине террора и о Гиммлере авторы часто сетуют на то, что, дескать, уничтожив верхушку СА и тем самым подчинив армию штур-

¹ Убили всех трех обергруппенфюреров СА — Хейнеса, Крауссера и Шнейдхубера, главу берлинских штурмовиков Карла Эрнста и многих других.

мовиков Гитлеру (начальником штаба СА вместо Рема стал бесцветный Виктор Лютце), главари СС, в частности «человек в пенсне», ничего не получили в награду.

И в самом деле, эсэсовцев как было в 1933 г. 52 тысячи, так и осталось. И они «тихо» орудовали в концлагерях, мучая там людей, а также вели подспудную «организационную» работу в полицейских ведомствах. Только Гейдрих 1 июля 1934 г. получил чин группенфюрера СС (в тридцать лет!), что соответствовало чину генерал-лейтенанта. В судьбе Гиммлера в 1934 г. вроде бы ничего не изменилось. Хотя он и прибрал к рукам гестапо в Пруссии.

По-видимому, это не было случайностью. Концепция террористической машины еще только вырисовывалась. Геноцид, холокост, то есть уничтожение миллионов людей — целых народов, этнических групп, населения огромных территорий, еще только готовились.

Конечно, лишение власти и властных амбиций штурмовиков намного повысило акции эсэсовцев, охранных отрядов. Но это еще не было так ясно сразу всем непосвященным. Гиммлер постепенно взбирался на нацистский Олимп. На самом же деле его звездный час наступил уже в 1933 г.

В тот самый момент, когда Гитлер «легально» пришел к власти и с бешеной скоростью, не давая никому опомниться, стал демонтировать государственную машину Веймарской республики, уничтожая все демократические институты, в тот самый момент стало ясно, что многомиллионная армия Рема фюреру не нужна. Об этом часто писалось и пишется и в популярных книгах по истории фашизма и в специальной литературе.

Ханна Арендт, безусловно, права, когда говорит, что власть в Германии скоро перешла из рук авантюристов и дебоширов типа Рема в руки чиновников и бюрократов типа Гиммлера.

Рем претендовал на полную «самостоятельность», его конечная цель заключалась в том, чтобы смести с лица земли немецкий рейхсвер с его потомственным генеральским и офицерским корпусом. Подчеркнем слово «потомственный», ибо испокон веку многие аристократические семьи в Германии поставляли своих отпрысков армии, где те занимали высшие посты.

Думается, что не пиетет перед немецкой милитаристской кастой «спас» эту касту. Хотя Гитлер специалистов уважал.

Дело в том, что если бы Рем стал во главе «народной армии», уничтожив пусть слабый, всего 100-тысячный, рейхсвер, в стране возникло бы двоевластие. А потом Рем и вовсе мог бы сместить Гитлера.

* * *

Однако действительный перелом в карьере Гимmlера произошел 17 июня 1936 г., когда он был назначен рейхсфюрером СС и начальником немецкой полиции...

Назначение Гимmlера подтверждает мысль о том, что тоталитарное государство обязательно создает новые, неконституционные аппараты власти, новые структуры!

Что такое рейхсфюрер СС, в переводе «имперский вождь охранных отрядов»? Что такое начальник немецкой полиции? Полиция в любом государстве подчиняется министру внутренних дел. В нацистской Германии Гимmlер по положению был как бы статс-секретарем, заместителем министра внутренних дел Фрика. Однако все, в том числе и сам Фрик, прекрасно понимали, что Гимmlер обладал куда большей властью, нежели Фрик и все его министерство. Таким образом, аппарат геноцида с самого начала вывели из подчинения правительства и рейхстага (парламента).

К середине войны ведомство Гимmlера стало поистине необъятным — *государством в государстве*. К тому же его структура была чрезвычайно сложной и запутанной; многие подразделения дублировали друг друга, ибо на недоверии, контроле, слежке была построена вся гитлеровская система. Но преувеличивать все же не стоит — эсэсовское государство в государстве исправно функционировало.

Существует легенда о том, что только какой-то сверхученый англичанин-исследователь разобрался после 1945 г. в лабиринте, созданном Гимmlером. Это, конечно, всего лишь легенда. На самом деле все историки нацизма прекрасно знают структуру органов насилия в Германии. Правда, разночтения бывают, но объясняются они одним: Гимmlер все время «совершенствовал» свой аппарат, в разные годы он был несколько иным, менялся.

Если описать структуру гимmlеровского «государства», то она выглядела в апогее власти «человека в пенсне» примерно так:

Верхняя ступенька — рейхсфюрер СС. Ему подчинены:

во-первых: имперское ведомство безопасности, которым руководил ближайший соратник Гиммлера — Гейдрих, а после удавшегося покушения на него чехословацких патриотов — Кальтенбруннер. Ведомство сие делилось на семь отделов и было «вездесущим». Главный отдел — печально знаменитое гестапо, то есть тайная полиция. Гестапо было всего-навсего 4-м отделом РСХА, но страх, который это образование внушало, был почти мистическим, ибо именно гестапо осуществляло террор внутри страны, не ослабевавший буквально ни на одну минуту ни в дни мира, ни в дни войны. Руководил гестапо Генрих Мюллер, бывший полицейский чиновник из Баварии — «профессионал», главным образом в области борьбы с коммунистами, рабочими и интеллигенцией. Важным был также 6-й отдел РСХА, во главе которого долгие годы стоял Шелленберг. Этот отдел устраивал провокации за границей, плел сложные кровавые интриги, осуществлял связь с зарубежными разведками. Характерно, что проходивший по Нюрнбергскому процессу в качестве свидетеля Шелленберг умер на свободе в довольно-таки роскошном пансионе на Лаго Маджоре (курорте в Италии). Его пощадили западные разведки, по-видимому, он знал много таких «деталей», от которых на открытом процессе не поздоровилось бы некоторым руководителям спецслужб. Добавим, что именно Шелленберг преследовал эмиграцию, убивал с помощью ядов и выстрелов из-за угла политических и партийных деятелей.

Во-вторых, Гиммлер руководил всеми вооруженными формированиями СС — фактически огромной армией внутренних войск и фронтовыми дивизиями, а также пресловутыми «эйнзацгруппами», о которых речь пойдет ниже. В его подчинении находилось управление под названием «верхушка СС», которому, в свою очередь, подчинялись Главное хозяйственное ведомство и Главное ведомство фюреров СС. В ведении последнего находились общевойсковые соединения СС и так называемая дивизия «Мертвая голова» для охраны концлагерей. Хозяйственное ведомство, в свою очередь, состояло из пяти отделов, в том числе отдела концлагерей и строительного отдела. Через эти оба отдела Гиммлер осуществлял власть над миллионами рабов — узников «обычных» концлагерей, лагерей для военнопленных и лагерей уничтожения. Хозяйственный отдел грабил живых и мертвых, свозя в Германию в годы войны все, начиная от заводов

до золотых украшений и женских волос «ликвидированных людей».

И наконец, в-третьих, Гиммлеру были подчинены «идеологические» отделы — их было четыре. Кроме того, при личном штабе рейхсфюрера СС находились всевозможные «идеологические» образования, например так называемый «Лебенсборн» («Источник жизни». — Л. Ч.) — странное учреждение: не то приют, не то родильный дом, где незамужние фанатички производили на свет незаконнорожденных детей — «приплод» эсэсовцев чистых кровей, и где их потом должны были, по замыслу Гиммлера, воспитывать для войск СС и для улучшения немецкой «породы». Таких чисто идеологических институтов, как «Лебенсборн», а также «научных» учреждений, занимавшихся «расоведением», то есть расовой теорией, а также определением, кто в Германии «истинный ариец», а кто не совсем «чистый», — было великое множество. И все они находились под эгидой Гиммлера и СС.

Конечно, не сразу сложился этот гигантский аппарат. Но в зародыше он был заключен уже в самом наименовании должности Гиммлера в 1936 г., в диковинном наименовании «рейхсфюрер СС и начальник полиции». Три разнородных, казалось бы, структуры сосредоточил в своих руках «человек в пенсне»: аппарат террора — РСХА, войска особого назначения и нацистский ГУ-ЛАГ — концлагеря в самой Германии и за ее пределами, на оккупированных территориях.

Попытаемся представить себе весь этот гигантский бюрократический монстр в целом. Тут и войска — сотни тысяч рядовых эсэсовцев со своими штабами и училищами. Тут и огромная сеть концлагерей, лагерей для военнопленных, «рабочих лагерей», лагерей уничтожения. Тут и громадные предприятия, так сказать, на базе этих лагерей. Недаром министр вооружений Шпеер со слов Гитлера утверждал, что Гиммлер становится самым крупным монополистом в Германии. Тут и всевозможная полиция — политическая, уголовная, наконец, «мировоззренческая», сражающаяся не с уголовниками, даже не с политическими противниками (явными или потенциальными), а с евреями, масонами, церквями разных конфессий. Разумеется, во всех отделах и подотделах, ведомствах и подведомствах гиммлеровского монстра были свои отделы кадров, отделы слежки и т. д. и т. п. Наконец, свои канцелярии. Можно себе представить, какая гора бумаг создавалась в «империи смерти», сколько «исходя-

щих», сколько приказов, указов и распоряжений, декретов и поддекретных актов печаталось на пишущих машинках и издавалось типографским способом — компьютеров и ксероксов тогда еще не существовало.

* * *

Однако, говоря о *бюрократии террора*, не надо забывать, что на первом месте в этой формуле стояла все же не бюрократия, а *террор*.

На начальном этапе Гиммлеру и его аппарату удалось в кратчайший срок запугать немецкий народ, довести его до рабской покорности, до судорожного желанья *верить*. Верить фюреру, верить вопреки фактам, вопреки рассудку, вопреки логике, наконец, даже вопреки чувству самосохранения. В последние месяцы войны, когда и слепой видел, что катастрофа неминуема, немецкие мальчишки рвались на фронт, чтобы умереть за «идею». Какую «идею»? «Идею» расовой чистоты и мирового господства? Стало быть, рвались в бой, чтобы умереть за идею концлагерей и «душегубок», где завершалась «селекция», за идею колючей проволоки, которой Гитлер хотел опутать весь мир...

В основе многих неадекватных реакций и поступков миллионов немцев от 1933 до 1945 г., безусловно, лежал *страх*, внушаемый им карательными органами.

Система запугивания и сыска проникла во все поры нацистского государства. Эсэсовский аппарат был прежде всего сращен с аппаратом партийным. Партийные иерархи имели в СС генеральские чины и на торжественных приемах появлялись в мундирах группенфюреров, обергруппенфюреров и бригадефюреров. Такую же парадную форму получили и крупные государственные служащие и «капитаны» промышленности, то есть крупные монополисты, заводы и фабрики которых Гитлер так и не успел экспроприировать. Известную самостоятельность до поры до времени сохраняла в силу своей кастовости лишь армия. Но после «чистки» 1938 г. (накануне войны!), когда были удалены два крупнейших немецких военачальника — генерал Бломберг, военный министр, и генерал Фрич, командующий сухопутными силами (его особо чтили в армии!), а также (но уже без шума!) множество других видных военных, вермахт так запугали, что генерал-квартирмейстер Вагнер заключил в 1941 г. с СС позорное «соглашение». По этому соглашению, придуманному «гением зла» Гейдрихом,

«эйнзацгруппы» вступали в качестве составной части армии на оккупированную территорию. Таким образом, функции отрядов палачей и карателей приравнивались к функциям регулярной армии. Более того, верховное командование вермахта издало приказ о том, что немецкие солдаты, совершившие «насилие над гражданским населением, не должны наказываться военными судами».

Очень помогло Гиммлеру то, что Гитлер и НСДАП сразу же поставили вне закона целые группы немецкого населения — коммунистов, социал-демократов, левую интеллигенцию, евреев, цыган, церковных деятелей. Это дало небывалый «полицейский эффект».

Каждый гражданин в рейхе неожиданно почувствовал себя политическим «грешником», без вины виноватым.

Со времени дружбы немца Лессинга с евреем Мендельсоном, а сия дружба двух немецких просветителей датируется серединой XVIII века, антисемитизм в Германии стал для людей интеллигентных, а также для простого народа позором, он стал уделом плебса, люмпенов. Евреи в Германии сильно «онемечились». У сотен тысяч «арийцев» в догитлеровской Германии появились родственники, свойственники, друзья — евреи. И вот в один далеко не прекрасный день немец X почувствовал себя политически скомпрометированным, потому что дружил с евреем, а немец Y потому, что его тяжбу с соседом выиграл адвокат еврей. Третий немец испугался потому, что он чтит врача, который вылечил его единственного сына; чтит, не задумываясь над тем, что родной брат врача был депутатом рейхстага от коммунистов. И так далее и так далее.

Масса людей вообще не могла доказать, что весь их род не имеет «неарийских примесей». У одного бабушка была незаконнорожденной, другой не сумел обзавестись нужными документами. К примеру, родился в Польше, и тамошние родственники писали, что документы сгорели.

Перед захватом Гитлером власти без малого 6 миллионов немцев голосовали за коммунистов и не скрывали своих симпатий к КППГ — вполне легальной партии. В том же 1932 г. социал-демократы получили сперва 8 миллионов, а потом 7 миллионов голосов. И можно не сомневаться, что люди, голосовавшие за социал-демократов, тоже не считали себя обязанными скрывать это... Ведь они жили тогда в демократической стране.

А профсоюзы?

Известно, что они играли большую роль в Веймарской республике, ибо всерьез защищали права трудящихся. У них был большой «кадровый корпус». Но он-то как раз и попал в категорию «врагов народа».

В Германии были также миллионы верующих двух конфессий — прихожане католической и лютеранской церквей. И наконец, сравнительно большая прослойка левой интеллигенции — журналисты, писатели, актеры, музыканты, художники, архитекторы. Многие из них имели мировую известность.

Словом, немецкий народ не проявил ни расовой, ни классовой «бдительности». Почти каждый немец, так сказать, автоматически попадал под рубрику «неблагонадежный».

Нацистские ячейки, «блоки», создавались по месту жительства. Стало быть, их члены знали всю подноготную друг друга и своих соседей: кто что читает, кто кому сочувствует, кто слушает иностранное радио, кто не вывесил вовремя флаг со свастикой.

Блокфюреры и стали осведомителями гестапо. Стали по обязанности. Но были еще один или два тайных (иногда платных) осведомителя — они контролировали блокфюрера. Кстати, видимо, многих осведомителей завербовали из числа «особо запуганных», из тех, кто не мог принести справку о бабушке, из тех, чья дочь, к примеру, подружилась в школе с еврейской девочкой. Тут Ханна Арендт была права, когда писала, что Гиммлер так «абсолютно вписывал толпу в тоталитарное подчинение, что из нее можно было с той же произвольностью выбирать как функционеров, так и жертвы»!

Перед гестапо все были равны. Даже телефон Рудольфа Гесса, второго человека в партии, прослушивался. Шахт, без которого Гитлер не смог бы создать в баснословно короткие сроки мощную военную промышленность, обнаружил подслушивающие устройства у себя в спальне.

Немецкий писатель Рольф Хоххут в книге «Тель-1938», рассказывая историю одного юного швейцарского гражданина, ненароком нарисовал незабываемую картинку из жизни нацистского общества. Молодой человек, будущий пастор, приехал из Швейцарии в Германию с безумным намерением убить Антихриста — Гитлера. Ни к какой организации он не принадлежал, ни с кем не был связан. Никаких шансов даже на встречу с Гитлером

у него не было. Попался молодой человек совершенно случайно, когда уже распростился со своим планом, но не выбросил пистолет. Попавшись, во всем признался — своего рода акт отчаяния...

Но сейчас речь не о молодом человеке, которого Хоххут сравнивает с легендарным Вильгельмом Телем.

Речь о картинке нравов... Так вот, белокурый красавец юноша приехал из Швейцарии в Германию в 1938 г. к своей родственнице, захотев, так сказать, навестить пожилую тетушку. Войны еще не было. Между маленькой Швейцарией и Германией отношения были вполне добрососедские. Тем не менее тетушка «Теля» написала сыну-гестаповцу об ожидаемом визите. И гестаповец-сын посоветовал ей составлять регулярные «донесения» на родственника — не намерен ли тот нанести «обороне» рейха ущерб, выведать какие-либо военные секреты. Тетушка регулярно следила за тем, что делает племянник, с кем встречается. Но «Тель» ничего не делал и ни с кем не встречался. Пожив так несколько дней у родственницы, он отправился в Берлин, где снял меблированную комнату у первой попавшейся хозяйки. Комнаты в Берлине в 1938 г. сдавали всем, ничего экстраординарного в этом не было. Тем не менее хозяйка аккуратно высыпала из корзинки для бумаг клочки бумаги, брошенные «Телем», и складывала их. В записках была всякая чепуха, например опись сорочек, которые сделала мать «Теля», и все в таком роде. Но хозяйка сложенные записочки хранила.

Вот до какой подозрительности, до какой ксенофобии довела гиммлеровская система «среднего немца» за пять лет. Всего за пять лет!

Впрочем, не только любой иностранец, но и любой соотечественник рассматривался как потенциальный шпион и «враг нации». Можно сказать, что репрессивные органы исходили не из презумпции невиновности, а из *презумпции виновности*.

Особенно эффективным оказалась непредсказуемость арестов и заточения в концлагерь. Это вызывало не просто осторожность людей, но сверхосторожность. Разговоры о политике исключались даже в кругу собственной семьи.

Все это вело к разъединению людей. А это, в свою очередь, делало их психологически совершенно беспомощными, беззащитными.

Пристально изучая историю карательных органов в нацистской Германии, всегда поражаешься, почему Гиммлер, который обладал столь неограниченной вла-

стью и столь «совершенным» аппаратом, так часто прибегал к практике тайных убийств. Коль скоро тайные убийства происходили за границей, это — понятно. Там нельзя было схватить неудобного, запихнуть его в концлагерь и забить до смерти. Но деятельность РСХА в довоенный период за границей: наделавшее шума убийство инженера Формиса, похищение журналиста-эмигранта Якоба, захват британских агентов спецслужб на территории иностранного государства и «командировки» Шелленберга с ядами — не наша тема.

Однако по опубликованным материалам можно без труда обнаружить, что таким способом «убирали» людей и в самой Германии: либо отравляли, либо подстраивали автомобильную катастрофу, либо инсценировали видимость самоубийства. Ясно, что при этом никакой «статистики» не велось, а родственники и друзья «ликвидированных» боялись обращаться в полицию.

Почему же Гиммлер прибегал к столь странным «штучным» убийствам, если жизнь и смерть 70 миллионов подданных рейха и так находилась в его руках?

Ответ может быть только один: необъяснимые, загадочные убийства сгущали атмосферу страха, нагнетали напряженность.

Приведем слова неизвестного журналиста, которые как нельзя лучше подходят к атмосфере, создавшейся в Германии в 1933—1939 годах, то есть еще в довоенные годы. «Обстановка... оказала влияние и на рабочих. Каждого рабочего заставляют шпионить за своими соседями, сыновья должны доносить на своих отцов, отцы — на сыновей до тех пор, пока последний враг... не будет уничтожен... Директора предприятий либо изгнаны, либо ждут в застенках своей участи... Деморализация перекинулась из городов в деревни».

Пикантность этой характеристики общества заключается в том, что она списана из газеты «Фелькишер беобахтер» из номера за 5 июня 1937 г. и относится не к гитлеровской Германии, а... к сталинской России. Но видно, что журналист хорошо знал — и не понаслышке, — к чему приводит массовый террор.

* * *

Говоря о гигантском гиммлеровском аппарате, как явном, так и тайном, большинство западных исследователей делают вывод: Гиммлер был великолепным организатором, бюрократом с большой буквы.

К сожалению, не делают они другого вывода — любая машина уничтожения в тоталитарном государстве должна быть бюрократической. Иначе акции по массовому уничтожению просто невозможны. И если бы Гиммлер этого не понял, «система» сразу же отторгла его. Гораздо легче, чем, допустим, Рема, который был также великолепным организатором и имел решающие заслуги в приходе Гитлера к власти.

Приходится признать, что личные качества Гиммлера — его педантичность, аккуратность, все его чиновничьи достоинства не сыграли такой уж большой роли. Конечно, он один из создателей системы тоталитарной власти, самого ее страшного компонента, машины насилия и уничтожения. Но, с другой стороны, сама система диктовала свои законы...

Западные историки очень часто рассматривают «империю смерти» в отрыве от нацистского режима. А Гиммлера — в отрыве от «империи смерти». К каким курьезам это приводит, покажем всего лишь на одном примере.

Немецкий публицист Фольке Элис Пильгрим в 1986 г., то есть сравнительно недавно, опубликовал книгу под названием «Маменькины сыновья»¹. Пильгрим нашел в истории множество «маменькиных сыновей» — Наполеона... Сталина, Гитлера, Гиммлера, а заодно и всю его «команду» — комендантов «лагерей уничтожения». Что отличает «маменькиных сынов»? По утверждению Пильгрима, людей, воспитанных любящими матерями, но лишенными по той или иной причине отцовской ласки, отличает неумение выбрать себе профессию, известная женственность, чувствительность, что ли, страх крови...

Пильгрим уверяет, в частности, что крови боялся Гитлер. И приводит два «доказательства»: дескать, именно поэтому Рем требовал, чтобы Гитлер убил его собственноручно. Он понимал, мол, что «маменькин сын» этого не сумеет сделать². И, во-вторых, согласно дневникам Генриэтты фон Ширах (жены одного из гитлеровских сатрапов, фюрера нацистской молодежи Бальдура фон Шираха), фюрер выгнал ее из дома, когда она попыталась рассказать ему, как евреев насильно депортировали из Голландии на кровавую расправу.

Почему Рем, сидя в камере смертников, звал Гитлера,

¹ В немецком языке тоже существует понятие «маменькины сыночки», но Пильгрим решил это словосочетание слегка изменить — получились «маменькины сыновья».

² Это же пишет и Мазер в гигантской монографии «Адольф Гитлер».

понятно — видимо, хотел его урезонить, повлиять на него. Что касается мемуаров Генриэтты Ширах, то они, хотя и сообщают некоторые любопытные сведения, не заслуживают доброго слова. Конечно, постфактум фрау Ширах приписывает себе заступничество за евреев. Однако вполне вероятно, что «изгнанию» она обязана не своими сообщениями, да и вообще не Гитлеру, а Эве Браун или Борману, поскольку имела свои «виды» на «вождя»¹.

Но нас интересует в данном случае не Гитлер, а Гиммлер. Хотя каждую из этих фигур следует рассматривать не только в контексте истории, но и как персонаж «группового портрета». Верхний эшелон нацистского государства при всей грызне и сваре внутри его был «подобран» чрезвычайно умело — один дополнял другого...

Чтобы показать «некровозадачность» Гиммлера, Пильгрим приводит два довода: известный факт присутствия «человека в пенсне» на одной из акций «ликвидации» и его дневники. Если верить многим описаниям, то Гиммлера как-то «затащили» (он якобы сопротивлялся) на казнь, вернее, убийство «врагов нации» — «врагов» убивали выстрелами в затылок, и брызги крови и мозга попадали на сапоги «человека в пенсне». Гиммлеру вроде бы стало дурно. Ну и что? Повлияло ли это как-то на дальнейший ход событий? Прекратил глава СС массовые казни? Ничуть не бывало! Вместо этого каратели избавились от «кустарщины». Гиммлер велел изобрести нечто более эффективное. После чего и были созданы душегубки и газовые камеры. Ничего себе чувствительность! Ничего себе гуманность!

Ну а что Пильгрим вычитал из дневников Гиммлера? «Его (Гиммлера. — Л. Ч.) дневник, — пишет Пильгрим, — историк читает, качая головой, ибо автор упоминает в нем только пустяки. Ни одно переживание не влечет за собой мысли, ни одно действие не вызывает интереса. Это дневник домашней хозяйки... Так же как домашняя хозяйка может писать лишь о погоде и о ежедневных покупках, о приходах и уходах членов семьи, которых она обихаживает, так и Гиммлер мог лишь записывать время отхода поездов, в которых он ехал в гости к родственникам, фиксировать получение писем и вспоминать о пирогах, которые ел на крестинах, а также о числе принятых им лечебных ванн».

¹ В тех же мемуарах Г. фон Ширах повествует, что она чуть было не стала любовницей Гитлера.

Дневники Гиммлера изданы. Действительно, они показывают ничтожность рейхсфюрера СС. Трудно представить себе, что их писал государственный деятель. Но такое же впечатление производят и дневники Альфреда Розенберга, которого Ханна Арендт причислила к первому «эшелону» гитлеровцев, к «шарлатанам». Однако и этот «шарлатан» — теоретик нацизма, в своих дневниках предстает мелкой душонкой, скорее, правда, не домашней хозяйкой, а лакеем, который беспрерывно хлопочет, чтобы Хозяин (Гитлер) не обошел его своими господскими милостями.

Стоило ли вообще вступать в спор с Пильгримом? Может, и не стоило бы, если бы лавры постфрейдизма нет-нет да и не прельщали наших отечественных историков. И они иногда тщатся объяснить злодеяния Гитлера, Сталина и других подкорковыми отклонениями, комплексами... Все это по меньше мере антиисторично!

Представим себе, что Гитлер, Гиммлер, Розенберг были бы садистами и жаждали крови. Скольких людей они бы убили? Сто, двести, триста человек... Но при нацизме счет шел сперва на сотни тысяч, а потом и на миллионы. Немецкий историк, знаток нацизма Хайбер считает, что Гиммлер повинен в гибели 10 миллионов человеческих жизней. Для этого нужна была *машина террора*, тысячи *бюрократов террора*. Дневники Гиммлера писать не умел, но в некоторых его письмах и речах появляется «масштабность». *Масштабность* палача и убийцы.

* * *

Однако, если бы автора этой книги спросили, какова была основная черта характера Гиммлера, он, не задумываясь, ответил бы — *ханжество*.

Как показала история, многие полицейские были Тартюфами...

Герцог Ришелье, первый министр при Людовике XIII, изничтожал подданных Франции, но на словах денно и ночью пекся об их благе, о славе и процветании государства.

Знаменитый Фуше, министр полиции при Директории и создатель первых тайных полицейских «спецслужб» при Наполеоне Бонапарте, под конец перекинувшийся на сторону Бурбонов, стал символом хитреца и лицемера.

Однако и Ришелье, и Фуше были незаурядными лич-

ностями и крупными политиками, циничные афоризмы которых люди повторяют до сих пор.

По сравнению с ними Гиммлер мелкий ловкач и перевертыш. Однако именно он довел до небывалых высот искусство лицемерия и ханжества в рейхе.

Первым свидетелем ханжества «человека в пенсне» стал Кребс, на воспоминания которого мы уже ссылались. Несмотря на то что Кребс писал свои мемуары через несколько десятилетий после того, как провел день в одном купе с юным Гиммлером, он так и остался одуроченным своим попутчиком.

По словам Кребса, Гиммлер всю дорогу мучал его глупыми разговорами — сплетнями по поводу того, а не скрывает ли какой-нибудь гаулейтер наличие еврейской крови в своих жилах или в жилах своей жены. Кребс утверждает, что в частных беседах никто всерьез не принимал нацистскую «расовую теорию», а уж тем паче не задумывался о «чистоте» крови окружающих его людей. Наедине со знакомыми и друзьями нормальные люди только посмеивались над этим чисто пропагандистским приемом.

В довершение всего, когда Кребс предложил Гиммлеру пообедать в вагон-ресторане, тот отказался. Он, дескать, не настолько «буржуазен», чтобы обедать в ресторанах; простому немцу достаточно и бутербродов!

На протяжении всей своей карьеры, даже находясь в зените власти, Гиммлер бубнил одно и то же. И не только с трибуны. Уж кажется, перед своим массажистом и «придворным» медиком, жирным Керстеном, который, по свидетельству очевидцев, обирал всех, продавая какие-то витаминные таблетки, Гиммлеру не стоило лицемерить, тем не менее он и ему, как мы говорили выше, пел о своей любви к букашкам и мошкам, упрекал за «жестокое» пристрастие к... охоте!

Однако и разговоры с Кребсом и мнимая любовь к каждой живой твари не стали бы фактом истории, если бы в 1936—1939 гг., еще до начала второй мировой войны, Гиммлер не создал «особую» идеологию «черного ордена» — СС, если бы он не внушал и своим палачам и всему миру, что они вовсе не палачи, а рыцари без страха и упрека, искореняющие мировое зло в лице коммунистов, масонов, евреев. Идеалисты, которые вынуждены во имя грядущего счастья человечества марать руки, очищая земной шар от отвратительных «недочеловеков», эдаких «вшей».

Дешевое «морализаторство» Гиммлера, его скучнейшие разглагольствования о добродетелях эсэсовцев, его взрывы возмущения¹, наконец, его запреты: эсэсовцам запрещалось запирать свои тумбочки в общих спальнях, запрещались все напитки, кроме минеральной воды, запрещалось варить очищенный картофель (в целях экономии картофель варили только в «мундире») — все это не бред мещанина-параноика, а глубоко продуманные государственные акции! Любой эсэсовский палач должен был предстать в мнении людей, да и в своем собственном мнении, эдаким добропорядочным, скромным, непритязательным малым, которому поручено исключительно неприятное дело «ассенизатора и водовоза». Да простит нам Маяковский за то, что мы воспользовались его словами!

Но господи! Как страшна идеология лицемерия и ханжества в *государственном масштабе!*

Конечно, Гиммлер довел ее до гигантских размеров. Но все же — не он ее создал. «Основоположником» был сам Гитлер и те подонки — «интеллигенты», которые помогали ему, — Эссер и Эккарт, «Путци» Ханфштенгль и семейство Виннифред Вагнер. Фальшь была заложена уже в самом названии нацистской партии.

Ну, а в применении к карательным органам? Тут лавры «первооткрывателя» остаются за Гиммлером?

Тоже — нет!

Уже на самой заре возвышения СС и лишения СА ее ведущей роли, сразу после кровавой ночи 30 июня 1934 г., так сказать, борьбы за власть в чистом виде, Гитлер объявил резню эдаким походом за «порядочность» и «моральную чистоту».

Историки нацизма почему-то забыли первое официальное заявление правительства Гитлера. Прочитируем его спустя почти шесть десятилетий.

Цитируем «Правду» от 1 июля 1934 г. Шапка: «Спекуляция на собственной мерзости». Заголовок — «Жалкая попытка замазать политический смысл событий».

«Берлин, 30 июня. (ТАСС). Отдел печати национал-социалистской партии опубликовал следующее сообщение:

«Уже в течение многих месяцев отдельные элементы

¹ Гиммлер вышел из себя, найдя на столе эсэсовца книжку с неприятным содержанием.

пытались вогнать клин и создать противоречия между штурмовыми отрядами и государством. Подозрения о том, что эти попытки являлись делом небольшой клики с особыми установками, все более и более подтверждались. Начальник штаба штурмовых отрядов Рем, который пользовался редким доверием Гитлера, не только не выступил против этих явлений, но, несомненно, поощрял их. Известная несчастная склонность Рема постепенно привела к тому невозможному положению, что у самого Гитлера создавались самые тяжелые внутренние конфликты с его совестью». (Под словами «несчастливая склонность Рема» подразумевается его гомосексуализм.— Л. Ч.)

«Рем без ведома Гитлера,— указывается далее в сообщении,— установил связь с генералом Шлейхером. При этом использовал других руководителей штурмовых отрядов, а также одну известную в Берлине своей неблаговидностью личность, к которой Гитлер относился резко отрицательно¹. Ввиду того, что эти переговоры (Рема со Шлейхером) в конце концов — разумеется, тоже без ведома Гитлера — привели к связям с одной заграничной державой и, вероятно, с ее правительством, то, с точки зрения национал-социалистской партии, как с точки зрения государства, необходимо было вмешательство.

Планомерно спровоцированные инциденты привели к тому, что сегодня ночью, в 2 часа, после осмотра лагерей трудовой повинности в Вестфалии, Гитлер вылетел на самолете из Бонна в Мюнхен, чтобы немедленно сместить и арестовать наиболее тяжело провинившихся лиц. Гитлер лично, в сопровождении нескольких человек, направился в Висзее, где проводили отпуск Рем и группа близких ему лиц, чтобы там в зародыше подавить всякие попытки сопротивления. Проведенные аресты выявили настолько печальные с моральной точки зрения картины, что всякий намек на жалость должен был исчезнуть. Некоторые из этих руководителей штурмовых отрядов взяли с собой мальчиков, с которыми они сожительствова­ли. Одного застали в самой омерзительной ситуации и тут же арестовали его.

Гитлер отдал приказ о безжалостном уничтожении этого гнойника. В будущем он не хочет терпеть того, чтобы миллионы приличных людей страдали и были скомпрометированы отдельными лицами с болезненными

¹ Видимо, здесь речь идет о Грегоре Штраассере.

отклонениями, Гитлер дал приказ прусскому премьеру Герингу провести в Берлине подобные же меры, в частности, ликвидировать там реакционных союзников этого «политического заговора».

В 12 часов дня Гитлер произнес перед собравшимися в Мюнхене высшими руководителями штурмовых отрядов речь, в которой он подчеркнул свою непоколебимую связь со штурмовыми отрядами. Он заявил, однако, что он в то же время отныне будет безжалостно истреблять и уничтожать недисциплинированных и непослушных субъектов, а также асоциальные элементы или людей с патологическими отклонениями. Он указал далее на то, что он в течение многих лет защищал начальника штаба штурмовых отрядов Рема от самых тяжелых нападков, но что развитие событий последнего времени заставляет его поставить интересы национал-социалистской партии и государства выше всяких личных чувств. Он особенно подчеркнул, что в зачатке будет душить и уничтожать всякие попытки пропагандировать в нелепых кружках честолюбивых натур новый переворот».

Это уже вопиющее лицемерие. О политической подоплеке событий вслух не говорится. Делаются, правда, какие-то туманные намеки на «инострannую державу» — здесь речь шла о Франции, вернее, о грубо сработанном коллаже: машина Рема рядом с машиной французского посла Франсуа-Понсэ. Без «связей» с иностранными державами в нацистской Германии не стряпалось ни одно «дело»!

Но все это где-то на задворках. Главное обвинение — «аморальность» Рема и сотоварищи. Гитлер вскрыл и уничтожил «гнильник». И это при том, что Гитлер незадолго до июня 1934 г. неоднократно заявлял в ответ на упреки в аморальности верхушки СА, что штурмовые отряды — не «институт благородных девиц», а боевая организация «настоящих мужчин»... Тогда Гитлера не беспокоило отношение к Рему «миллионов приличных людей»!

Если прочесть переписку Гиммлера и некоторые его речи, то поразишься, до какой степени он умел переворачивать все с ног на голову! О «служебных делах» молодчиков из СС, об убийствах, пытках в концлагерях — ни слова. Можно подумать, что эсэсовские формирования были чисто воспитательными учреждениями, неким элитарным *орденом*. А конечное назначение его заключалось в «воспроизведении» с помощью стопроцентных «ариек», чья «чистопородность» подтверждалась соответству-

ющими справками из специального ведомства «Наследие предков» — воспроизведение белокурых младенцев, будущих кадров Гитлера и Гиммлера! Гиммлер собственноручно подписывал разрешение на брак для своих эсэсовцев. И подробно разбирался в том, не допущена ли «ошибка», не прокралась ли в подружки к палачу девица с «сомнительной кровью».

Рассуждения Гиммлера в письмах и речах чудовищно примитивны. Но, по-видимому, они учитывали уровень сознания его аппарата — то есть давали какую-то моральную индульгенцию палачам: они, дескать, и давя «вшей», и воспроизводя «породу», служат нации, родине, Великогермании...

Нельзя сказать, что у Гиммлера не было и некоей теоретической базы для его рассуждений. Была бы надобность, а такие субъекты, как Гиммлер, базу всегда отыщут!

В молодости бывший рейхсфюрер СС был связан с Рихардом Вальтером Дарре, который стал у Гитлера министром земледелия и продовольствия, а также имперским фюрером крестьянства. Дарре и его друзья в веймарской Германии создали кружок «артаманов», или «Союз Артам». «Артаманы» — молодежная реакционная шовинистическая организация, не получившая особого распространения.

«Артаманы» проповедовали культ «крови и почвы» (Blut und Boden), сокращенно — культ «блюбо». Нечто непонятно-мистическое! «Учение» «артаманов», безусловно, повлияло и на Гиммлера, и на других нацистов.

Согласно «теории» Дарре, нордическая раса и ее ядро — крестьянство — истинные создатели всей европейской культуры. Крестьянин (разумеется, немецкий крестьянин, а не, скажем, польский или русский) олицетворяет драгоценную суть бытия, хранит единство народа. Именно крестьянство представляет собой аристократию расы. Одна из книг Дарре называлась «Новое дворянство крови и почвы». Дарре, так же как и Гиммлер, получил диплом агронома (в Германии это называлось «диплом сельского хозяина»).

В 1936 г. Дарре был награжден высшей наградой нацистов — «золотым партийным значком» и другими наградами и почетными званиями. Однако никто не собирался применять всерьез его теории. Ненависть Дарре к городам, этим «асфальтовым джунглям», отнюдь не устраивала руководителей рейха. Как-никак, а именно

индустриальная и военная мощь являлись основной целью гитлеровской политики. «Пушки вместо масла» и снаряды вместо свинины — таковы были установки верхушки нацистской партии и государства с самого начала. А Дарре написал книгу «Свинья как критерий для нордических народов и семитов». Для него свинья была не только будущим продуктом питания, но и критерием...

Отнюдь не один Гиммлер нещадно использовал теорию Дарре. Даже сугубый прагматик Геринг, занятый планированием и «четырёхлетним планом», охотно воспринял формулу Дарре о «хаосе рынка». Все же здравый смысл и профессионализм Шахта и германских монополистов не позволили воплотить и эту «идею» «артаманов» в жизнь, уничтожить в Германии уже на первых порах рыночную экономику. А в 1939 г., в начале войны, когда стало ясно, что одной идеологией народ не прокормишь, Дарре и вовсе сошел с политической сцены¹. Но его идеи продолжали «жить» в идеологии «ордена СС», в речах Гиммлера. Более того, рейхсфюрер СС, «обезлюживая» земли на востоке, угоняя мирное население с оккупированных территорий, превращая их в рабов Германии, действовал в лучших традициях Дарре, ибо освобождал «почву» для немецких крестьян, для хуторян и одновременно для будущих «стражей» на границе великогерманского рейха. Недаром ко всем своим постам он в конце войны получил пост руководителя «переселением фольксдойче» (немцев, живущих за пределами Германии.— Л. Ч.) и выселением с оккупированных территорий коренного населения, то есть опять же геноцидом под маркой «блюбо».

Теоретические «перлы», почерпнутые в молодости у «артаманов», перемежались в рассуждениях Гиммлера с кое-какими агрономическими или, скорее, зоотехническими сведениями, полученными в политехникуме, с одной стороны, и с модным в ту пору социал-дарвинизмом — с другой.

Ссылаясь на социал-дарвинизм, глава СС ничтоже сумняшеся объявил, что в результате «естественного отбора» выживет наиболее сильный вид, конкретно: германская раса. Остальные же расы самой природой об-

¹ В 1942 г. Дарре лишился всех своих постов. Это и спасло его после 1945 г. Несмотря на то что Дарре не только проповедовал антисемитизм и расовую исключительность немцев, но и конфисковывал собственность польских и еврейских крестьян, обрекая их на голодную смерть, он был приговорен всего к 5 годам тюрьмы.

речены на гибель, а коль скоро так, их можно истреблять... Падающего толкни!

Постараемся с учетом всего вышесказанного просмотреть переписку Гиммлера. Не его речи, подготовленные и «обкатанные» заранее, а именно переписку...

Итак, «расоведение» или, скажем, расовая борьба.

До какой степени примитивно понимал это рейхсфюрер СС, просто трудно себе представить... Надо только помнить, что исходил он из «принципа» о том, что подразделения СС являются *элитными* и тем самым должны быть «чистопородными». Каждому эсэсовцу надлежало представить справку о том, что в его крови нет «неарийских» примесей с конца Тридцатилетней войны. Тридцатилетняя война, как известно из истории, тянулась с 1618 г. по 1648 г. Произведем короткий подсчет: 1933 г. минус 1648, получаем 285 лет. Если учесть, что в далекие времена Тридцатилетней войны женщина в сорок лет считалась старой и не рожала, то следует разделить 285 на 40; стало быть, от конца Тридцатилетней войны молодчиков Гиммлера отделяло целых семь поколений. Исходя из этого, он должен был принести справки о том, что его пра-пра-пра-пра-прабабушка не имела в жилах ни одной капли еврейской крови. Ну и, соответственно, бабушка в седьмом поколении! ¹

После того как надлежащие справки были получены (обычно с большим трудом!), в специальном «научном» учреждении под названием «Наследство предков» (оно подчинялось непосредственно Гиммлеру) составлялась «родословная» эсэсовца, называемая «таблица предков». Гиммлер не только требовал «таблицу предков» от своих людей, но и сам представил таковую. Сохранилось письмо Гиммлера от 20 сентября 1933 г. Ахиму Герке, эксперту по расовым вопросам в министерстве внутренних дел, где он писал:

«Милый господин доктор,

Сердечное спасибо за письмо от 11 июля. Семейную анкету я послал Вам, заполнив ее. Прошу Вас составить «таблицу предков» для меня и моей жены. Все расходы я, разумеется, беру на себя...»

Весьма занята переписка Гиммлера по поводу

¹ Историк Хёне, автор книги «Орден под знаком мертвой головы», считает, что отсчет «чистоты» крови шел не от Тридцатилетней войны: для «фюреров» — с 1750 г., а для рядовых — с 1800 г. Вероятно, на практике чаще всего так и было — уж очень трудно установить всех предков до седьмого колена.

некоего семейства Рейнау, многие члены которого служили в СС. Гиммлер узнал, что эдак в 1648 г., сразу после Тридцатилетней войны, кто-то из рода «согрешил», вышел замуж за еврея. Рейхсфюрер СС по этому поводу сильно сокрушался, ведь «кровь дает о себе знать даже после многих поколений»!

Конфуз с «кровью» случился и с неким Энглером-Фюслином. Этот Энглер женился на жене с «изьяном», с примесью еврейской крови. «Я вижу выход в том,— писал Гиммлер,— что Энглер-Фюслин обязуется не иметь больше детей от этой женщины, а уж рожденные дети не смогут поступить в СС».

Как говорится, на полном серьезе одобрял Гиммлер решение одного стопроцентного арийца-эсэсовца поменять жене имя «Сара» на «Зигрид». При этом он выдвигает контрпредложение — отбросить в имени «Сара» первую букву, и получится «Ара». По словам Гиммлера, «вполне арийское имя». Впрочем, «человек в пенсне» не возражает и против Зигрид!

Удивительна по идиотизму и переписка Гиммлера с Дарре по поводу второй жены генерала Людендорфа, одного из героев первой мировой войны, отъявленного милитариста, в свое время поддержавшего Гитлера, но потом впавшего в немилость. Гиммлер высказал уверенность в том, что у фрау Людендорф, урожденной фон Кемнитц, наличествует еврейская кровь, иначе она не была бы «пацифисткой». Дело госпожи Людендорф, полубезумной националистки, было поручено некоему доктору Майеру. В связи с этим Гиммлер пишет Дарре: «Ясно, что эти наши исследования строго секретны, я прошу доктора Майера хорошо помнить об этом».

Доктор Майер не смог ничем порадовать рейхсфюрера СС: «Наличие не немецкой крови не установлено. Напротив, до шестнадцатого (!) колена в роду Кемнитцев все были германцами, в том числе в этом роду оказалось не менее девяти теологов».

Обобщающим можно считать письмо Гиммлера ефрейтору Вальтеру Кюхлину, у которого случилась страшная «беда»: один из его предков саκραментального 1648 г. оказался евреем. И «человек в пенсне» пишет: «Если предок-еврей жил до Тридцатилетней войны, быть эсэсовцем допускается, если после — не допускается». Он, Гиммлер, больше всего боится, что создастся прецедент. «Наши потомки будут считать примером все, что мы

совершаем сегодня, и сошлются на то, что это делалось при жизни Адольфа Гитлера».

В этом письме поражает прежде всего «забота» о потомках... Неужели Гиммлер и впрямь верил в «тысячелетний рейх», провозглашенный гитлеровцами, то есть в то, что нацистские теории и порядки продержатся целое тысячелетие?

Но вернемся к письму Кюхлину. Гиммлер просит у Кюхлина прощения за ту жертву, которую тот должен принести — выйти из СС. Он, Гиммлер, будет по-прежнему считать его эсэсовцем. Но не дай Бог, если в случае с Кюхлиным будет сделано исключение. Исключение может стать правилом. Тогда «плотина, которую мы с таким трудом воздвигли, рухнет».

Вся эта болтовня о чистоте «крови» кажется любому нормальному человеку совершеннейшим вздором. Но давайте представим себе «кадры» «человека в пенсне».

Кто шел в СС? В основном деклассированные люди из семей среднего класса, парни, не получившие твердой профессии, попрекаемые родственниками за то, что они тунеядцы, неудачники, захребетники. И вдруг Гиммлер возвестил, что именно они — элита нации, цвет германского народа! Стоит принести справку о чистоте «крови» и ты, сын булочника, выгнанный из гимназии, окажешься выше любого интеллигента, какого-нибудь там подозрительного профессора, юриста, врача... Даже выше аристократа, так сказать, «фон-барон». Говорят, что у аристократов «голубая кровь», но у тебя кровь качеством лучше: «истинно арийская»!

В этой связи понятно и то, что подданным Гиммлера чрезвычайно импонировала его забота об их здоровье. Кто вообще думал о здоровье этих полулюмпенов, разве что не отбросов общества? А тут вдруг сам рейхсфюрер СС, один из друзей Адольфа Гитлера, денно и ночью печется как о физическом, так и моральном благополучии каждого рядового эсэсовца.

Приведем выдержку из письма Гиммлера графу Коттулинскому: «Вы были очень больны, в интересах Вашего здоровья запрещаю Вам курить два года. По истечении двух лет Вы должны представить мне справку о здоровье, тогда я решу — отменю ли я запрет на курение или не отменю».

А вот письмо Гиммлера о Бах-Зелевском — одном из самых жестоких эсэсовских мерзавцев, боровшихся в годы войны с партизанским движением на оккупированных территориях СССР.

Бах-Зелевскому сделали операцию по поводу геморроя. Но он, как оказалось, был наркоманом, а в больнице ему не давали наркотиков. Из-за этого Бах начал дико скандалить. Его вопли дошли до ушей Гиммлера, и Гиммлер разразился соответствующим письмом. В нем он требовал учесть нервное состояние Бах-Зелевского в связи с «переживаниями на востоке». «Из случая с Бахом я делаю вывод, как плохо обращаются в наших лазаретах с рядовыми, если даже не могут найти психологического ключа к обергруппенфюреру СС».

Особо рьяную борьбу вел Гиммлер против пьянства, требуя заменить пиво минеральной водой из целебных источников. Сохранилось множество писем рейхсфюрера СС комендантам лагерей, где он рекомендует создавать эсэсовским командам палачей «здоровую диету», кормить их витаминами, овощами, соками... Вот, к примеру, великолепное по своему ханжеству письмо Полю, хозяйственному руководителю СС, датированное 12 августа 1942 г.: «После войны в рацион эсэсовцев должна входить исключительно вода из натуральных источников, овсяные хлопья, растительное масло. Медленно и незаметно в разумной форме необходимо уменьшать потребность мяса в последующих поколениях». «...Мы с вами знаем, что только хорошая минеральная вода и замечательные фруктовые соки, равно как и хорошее дешевое молоко, могут вытеснить алкоголь».

«Пунктиком» Гиммлера был «картофель в мундире» — картофель он чистить не разрешал, чищенный отварной картофель считался в рядах СС величайшим криминалом. По-видимому, «человек в пенсне» желал показать а) свою бережливость, б) свою образованность: в кожуре картофеля заключены многие полезные вещества.

В 1942 г. в письме к Полю Гиммлер вещал: «Вопрос о картофеле в мундире должен быть всем понятен: до тех пор, пока будет возможность, надо давать картофель только в мундире и лишь весной, когда картофелины сморщиваются и прорастают, разрешается варить очищенный картофель».

Кроме абсурдности самой тематики этих писем бросается в глаза стремление Гиммлера решительно все *регламентировать*. Рейхсфюрер СС желал раз и навсегда установить не только меню для своей коричневой своры, не только распорядок дня для нее, но и регламентировать личную жизнь каждого эсэсовца. Кандидатуры их жен

должны были утверждаться вышестоящим начальником после предоставления соответствующих справок о «чистоте крови» и фотокарточки невесты в... купальном костюме. Жена эсэсовца, родившая первого ребенка, награждалась ценным подарком — золотой брошью в форме руны, серебряным кубком, ложкой и синим шелковым платком. Гиммлер писал в одной из своих эпистол, что самым лучшим будет, если каждый эсэсовец «родит четырех здоровых немецких парнишек».

Уже в 1936 г. он заявил, что «ждет от своих эсэсовцев, что они в возрасте от 25 до 30 лет женятся и заводят семью».

Можно ли представить себе министра внутренних дел Германии или другой цивилизованной страны, который будет предписывать своим полицейским есть картофель «в мундире» и брать себе в жены девушек только после предъявления соответствующих справок¹?

Но такова уж особенность проклятого тоталитаризма, что он вмешивается буквально во все, начиная от того, что человек ест, и кончая тем, с кем он спит. (Кстати, внебрачных детей у эсэсовцев Гиммлер поощрял, так как, повторяем, одной из задач «ордена СС» считал улучшение «породы» немецкой нации.)

* * *

Какими бы идиотскими ни казались нам распоряжения Гиммлера, в них был заложен свой смысл. Рейхсфюрер СС как бы брал на себя всю ответственность за каждый шаг сотен тысяч подчиненных. Есть картофель «в мундире» — *нельзя*, убивать людей — *можно*. Пьянству — *нет*, геноциду — *да*. Конечно, эти лозунги открыто не провозглашались. Но они читались между строк.

Все дурацкие «каноны» Гиммлера оказались весьма полезными в годы, когда его карательный аппарат развернулся во всю ширь, а именно в годы войны на востоке против Польши и Советского Союза.

Нет, не напрасно вбивал Гиммлер в голову своим молодчикам из маргинальных слоев общества, что они *элита* элитной германской нации. Иначе даже эти люди с уголовными наклонностями не выдержали бы массовых казней — убийства миллионов мужчин, женщин, ста-

¹ То же самое изрекал и Гитлер в своих «Застольных беседах», записанных Генри Пикером по приказу Бормана.

риков, детей, грудных младенцев, не выдержали бы холокоста.

Но Гиммлер сумел внушить им, что они действуют ради высокой цели — «очищения расы», выполняют тяжкий долг перед народом и перед потомками, совершают подвиг во имя... Неважно во имя чего. Важно, что «во имя...». Именно потому, что они «лучшие из лучших», фюрер взвалил на их плечи эту непосильную ношу — массовые убийства.

О «лучших из лучших» по настоянию Гиммлера сочинялись книги и песни. Сохранилось письмо Гиммлера, где он велит молодым поэтам написать песни, которые эсэсовцы будут исполнять на празднике Солнцеворота. Сохранилась также переписка Гиммлера с его другом «классиком» нацистской литературы Эдвином Эрихом Двингером с соответствующими «рекомендациями».

Создавая идеологию «ордена СС», «человек в пенсне» уделял немалое внимание символике.

Совершенно очевидно, что отнюдь не Гиммлер создал «теоретические основы» нацизма, они были кое-как скомпонованы общими усилиями Розенберга, Дарре, Гаусгофера и десятком немецких интеллигентов, окружавших автодидакта фюрера на заре его карьеры. Точно так же и значение символики первым понял не Гиммлер. Все нацистские фюреры — от самого Гитлера и до главы «Трудового фронта» пьяницы Лея, от Геббельса до Шпера, сперва главного архитектора нацистов, а потом министра вооружений, устанавливали «декорации» на нацистской сцене.

Нюрнбергские съезды партии были никакими не партийными съездами в общепринятом смысле этого слова. То были гигантские, заранее отрепетированные шоу. Перед трибунами маршировали колонны «партайгеноссен» со знаменами и штандартами — иногда они проходили по несколько раз, чтобы усилить впечатление массовости. То был гигантский «хор» — как в греческих трагедиях. Солист оставался всегда один — сам Гитлер. Он произносил речь, вернее, выкрикивал своим странным хриплым голосом с сильным австрийским акцентом лозунги и угрозы до тех пор, пока распаленная толпа не начинала орать в ответ «Зиг», «Хайль», доводя себя до иступления, до неистовства. Съезды запечатлены на киноплёнке, и, просматривая ее сегодня, мы чувствуем себя как бы зрителями дикарского спектакля или Вальпургиевой ночи...

Таким же невиданным политическим шоу стала Олимпиада, проведенная в Германии в 1936 г., то есть всего лишь через три года после захвата власти нацистами. Режиссером съездов был Гитлер, режиссером Олимпиады 1936 г. — Геббельс.

Сохранилось описание Коричневого дома в Мюнхене, принадлежавшее перу главного редактора самой многотиражной газеты догитлеровской Германии «Лейпцигер нойсте нахрихтен» Рихарда Брейтинга¹. Вот что пишет веймарский журналист о первом из многих помпезных дворцов, воздвигнутых нацистскими фюрерами: «Гесс (в ту пору наиболее приближенное лицо к Гитлеру. — Л. Ч.) повел нас в передний зал дворца, он был целиком из мрамора. На одной из стен висела металлическая плита, на которой были выбиты имена тринадцати нацистов, павших в «Фельдхернхалле» (участников пивного путча 1923 г., застреленных баварской полицией. — Л. Ч.), другую стену сплошь заполняли штандарты (очевидно, СА и СС. — Л. Ч.), третья стена была совершенно пустая, и Гесс объяснил нам, что на этой мраморной стене прибиты огромную плиту почета с именами трехсот эс-совцев и штурмовиков, павших в борьбе за «Движение».

Зал производил в высшей степени торжественное и строгое впечатление. Повсюду — изображения свастики, потолок весь состоит из бесчисленных свастик, и даже в дорогие оконные витражи этого зала тоже вделаны свастики». Далее Брейтинг (впоследствии объявленный «агентом евреев». — Л. Ч.) с большим пиететом и восхищением описывал архив Коричневого дома (первая картотека убийц), рассчитанный на миллион досье членов НСДАП, кабинеты Гитлера и его приближенных, украшенных «старыми венецианскими светильниками», сенатский зал с ярко-красными кожаными креслами и гигантскими коврами, на которых опять же были вытканы свастики, судебный зал, где заседал особый суд НСДАП.

Вся эта помпезная безвкусная роскошь, равно как и непрерывные манифестации, съезды, факельные шествия, вереницы роскошных машин с «вождями», которые то и дело стремглав пролетали по дорогам, производили огромное впечатление на обывателя. Внушали ему почтение, веру в могущество строя.

¹ Брейтинг, попавший в немилость к нацистам, подвергался большим неприятностям до самой своей смерти в 1937 г. Однако в 1931 г. он был связан с Отто Дитрихом — пресс-шефом НСДАП и таким образом «удостоился» двух бесед с Гитлером.

Но одного во всем этом не хватало — не хватало, так сказать, «изюминки». Изюминкой стал некоторый элемент таинственности, мистический ореол. Больше всего в мистическом ореоле нуждался Гиммлер и его палачи. И Гиммлер этот ореол создал — плохо ли, хорошо ли, но создал!

Весь «орден СС» был построен на символике. Правда, если разобраться, то символика эта была чистой «липой». Эсэсовские символы равным счетом ничего не символизировали.

Но это мы сейчас, на расстоянии шести десятков лет, такие разумные. Попробовал бы кто-нибудь оспорить эсэсовскую символику в годы, когда «черный орден» и его глава Гиммлер были в силе, наверняка угодил бы в печь крематория!

Но начнем сначала.

Прежде всего, сама аббревиатура СС (начальные буквы слов «охранные отряды») писались отнюдь не латинскими и не готическими буквами, а рунами. Что такое руны? В краткой немецкой энциклопедии Майера говорится буквально следующее: «Руны (на древнегерманском — тайна). Письменные знаки, которыми пользовались все германские племена; большей частью вырезались на дереве, железе, камне в виде надписей, символов, колдовских заклинаний; древнегерм. Ряд Р (Футарк ¹) включает в себе 24, более новый сев. 16 знаков».

Итак, мы знаем, что такое руны. Но какое отношение имели отряды гиммлеровских боевиков, охранники концлагерей, а впоследствии войсковые соединения карателей — «особые части СС», эйнзацгруппы и другие части, проводившие геноцид в невиданных масштабах, к древнегерманским письменам? Естественно, никакого!

Далее. Гиммлер или кто-то из его приближенных ввел для СС особую форму — сплошь черную. И зимой и летом эсэсовцы ходили с ног до головы в черном. Невольно эта форма ассоциируется с монашеской одеждой — и на самом деле Гиммлер стремился, чтобы его «орден» походил на орден иезуитов. Да и Гитлер не раз называл рейхсфюрера СС своим Игнатием Лойолой. Час от часу не легче — сперва древнегерманские (языческие руны), потом Орден Иисуса, как он себя именовал, основанный в 1534 г. в Париже для борьбы против протестантизма.

Однако отнюдь не только пристрастие к черному цвету «роднило» орден Гиммлера с орденом Лойолы,

¹ Алфавит.

рейхсфюрер СС еще много чего позаимствовал от иезуитов...

Уже сам прием в члены СС был обставлен с немислимой торжественностью, превращался в какую-то полумистическую и одновременно бюрократическую процедуру, не имевшую ничего общего с принятием людей в любую легальную организацию в цивилизованном обществе.

«Абитуриент» — так назовем парня, пожелавшего вступить в СС,— должен был пройти своего рода «искус» — цепь испытаний. О первом испытании мы уже знаем — документы о «чистоте крови». Представив это «кровное» свидетельство, «абитуриент» попадал в комиссию профессора Бруно Шульца; сей ученый муж и его помощники определяли, соответствуют ли внешние данные «абитуриента» «расовым» нормам. Речь шла о масти будущего эсэсовца, цвете его глаз, походке и т. д. В идеале «абитуриент» должен был иметь светло-русые волосы и голубые глаза, быть высоким и пропорционально сложенным. Но белокурые и голубоглазые юноши то ли были редкостью в нацистском рейхе, то ли не желали вступать в СС. Прогноз экспертов по «расовым вопросам» был неутешителен: они рассчитывали, что только через 120 лет в Германии вся «порода» станет светловолосой и голубоглазой! В 30-х годах Шульц и К^о вынуждены были идти на компромиссы — черноволосых парней тоже брали в СС. Но при соответствующем телосложении и хорошей выправке. На сей счет существовали строгие предписания. Например, между голенью и бедром должна была сохраняться известная пропорция, если ее не было, это, по мнению экспертов, отражалось на походке. Комиссия профессора Шульца выработала девятибалльную систему для определения фигуры «абитуриента»: 1) идеальное сложение, 2) отличное сложение, 3) очень хорошее сложение, 4) хорошее сложение и т. д.

При удовлетворительном сложении парень мог попасть в СС, если имел отличную выправку. На этот счет Гиммлер выразился так: «Даже будучи очень дисциплинированным, германец должен держаться не как раб, его походка, положение рук должны соответствовать нашему идеалу...»

Темно и непонятно! Куда девать руки «идеалу»? Гитлер, например, складывал руки ниже живота. А ведь Гитлер был идеалом.

Но допустим, что «абитуриент» выдержал экзамен, так сказать, по экстерьеру (умственные способности и моральные качества будущих эсэсовцев, как мы видим, ни-

кого не интересовали!). Именно после этого все и начиналось... Начинаясь длиннейшая бюрократически-символическая церемония, так сказать, посвящения в эсэсовцы! Веи этой церемонии были приурочены к нацистским праздникам. 9 ноября, в годовщину «пивного путча», 18-летнему кандидату в эсэсовцы выдавалась форма, но без петлиц. 30 января, в годовщину захвата власти Гитлером, кандидат получал соответствующее удостоверение. Наконец, 20 апреля, в день рождения фюрера, эсэсовцу вручали петлицы, и он приносил присягу «вождю». «Клянись тебе, Адольф Гитлер /Как фюреру и канцлеру немецкого рейха/ Быть верным и храбрым /Торжественно обещаю Тебе и назначенным Тобой начальникам/ Быть послушным до самой смерти! /И да поможет мне Бог!»

Еще более торжественной была присяга, которую давали «абитуриенты», вступающие в эсэсовские «части особого назначения». Эти парни произносили свою клятву в Мюнхене 9 ноября в «галерее полководцев». Там в 1923 г. путчисты бежали от полиции. Но самое главное, что присяга (нечто вроде монашеского обета) давалась ночью, при свете факелов! Да еще в присутствии самого Гитлера! Некий Эмиль Хельферих, через много лет после того как кончился кошмар нацизма, так вспоминал это «великое» зрелище: «Прекрасные молодые парни, серьезные, с безупречной выправкой, хорошо вооруженные. Настоящая элита! У меня на глазах выступают слезы, когда я вспоминаю, как тысячи людей при свете факелов хором повторяли слова присяги. Словно молитву».

Так обстояло дело с «частями особого назначения». Что касается «общевойсковых частей СС», то они отбывали трудовую повинность наряду со всеми юношами их возраста и еще проходили, так сказать, политподготовку, вы зубривая «вопросы и ответы», нечто вроде эсэсовского катехизиса. «Катехизис» этот стоит процитировать, ибо он такой бессмысленный, что диву даешься. А между тем действенность его была велика. Не в силу ли его бессмысленности? Ведь любое заклинание не несет смысловой нагрузки. Оно воздействует на человека чем-то совсем иным, и не на разум, а на атавистические инстинкты. Вот эти вопросы и ответы:

«*Вопрос.* Почему мы верим в Германию и фюрера?
Ответ. Потому что мы верим в Господа Бога, верим в Германию, которую он создал в этом мире, и в фюрера Адольфа Гитлера, которого он нам ниспослал. *Вопрос.* Кому мы должны служить раньше всего? *Ответ.* Нашему

народу и нашему фюреру Адольфу Гитлеру. *Вопрос.* Почему ты подчиняешься? *Ответ.* Из глубочайшего внутреннего побуждения, потому что верю в Германию и в фюрера, в национал-социализм, в СС и еще из верности».

Год продолжалась подготовка к вступлению в СС; за этот год «абитуриент», между прочим, должен был получить спортивный значок, сдать соответствующие нормы. Через год он приносил новую клятву (присягу), на сей раз торжественно обещал, что его супруга будет отвечать «расовым и наследственным требованиям», а также что он «женится только с разрешения высших органов СС или лично Гиммлера». Лишь после всего этого эсэовец считался полноценным и тем самым, как метко определил немецкий историк Хёне, вступал в «причудливое обособленное братство, в котором в странной смеси сосуществовали сектантский фанатизм, феодальные обычаи и романтический культ древних германцев наряду с современной политико-экономической организацией и хладнокровными государственными соображениями». Добавим к этому еще, что в СС существовали пытки, зверства, коррупция и разбой. Ибо большая часть эсэовцев уже с самого начала либо входила в дивизии «Мертвая голова», которым подчинялись концлагеря, либо готовилась для «очищения» оккупированных территорий.

Как известно, вся организация СС была признана международным военным трибуналом в Нюрнберге преступной. Но тут мы забегаем вперед.

Орден под знаком «Мертвой головы» мнил себя сугубо аристократическим и благородным.

На пряжках ремней эсэовцев были выгравированы слова: «Наша честь в верности»¹. На воротах концлагерей также были выбиты всякие кощунственные надписи, к примеру: «Труд дарует свободу!» Или: «Справедливо или несправедливо — это моя Родина».

Гиммлеровское государство в государстве имело свою правовую систему, главным судьей был некий Шарфе. Убийц и разбойников в черных мундирах судили специальные судьи — обычные судьи были для них недостаточно хороши. Ведь у этой черной братии существовал свой «кодекс чести», воспетый наемными литераторами!

Однако какой орден может обойтись без иерархии? И Гиммлер эту иерархию (опять же мистически-

¹ Происхождение этой надписи известно: небольшая кучка эсэовцев, уже возглавляемых Гиммлером, в 1931—1932 гг. подавляла бунты своих товарищей штурмовиков, в частности бунт Стеннеса, устраивала потасовки и т. д. За это Гитлер нарек их «самыми верными».

бюрократическую) создал. Не обладая особой изобретательностью, он многое взял от ордена иезуитов, разделив эсэсовцев на четыре различных «класса». Например, иезуитским новичиям, элите ордена, которых обучали безусловному послушанию и самоотречению, соответствовали ученики гиммлеровских училищ (НАПОЛА), где готовились будущие охранники концлагерей, вернее, их командиры (фюреры). Духовным коадьюторам соответствовали эсэсовцы из отрядов «особого назначения», эйнзацгрупп, «зондеркоманд» и т. д. Светским коадьюторам и профессорам (нижние классы) — эсэсовцы из «общих частей» СС.

От иезуитов требовалось беспрекословное повиновение генералу ордена и самому папе. (Кстати, одного из генералов называли «черный папа».) Нетрудно догадаться, что генералом эсэсовского ордена считал себя Гиммлер, а римским папой числился Гитлер!

В соответствии с этой схемой в СС существовали и строго определенные знаки: так, почти все фюреры низших рангов получали перстень-печатку с мертвой головой.

Кинжал «чести» давался в качестве поощрения, автоматически получали его лишь выпускники НАПОЛЫ. Подсчитано, что к концу войны из 621 штандартенфюрера (полковника) имели кинжалы 326, из 276 оберфюреров (тоже полковники) — 23, из 96 группенфюреров (генерал-лейтенантов) — 88, из 92 обергруппенфюреров — 91. Наконец, все четыре оберстгруппенфюрера (обратим внимание, их было четыре, так же, как у иезуитов!) стали обладателями кинжалов.

Мы уже писали о древнегерманских рунах, только сейчас поминали орден иезуитов, основателем которого был Игнатий Лойола... Но бывший гимназист Гиммлер, знавший историю со школьной скамьи, не преминул воспользоваться и «опытом» легендарного кельтского короля Артура, который жил якобы где-то лет через 500 после начала нашего летоисчисления. У короля Артура были, по преданию, верные рыцари, такие, как Парцифаль и Ланселот, всего двенадцать штук. И восседали эти верные рыцари за круглым столом, отчего и получили наименование «рыцари круглого стола».

И вот новоявленный «король Артур», Генрих Гиммлер, сажает за свой стол двенадцать верных эсэсовцев высших рангов, ни больше и ни меньше! Эти «двенадцать», по замыслу рейхсфюрера СС, должны были возглавлять его «черный орден». Профессор из СС Карл Дибич получил в 1937 г. задание (стало быть, всего лишь через год после

«воцарения» Гиммлера) создать 12 гербов. Очень скоро к делу подключилось и «научное» учреждение «Наследство предков», подчинявшееся непосредственно Гиммлеру (так же, как и пресловутый Лебенсборн, «Источник жизни»).

Переписка насчет гербов между Гиммлером и его «учеными» продолжалась вплоть до 1945 г., когда рейхсфюрер СС («наша честь в верности») вступил в переговоры с западными союзниками, чтобы предать своего «папу», сюзерена и кумира Гитлера и самому заключить сепаратный мир на Западе.

Естественно, Гиммлеру хотелось иметь и свой «храм». И такой «храм» был создан в замке Вевельсбург, который рейхсфюрер СС не замедлил окрестить своей Вальгалой¹. Древний замок Вевельсбург в Вестфалии был построен в XVII веке и требовал колоссальных затрат на модернизацию и содержание. Гиммлера это, разумеется, не смутило, он заарендовал его уже в 1934 г., намереваясь превратить в «духовный центр» своего «ордена». В штабе Гиммлера появился теперь отдел под названием «Вевельсбург». Площадь зала в Вевельсбурге, где находился «круглый стол», была 525 квадратных метров. Гигантоманией страдали все нацистские фюреры — от Гитлера до Геринга и от Геббельса до Шпеера. Круглый стол, естественно, был дубовый — дуб считался символом германского духа. Вокруг стола стояли двенадцать кресел, обтянутых свиной кожей, к спинкам кресел были прикреплены серебряные пластинки с именами «рыцарей». Встречи в Вевельсбурге напоминали, как явствует из литературы, спиритические сеансы. Но самый «смак» был под залом с «круглым столом». В сводчатом подzemелье, стены которого были толщиной почти в два метра, Гиммлер расположил «царство мертвых» — там он намеревался хоронить своих «рыцарей». В центре зала было углубление, в которое вели несколько ступенек. В углублении стояла чаша, а в стенах подвала выбили ниши с двенадцатью каменными пьедесталами. В чаше должны были сжигаться гербы мертвых обергруппенфюреров, а урны с пеплом этих гербов Гиммлер намеревался водружать на пьедесталы. При сжигании дым должен был уходить в специальные круглые отверстия в сводчатом потолке; отверстия сконструировали так, что дым поднимался бы столбом.

¹ Опять из другой «оперы»: в древнегерманской мифологии дворец бога Одина, где обитали души героев, павших в битвах.

На своем веку Гиммлер «изобрел» множество методов сожжения трупов. В этом деле он был непревзойденный специалист: трубы крематориев дымили во всей Европе день и ночь — страшный дым поднимался из крематориев столбом и стелился по земле, когда сжигали на кострах. Живые люди и целые города горели по планам Генриха Гиммлера, вот только ни одного фальшивого герба у себя в Вевельсбурге он так и не успел сжечь! Никто из «двенадцати рыцарей» не умерли «красивой» смертью, как того хотелось рейхсфюреру «черного ордена». У всех у них была собачья смерть. Гиммлер умер от яда — какдохнут крысы.

Даже выбор Вевельсбурга был символичен. Старых замков, куда можно было бы вкладывать бешеные деньги, в Германии хватало с избытком. Но по преданию лишь один замок должен был устоять после нашествия с Востока, а именно замок в Вестфалии. И тут мы лишний раз можем убедиться в том факте, что сказочки и мифы, выдуманные нацистскими идеологами, были предназначены не для таких, как Гиммлер, а для простых смертных... Когда с Востока двинулась победоносная армия, Гиммлер побеждал не в Вевельсбург, а на Запад!

Как бы то ни было, затея с Вевельсбургом обошлась немецким налогоплательщикам в 13 миллионов марок. 13 миллионов марок были до 1945 г. гигантской суммой¹.

Впрочем, Гиммлер отнюдь не собирался ограничиться Вевельсбургом. «Моя задача, — заявил он в 1937 г., — обеспечить каждому штандарту (полку. — Л. Ч.) подобный культурный центр, который демонстрировал бы немецкое величие и немецкое прошлое, и добиться того, чтобы этот центр реставрировали и привели в такой вид, какой приличествует культурному народу».

Одним из идеологических «коньков» Гиммлера было возвеличивание немецкой истории. Уже в 1936 г. он основал «Общество по содействию и уходу за немецкими культурными памятниками».

Даже автодидакта Гитлера это навязчивое приукрашивание истории германцев и возвышение немецких пле-

¹ В Вевельсбурге над залом с круглым столом находились покои самого Гиммлера и апартаменты для гостей, в том числе и для Гитлера, который, однако, ни разу не посетил сей замок. Рядом со спальней Гиммлера располагались помещения, где хранилась гиммлеровская коллекция оружия (естественно, награбленного) и его библиотека с 12 тысячами томов (тоже награбленными).

мен над всеми другими народами раздражало, казалось безвкусным. Гитлер смеялся над коллекцией черепков, собранных клевретами рейхсфюрера СС. Он говорил, что, когда германцы лепили свои глиняные горшки, древние греки уже построили Парфенон!

Однако всегда послушный Гиммлер на сей раз твердил свое. Думается, известный пропагандистский эффект от этого все же был. Фальсифицируя историю, Гиммлер придавал своему кровавому «ордену» известный ореол, как бы ореол преемственности. Хотя никакой преемственности между палачами из СС, сражавшимися с безоружными, и тевтонскими воинами не было.

Какие же моменты из истории древних германских племен особо выделял Гиммлер?

Ну, к примеру, антихристианство германцев... Ведь известно, что нацисты считали церковь своим идеологическим противником. И Гиммлер — выходец из строго католической семьи — даже грозился повесить папу в тире и во всем его папском облачении.

Но главное, что интересовало Гиммлера у древних германцев, — это борьба со славянами и якобы желание их (славян) «онемечить». Гиммлер называл сие «великой миссией» германцев. «Эти события, — вещал Гиммлер, — интересуют нас, поскольку они чрезвычайно важны в мировоззренческой и политической борьбе».

В этой связи необходимо остановиться еще на одном «хобби» «человека в пенсне», — на созданном им культе Генриха I (876—936).

Генрих I был герцогом саксонским, а с 919 г. — королем Саксонии. В 928—929 гг. он начал завоевание славянских областей на Эльбе. Он же строил первые крепости-замки для защиты своих земель. Вполне подходящая фигура для Гиммлера!

Чрезвычайно пышно отметил Гиммлер тысячелетие со дня смерти Генриха I 2 июля 1936 г. в Кведлинбургском соборе около пустой крипты. Только спустя год в эту крипту поместили останки Генриха I, что опять же сопровождалось торжественной церемонией. Кведлинбургский собор, по замыслу Гиммлера, должен был стать местом паломничества для германцев во всем мире! Однако нам известно лишь, что в холодную усыпальницу ежегодно являлся «человек в пенсне» и «беседовал» со своим тезкой. Беседы начинались ровно в полночь с последним, двенадцатым ударом часов. Кроме того, если верить лейб-медику Гиммлера Керстену, его хозяин утве-

ждал, что Генрих I часто являлся рейхсфюреру СС перед сном и давал ему ценные советы. Иногда же Гиммлер вообще чувствовал, что дух Генриха I переселился в него.

И тут Гиммлер нарушал предписания Гитлера, который и слышать не желал ни о каком переселении душ, спиритизме и прочей чертовщине.

Однако «чертовщина» была очень даже нужна «человеку в пенсне» — именно из средневековой «каббалы святош» ордену СС многое пригодилось — ведь именно инквизиция изобрела «всемирный заговор» и людей-демонов, погромы прокаженных, а потом и погромы евреев, якобы агентов мусульман (не забудем, это происходило во времена крестовых походов, когда христиане боролись с «неверными», с исламом). Наконец, именно у инквизиции, искоренявшей демонов и ведьм, была своя юрисдикция: на суды не допускались адвокаты, а любого свидетеля можно было отвести из-за того, что он «исчадие ада», сперва отвести, а потом и бросить за решетку. Но самое главное, при инквизиции человек под пытками оговаривал себя. Какой пример для подражания!

Но и оккультизм, и король Артур с его 12 рыцарями, и Игнатий Лойола, и руны, и черепа («мертвые головы»), и древние черепки — все это было лишь украшением на здании гиммлеровской идеологии. Фундаментом этого здания были ненависть к другим народам, а главное — *антисемитизм!*

Немецкий историк Вальтер Хоффер пишет в предисловии к собранным им документам «третьего рейха»: «Без антисемитизма здание национал-социалистского мировоззрения рухнуло бы. Учение о расовом враге было ему (мировоззрению.— Л. Ч.) так же насущно необходимо, как учение о классовом враге большевизму». «Документы свидетельствуют, что главные функционеры нацистского режима были главными виновниками убийства миллионов людей, которых нельзя было обвинить ни в чем другом, кроме того, что кровь, которая текла в их жилах, по мнению национал-социалистских властителей, должна была быть пролита ради блага германской расы...»

* * *

Давайте зададим себе чисто риторический вопрос: допустим, кто-то захотел бы демонтировать аппарат насилия в нацистской Германии, буквально душивший немецкий народ, периодически уничтожавший все здоро-

вые, талантливые силы общества. Допустим, гнет гестапо переполнил бы чашу терпения немцев. Допустим, они узнали бы всю правду о концлагерях за пределами Германии и содрогнулись бы — испугались неизбежного возмездия. Допустим, что в нацистском рейхе нашелся бы реформатор масштаба Лютера и сказал бы что-то вроде: «Так дальше жить нельзя!»

В общем, позволим себе, изучая историю, рассуждать антиисторически.

С чего должен был бы начать реформатор?

Брать штурмом здание гестапо на Принц-Альбрехтштрассе, 8? Мобилизовать армию и начать «оккупацию» концлагерей и освобождение узников? Арестовать всех или большинство крупных эсэсовских фюреров во главе с Гиммлером?

Но разве это не значило бы всего-навсего отрубить несколько голов у стоголавой гидры насилия?

Ответ на наш вопрос однозначен — реформатору следовало бы прежде всего уничтожить *идеологию* нацизма, теорию «высшей расы», которая якобы *имеет право* истреблять целые народы, а другие народы третировать как «недочеловеков», как скотов! Реформатору надо было бы раз и навсегда покончить с лозунгом: «Лес рубят, щепки летят». (Он был чрезвычайно распространен в среде эсэсовцев.) И конечно, реформатору следовало бы развенчать теорию особой «избранности» эсэсовцев, будто бы самой судьбой предназначенных для очищения мира от неполноценных этнических групп и народов, от слабых и больных!

Как мы уже успели убедиться выше, господин Гиммлер был беспомощным идеологом. Однако без *полного* искоренения его идеологии ни одному реформатору, пусть сверхгению, не удалось бы победить построенное им «государство в государстве».

* * *

К 1937—1939 гг. в Германии был создан не только разветвленный аппарат террора и сыска, но и создана идеология элитного ордена СС.

До начала войны возникла также разветвленная сеть концлагерей, третий компонент власти СС. Никак не избавишься от избитого сравнения: концлагеря и впрямь были раковой опухолью, которая сразу же после начала гитлеровской агрессии стала давать

метастазы на оккупированных территориях. К концу войны лагерь распространился на гигантской территории — от Австрии до Советского Союза.

Без истории нацистских концлагерей (кстати, у них было свое «рабочее» название: «империя кацет» — от букв «K» и «Z», которые произносились как «ка» и «цет») неммыслима и история «коричневого рейха».

А ведь именно Гиммлер был создателем и хозяином этой огромной империи.

Фактически первый «штатный» лагерь возник в Дахау в Баварии и был основан Гиммлером и его ближайшим помощником Гейдрихом. Правда, одновременно с Дахау существовали и лагеря СА и так называемые «лагеря юстиции» министерства внутренних дел, но то была «кустарщина», особенно лагеря СА. Штурмовики за-талкивали в первые попавшиеся подвалы своих недругов — коммунистов, социал-демократов, очкариков-интеллигентов, евреев, зверски избивали их, пытали, морили голодом, а потом либо «пускали в расход», либо выпускали на волю.

Однако прежде чем мысленно спуститься в преисподнюю нацистского государства, надо сказать несколько слов и о «предвоенном» Гиммлере. Ведь тема очерка — монстр Гиммлер, суперполицейский в тоталитарном государстве.

* * *

Гиммлер еще не достиг тогда апогея власти, но к 1939 г. его позиция неслыханно укрепилась; за какие-нибудь три года он прошел огромный путь.

Фрау Маргарет, жена рейхсфюрера СС, осталась хозяйкой в доме, но параллельно с этой женщиной, намного старше его, Генрих Гиммлер завел себе другую семью. На сей раз избранницей «человека в пенсне» стала довольно скромная учительница физкультуры, которую все в окружении рейхсфюрера СС звали «Хезхен», что в переводе означает «зайчонок». Под этим уменьшительным прозвищем она и вошла вместе с адъютантом Гиммлера Карлом Вольфом — «Волчонком», в кровавую историю «черного ордена».

Гиммлер купил Зайчонку квартиру, так сказать, свил гнездышко. И взял для этой цели из партийной кассы у Мартина Бормана 60 тысяч марок¹. Не так уж и много

¹ По другим сведениям, 80 тысяч марок.

по сравнению с тратами Геринга и Геббельса, к примеру. Но Гиммлер по натуре был скромнягой. Его не слишком интересовали женщины, он не был развратником, как Гейдрих, и не напивался, как Лей, начальник «Трудового фронта» (бывших профсоюзов), ибо страдал от спазмов в желудке, от которых Керстен лечил его массажами и снадобьями. Да и роскошь, как таковая, в отличие от Геринга, не прельщала его. Гиммлер жаждал одного — неограниченной власти. Власти над жизнью и смертью миллионов людей. Это был человек, одержимый монострастью! Во имя этой страсти он, подобно кроту, рыл свои ходы... Можно сказать, что под гиммлеровским подкопом оказалась вся нацистская империя. В этом подземном царстве Гиммлер был властелин, там у него оказался лишь один соперник, тоже крот по призванию, Мартин Борман, секретарь и тень Гитлера...

Уже в 1935 г. в Германии функционировало семь концлагерей: Дахау, Эстервеген (официально в него заключали уголовников, но фактически там сидели и политические), Лихтенберг, Заксенхаузен, Бад-Зульца, Колумбия-хауз и Фюльсбюттель. В июле 1936 г. базовым лагерем стал концлагерь Заксенхаузен, тогда же началось интенсивное строительство концлагеря Бухенвальд.

В 1936—1937 гг. тысячи узников стали свозить в лагерь Дахау (близ Мюнхена), Бухенвальд (близ Веймара), Заксенхаузен (в Ораниенбурге под Берлином), а также в менее известные концлагеря: Гросс-Розен (близ Штутгарта), во Флоссенбург (в баварском Верхнем Пфальце), в Нойенгамме (близ Гамбурга), в женский лагерь Равенсбрюк (он функционировал с 1939 г.), а после захвата Австрии (пресловутого «аншлюса» — присоединения) и в Маутхаузен (близ Линца).

Уже в июле 1934 г. Гиммлер создал ведомство инспекторов концлагерей в Берлине и отряды «Мертвая голова» под командованием бригадефюрера Эйке. Канцелярия Эйке разместилась в том же комплексе зданий, что и гестапо, на печально знаменитой улице Принц-Альбрехтштрассе 8 (до 1933 г. по этому адресу находилось Училище прикладного искусства). Люди из дивизии Эйке и стали охранниками концлагерей, распорядившимися жизнью сперва сотен тысяч, а потом и миллионов людей.

Лагеря были, как, впрочем, и все в «высоко цивилизованной» Германии, унифицированы. Думаю, что рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер не раз склонялся над планами этих своих владений, вложил в них свою по-

лицейскую выдумку, свой злой разум и свою ненависть к человечеству!

«Унификация «обычных» лагерей начиналась уже с их внешнего вида. Для устройства «кацет» избирали земельную неудобь — болота, чащобы, пустоши, но не в глухомани, а недалеко от больших городов. По мнению О. Когона (автора широко известной, переведенной на многие языки книги «Государство СС». — Л. Ч.), это делалось для того, чтобы эсэсовцы-охранники имели возможность развлекаться. Но, думается, не только для этого: лагерям необходимы были железные дороги, промышленные предприятия.

Благодаря даровой рабочей силе охранники обеспечивали себе на любой пустоши роскошную жизнь. За пределами лагерей заключенные возводили добротные административные здания (комендатуру и т. д.), казармы, а также целые поселки, состоявшие из особняков, окруженных фруктовыми садами. В старых лагерях были парки и теплицы, манежи для верховой езды, офицерские казино, животноводческие фермы, птицефермы и т. д. Часто эсэсовцы селились несколько поодаль — в радиусе 3—6 километров от концлагерей. Для них тоже строили виллы.

Собственно «кацет» был обнесен высоким забором из колючей проволоки, сквозь который пропускали ток высокого напряжения. Через каждые 75 метров торчала наблюдательная вышка (каменная или деревянная) с обзорной площадкой под крышей. На вышке устанавливали пулемет, пристрелянный соответствующим образом. Часовые сменялись каждые три часа. За колючей проволокой и вышками пролегалла широкая нейтральная полоса, которая великолепно просматривалась. «Ворота» лагеря представляли собой обычно вытянутое в длину одноэтажное здание с башней посередине, где опять же была обзорная площадка и где стояли мощные прожектора, которые включались, когда темнело. В одном из крыльев здания — «ворот» помещались апартаменты дежурного по лагерю фюрера СС, в другом крыле — карцеры (бункеры) для штрафников. Лагеря были радиофицированы.

Сразу за «воротами» начинался так называемый апельплац, то есть плац, где выстраивали заключенных. Если все дороги за пределами лагеря были великолепно вымощены, заасфальтированы, то в самом лагере и дороги («улицы») между бараками, и апельплац представ-

ляли собой пыльную, выложенную щебенкой землю с колдобинами, превращавшимися зимой, осенью и весной в сплошную чавкающую под ногами грязь. Разумеется, и это было продумано и входило в общую программу истязания людей.

За апельплацем рядами стояли бараки для узников, а также бараки, где помещался лазарет, прачечная, кухня и, разумеется, крематорий. «Улицы» были довольно широкие, ибо заключенных водили строем по восемь, а то и по 10 человек в ряду. Каждый барак в свою очередь был окружен колючей проволокой.

Отдельно находились выгребные ямы, а в бараках, где заключенных запирали на ночь, — параши, всегда слишком маленькие, или уборные с открытыми кабинами. Вообще, отправление естественных нужд превращалось для узников концлагерей в сплошную пытку. Охранники, караулившие около выгребных ям, часто сталкивали заключенных в клоаку, и те захлебывались в нечистотах. Это была одна из распространенных забав «ордена» СС.

Каков же был аппарат, управлявший концлагерем?

...«Кацет» являлись плотью от плоти нацистского режима. Они и были организованы соответственно — густая сеть надзирателей всех сортов следила за каждым шагом, за каждым вздохом заключенных. Все было централизовано; существовала сложная иерархия как узников, так и начальства.

Вот какие «виды» господ были в концлагерях.

Во-первых, комендант и его адъютанты. Обычно на пост коменданта назначался штурмбанфюрер СС и оберштурмбанфюрер, то есть майор или полковник.

Комендатуре подчинялся начальник по хозяйственной части, имевший в своем распоряжении множество шарфюреров (унтерфельдфебелей). Это во-вторых. Практически начальник по хозяйственной части и его помощники также являлись неограниченными властителями заключенных.

В-третьих, существовали еще так называемые рапортфюреры — промежуточная инстанция между лагерными рабами и их повелителями. В подчинении рапортфюреров были блокфюреры в ранге до обершарфюреров (фельдфебелей СС). Они жили, так же как более высокое начальство, за пределами лагеря, но толклись всегда в лагере — мучали людей и во время бесконечных поверок, и в бараках, и за едой (если можно назвать едой те отбросы, которые давали узникам «кацет»).

В-четвертых, в лагерях были еще командофюреры, то есть эсэсовцы, отвечавшие за «рабочие команды». Эсэсовцы, которые заставляли узников делать (особенно на первых порах) совершенно бессмысленную работу — скажем, выкорчевывать пни без всяких инструментов, голыми руками, или таскать на себе камни из каменоломен в каком-то бешеном темпе. «Рабочий день» продолжался в лагерях 14—16 часов. Зачастую командофюреры гнали заключенных за пределы лагеря, тогда им придавались еще подразделения СС с собаками, натасканными на людей в полосатой лагерной одежде.

Вся эта свора охранников измывалась над заключенными, соревнуясь друг с другом в жестокости и садизме.

Лагерное начальство считало себя «экстерриториальным». В лагерях процветали взяточничество, коррупция, откровенное воровство...

В-пятых, в лагерях были особые «политические отделы» — в них сидели представители гестапо, совершенно независимые от прочего начальства. В «политические отделы» вызывали узников — на допросы. Иногда люди исчезали после этих допросов, не выдержав пыток.

Число собственно охранников достигало в лагерях 6 тысяч эсэсовцев — двух штандартов — эсэсовских подразделений. Рядовые эсэсовцы жили в казармах.

... Чем более жестоким был охранник, тем больше шансов у него было выдвинуться. Всякий акт жестокости, издевательства поощрялся — эсэсовца награждали деньгами, давали ему внеочередной отпуск, повышали в чине. Естественно, что любой милосердный поступок был наказуем. Эсэсовцев, проявлявших человечность, изгоняли. Во время войны их посылали на фронт, иногда в штрафные части.

В лагерях существовала и официальная организация заключенных — она была придумана эсэсовцами для того, чтобы еще усилить неусыпное наблюдение за своими жертвами... Как правило, организации заключенных, назначенных лагерным начальством, состояли из бывших уголовников, проштрафившихся штурмовиков, проворовавшихся эсэсовцев. И естественно, измываясь над своими товарищами по заключению, они стремились выслужиться, выйти на свободу или занять более «теплое местечко» в «кацет».

Самыми важными персонами из среды узников были лагерные старосты — в больших лагерях их назначали несколько (до трех). Существовали еще писари, их роль тоже нельзя преуменьшать — от писарей зависело, в какой блок (барак) попадал заключенный. Писари вели

отчетность, канцелярскую работу и при огромном числе людей могли что-то сделать — вплоть до «списания» человека как мертвого. Ведь смертность в лагерях была ужасающая. Наконец, существовал институт статистиков, то есть заключенных, ведавших выпиской нарядов на работу. Нетрудно догадаться, что от них зависело еще больше. Однако все заключенные, назначаемые на посты писарей, статистиков и т. д., можно сказать, подвергались повышенной опасности. Ведь они были ближе к лагерному начальству.

На низшей ступени лагерной иерархии стояли капо. Но именно их больше всего и страшились узники. Капо — слово иностранного происхождения (сарога — по-французски начальник, то же и по-итальянски — саро) — был заключенный, следивший за порядком в блоке, а также за порядком во время работы лагерных команд. Капо не работал, а только надзирал. То было дьявольское изобретение палачей...

Гиммлер в Зонхофене перед генералами СС в 1944 г. хвастливо заявил: «Итак, за каждым тридцатью, сорока или ста заключенными наблюдают свои капо. Лишь только узник становится капо, его отделяют от остальных лагерников. Он отвечает за выработку, следит, чтобы не было саботажа, смотрит за чистотой в бараке, за тем, чтобы койки (четырёхэтажные или трёхэтажные нары.— Л. Ч.) были правильно застелены... Капо должен непрерывно погонять людей, но в ту минуту, когда он вызовет наше неудовольствие и перестанет быть капо, его отправят к остальным. И он знает (!), что в первую же ночь его убьют. Капо получает некоторые привилегии... Со всей прямоотой я говорю — порядки в концлагерях рассчитаны не на то, чтобы превратить их в богоугодные заведения. Я обязан во имя Германии заставить недочеловеков работать на нашу победу...»

Гиммлер не зря похвалялся капо. Уголовники, из которых в основном вербовались капо, сыграли свою мрачную роль в «кацет».

Старосты лагерей, старосты блоков, капо и прочие заключенные, занятые в лагерных организациях, носили на левом рукаве черную повязку с белой надписью...

Узники концлагерей были разбиты на множество категорий, каждая из которых была либо на ступеньку ниже в лагерном аду, либо на ступеньку выше и имела... свой цвет.

Ойген Когон перечисляет следующие категории узников:

«политические»;

представители «неполноценных» рас и «расово-биологически неполноценные»;

уголовники;

так называемые «антисоциальные элементы»;

гомосексуалисты.

К разряду «политических» эсэсовцы причисляли кроме членов КПГ (их было большинство) социал-демократов и профсоюзных активистов, а также бывших нацистов, которые по каким-либо причинам вышли из НСДАП или вступили в конфликт с партийной верхушкой. А в годы войны — и дезертиров из вермахта. Кроме того, среди «политических» нередко значились вообще люди случайные — любители слушать иностранное радио, простак, разоткровенничавшиеся с соседом-шпионом и получившие ярлык «паникер», «предатель», «ворчун» (особенно много таких людей сажали за колючую проволоку в годы войны). В те же годы концлагеря пополнились узниками не немецкой национальности, постоянно проживавшими в Германии, — их всех заклеямили как шпионов, особенно если они переписывались с родственниками и друзьями, проживавшими за пределами страны. Большая группа «политических» состояла из людей, которые не принимали нацизм по религиозным мотивам: из католических и протестантских священников и из мирян...

Группа «расово неполноценных» заключенных была чрезвычайно многочисленной. К ней принадлежали на первых порах цыгане и евреи. А в годы войны еще и поляки, русские, украинцы, белорусы. «Расово неполноценные» стояли на самой последней ступеньке лагерного ада. Их больше всего унижали, истязали, убивали.

Группа «расово неполноценных» делилась, в свою очередь, на подгруппы: «политические», уголовники, «антиобщественные» и т. д. Но деление это было уж вовсе произвольным...

Уголовники в «кацет» были двух родов: уголовники-рецидивисты и уголовники, посаженные в тюрьмы, так сказать, профилактики. Среди уголовников — рецидивистов-убийц, взломщиков, грабителей — и вербовались основные кадры помощников палачей. Кроме того, рецидивисты выполняли шпионские функции. «Блатные» были бичом нацистских лагерей. Да и шпионская сеть за колючей проволокой играла особо зловещую роль.

К уголовникам примыкали «антисоциальные элементы». Но они, по словам Ойгена Когона, были более безобидные. К ним принадлежали карманники и вообще мелкие воры, бродяги, сутенеры и т. д. Однако встречались среди «антисоциальных элементов» и совершенно нормальные люди, не имевшие ничего общего с дном общества. Достаточно было несколько раз не явиться на работу, или без разрешения начальства взять отпуск, или перейти с одной работы на другую — и ты попадал в рубрику «антисоциальных элементов». К тому же не надо забывать, что сотни мелких фюреров и лейтеров день и ночь строчили доносы на своих сограждан, объявляя их «паразитами» и т. д. И по этим доносам гестапо бросало «паразитов» в концлагеря или «рабочие лагеря». Если таких людей освобождали, то посылали на передовую...

Каждая из перечисленных категорий имела, как уже сказано, свой цвет, свой ярлык. Кроме того, заключенный сразу же после прибытия в лагерь получал номер. (В Освенциме номера заключенных вытатуировывались у них на предплечье.) В других лагерях номер пришивался к одежде. К одежде — полосатым лохмотьям — пришивался и соответствующего цвета треугольник. Узник обязан был носить этот треугольник на левой стороне груди и на правой штанине.

Политическим заключенным полагался красный треугольник (люди, попавшие в концлагерь во второй раз за политическое «преступление», кроме красного треугольника имели на одежде чуть повыше еще красную черту).

Уголовники были «украшены» зеленым треугольником. Если они принадлежали к рецидивистам, то в треугольнике было вписано латинское «S».

«Свидетели Иеговы» получали лиловый треугольник.

«Антисоциальные элементы» — черный.

Цыгане — коричневый.

Евреи, кроме треугольника, причислявшего их к какой-нибудь группе (скажем, «политических», уголовников и т. д.), обязаны были нашивать еще один треугольник — желтого цвета. Он укреплялся таким образом, чтобы получалась шестиконечная звезда.

Нацисты были заинтересованы в том, чтобы уголовники и всякий сброд находились в одном лагере с «политическими». Это унижало борцов-антифашистов, безмерно утяжеляло их и без того мучительную жизнь, кроме того, эсэсовцы получали добровольных надзирателей и шпи-

ков. Лагерное начальство непрерывно подчеркивало, что любой грабитель, любой убийца и растлитель малолетних во много раз более ценный член гитлеровского «народного сообщества», нежели «политический» — предатель и изменник, и уж тем паче «расово неполноценный».

Естественно, что в каждом концлагере были свои особенности, иногда зависящие и от комендантов, хотя все они были звери и взяточники. Менялась с годами и структура лагерей. Но в основе всей лагерной системы лежало стремление унижить, растоптать человека.

Не изоляция врагов режима, а уничтожение личности, которая по тем или иным параметрам (иногда весьма странным) не входила в понятие «настоящего немца».

Добавим к этому, что в концлагерях существовала глубоко продуманная и весьма сложная система наказаний — заключенных (иногда всех заключенных из-за вины одного) заставляли часами, порою сутками, стоять на аппельплаце, не давали есть, травили собаками, загоняли под выстрелы (и то и другое для «развлечения»). Скажем также, что казни провинившихся совершались на глазах у всех.

Заключение в «кацет» было практически бессрочным: во-первых, не существовало суда, как такового, который устанавливал бы сроки наказания. Во-вторых, если даже узника сажали «на время», то за какие-то действительные или вымышленные провинности (следовать всем инструкциям все равно было невозможно) срок его пребывания в лагере удлиняли. Гиммлер открыто говорил о том, что живым он не выпускает из своих лагерей никого. Даже похвалялся этим — дескать, он предотвращает преступления против режима, а на законы ему в высшей степени наплевать...

Мы уже говорили, что концлагеря были слепком с нацистского общества, также разделенного на вышестоящих и нижестоящих, зарегламентированного, стиснутого в рамках всевозможных нелепых законов и установлений, прошитого шпиками и начальниками всех мастей.

Только *здесь* все это было доведено до логического конца, до абсурда — несвобода и рабский бессмысленный труд ¹, а главное, издевательство над людьми, подавление в них нормальных человеческих чувств, даже простого чувства любопытства: все в лагерях было засекречено: и бани, и вошебойка, и больничный барак...

¹ Даровой труд узников, замордованных и истощенных, не давал никакой выгоды. Например, строительство водопровода в Бухенвальде стоило 35 миллионов марок. По тем временам — сумма колоссальная.

Характерно, что Гиммлер на всем протяжении нацистского правления не выпускал концлагеря из поля своего зрения: то он требовал, чтобы там сажали кокасагыз, то целебные травы, то призывал негодяев из дивизии «Мертвая голова» быть особенно «порядочными», а то, наоборот, ужесточить режим для заключенных. Концлагеря были любимым детищем «человека в пенсне», в них он вкладывал всю душу.

В годы войны против Советского Союза Гиммлер «усовершенствовал» все лагеря, начал использовать их как поставщиков рабочей силы, стал торговать узниками, продавая их военным монополиям, сам принялся строить заводы на территории «кацет» и т. д. Но об этом позднее.

Интересно, что, расширяя концлагеря до немыслимых размеров, строя все новые и новые «кацет», Гиммлер не забывал и об идеологии. Так, он заявлял, что с помощью концлагерей и «отбора» (селекции) создаст «нового человека».

Казалось, более злой иронии не придумать! Застенки и создание «нового человека». Но болтовня Гиммлера приносила свои плоды. В октябре 1939 г., то есть сразу же после начала войны на Западе, Гитлер назначил его «имперским комиссаром по укреплению немецкой нации» (именно «биологическому» укреплению).

* * *

Изучая историю террора (есть и такая история!) в нацистской Германии, следует признать, что она резко делится на две части: до 1940 г. и после, то есть после начала войны на востоке — сперва против Польши, а потом и против Советского Союза.

Какой бы страшной ни казалась нам система концлагерей на территории самой Германии и «принцип» заключения в «кацет» инакомыслящих или «инакокровных», какой бы садистской ни была мысль отдавать нормальных людей под власть «блатных», какой бы ужасной ни являлась система издевательств и наказаний заключенных — все это меркнет перед историей террора сперва в Польше, а потом и на оккупированных областях Советского Союза.

Тут уж происходило то, что называется геноцидом, холокостом: истребление целых этнических групп, не сотен, не тысяч, даже не десятков тысяч, а многих сотен тысяч, а потом и миллионов людей.

И надо сказать, что «тихий» Гиммлер к этому готовился заранее, тут он оказался воистину прозорливцем

и стратегом! Хотя сперва гитлеровская мысль опережала технические возможности «ордена СС».

На первом этапе людей убивали где попало и как попало: в населенных пунктах, на полянках в лесу, за околицами деревень. Множество свидетелей на Нюрнбергском процессе рассказывали об этих массовых казнях на краю рвов, вырытых самими же будущими жертвами, рвов, где мертвецы лежали ярусами, слегка присыпанные землей.

Выше уже говорилось, что и сам рейхсфюрер СС, привезенный Бах-Зелевским в Белоруссию на такую массовую казнь, не выдержал этого зрелища. Да и Бах-Зелевский, «ответственный за борьбу с партизанами», «прославившийся» тем, что он свирепствовал в Латвии и Эстонии, а позже уничтожил Варшавское гетто, стал наркоманом и полусумасшедшим. Руководители отделов РСХА Небе и Олендорф, не самые щепетильные люди, побывав на Восточном фронте, также превратились в неврастеников...

На обложке «Черной книги», которую создала группа советских писателей по инициативе Ильи Эренбурга и Василия Гроссмана и которая ныне издана во многих странах, обозначены желтыми звездочками населенные пункты, где уничтожались евреи, «комиссары» и партизаны. Я насчитала их 57. И это лишь на территории Польши и на оккупированных территориях Советского Союза. Да и число звездочек меньше числа лагерей. Это не значит, однако, что в каждом их этих пунктов был создан концлагерь с вышками, собачьими питомниками, бараками для лагерников и домами для эсэсовцев. Во многих из пунктов и еще в сотнях других убивали «неорганизованно». Однако Гитлер скоро понял, что так не годится. На Нюрнбергском процессе было подробно рассказано, как сконструировали «душегубку», автомобиль-фургон, герметически закрытый. В него заталкивали по несколько десятков людей — мужчин, женщин, детей, стариков, запирали их и пускали выхлопные газы. В целях маскировки на машинах рисовали окошки или писали: «Хлеб», «Молоко». (Тут создатели душегубок копировали гестаповские машины, разъезжавшие по немецким городам.) Однако люди мгновенно стали различать эти «автомобили смерти». Когда они появлялись, народ разбежался. Опять возникали «трудности» для эсэсовцев. Еще большие «трудности» появлялись при разгрузке фургонов — люди в душегубках умирали мучительной смертью, трупы были

зачастую перепачканы экскрементами, кто-то еще жил, его надо было приканчивать выстрелами. Представители «расы господ» в черных без пятнышка мундирах и в надраенных сапогах не желали заниматься таким грязным делом.

Следовало придумать какую-то молниеносную казнь и как-то поставить весь «процесс» на промышленную ногу, ибо уничтожить Гиммлер хотел одновременно тысячи людей. И «фабрики смерти» были созданы в Освенциме, в Риге, в Собиборе, в Трешлинке. Мы называем самые известные и «высокопроизводительные»!

С помощью немецких химиков вошел в обиход газ под названием «Циклон Б», убивающий за несколько минут. (Коробки с «Циклоном Б» перевозились на машинах со знаком Красного Креста.) Но это было еще далеко не все. Необходимо было также сконструировать помещение, куда этот газ пускали, — первое время такого рода помещения маскировали под душевые, и раздетых людей впускали туда партиями. Потом маскировать уже было некогда. Жертвы просто-напросто загоняли в огромные залы и пускали «газ» — сбрасывали кристаллы на специальные решетки и смотрели в окошко — все ли убиты. Пришлось также создать специальное устройство, чтобы трупы — без участия эсэсовцев — попадали в крематорий (заходить в зал, где происходило «загазирование», было небезопасно). Наконец, надо было сконструировать огромные печи для крематориев — обычные печи не годились: они были рассчитаны на одного покойника, а не на сотни и тысячи, говоря «индустриальным» языком, печи с «высокой пропускной способностью». И такие печи изготовлялись фирмой «Топф и сыновья».

Начиная с конца 1942 г. «индустриализация» в сфере убийств была закончена. В предисловии к «Черной книге» Гроссман писал:

«Массовые убийства, угон в рабство миллионов людей имели свой график, свои нормы, распределялись по срокам поквартального и месячного выполнения. Переброски миллионов обреченных на смерть либо рабство людей требовали соответствующего планирования железнодорожных перевозок. В строительстве газовых камер и крематориев для сожжения трупов участвовали химики, теплотехники, инженеры и техники-строители; эти сооружения проектировались, проекты подвергались обсуждению и утверждались. Техника массовых убийств была разработана по отдельным

операциям, как обычный производственный процесс. Драгоценности и деньги убитых поступали в государственные фонды¹; мебель, вещи, одежда, обувь подвергались сортировке, концентрировались на складах, а затем распределялись. Сельскохозяйственные и военные мыловаренные предприятия получали по соответствующим заявкам и распределяли женские волосы, пепел и дробленые кости убитых. Нет, это не был смерч, промчавшийся по Европе. То была теория и практика расизма. То был замысел и его осуществление. То была идея и воплощение идеи. То был чертеж и здание, построенное по этому чертежу».

* * *

Но не только «технически» следовало подготовить геноцид. Это было, конечно, важно. И здесь Гиммлер никому потачки не давал. Однако не менее важным являлось и, так сказать, обоснование этой «акции». «Акцию» следовало сформулировать (приличными словами!), но притом ясно и недвусмысленно. Заявить, какую цель она преследует. Наконец, назвать «контрольную цифру», которую руководство дает «ордену СС». Цифру людей, предназначенных для убийства!

И вот 20 января 1942 г. в Берлине Гейдрих, начальник полиции безопасности, собрал конференцию, на которой присутствовали десятки «его» людей, эсэсовцев, и представители разных министерств и ведомств, включая министерство иностранных дел.

То была, быть может, самая странная конференция из всех, что когда-либо происходили в мире. На Ваннзейской конференции речь шла о поголовном уничтожении евреев в Европе!

Правда, слово «уничтожение» не произносилось вслух. Его заменяли эвфемизмами: «радикальное решение», «выселение», «особое обращение» и, наконец, «окончательное решение еврейского вопроса». Так эта конференция и вошла в историю: конференция в Ваннзее по «окончательному решению еврейского вопроса». Евреи были объявлены «врагами народа», а «окончательное решение» — условием выживания немецкой нации. Ни более ни менее!

Однако в Ваннзее теорией особенно не занимались — там не обсуждали, нужна ли «ликвидация», а говорили о том, как ее практически осуществить.

¹ Эсэсовский фюрер Поль сдавал их в имперский банк.

Если бы конференцию собрали не на вилле под № 56/58 в Берлине, на одном из красивейших озер Германии (какое озеро! Какая вокруг природа!), а в грязном подземелье, где-нибудь в пустынном месте, если бы участники этой конференции скрывали свои лица под масками и говорили шепотом на воровском жаргоне, это было бы куда нормальной. Ведь трудно поверить, что в середине XX века люди в форменных мундирах и в хорошо сшитых костюмах, крупные чиновники громко, не стесняясь, обсуждают, как половчее убить 11 миллионов человек, в том числе глубоких стариков и грудных младенцев. Цифра на конференции фигурировала именно такая — 11 миллионов.

Но конференция в Гросс-Ваннзее проходила, как и все конференции на этой земле. Стенографистки вели протокол. В перерывах пили кофе, шутили, а в конце Гейдрих и его работники сидели у камина и потягивали коньяк. (Это известно из стенограмм процесса над Эйхманом в Иерусалиме, главным исполнителем «окончательного решения».)

Из опубликованных протоколов мы теперь знаем, что существовала не только итоговая цифра, но и по странам все было аккуратно распределено. В Советском Союзе, к примеру, ликвидации подлежало 5 миллионов человек. Интересно при этом, что нацисты делали вид, будто они уже завоевали всю Европу. «Контрольные цифры» были даны не для одних лишь оккупированных стран, но и для Англии (330 тысяч), Португалии (3 тысячи), Швеции (8 тысяч), Швейцарии (18 тысяч), Испании (6 тысяч), Ирландии (4600), Турции (55 тысяч).

Однако кое-что в этой конференции все же настораживает. Почему ее проводил не Гиммлер, а Гейдрих? И говорил он не от имени Гитлера, не от имени своего шефа Гиммлера, а от имени... Геринга.

Да и присутствовали на конференции не министры, а статс-секретари, заместители министров. Испугались ли Гитлер и Гиммлер ответственности? Как-никак, дело происходило уже в 1942 г., то есть когда блицкриг уже можно было считать проигранным, а Германия не была готова к длительной войне. И потом, нацисты оказались перед лицом мощнейшей коалиции с невиданным военно-промышленным и людским потенциалом. Коалицией, которая объявила своей целью безоговорочную капитуляцию нацистского рейха.

Западные историки склонны считать, что и сам фюрер

и его рейхсфюрер СС не хотели лишний раз «мараться»... Историки уверяют, что после акции «эвтаназия» (умерщвление «лишних едоков» — неизлечимо больных, шизофреников, эпилептиков-немцев), которая вызвала большое недовольство в Германии, хотя и проводилась тайно, и Гитлер, и Гиммлер боялись ставить свою подпись под чересчур одиозными документами.

Другой мотив трудно себе представить. Но если это так, то зачем вообще в 1942 г. надо было затевать такое злодейство? Да еще отвлекая на него тысячи людей, сотни поездов, которые шли частично по разбомбленным, забитым военными эшелонами железным дорогам? Где тут была логика?

Но таковы законы тоталитарной системы. У нее своя логика. Жернова насилия должны молотить до конца. Гигантский карательный аппарат должен действовать даже в ущерб самому себе.

Только осенью 1944 г. акция «окончательное решение» была запрещена Гиммлером. Но и после запрещения убийства продолжались. В лагерях смерти было сосредоточено слишком много людей-смертников. Их по инерции убивали. Хотя в то же время началась другая акция — эсэсовские команды под кодовым названием «тысяча и пять» взрывали гигантские могильники и рвы, заполненные трупами, раскапывали и сжигали уцелевшие трупы, а скелеты пропускали через костедробилки! Руководил этой новой акцией Ганс Блобель — штандартенфюрер из ведомства Эйхмана. Гиммлер пытался уничтожить следы своих преступлений! Конечно, это была бесплодная затея. Преступления таких масштабов невозможно скрыть. Сохранились не только ямы, заполненные мертвецами, не только тысячи свидетелей, не только протоколы ваннзейского совещания и сотни документов, сохранились начальники концлагерей, проводившие «окончательное решение», такие, как Хёсс, комендант Освенцима, такие, как Карл Кох, Иозеф Крамер, Глобокник, и многие другие.

Наконец, через много лет был проведен и процесс Эйхмана в Иерусалиме. Ко времени процесса по свидетельским показаниям, по документам было подсчитано число жертв «окончательного решения».

Уже в Нюрнберге фигурировала цифра: 6 миллионов. Шесть миллионов евреев было уничтожено в лагерях смерти, отравлено в газовых камерах или убито выстрелами в затылок — шесть миллионов ни в чем не повинных людей!

До сих пор некоторые историки приписывают холокост истерической ненависти Гитлера и его окружения к евреям.

Два обстоятельства полностью исключают это объяснение.

Первое. Гитлер, Гиммлер, Геринг, Геббельс были прежде всего политиками, правда, политиками-нацистами, а потом уже психопатами. И они построили «идеологическое» государство. Антисемитизм был одной из важнейших опор этого государства. Рассматривая биографии всех фюреров нацистского рейха, мы видим, что никакого биологического отвращения к иной расе они не чувствовали — среди немногочисленных друзей Гитлера в первой половине его жизни был еврей. Геринг, как мы уже писали, воспитывался в замке еврея Эпенштайна. Спасали его после путча также евреи. Среди невест Геббельса фигурирует еврейка. Да и его жена Магда жила у отчима-еврея. Перед концом «третьего рейха» Геринг пожелал вступить в прямые переговоры с представителями еврейских общин на Западе. Кроме Юлиуса Штрейхера, припадочного антисемита и секс-маньяка, у нас нет данных считать кого-либо из ведущих деятелей «третьего рейха», так сказать, зоологическим ненавистником евреев! Уничтожение 6 миллионов человек было политическим действием!

Но есть и другое, не менее важное обстоятельство, объясняющее столь неслыханный акт вандализма. Уничтожение евреев было генеральной репетицией перед уничтожением славян. В стратегические и в политические планы нацистов входило перекраивание европейского континента, заселение гигантских земель на востоке «арийцами».

Но на востоке в ту пору не было свободных территорий — там была Польша, Чехословакия, был Советский Союз — стало быть, жили поляки, словаки, русские, украинцы, белорусы. Иными словами, славяне.

Нам могут сказать, что и болгары были славянами, но их Гитлер не собирался уничтожать. Наоборот, Болгария в 1940 г. заключила пакт с фашистской Германией и воевала на ее стороне. Однако тут, слегка перефразируя слова Геринга, можно сказать, что кого считать славянином — определял Гитлер.

Есть и еще одно возражение против тезиса об истреблении славян: когда нацисты вступали на земли Советского Союза, они умерщвляли не всех славян, а только «комиссаров». Но кого следовало зачислять

в эту рубрику? Командиров Красной Армии? Коммунистов? Политработников? Партизан? Интеллигенцию?

Кроме того, «окончательное решение» было принято, как только что говорилось, лишь в 1942 г. А до этого?

До этого были погромы. Евреев сажали в концлагеря. Сделали изгоями. Нарекли «недочеловеками», Гиммлер и вовсе назвал их «вшами», вредными насекомыми. Говорилось, что всех надо отправить на... Мадагаскар или еще на какой-нибудь отдаленный остров (сионистская идея наыворот!).

Такие программы действительно существовали, для вида даже обсуждались. Мы говорим «для вида», потому что всерьез их принимать нельзя. Впрочем, кто знает, что можно и что нельзя принимать всерьез при тоталитарном строе: мог же Сталин высылать миллионы людей, крестьян в непригодные для жизни районы?

Во всяком случае, до Ваннзейской конференции речь шла о «депортации». И цель указывалась: «для защиты германской нации» от нечистой крови. Так это начиналось!

Но и за связь немца с полькой или польки с немцем тоже жестоко наказывали. Немца или немку сажали в концлагерь, а поляка или польку — казнили.

Не надо забывать также, что и на Ваннзейской конференции евреев, до того как убить, предполагалось использовать в качестве рабочей силы. «При соответствующем руководстве, — говорилось в протоколе Ваннзейской конференции, — в ходе окончательного решения евреи должны соответствующим образом транспортироваться на восток для работы. В больших рабочих колоннах — отдельно мужчины и женщины; работоспособных евреев надо вести в эти области, попутно заставляя мостить дороги...»

Следует признать, что Ваннзейская конференция и «окончательное решение» возникли не на пустом месте. К ним долго готовились — надо было преодолеть множество «препятствий» — создать множество «предпосылок»: «элитное» сознание у СС, «материальную базу» — душегубки, газовые камеры, соответствующим образом «воспитать» чиновников министерств и ведомств, заставить их подавить в себе все моральные барьеры... приучить к мысли, что можно безнаказанно убивать миллионы.

Если мы непредвзято взглянем на имеющиеся в распоряжении историка документы, то увидим, что к истреблению славян, к геноциду на востоке гитлеровские монстры также начали медленно, но верно подходить.

Уже в «Майн кампф», то есть в 1923 г., Гитлер

написал, что Россия, «это громадное государство, созрела для гибели».

А потом пошел уже знакомый нам сценарий.

Генрих Гиммлер дал «теоретическую» установку: считать народы, населяющие Польшу и Советский Союз, «низшей расой», *untermenschen*. Буквальный перевод этого слова по словарю: «неполноценный человек», «неариец», «представитель низшей расы», «недочеловек».

На процессе Эйхмана в Иерусалиме подсудимый признал, что «для поляков предполагались мероприятия для их массовых убийств...».

Уже в «Записке» Гиммлера от 25 мая 1940 г. под названием «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей», которая была прямой инструкцией для будущей оккупационной администрации, говорилось: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а, наоборот, дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что же касается отдельных народностей, мы не намерены стремиться к их сплочению и увеличению, тем более к постепенному привитию им национального сознания и национальной культуры... Для немецкого населения восточных областей не должно быть высших школ. Для него достаточно наличия четырехклассной народной школы. Целью обучения в народной школе должно быть только одно: простой счет, самое большее до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным. Умение читать я считаю ненужным. Кроме школы этого типа, в восточных областях не должно быть больше вообще никаких школ».

С самого начала — а это явствует из документов и из показаний на многочисленных процессах нацистов — цель гитлеровской Германии, напавшей на Советский Союз, заключалась в том, чтобы «колонизировать» народы, населяющие нашу страну.

Нехитрая эта программа умещалась в двух пунктах:

1. Физически истребить миллионы людей разными способами — на полях сражений, в лагерях для военнопленных, в «рабочих лагерях».

2. После войны «обезлюдить» «восточное пространство», заселить немцами-колонистами, часть населения превратить в своих рабов, илотов, в рабочий скот, а остальных выслать (тех, кого сразу не умурили).

Зловещее слово «депортация» появилось уже в 1941—1942 гг. Но еще до этого появились «контрольные цифры».

Накануне нападения на Советский Союз Гиммлер заявил на совещании высших руководителей в Везельбурге, что «одной из задач похода на Восток является уничтожение 30 миллионов славян». В ноябре 1941 г. Геринг сказал итальянскому министру иностранных дел: «В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдет: ведь некоторые народы необходимо сокращать».

На нацистских совещаниях говорилось, что нечерноземные области России надо превратить в зону «величайшего голода».

Согласно «Замечаниям и предложениям по генеральному плану «Ост»¹ рейхсфюрера войск СС», то есть опять же «человека в пенсне», в течение 30 лет с территории Польши и западной части Советского Союза предполагалось выселить (!) 31 миллион человек (80—85% польского населения, 65% населения Западной Украины, 75% населения Белоруссии, значительную часть населения Латвии, Литвы и Эстонии) и поселить на эти земли 10 миллионов немцев. Оставшееся здесь население (по расчетам составителя плана — 15 миллионов человек) предполагалось постепенно онемечить (в Прибалтике!) и сократить путем проведения «специальных мероприятий».

Однако и в таком виде «контрольные цифры» не прошли: господин Розенберг, «теоретик»-расовед, счел число жителей, подлежащих выселению, «заниженным» и предложил повесить его до 46—51 миллиона человек... которые должны были быть «постепенно удалены с территории империи», то есть нацистского рейха².

На какой же «остров Мадагаскар» собирались гитлеровцы сослать уже не 11 миллионов евреев, а 46—51 миллион славян?

Если судить по имеющимся документам, то «депортированных» Гиммлер должен был селить «в Западной Сибири, на Северном Кавказе, а также в Южной Америке и в Африке». Это еще почище «Мадагаскара»! Бред,

¹ План «Ост» (в переводе план «Восток») был разработан гитлеровцами после плана «Барбаросса», плана агрессии против Советского Союза. Полностью не обнаружен до сих пор.

² Последние цитаты взяты из книги В. Дашичева «Банкротство стратегии германского фашизма».

в который, разумеется, сами гитлеровцы не верили. Они-то уж знали, что такое «депортация»!

Итак, ясно, что, по планам Гиммлера, для славян была одна дорога — в газовые камеры, в крематории, в печи «Топф и сыновья».

Все шло по старому сценарию. Мирное население угоняли на каторгу, в «рабочие лагеря», военнопленных убивали голодом и непосильной работой, наиболее активную часть населения под видом «комиссаров» сразу же уничтожали.

Согласно сценарию шла и идеологическая подготовка. И Гиммлер был тут как тут. В речи в Познани от 4 октября 1943 г. перед своими группенфюрерами «человек в пенсне» заявил: «Что происходит с русскими, что происходит с чехами, мне в высшей степени безразлично. Всю хорошую в нашем понимании кровь, что есть у других народов, мы будем себе забирать, если понадобится, будем красть их детей ¹ и воспитывать у нас. Но будут ли жить другие народы в довольстве, или они будутдохнуть с голода, интересует меня лишь в том смысле, в каком для нашей культуры потребуются рабы; остальное мне безразлично. Если при постройке противотанкового рва десять тысяч русских женщин помрут от истощения, я проявлю интерес лишь к одному — построен ли будет для Германии противотанковый ров».

В общем, русские — это «рабы». И их надо использовать в качестве рабов. Но сие означает, что рабов следует, так сказать, планомерно (гитлеровцы делали все по «плану» и по «науке»!) выращивать. А для этого нужна столь любимая рейхсфюрером СС «селекция»: слабых убивать незамедлительно, а сильных, которые не умеют читать и считают всего до 500, загонять как рабочий скот в стойла (лагеря) и смотреть в оба, чтобы они не «спаривались»; для этого тот же Гиммлер изобрел «стерилизацию». С этой «стерилизацией» он носился все двенадцать лет нацистского господства. Десятки тысяч людей покалечил в концлагерях, ставя «научные опыты», калечил и немцев в самом рейхе, объясняя, что больные «неизлечимыми болезнями» не должны иметь потомства.

¹ Операция кражи «хорошей крови» получила название «сено»; белокурых и голубоглазых крошек с оккупированных территорий предполагалось отбирать у родителей, увозить в Германию, давать новые имена и фамилии, объявлять немецкими детьми. Но, так же как и другие «биологические» начинания Гиммлера, это начинание успеха не имело. В последние годы войны, когда Гиммлер додумался до этого своего плана, нацистам было не до чужих детей, они и своих-то не могли защитить от бомбежек и недоедания.

Не случайно я поставила в кавычки слова «неизлечимые болезни» — ведь кого надо считать сумасшедшими и неизлечимо больными, определяли гиммлеровские медики-нацисты, те самые монстры, о которых, оглядываясь назад, не знаешь, что и думать — были ли они политиками или взбесившимися идиотами, верившими, что великую страну можно «обезлюдить», цивилизованный народ превратить в рабов, три четверти человечества «стерилизовать» и т. д. и т. п.

Необходимо помнить, что слова «обезлюживание» и «опустошение» фюреры СС понимали не как гиперболу, а совершенно буквально. Сохранилось письмо Гейдриха Гиммлеру, где он негодовал. «Рейхсфюрер! — писал Гейдрих. — Покорнейше прошу учесть, что прямые указания касательно Петербурга и Москвы не проводятся в жизнь». «Командир эйнзацгруппы СС д-р Шталеккер сообщает мне, что его агенты, которые перешли линию фронта и вернулись обратно, увидели, что разрушения в Петербурге еще очень незначительны...» Далее Гейдрих требует *сровнять с землей* Петербург, один из красивейших городов Европы! И дать для этого абсолютно однозначные и ясные приказы вермахту. «Если это не будет сделано, — пишет он далее, — оба названных города (Москва и Петербург. — Л. Ч.) не удастся полностью уничтожить».

Да, фюреры СС и в самом деле хотели превратить Советский Союз в пустыню, в «обезлюженное» пространство...

Иногда кажется странным, что такого рода планы вообще могли возникнуть в головах людей. Но они возникали — это мы знаем сейчас достоверно, возникали в головах опьяненных своей безнаказанностью, своей расовой спесью и безумной идеей «элитарности» чудовищ, рожденных тоталитарной системой.

* * *

Теперь нам остается выяснить, как чувствовал себя рейхсфюрер СС, главный каратель «коричневого рейха», в конце войны.

В 1943 г. Генрих Гиммлер мог бы сказать о себе словами Годунова: «Достиг я высшей власти...» И при том сей «гимназический учитель», бюрократ террора, бесцветный и пошлый, не знал терзаний русского царя. Он не произнес бы великую фразу: «Но счастья нет

в моей душе...» С величайшей радостью он прибирал к рукам все новые и новые «жирные куски».

В 1943 г. Гиммлер был назначен министром внутренних дел; осуществилась его давняя мечта — весь аппарат насилия оказался в его власти. После генеральского заговора против Гитлера 20 июля 1944 г., когда самые крупные немецкие военачальники были расстреляны, покончили с собой или сели на скамью подсудимых, чтобы потом погибнуть даже не на виселице, а на крюках для мясных туш, Гиммлер опять пошел в гору. Он, как стервятник, привыкший питаться падалью, жирел на всеобщем горе. В августе 1944 г. Гитлер сделал сугубо штатского «человека в пенсне» главнокомандующим резервной армией и ответственным за вооружение вермахта. А в 1945 г. Гиммлер стал вдобавок командующим группой войск «Висла».

Но 1944-й не 1945-й! Тогда Гиммлер еще не думал о конце, а может, только делал вид, что не думает. Сохранилось множество писем «человека в пенсне» от 1943 г. Боже, до чего они убоги, до чего кажутся нам сейчас глупыми! Мир охвачен апокалипсическим ужасом: без счета гибнут люди, гибнут бессмысленно, ужасно — на полях сражений, в концлагерях, в «лагерях смерти», а голова всемогущего рейхсфюрера СС занята «решением продовольственной проблемы» а-ля Лысенко: он без конца сочиняет какие-то дурацкие проекты. В письме к Полю, начальнику хозяйственного управления СС, тому самому Полю, который отправлял золотые коронки убитых узников в имперский банк, Гиммлер рекомендует с помощью некоего «микроба» превращать отходы целлюлозного производства в «чрезвычайно вкусную, похожую на колбасу пасту, которая является великолепным пищевым продуктом и может быть использована для кормления рекрутов и рабочих в «рабочих лагерях». Примерно тогда же Гиммлер пишет Гротману, одному из палачей в Освенциме, — предлагает делать масло из... листьев герани! Большое письмо рейхсфюрера СС касается дойки... кобылиц. Гиммлер за ручную дойку!

По-прежнему волнует «человека в пенсне» и проблема размножения эсэсовцев. Волнует даже больше, чем всегда, поскольку убыль чистокровных «арийцев» велика. Для «агрария» Гиммлера все равно, чье «поголовье» восстанавливать — поголовье быков или людей. Он предлагает открыть специальные отели, куда «мы будем привозить для наших парней их жен на пять-шесть дней» и не отпускать мужчин домой, «где они могут заниматься не тем».

Чем вызваны эти письма — размягчением мозгов? Ханженством? Закоренелой привычкой врать? Страхом, что кто-то из эсэсовцев назовет его паникером и напишет донос Гитлеру? Понять это до конца сейчас невозможно. Можно только констатировать, что реальная жизнь до конца не проникала в «мифологическое государство» нацистов. Но ни размягчение мозгов, ни ханжество, ни витание в облаках, вернее, в ирреальном мире не мешали править Гиммлеру своей «империей смерти» железной рукой.

Даже медицинские опыты на живых людях в концлагерях продолжались в прежнем объеме. Узников заражали гнойными инфекциями, замораживали живьем, «стерилизовали» смертельными дозами рентгена. Евреев и «комиссаров» сотнями тысяч депортировали в «лагеря смерти», а там «отходы», как их называли эсэсовцы, гнали в газовые камеры. Черный тошнотворно-удушливый дым стлался над лагерями; крематории работали день и ночь. А в самом рейхе все более жестоко расправлялись с «паникерами», «маловеерами» и «предателями». В своей книге «Империя рабов» гитлеровский министр вооружения Альберт Шпеер писал: «...бюрократия СС даже в последние месяцы войны работала так, словно ничего ни произошло». И страницей ниже: «СС и гестапо стали второй непредсказуемой властью в стране».

Шпеер не признал, однако, что respectable промышленники Германии все чаще стали обращаться за помощью к «человеку в пенсне». Немецких рабочих в рамках «тотальной войны» забирали на фронт, здания многих заводов были разбомблены — «спасти» мог только Гиммлер, крупнейший рабовладелец Германии, за гроши продававший миллионы узников немецкой высококачественной индустрии! Да, все связано в тоталитарном государстве — палачи с промышленниками, члены «ордена СС» с поэтами-песенниками, воспевающими их!

Но это так, отступление.

В ужасе и в кошмаре наступил 1945 год. Наконец-то Гиммлер подумал о возмездии и начал предпринимать некоторые шаги. В основном через своего обер-разведчика, начальника VI управления РСХА Шелленберга, который уже давно понял, что надо спасать свою шкуру, и хотел это сделать с помощью главного полицейского Германии, рейхсфюрера СС. Шелленберг организовал встречу Гиммлера с графом Бернадоттом, шведом по национальности, представителем Красного Креста.

Встреча произошла в Любеке в ночь с 23 на 24 апреля 1945 г.

В книге «Финал» Бернадотт приводит запись своей беседы с Гиммлером. (Беседа эта, и без того носившая фантастический колорит, проходила при свечах, так как электричество в этом районе Любека погасло!) Однако, как мы увидим из текста беседы, тон Гиммлера был вполне деловой, он не вспоминал ни Генриха I, ни «рыцарей круглого стола», ни свои разговоры с загробным миром!

«Гиммлер. В создавшемся ныне положении у меня больше не связаны руки. Для того чтобы спасти как можно бóльшую часть Германии от русского вторжения, я готов капитулировать на Западном фронте, с тем чтобы войска западных держав как можно скорее продвинулись на восток. Однако я не намерен капитулировать на Восточном фронте. Я всегда был заклятым врагом большевизма и навсегда останусь им. В начале войны я яростно боролся против советско-германского пакта. Готовы ли вы передать подобного рода сообщение шведскому министру иностранных дел, дабы он смог информировать о моем предложении западные державы?

Бернадотт. По-моему, капитуляция на Западном фронте и продолжение войны на Восточном полностью исключены. Англия и Америка наверняка не согласятся на сепаратное соглашение с Германией.

Гиммлер. Я понимаю, как это немыслимо трудно. Но при всех обстоятельствах я хотел бы предпринять такую попытку, спасти миллионы немцев от русской оккупации.

Бернадотт. Я готов передать ваше предложение шведскому министру иностранных дел лишь в том случае, если вы пообещаете включить в условия капитуляции также Данию и Норвегию.

Гиммлер, не раздумывая, ответил, что он готов на это... Он сделал лишь одну оговорку: Дания и Норвегия не должны быть заняты русскими войсками.

Я спросил Гиммлера, что он собирается делать, если его предложение будет отклонено.

«В таком случае,— ответил он,— я поведу в бой батальон на Восточном фронте и погибну в бою».

Всем известно, что он не осуществил это намерение».

Да, никаких героических поступков в последние дни нацизма Гиммлер не совершал.

Узнав о его переговорах с Бернадоттом, кстати сказать, из сообщения Би-би-си, Гитлер проклял своего обер-полицейского (по-видимому, по наущению всегдашних соперников «человека в пенсне» Геббельса и Бормана). В своем «Политическом завещании» Гитлер

написал (вернее, Борман записал под его диктовку) следующее:

«Перед смертью я выгоняю из партии бывшего рейхсфюрера СС и министра внутренних дел *Генриха Гиммлера* и лишаю его всех постов... Геринг и Гиммлер, которые за моей спиной и против моей воли вели тайные переговоры с врагом, а также противозаконно пытались захватить власть в государстве, нанесли стране и всему народу неслыханный вред; не говоря уже об измене мне лично...»

По чистой случайности мы имеем подробное описание Гиммлера в мае 1945 г. во Фленсбурге, где Дениц, согласно тому же завещанию Гитлера, сформировал новое правительство из старых нацистов. Описание это сделано комендантом самого страшного «лагеря смерти», лагеря в Освенциме Рудольфом Хёссом. Сидя в тюрьме в Кракове, Хёсс (он был приговорен к смертной казни польским Верховным народным судом и казнен 16 апреля 1947 г.) имел много времени и написал нечто вроде мемуаров палача в идеологическом государстве. Издал их Мартин Броздат, директор института новейшей истории в Мюнхене.

Дважды возвращается Хёсс к теме «Гиммлер во Фленсбурге» — в главе «Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер» и в главе «Мой начальник во время инспекции концентрационного лагеря. Ноябрь 1943 — май 1945».

Вот что пишет Хёсс: «3 мая 1945 г. я встретил Гиммлера в последний раз. Согласно приказу, остаток инспекторов КЛ (концлагерей.— *Л. Ч.*) последовали за ним вплоть до Фленсбурга. Там присутствовали Глюкс, Маурер¹ и я. Он пришел как раз после беседы с остатками имперского правительства. Он свеж и весел и в превосходном настроении! Приветствует нас и сразу же приказывает: Глюкс и Хёсс под видом армейских унтер-офицеров под чужими именами — будто бы их разбомбили — переходят через границу в Данию и там живут нелегально. Маурер и оставшиеся инспектора КЛ также скрываются в армии. Все остальное урегулирует штандартенфюрер Хинц, полицей-президент Фленсбурга. Он (Гиммлер.— *Л. Ч.*) жмет нам руку, и мы свободны! У него в эту минуту был еще профессор Гебхардт и Шелленберг из РСХА. Как сказал Гебхардт Глюксу, Гиммлер намеревался жить в подполье в Швеции».

¹ Глюкс, бригадфюрер СС, главный инспектор концлагерей, Маурер — один из начальников отделов в управлении СС.

Вторая запись Хёсса еще более выразительна: «В последний раз мы явились во Фленсбург, куда вместе с имперским правительством отбыл РФСС (рейхсфюрер СС.— Л. Ч.). О боях речь больше не шла. Спасайся кто может — таков был девиз. Последний рапорт и прощание с РФСС осталось для меня незабываемым воспоминанием. Он сиял и был в превосходном настроении — и притом мир рухнул, *наш мир*. Если бы он сказал: «Да, господа, настал конец, вы знаете, что вам надо делать». О, это бы я понял, его слова соответствовали бы тому, что он долгие годы проповедовал в СС: надо отдать жизнь за идею. Но его последний приказ гласил: затеряйтесь среди солдат вермахта! Это было прощание с человеком, на которого я молился, которому я беспрекословно верил, чьи приказы, чьи слова были для меня святыми...»¹

Итак, Генрих Гиммлер еще думал как-то выкарабкаться. На что он рассчитывал? Может быть, на передачу каких-то секретных сведений Монтгомери, встречи с которым так добивался?

О последних часах Гиммлера в хаосе поверженной Германии нам известно довольно подробно. Об этом писали не раз и в нашей прессе. Поэтому не будем тратить много слов. Поимка Гиммлера по своей бесславности, что ли, может сравниться разве что с поимкой министра иностранных дел Германии Риббентропа, которого застали в постели с какой-то девицей.

Гиммлер поменял форму, нацепил повязку на один глаз, сбрил усы и запасся удостоверением на имя Генриха Хитцингера — из полевой жандармерии. В сопровождении личного секретаря Брандта и хирурга Гебхардта он прошел Гольштинию, переправился через Эльбу и намеревался проскочить через английские посты, но там его задержали.

Когда Гиммлера задержали, он стал просить встречи с фельдмаршалом Монтгомери. Только убедившись, что никто из высшего командного состава союзников не намерен с ним разговаривать, Генрих Гиммлер разгрыз ампулу с цианистым калием. Бесславной смертью кончилась его бесславная жизнь.

¹ Несмотря на шок во Фленсбурге, Хёсс последовал совету Гиммлера: с бумагами на имя боцмана Франца Ланга он бежал на остров Зельт в морскую школу.

ПАЛАЧ ОТ ИДЕОЛОГИИ. ИОЗЕФ ГЕББЕЛЬС

Иозеф Геббельс числился в первой пятерке нацистских «вождей», которая шла вослед за своим фюрером Гитлером. А дальше место каждого зависело от того, с какой степенью благорасположения относился к нему в данный конкретный момент «сам» фюрер. Рема, второго человека в государстве, нацисты убили уже в 1943 г., и он навеки выпал из обоймы. С тех пор «пятерки» располагались так: Геринг, Гесс, Гиммлер, Геббельс, Розенберг. Или же: Геринг, Геббельс, Гесс, Розенберг, Гиммлер. В 1940 г. Гесс тайно (или не тайно) улетел в Англию. Вместо Гесса появился Борман, заместитель Гитлера по партии. Влияние его было очень велико, но он держался в тени. Розенберг часто впадал в немилость, Геринг — тоже. Стремительно росло влияние Шпеера, архитектора Гитлера, который стал после смерти Тодта министром вооружений, первым технократом в нацистском государстве.

В этих обстоятельствах пост министра пропаганды и просвещения, который занимал Геббельс, казался не столь уж значительным. Тем не менее обладатель его оставался одним из столпов «коричневой империи». Он и Генрих Гиммлер. Пропаганда и тайная полиция! Таковы были два лика нацистского государства. Ложь и застенки! Зрелища — их организовывал Геббельс и страх — его внушал Гиммлер!

Думается, существуют две причины неугасающего интереса к Иозефу Геббельсу. Во-первых, он действительно был непревзойденным мастером пропаганды. Довел манипулирование сознанием людей до невиданных размеров. И это с помощью не таких уж совершенных технических средств. В век Геббельса еще не существовало ни телевидения, ни видеотехники. Чтобы попасть на митинг и увидеть фашистского вождя воочию, человек еще

должен был выйти на улицу, доехать до соответствующего зала или площади. Фашистские фюреры еще не проникли визуально в каждый дом, в каждую квартиру. Но и при этом геббельсовская пропаганда буквально въедалась в души людей, разрушала их нравственность, моральные и религиозные чувства, приучала к лжи, превращала молодежь в убиец, натравливала сильных на слабых и беззащитных.

Однако есть еще второй аспект особого интереса к нацистскому министру пропаганды. Геббельс был интеллигентом. Правда, только в первом поколении. Но все же интеллигентом. Он представлял большую часть немецкого образованного общества, которая не только пошла за Гитлером, но и немало помогла ему. Вполне научнообразно сформулировала расовую теорию, навела глянец на самые грязные дела, а главное, сочинила лозунги для широких масс.

В этих двух аспектах надо рассматривать сию зловещую фигуру...

* * *

В конце своей карьеры Геббельс много раз повторял, что если нацисты и уйдут с политической арены, то они громко хлопнут дверью.

Что бы это значило? По-видимому, Геббельс хотел наслать на человечество какое-то неслыханное бедствие. Землетрясение, всемирный потоп, мор. Может быть, он собирался погасить солнце, направив на него невиданную ракету. Может быть, хотел вообще уничтожить нашу Вселенную. К счастью, такие катастрофы нацистам были неподвластны. И все же Геббельс сочинил один кровавый финал. Для себя самого. Он не только покончил с собой, не только не остановил жену, решившую отравиться. Чета Геббельсов убила *шестерых* маленьких детей, своих собственных детей... И все это происходило не на сцене, не в шекспировских трагедиях в начале XVII века, а в середине XX века в реальной жизни.

Геббельсу казалось, наверно, что он громко хлопнул дверью. Но мастер эффектов недоучел место и время. Место — подземелье под имперской канцелярией Гитлера, той самой канцелярии, где замышлялись невиданные массовые казни и убийства. Да и время было явно неподходящим. В ту пору, когда вечным сном заснули детишки Геббельсов — Хельга, Хильде,

Хельмут, Хольде, Хедда, Хайде — шестеро воспетых пропагандой нацистов ангелочков, сотни тысяч детей уже погибли на бескрайних просторах Советского Союза от бомбежек, артобстрелов, голода, зондеркоманд. А сотни тысяч таких же безвинных ангелочков были сожжены в печах крематориев. Да и немецкие дети массами умирали от бомбежек, от снарядов, гибли под обломками зданий... Вся Европа была залита кровью. Громко хлопнуть дверью Геббельсу не удалось.

* * *

В отличие от трагического эпилога пролог к жизни будущего министра и гаулейтера был вполне обыденным.

Геббельс родился 29 октября 1897 г., стало быть, на восемь лет позже Гитлера. Родился в маленьком городишке Рейдте на берегу Рейна. Назвали его Паулем Иозефом. Мать Геббельса из пограничного с Голландией местечка была по национальности голландка и до конца жизни плохо говорила по-немецки. Фриц Геббельс, отец будущего министра, поступил посыльным на фабрику, производящую фитили. Много времени спустя стал на той же фабрике бухгалтером, потом прокуристом, чем-то вроде доверенного фирмы. Словом, выбился в люди. Семейство Геббельсов, как мы бы сейчас сказали, принадлежало к бедной прослойке «мидлкласса».

Среди рейнландцев много католиков. Католическую веру исповедовали и многодетные Геббельсы, кстати, весьма набожные. У Иозефа было два старших брата и две младших сестры, одна из которых умерла ребенком.

С самого начала Паулю Иозефу не повезло: он родился с физическим изъяном — одна нога короче другой. Во всем его облике было что-то болезненное: худенький человек с огромной головой, хроменький. Наверно, в годы детства и отрочества это отравляло ему жизнь. Возможно, подростка Геббельса дразнили другие ребяташки.

По сему поводу некоторые западные историки склонны объяснять карьеру Геббельса, его жажду власти и успеха чувством неполноценности. Эти же историки напоминают, что Сталин был сухорукий и говорил с сильным акцентом, а Гитлер якобы имел отклонения в половой сфере. На это можно возразить, что Лаврентий Павлович Берия и Генрих Гиммлер не были калеками. И на поло-

вые отклонения не жаловались. Правда, оба страдали близорукостью и носили очки. Но довольно странно было бы объяснять плохим зрением тот факт, что они стали невиданными злодеями...

Думается, не стоило бы упоминать о «косолапости» Геббельса и о его тщедушности, если бы в идеологический «фундамент» нацистского вероучения нацисты не заложили весьма увесистый «камень», на котором было начертано: немцы самый полноценный народ на земле. Это народ вождей и белокурых воинов-победителей. Не кто иной, как Геббельс, денно и нощно вдалбливал своим согражданам, что немец от природы высок, широкоплеч, строен, светловолос и голубоглаз, обладает отличной фигурой и большой физической силой. Антипод немца — еврей, наоборот, черноволос, низкоросл, имеет плохую фигуру и часто рождается со всякого рода физическими уродствами.

Позднее карикатуристы во всем мире оттачивали свои перья на нацистском министре пропаганды. В памяти людей моего поколения Геббельс запечатлелся в виде крохотного уродца — крысы с мордочкой летучей мыши. Эдакое хвостатое, мелкое чудовище с оттопыренными ушами. Не то карлик-вурдалак, не то чертик, не то лягушка. Как ни странно, но много позднее, когда я увидела фотографии Геббельса, я поняла, что они очень похожи на старые карикатуры. Художники без труда придавали шаржам портретное сходство...

Но обо всем этом юноша Геббельс еще не подозревал. Он хорошо учился, закончил гимназию, поступил в университет. По-видимому, не только способности Геббельса, но и его болезненность побудили родителей пойти на большие материальные жертвы и дать младшему сыну высшее образование. И мать и отец хотели сделать из Иозефа священника. Согласно апокрифу, старенький учитель закона божьего в гимназии отсоветовал это. Он будто бы сказал, что несмотря на прекрасные отметки Геббельс не должен стремиться к духовному званию, поскольку он... не верит в Бога. Видимо, этот апокриф придумал сам Геббельс, ибо в среде нацистов вера в Бога считалась зазорной. Существовал и другой похожий апокриф: будучи хорошим учеником, Геббельс произнес речь на выпускном вечере в гимназии. И классный руководитель якобы сказал ему, будущему главному оратору в на-

цистской империи: «Вы, молодой человек, талантливый, но оратора из вас никогда не получится»¹.

В 1917 г. Геббельс сдал на аттестат зрелости. В 1918 г. попытался пойти на фронт. Трудно сказать, верил ли он сам в то, что его призовут в армию несмотря на хромоту. Во всяком случае, делал вид, что верит. Разыграл целый спектакль — притворился безутешным. В 1914 г. шовинистически и милитаристски настроенная немецкая молодежь и впрямь штурмовала призывные пункты. Но в 1918 г. такие «порывы» казались странными. Кроме того, Геббельс не был тогда ни милитаристом, ни шовинистом. Просто — кривлякой.

С апреля 1917 г. он — студент Боннского университета, изучает античную филологию, германистику, историю... Как это было нередко в ту пору в Германии, будущий министр поменял несколько университетов. Из боннского перешел в мюнхенский, потом во фрейбургский, под конец в гейдельбергский. Судьба свела молодого Геббельса с блестящим профессором, ярким ученым Фридрихом Гундольфом. Гундольф был одним из членов знаменитого кружка Стефана Георге. Но особой симпатии эти люди друг к другу не почувствовали. Свою докторскую работу Геббельс написал и защитил в 1922 г. у барона Макса фон Вальдберга. Работа эта была озаглавлена: «Вильгельм фон Шютц как драматург. К вопросу об истории драмы романтической школы».

Самой сложной проблемой для Геббельса-студента была денежная. Отец выдавал ему ежемесячно 50 марок (при его окладе 300 марок). Очень немного Геббельс подрабатывал уроками. Довольно существенную помощь оказала ему католическая благотворительная организация, которая давала своего рода беспроцентные ссуды неимущим, но близким к церкви студентам. Разумеется, с последующим возвратом. В результате переписанных каллиграфическим почерком прошений с соответствующими рекомендациями священников Геббельс получил к 1919—1920 гг. от Кельнского союза прихожан при иезуитском фереине Альбертуса Магнуса 960 марок.

Фереину Альбертуса Магнуса не повезло — Геббельс ни за что не хотел отдавать свой долг. В 1929 г., когда он уже стал гаулейтером Берлина, его даже привлекли к су-

¹ Похожий анекдот ходил и о Гитлере. В годы первой мировой войны ему будто бы не присвоили офицерского звания, так как признали его неспособным «командовать людьми».

ду. Но гаулейтер отнесся к сему факту не со смущением, а с возмущением.

Гуманитарное университетское образование ценилось в Германии того времени больше, нежели любое высшее техническое. Защитив диссертацию, Геббельс стал доктором философии. И с этой приставкой «доктор» не расставался никогда! Какие бы посты он ни занимал, он был «доктор Геббельс»!

Однако само по себе докторское звание еще не давало никому верного куска хлеба. Наиболее серьезный биограф Геббельса Гельмут Хайбер пишет, что после окончания университета этот молодой человек мог сдать специальный экзамен на учителя, что, вероятно, обеспечило бы ему работу. Но учителем Геббельс не захотел стать.

Чего же он добивался?

Геббельс решил испробовать свои силы на писательском или журналистском поприще. В предисловии к «Дневникам» Геббельса за 1945 г. известный западногерманский писатель Хоххут пишет, что будущий министр сочинил тогда 50 статей. И из этих пятидесяти статей *ни одна* не увидела света. Дело в том, что начинал Геббельс не с провинциальных листков, а, пожалуй, с самой престижной и влиятельной газеты в Веймарской республике, с газеты «Берлинер тагеблатт», которую издавал Теодор Вольф. Теодор Вольф в веймарской Германии был, так сказать, символом респектабельности и солидности. Он же являлся одним из основателей журнала «Фрайе бюне», где сотрудничал Герхард Гауптман. Напечататься у Вольфа было большой честью. Но Вольф, как сказано, отверг все опусы Геббельса, а также его неоднократные попытки поступить к нему в штат в качестве сотрудника. Хоххут упрекает Вольфа в предвзятости и в черствости — мол, неужели он не мог сказать хотя бы несколько слов одобрения по адресу молодого автора? Кроме того, Хоххут считает, что из 50 статей «некоторые были достаточно хороши» для «Берлинер тагеблатт». Подтекст у Хоххута такой: напечатай еврей Вольф хоть одно литературное упражнение Геббельса, и Геббельс стал бы журналистом, а не душителем живого слова в нацистском рейхе и вдобавок отчаянным антисемитом.

Странная логика! На мой взгляд, Геббельс был признан первым журналистом, литератором и вторым (после Гитлера) оратором только при нацизме, то есть после того как планка литературного мастерства снизилась почти до нуля. Почему же Вольф должен был печатать

этого напыщенного, болтливового и ходульного журналиста, имея возможность использовать воистину блестящие перья?

Не повезло Геббельсу и на театральной стезе. Его пьеса «Иуда Искариот» не пошла. И вообще театры его отвергли. Печальная участь постигла на первых порах и прозаическое произведение Геббельса, повесть «Михаэль. Немецкая судьба на листках дневника». Только в 1929 г., войдя в силу у Гитлера, будущий министр напечатал эту скучнейшую прозу — рассказ об устремлениях некоего Михаэля и его друга русского анархиста Ивана Винуровски, почитателя Достоевского. Повесть была написана от первого лица, от лица Михаэля, за которым, конечно, скрывался автор, и сплошь состояла из излияний Михаэля, из его разговоров с любимой девушкой Гертой Хольк и из диалогов с Иваном. Приведем лишь одну цитату из «Михаэля»: Михаэль — герой-фронтовик, говорит: «Я надеваю каску, пристегиваю кортик и декламирую Лилиенкрона»¹. И далее: «Я вижу руины домов и деревень при свете вечерней зари... Я вижу остекленевшие глаза и слышу душераздирающие стоны умирающих. Я больше не человек. Меня охватывает дикая ярость. Я чую кровь. Я кричу: «Вперед! Вперед!» Я хочу стать героем».

Вот каким стилем изъяснялся Геббельс. Почему, собственно, его должен был печатать Вольф?

Плачевная жизнь Геббельса продолжалась до 1924 г. Кое-что он, правда, прирабатывал, в частности, работал в «Дрезденер банк» на низкооплачиваемой технической работе. Но в основном его содержал отец, что не могло не оскорблять самолюбия двадцатисемилетнего молодого человека.

В 1924 г. Геббельс побывал со своим другом Прангом на съезде нацистов. Тот партийный съезд проводил Грегор Штрассер, сколотивший довольно сильную группу совместно с Людендорфом² (хотя Людендорф участвовал в «пивном путче» 1923 г., он избежал тюрьмы). Могущественный в ту пору Штрассер привлек Геббельса к редактированию нацистского еженедельника «Народная свобода», который выпускался в Эберфельде в качестве «рейнско-вестфальского боевого листка, органа народно-социалистической Великоге-

¹ Фон Лилиенкрон, Детлев (1884—1909). Поэт, прозаик, драматург. В своих балладах воспевал войну. Правда, делал это более квалифицированно, нежели Геббельс.

² За группу Штрассера — Людендорфа на выборах 1924 г. проголосовало 2 миллиона немцев. Людендорф и Штрассер стали депутатами баварского ландтага вместе с 30 их сторонниками.

рмании». С 1925 г. Геббельс стал также постоянным автором журнала «Национал-социалистише брифе», теоретического органа нацистов, опять же издававшегося Штрассером. Теперь Геббельс зарабатывал порядка 100 марок, что дало ему возможность сводить концы с концами.

* * *

Почти всю свою сознательную жизнь с краткими перерывами Геббельс вел дневники. Вел он их и в бункере Гитлера до последнего часа, до самоубийства. Часть дневников издана самим Геббельсом, соответствующим образом препарированная. О ней речь пойдет ниже, поскольку эти дневники рассказывают о годах, предшествующих захвату власти нацистами. Они так и названы «От «Кайзергофа» до имперской канцелярии» («Кайзергоф» — гостиница, где жил Гитлер, приезжая в Берлин). Часть дневников превращена самим Геббельсом в микрофильмы, некоторые из них пропали, другие найдены и изданы. Но самым ценным документом биографы Геббельса считают его дневник 1925—1926 гг. Здесь он изливал душу без оглядки на будущее, на историю, мыслил себя еще не политическим деятелем, а частным лицом. Это не значит, однако, что и на заре своей карьеры Геббельс не врал, не врал, так сказать, самому себе. Он был по природе враль. И впоследствии придумал заново этот этап своей биографии. Во-первых, сообщил, что после окончания университета уехал в Рур, где тогда кипели страсти. И где он якобы участвовал в сопротивлении французской оккупации, героем которой в глазах реакции стал молодой Шлагетер, расстрелянный французами. Геббельс никогда в Руре не был и, соответственно, никакого отношения к Шлагетеру не имел, хотя, уже будучи на вершине власти, заявлял, что боролся с ним плечом к плечу. В действительности он в то время мирно жил в родительском доме в Рейдте. Далее Геббельс сочинил, что он познакомился с Гитлером уже в... 1922 г. На самом деле это знакомство произошло гораздо позже, в 1925 г.

Но тут мы забегаем вперед. Названные дневники рассказывают в общем о доподлинных перипетиях в жизни Геббельса. Кроме, пожалуй, двух позднейших вставок, вставке о Гитлере и об антисемитизме. Об этой вставке речь пойдет ниже.

В дневнике Геббельс беспрерывно восхищается собой — своими речами, статьями, успехами. Тирады о собственных «подвигах», о непосильной работе на ниве

национал-социализма («О, как я устал!») перемежаются с повествованиями о любовных приключениях, об очередных пассиях. В отличие от Гитлера, Геббельс, как мы бы сказали сейчас, был «сексуально озабочен»¹. В целом чтение дневника за 1925—1926 гг. производит тягостное впечатление — он кажется неким объяснением Геббельса в любви... самому себе. Трудно представить, что его писал человек, получивший довольно скоро огромную власть, ставший государственным деятелем крупнейшей европейской державы. Вообще все личные документы — дневники, письма, записи, доставшиеся историкам после тотального краха нацизма, наводят на мысль о полном несоответствии масштабов личностей нацистских фюреров и тем злом, которое эти фюреры натворили. Недаром Карл Ясперс, один из самых значительных немецких философов современности, говоря о нацистских преступниках, подчеркивает «банальность зла», вернее, банальность самих носителей зла!

* * *

Что же представлял собой Геббельс в эти начальные годы своей карьеры?

Как ни прискорбно это признать, но он был типичным порождением своего времени, левым интеллигентом, выброшенным волею обстоятельств из активной жизни.

Да, Геббельс не сражался в окопах первой мировой войны, хотя по возрасту это было ему уготовано. Но и он не мог найти применения своим силам. Пусть он не был так озлоблен, как многие юноши-фронтовики, превращенные в «пушечное мясо», а потом не сумевшие найти себе места под солнцем, ибо «штафирки» уже заняли все хлебные должности.

¹ Иоахим Фест в своей книге «Лицо третьего рейха» приводит небольшую, но красноречивую подборку любовных излияний Геббельса в дневнике 1925—1926 гг. «Альма прислала мне открытку из Бад-Гарцбурга... Первая весточка после той ночи. Ах, эта лукавая, очаровательная Альма! Мне она очень нравится. Первое письмо от Эльзы из Швейцарии...» (14 августа 1925 г.). «Эльзхен, когда я увижу тебя опять? Альма, милое, любимое создание! Анка, я тебя никогда не забуду» (15 августа 1925 г.). «...Надо мной и женщинами висит проклятье. Горе тем, кто меня полюбит! Какая мучительная мысль. Есть от чего прийти в отчаяние» (10 ноября 1925 г.). И наконец, 29 июня 1926 г.: «Жениться было бы для меня мукой. Эрос громко говорит во мне». Примерно тогда же: «От каждой женщины все во мне переворачивается. Я схожу с ума. Как голодный волк, я рыскаю вокруг них».

От себя добавим, что в 1926 г. Геббельсу было уже как-никак 28 лет.

Несправедливый Версальский мир обрек население Германии на неслыханные тяготы. Инфляция и безработица сотрясали страну. И особенно трудно было молодежи.

Но дело не только в том, что люди испытывали постоянную нужду. И даже не в том, что фронтовики, прошедшие школу жестокости на полях первой мировой войны, представляли собой огромную резервную армию для дестабилизации жизни. Дело еще и в тех унижениях, истинных и мнимых, которые пришлось пережить побежденной Германии. Умеренные буржуазные политики не желали этого понять. Они считали, что в основе основ «смутного времени», наступившего в стране, лежит экономика. Дескать, оздоровление экономики снимет все проблемы как политического, так и идеологического свойства.

Но народ хотел не только насытиться. Он хотел прежде всего *уважения, равноправия*. Того, что мы называем сейчас *социальной справедливостью*. К тому же социальной справедливости и на международной арене. Однако в первую голову надо было, чтобы богатые и удачливые в собственной стране перестали третировать бедных и неудачливых.

Это прекрасно усвоили экстремисты всех мастей. Они сумели использовать в своих интересах недовольство народа, накопившуюся в нем ненависть. И направить эту ненависть в нужное им русло, попытаться дать немецкому обывателю какие-то примитивные, но «зажигательные» лозунги. Недаром Геббельс в ту пору беспрестанно повторял реплику из драмы Вольфганга Гетца: «Дай нам Боже цели — безразлично какие». А сам писал в «Михаэле»: «Не так важно, во что мы верим, важно, что мы верим».

* * *

Грегор Штрассер, первый хозяин и кумир Геббельса, — аптекарь из провинциального города Ландсхута, был левым национал-социалистом. В основе довольно расплывчатой программы его и его брата Отто лежала ненависть к богачам, особенно к спекулянтам, нажившимся на войне. Братья Штрассер призывали покончить с путами Версаля, экспроприировать «неправедные» капиталы и т. д.

Вместе с тем уже сам факт, что Штрассер кооперировался

с Людендорфом, достаточно красноречив. Именно Людендорф, который наряду с Гинденбургом был самым влиятельным генералом в годы войны 1914—1918 гг., стал послевоенным «героем» для широкого слоя немецкого бюргерства. Он был одним из тех, кто придумал легенду об «ударе ножом в спину», то есть о том, что мир в Версале был заключен не вследствие проигранных сражений, а в результате «предательства» левых сил, социал-демократов, коммунистов, интеллигентов. Людендорф же был автором кабальных условий Брестского мира для большевистской России. И наконец, ему принадлежала чрезвычайно «плодотворная» идея о том, что русскую революцию организовали «назло Германии» еврейско-масонские заговорщики.

На склоне лет Людендорф так заврался, что объявил, будто Моцарта и Шиллера убили... «чекисты неких надгосударственных сил», то есть опять же, по-видимому, «чекисты евреев и масонов»¹. Под конец жизни генерал-экстремист явно заболел манией преследования и вышел из игры.

После зарождения национал-социализма, особенно после того как Гитлер попал в тюрьму-санаторий и начал писать там свой теоретический труд «Майн кампф», первым человеком в нацистском движении стал Штрассер, хотя формально Гитлер передал всю полноту власти Альфреду Розенбергу. Грегор Штрассер был сильный организатор и хороший оратор. Он имел множество сторонников и, как сказано выше, сколотил весьма мощную партию, которая заполучила даже собственное издательство «Кампфферлаг». С 1924 г. он возглавлял нацистскую фракцию в рейхстаге, на которую оказывал большое влияние.

К этому человеку и примкнул Геббельс. И стал не просто сотрудником Штрассера, но и его горячим поклонником. Для Геббельса Штрассер был прежде всего человеком с ярко выраженными «антикапиталистическими устремлениями», «борцом против капитала». Соответственно он и высказывался о Штрассере: «Какой прекрасный парень этот Штрассер», «Как с ним хорошо,

¹ Дабы не снижать образа Людендорфа в глазах обывателей, его ближайшие друзья объявили, что он подпал под влияние второй жены и потому стал проповедовать чересчур «радикальные» идеи. Как ни удивительно, это спасло генерала. Гитлер не принимал его всерьез и, когда начал расправляться со своими бывшими союзниками, оставил Людендорфа в покое. Тот умер своей смертью и даже был удостоен государственных похорон.

какой он надежный друг». Сам себя он воспринимал в ту пору «революционером», «порождением протеста». «Мы верны до конца революции и протесту,— возвещал он в дневнике.— Мы стремимся раз и навсегда пересмотреть все ценности». И далее: «Люди ужаснутся радикализму наших требований». Но самым странным из провозглашенного Геббельсом в то время кажется сейчас лозунг: «Лучше погибнуть на стороне большевиков, чем обречь себя на вечное рабство на стороне капиталистов». В письме «К моему левому другу» Геббельс еще более явно заигрывал с коммунистами. «Мы боремся друг против друга,— сетовал он,— боремся, не будучи врагами. При этом наши силы распыляются, и мы никогда не приходим к цели. Быть может, последнее несчастье сведет нас воедино. Быть может!..» Таких высказываний в ранних писаниях Геббельса очень много... Не меньше там и уничижительных и язвительных замечаний по адресу мюнхенской верхушки и Гитлера, который после выхода из тюрьмы всячески пытался ослабить позиции Штрассера и его приверженцев. Геббельс и здесь на «переднем крае»: обличает «мюнхенских бонз».

В 1925 г. группа Штрассера открыто выступила против главного «мюнхенского бонзы» — Гитлера. 22 ноября Штрассер и его команда собрали в Ганновере конференцию, на которой требовали пересмотра старой программы НСДАП, пресловутых «25 пунктов», собранных с бору по сосенке на заре нацистского движения. На эту конференцию сторонников Штрассера Гитлер, разумеется, не явился — он не терпел возражений, а конференция обещала быть бурной.

Это не значило, однако, что Гитлер был заинтересован в старой программе, сочиненной еще Федером и Дрекслером. Она была ему глубоко безразлична. Но отнюдь не безразлична была Гитлеру чужая инициатива, создание фракций, возможность перегруппировки сил. Инакомыслие он подавлял в самом зародыше. Штрассера Гитлер хотел припереть к стене, а потом и поставить к стенке. Но до этого еще должно было пройти почти десять лет. А в 1925 г. события развивались так: Штрассер и его люди, что называется, «выпустили пар». Один из участников конференции, видимо, Руст, прокричал даже: «Пора исключить из национал-социалистской партии мелкого буржуа Гитлера»¹. После этого Штрассер распространил

¹ Эти слова Геббельс немедленно присвоил себе. И с тех пор они вошли в историю как заявление будущего министра пропаганды. Что, по-видимому, не соответствует действительности.

наметки новой программы, и участники конференции договорились встретиться позже. Но Гитлер их опередил. Уже через три месяца он созвал свою конференцию в Бамберге, хорошо подготовился к ней и быстро овладел положением. Штрассер отвечал на обвинения Гитлера вяло. А все остальные участники собрания в Бамберге из числа штрассеровцев смотрели на Геббельса, к тому времени самого яркого антигитлеровца, ждали, что скажет он. Но Геббельс предпочел промолчать.

Так был подавлен бунт «левых». Уже 5 марта 1926 г. тот же Штрассер «покаялся» — распространил письмо, в котором просил «уважаемых партайгеноссен» вернуть ему набросок программы, так как он «обещал господину Гитлеру полностью изъять его из обращения».

Но все-таки, почему промолчал Геббельс?

Неизгладимое впечатление на него произвел, видимо, не только Гитлер и уж тем более не его окружение — неотесанное, хамски-грубое. Геббельса потрясли материальные возможности фюрера, весь уклад гитлеровского «двора».

Дело в том, что, стакнувшись с теми самыми «капиталистами», для уничтожения которых Геббельс собирался устраивать революцию, Гитлер и впрямь получил изрядные средства. Надо отметить также, что этот жестокий и бессовестный диктатор, который мог убить лучшего друга (Рема) и первого помощника (Штрассера), умел, когда надо, льстить, обхаживать, даже заискивать. Случай с Геббельсом был не из самых сложных в его практике. Геббельса оказалось достаточно поманить пальчиком. Стоило Гитлеру обнять его при всех, посадить в свою машину, пригласить погостить в Мюнхен и в Берхтесгаден, как сей импульсивный молодой человек записал в дневнике: «Гитлер — гений», «Адольф Гитлер, я люблю тебя!»

И все-таки интересно проследить, как проходило «завоевание» Геббельса Гитлером. Факт этот любопытный и примечательный. Геббельс был в то время мелким функционером, известным лишь узкому кругу людей. Однако Гитлер сразу распознал в нем человека, которого он сумеет противопоставить Штрассеру, признанному партийному лидеру. Да и сам процесс «завоевания» небезынтересен. В основе его лежит, естественно, подкуп. В годы войны Гитлер и его присные очень возмущались коррупцией, царившей в кругу нацистских чиновников. На самом деле гитлеровская верхушка, защищенная от

критики, надежно отгороженная от широких масс, была коррумпирована с самого начала. И все же объяснять все подкупом, пусть подкупом, так сказать, «интеллектуального плана» — предоставлением возможности проявить себя, попасть в «высшие сферы», быть участником «великих дел», — слишком примитивно. Гитлер и впрямь умел «завоевывать души», особенно тщеславные души.

Вот что писал Геббельс, разумеется, в свойственной ему напыщенной манере: «Я стою перед ним потрясенный. Вот какой он: милый, добрый как ребенок, умеющий сострадать. И как кошка — хитрый, умный, изворотливый, и как лев — громко рыкающий, огромный; он гигант. Настоящий парень, мужчина. Говорит о государственных делах. После обеда о завоевании государства и смысле политической революции. Как пророчески звучит это... А на небе белое облако приобретает очертания свастики... Знак судьбы!»

А вот другая весьма характерная запись, также по горячим следам событий: «Мы едем на машине к Гитлеру. Он как раз за едой. И тут же вскакивает, вот он уже с нами. Жмет мне руку. Как старый друг...» Или далее: «Гитлер здесь. Моя радость велика. Он здоровается со мной, как старый друг. И он общается со мной. Как я его люблю. Ну и парень!.. Он дает мне свое фото. Пишет: «С приветом из Рейнланда»... Я хочу, чтобы Гитлер стал моим другом. Его фото стоит у меня на столе...»

* * *

Первый период карьеры Геббельса кончился. Он переметнулся от Штрассера к Гитлеру. Окружение Штрассера подвергло его остракизму. Зато для таких, как нацистский фюрер, ренегатство было всегда в цене. И Гитлер в начале ноября 1926 г. назначил Геббельса гаулейтером Берлина. Пост этот был хотя и почетный, но сложный.

Главная закавыка заключалась в том, что Берлин являлся «вотчиной» братьев Штрассер. Там они издавали свою газету. Там у них были опорные пункты. Бывший гаулейтер Берлина, чиновник, совмещавший свой партийный пост с работой в государственном учреждении, особых амбиций не имел и «ходил под Штрассерами». Что касается Геббельса, то ему был предоставлен шанс сокрушить Штрассеров или, во всяком случае, сильно

потеснить их. Именно этого желал Гитлер, делая бывшего сотрудника Грегора Штрассера гаулейтером Берлина.

Но прежде всего Геббельсу надо было покончить с собственным прошлым, в корне пересмотреть прежние взгляды, переоценить ценности.

И Геббельс не преминул это сделать... Он во второй раз пересочинил свою биографию. Решительно вычеркнул из памяти (а впоследствии и из своих сочинений) все, что писал и проповедовал до 1927 г.: рассуждения о том, что «классовая борьба — историческая необходимость», нападки на «раздутый до слоновьих размеров антисемитизм», пассажи, где он заигрывал с коммунизмом, а особенно статьи, где писал с уважением о Советской России.

Впрочем, нет ничего удивительного в том, что Геббельс не раз перекраивал свою биографию. Ведь впоследствии он станет перекраивать и историю Германии, и историю всего человечества...

И все же на одном пункте следует остановиться подробнее: Геббельс не был антисемитом. Во главу угла он ставил не расовую, а классовую борьбу. Но пришла пора, и он повернул ровно на 180°. И вписал в свой дневник абзац: он, дескать, физически не выносит евреев... Притом не подумал, что даже беглое знакомство с его предыдущей жизнью свидетельствует об обратном. Профессор Гундольф был евреем. И хотя этот человек с Геббельсом не сблизился, Геббельс его почитал. Докторскую диссертацию сей юдофоб писал у Макса фон Вальдберга, чистокровного «неарийца». Наконец, невеста Геббельса была наполовину еврейкой. И только перед отъездом в Берлин Геббельс с ней порвал. Нельзя не упомянуть и о том, что будущая жена Геббельса Магда Квандт воспитывалась в доме отчима — богатого еврея Фридлендера... Словом, Геббельс — красноречивый пример того, что государственный антисемитизм и политика геноцида, проводимая Гитлером и другими нацистскими фюрерами, в том числе Геббельсом, не имеет ничего общего с бытовым антисемитизмом, свойственным иногда простому люду в силу его темноты и озлобленности.

Итак, на первом этапе Геббельс переменял хозяина и соответственно свою личную программу.

* * *

После недолгих сборов будущий гаулейтер прибыл в Берлин. Был ноябрь 1926 г., относительно благополучный в послевоенной истории Германии.

Карьера Геббельса как «гениального» мастера пропаганды только начиналась. Сие надо особо подчеркнуть, ибо на Западе существует немало историков, в том числе Иоахим Фест, которые вообще ставят знак равенства между гитлеризмом и пропагандой. Историки эти уверяют, что если нацизм и открыл нечто новое, то это была именно пропаганда. С ними никак нельзя согласиться. Гитлер и его сатрапы с самого начала создали модель всеобъемлющей тирании, систему тотального подавления личности. В этом было «новое».

Однако правда заключается и в том, что не страхом единым держался «третий рейх». Гитлер, Геббельс и другие нацисты разных рангов «изобрели» и бесчисленное количество мифов. Они задурили, оболванили, одурачили, одурманили 70-миллионный народ настолько, что миллионы людей вообще перестали понимать, где правда, а где ложь, где черное, а где белое. И одним из тех, кто варил это адово зелье, бросавшееся людям в голову, одним из тех, кто создавал обстановку массового психоза в стране, был, конечно, Геббельс. Отчетливо видно это на примере Берлина.

Попробуем перенестись мысленно в те давние времена. Геббельс прикатил в столицу Германии, получив, так сказать, мандат от Гитлера. Мандат от мало кому известного мюнхенского горлопана, главы кучки полууголовников, которого только-только начали субсидировать крупные промышленники. А Берлин был высокоцивилизованной столицей высокоцивилизованной державы, где процветали науки и искусства, где жили и творили ученые, художники, писатели, артисты с мировыми именами. Наконец, это был город, где большую роль играли социал-демократы, коммунисты и рабочие профсоюзы. Притом партии трудящихся имели свои сплоченные, хорошо обученные организации для отпора контрреволюции: Рейхсбаннер у социал-демократов и Роткемпфербунд у коммунистов.

Между тем единственная цель, которую ставил себе Геббельс,— это завоевание Берлина. Ни больше ни меньше!

Что же ждало его в столице Германии?

Небольшой нищий офис, помещавшийся в полуподвале. Впоследствии Геббельс окрестил его «опиекурильней» и жаловался на грязь, дым от дешевых сигарет, спертый воздух. И еще его ждала тысяча членов НСДАП, безработных, выбитых из колеи людей. Плюс к этому

кучка штурмовиков, опять же деклассированных громил, под руководством Далюге и Стеннеса, которые вообще не признавали никакой власти.

Начал Геббельс с того, что поразгонял своих «партай-геноссен», благо такое право Гитлер ему дал. Если верить английским историкам Френкелю и Мелвиллу, то на первых порах у Геббельса осталось немногим больше половины нацистов — 600 человек, а если западногерманскому историку Хайберу, то и вовсе всего 200. Со штурмовиками новый гаулейтер обошелся осторожнее, без охраны вооруженных молодчиков он оставаться не желал. Правда, часть коричневорубашечников сама отсеялась с приходом нового гаулейтера. Проведя чистку, Геббельс заявил, что «можно начинать штурм Берлина».

Что, собственно, это значило?

Из высказываний Геббельса того периода можно понять, что он, так же как и Гитлер, под «штурмом» и «борьбой» подразумевал одно — заставить о себе говорить, получить известность, даже самую скандальную! А затем запугать.

«Пускай они (враги.— Л. Ч.) осыпают нас бранью, проклинают, борются с нами, убивают,— восклицал Геббельс,— но они должны о нас говорить. Нас в Берлине 600, через 6 лет должно быть 600 тысяч».

Но как заставить о себе говорить? И на это был свой «рецепт»: устраивать побоища, погромы, резню. Чем больше жертв, тем лучше, уверял Геббельс и выбросил лозунг: «Вперед через могилы».

Приведем только несколько примеров геббельсовской «пропаганды» на первом этапе.

Зал для собраний «Маяк» в Веддинге издавна считался местом коммунистических митингов. Веддинг был рабочим кварталом Берлина. Недаром его называли «Красным Веддингом». И вот Геббельс созвал в «Маяке» *свое* собрание. Естественно, собрание кончилось небывалой дракой, о которой написали все берлинские газеты. Двенадцать раненых нацистов Геббельс водрузил на носилки и перенес на сцену. Приблизительно то же самое происходило на каждом собрании. А если жертв не оказывалось, на носилки клали здоровых молодчиков, предварительно забинтовав их с головы до пят.

Пример второй. 20 марта 1927 г. на вокзал в Берлин прибыли 23 коммуниста. Их встретили 700 штурмовиков и жестоко избили. После чего коричневые бандиты отправились на Курфюрстендамм, где устроили погром:

характерно, что верзили с дубинками «работали» группами, приставая к людям еврейской внешности, старым и слабым на вид. Геббельс называл это «концентрированной пропагандой».

«Концентрированная пропаганда» проводилась и на митингах. Если кто-то просил слова, возражал, выражал свое несогласие, на него набрасывались сразу несколько штурмовиков и избивали. Однажды произошел неприятный для Геббельса казус. Его подручные избили... бывшего пастора за то, что тот сказал Геббельсу: «Вы тоже не очень-то похожи на арийца».

Митинги тщательно готовились. Город заблаговременно оклеивался огромными плакатами ярко-красного цвета. Их в среде нацистов называли «обои». На плакатах писали всякую чушь, к примеру: «Император Америки говорит в Берлине». Это изображалось огромными буквами. Ниже буквами поменьше шли дежурные нападки на план Дауэса и план Юнга. Еще ниже, уже литерами побольше, сообщалось, что доктор Геббельс будет говорить по такому-то адресу. «Все желающие приглашаются на митинг».

Придумал Геббельс и ритуал митингов, всегда один и тот же. («Как богослужение в церкви», — говорил он.) Задолго до митингов в зал вносили флаги, штандарты. Штурмовики занимали заранее намеченные места, рассредоточивались. Геббельс не показывался до тех пор, пока зал не заполнялся до предела. Но и после этого он выжидал минут пятнадцать. А в это время атмосфера накалялась, люди пели «зажигательные» нацистские песни и марши. Но вот наконец появлялся и сам гаулейтер. Не со сцены, а из противоположной двери. И обязательно в сопровождении здоровенных молодчиков чисто «арийской» внешности. Клакёры устраивали овацию. И Геббельс медленно совершал «проход» из дальнего конца зала до трибуны.

Историки передают рассказ Отто Штрассера, наблюдавшего за дебютом Геббельса в Берлине. Штрассер присутствовал при том, как собрание ждало опаздавшего Геббельса и как новый гаулейтер подкатывал к залу на такси. После чего сделал замечание Геббельсу, сказав, что бестактно заставлять публику ждать и не позволительно разъезжать на такси, если большая часть участников собрания безработные. На это Геббельс ответил: «Вы, по-моему, ничего не понимаете в пропаганде, милый доктор. Вы считаете, что я не должен был брать

такси. Конечно, вы правы, надо было взять два такси, второе для моего портфеля. Ведь на людей следует производить впечатление... И надо заставлять их ждать...»

Бесконечные «зальные» и уличные побоища («кому принадлежит улица, тому принадлежит власть», — вещал Геббельс), хулиганские выходы в публичных местах и впрямь приносили новому гаулейтеру скандальную славу. О нем действительно заговорили. Но, увы, он перегнул палку. 5 мая 1927 г. власти запретили партию нацистов и СА в Берлине, а потом наложили запрет и на выступления Геббельса. Демагог-оратор, надеявшийся только на собственную глотку и на кулаки штурмовиков, сразу потерял почву под ногами.

Этот сильный удар гаулейтеру Берлина удалось преодолеть лишь с помощью хитрых маневров. Впрочем, такими ли уж хитрыми они были?

Вот Геббельс без конца меняет вывески штурмовых отрядов. То они называются «Пинке-Пинке»¹, то «Клуб игроков в кегли», то «Союз пловцов», то «Каждый девятый», то «Высокая волна», то «Рак в иле» (оба последних общества маскировались под общества рыболовов), то «Клуб путешественников», то «Старый Берлин».

Разумеется, все это делалось под носом у полиции и даже не так уж скрывалось. Но, известно, демократия не умеет себя защищать. Формально рыболовы, игроки в кегли, путешественники и любители старины имели право собираться и создавать свои организации. Однако стоило только бегло ознакомиться с составом этих организаций, и можно было сразу понять, что в них подвизаются те же самые коричневорубашечники, которые вовсе не намерены были удить рыбу, играть в кегли и изучать берлинскую старину. Нетрудно было догадаться и о том, что это — тогдашняя «Память», боевики, ставящие своей задачей насильственное свержение демократии. И уж вовсе ясно было, что за коричневой «Памятью» маячит Геббельс. Тем более что ни в какое подполье «хромой бес» не уходил и не собирался уходить. Наоборот, торчал у всех на виду. Кстати, он продолжал проводить сборища нацистов и штурмовиков — только увозил их за город, где они, так сказать, на свежем воздухе продолжали произносить свои человеконенавистнические речи.

¹ Слово это имеет много значений. В частности, его можно перевести как жаргонное «бабки», «монеты», то есть деньги.

Большим подспорьем стала для Геббельса газета, которую он начал выпускать после запрета партии. Газету он назвал «Ангриф», что в переводе означает «нападение», «атака», «штурм». Под заголовком стояли слова: «За угнетенных, против эксплуататоров». Но ведь написать можно все что угодно, а Геббельс без камуфляжа никогда не выступал. Впрочем, под «угнетенными», безусловно, подразумевались немцы, а под «эксплуататорами» — все остальные народы, особенно евреи.

Кроме «Ангрифа», газеты Геббельса (формально ее возглавлял Юлиус Липперт), в Берлине уже несколько лет выходила газета братьев Штрассер «Берлинер арбайтерцайтунг», имевшая своих постоянных читателей. Как же в этих условиях повел себя Геббельс? Очень просто. Объявил войну газете Штрассеров. Люди Геббельса, в основном штурмовики, распространявшие «Ангриф», получили приказ преследовать и бить конкурентов. Таким образом, на улицах возникали жестокие драки между штрассеровцами и головорезами Геббельса.

В конце концов Геббельс пригрозил Штрассерам, что штурмовики «явятся в редакцию «Берлинер арбайтерцайтунг» и все там сокрушат». Пришлось вмешаться Гитлеру, который, естественно, был на стороне Геббельса. Но Штрассер сильно обескуражил нацистского фюрера, открыв ящик письменного стола и показав, что он прекрасно вооружен. При этом Штрассер сказал, что он будет убивать громил без пощады. Пистолетов боялись и Гитлер, и Геббельс. На берлинских улицах, где продавались газеты Геббельса и Штрассеров, стало тихо.

«Ангриф» был газетой малограмотной, к тому же совершенно неприличной. Только сам Геббельс кое-что смыслил в журналистике, остальные вообще не умели связать двух слов. Но и круг читателей у «Ангрифа» был соответствующий. Наглые передержки, грубые нападки на общественных деятелей, казарменный юмор, сальные остроты, откровенная ложь не только сходили с рук, но и вызывали полное одобрение.

Самым большим успехом своей газеты Геббельс считал «концентрированную кампанию» против вице-президента Берлина, начальника берлинской криминальной полиции Вайсса. Вайсс в молодости был студентом-корпорантом (воякой), потом стал фронтовиком, получил Железный крест I класса, после войны вышел в отставку в офицерском чине. Единственный «недостаток» Вайсса заключался в том, что он родился евреем,

к тому же имел, как говорится, «типичную внешность». Перво-наперво Геббельс переименовал Бернгарда Вайсса в «Исидора». После чего начал буквально травлю «Исидора». «Ангриф» был полон издевательств над «Исидором». Кроме «Ангрифа» выходили сотни листовок, склонявших имя «Исидора», а в 1928 г. Геббельс выпустил «Книгу Исидора».

Большую помощь в выпуске газеты и в «деле Вайсса», а впоследствии и во всей пропаганде, оказывал Геббельсу художник-карикатурист под псевдонимом Мьёлльнир¹. За Мьёлльниром скрывался некий Ганс Швейцер. Швейцер создал несколько примитивных и пошлых масок, которые продержались двенадцать с половиной лет нацистской диктатуры. Пока что их изо дня в день печатал «Ангриф». Что же это за «маски»? Маски жирного Плутократа — иностранца, Еврея, уродливого карлика с плотоядным оскалом, и Истинного арийца — широкоплечего мускулистого детины с ничего не выражавшим лицом, в рубашке с открытым воротом. Естественно, что Мьёлльнир изо дня в день изображал Вайсса.

Некоторые историки на Западе уверяют сейчас, что у «Исидора» не хватило чувства юмора. Он, дескать, сердился на травлю, вместо того чтобы посмеяться вместе с нацистами. Вот и получается, что у Вольфа, издателя «Берлинер тагеблатт», не хватало сострадания к безработному Геббельсу, а у Вайсса — чувства юмора. В действительности Вайсс был повинен в одном: не сумел с помощью данной ему полицейской власти раз и навсегда заткнуть пасть Геббельсу.

«Концентрированная пропаганда» против доктора Вайсса принесла нужные плоды: он подал в отставку. А Геббельс еще раз ощутил свою безнаказанность. Но настоящую победу гаулейтер Берлина отпраздновал тогда, когда с нацистской партии сняли запрет — 31 марта 1928 г., накануне очередных выборов в рейхстаг.

Геббельс издевался над своими благодетелями, веймарскими политиками: «Им не хватило масштабности и brutality для беспощадного и кровавого преследования».

¹ Мьёлльнир — в древнегерманской мифологии молот бога Тора, а все атрибуты древних богов, например копье Одина Гунгнир, золотое кольцо Драупнир, священный корабль Скидбладнир высоко почитались у германцев и были даже объектами войн. Таким образом, мы видим, что еще до захвата власти Геббельс и его ближайшие сотрудники показывали свою приверженность к старине в любом грязном деле.

На выборах 1928 г. Геббельс стал депутатом рейхстага от Берлина. «Мы приходим в рейхстаг,— заявил он тут же,— не как друзья, даже не как нейтралы, а как враги...» «Мы приходим как волки в овечье стадо». И далее: «Я не ЧР (член рейхстага), я ОН — обладатель (депутатской) неприкосновенности и бесплатного билета». Умолчал Геббельс лишь о том, что отныне получал 750 марок ежемесячно — совсем неплохое жалованье для неудачника из Рейдта...

Из «концентрированных» кампаний особо гордился Геббельс кампанией по посмертному возвеличению некоего Хорста Весселя, приобщения его к лику святых мучеников. Миф о Хорсте Весселе был создан в 1930 г., но оказал влияние на всю пропаганду в «третьем рейхе».

Хорст Вессель после Шлагетера, воевавшего с французскими оккупационными властями в Руре, стал кумиром всех реакционных, шовинистических сил в Германии, в том числе и нацистов. Но в отличие от Шлагетера смерть Хорста Весселя не имела никакого отношения к политике. Правда, Геббельс настолько запутал и извратил истинные обстоятельства дела, что некоторые западные исследователи уверяют, будто Весселя убил ненавистник-коммунист. Однако наиболее объективные историки понимают, что это было сведение счетов отнюдь не по политическим или идеологическим мотивам.

Хорст Вессель был недоучившийся студент, человек дна, с семьей он порвал, ибо его порядочные родители не могли примириться с образом жизни сына. Отец Хорста был пастором. Родился Вессель в 1907 г., в 1926 г. вступил в нацистскую партию. Хотя какая была тогда партия — просто кучка правых экстремистов! 14 января 1930 г. Хорста Весселя убили в квартире его сожительницы, проститутки Эрны Енике. Убийство было совершено на почве ревности или, скорее, на денежной почве: Вессель претендовал на заработки Енике, что не желал признавать другой сутенер. По-видимому, между ними произошла поножовщина, ибо убийца Весселя отделался на суде семью годами тюремного заключения. Словом, уголовщина! Единственный козырь Геббельса заключался в том, что среди вещей убитого был найден вставленный в пишущую машинку лист с несколькими строфами. (По другим источникам, строфы были уже напечатаны в «Ангрифе».) Сперва Геббельс читал стихи Хорста Весселя на всех собраниях и митингах, посвященных его «кончине от рук врагов». Потом их стали

петь на мотив старой матросской песни. Наконец «Песня Хорста Весселя» была стараниями Геббельса превращена в партийный гимн. После официального гимна «Германия, Германия превыше всего...» пели «Песню Хорста Весселя», «мученика за идею», «Великого героя» и «Великого поэта».

Естественно, Хорст Вессель удостоился пышных похорон, и легенда о безвинно убиенном «идеалисте» пошла гулять по Германии.

Надо сказать, что желание иметь своего «мученика» давно зрело у Геббельса. И попытку «организовать» такового он сделал уже в 1928 г., после митинга, на котором выступал Гитлер. Кассир, продававший билеты на сие представление, напился и не вернулся домой. Труп его нашли в Ландверовском канале. Тщательное следствие показало, что пьяный кассир Кутенмайер либо нечаянно свалился в воду, либо покончил жизнь самоубийством (он оставил соответствующую записку жене). Однако Геббельс сочинил свою легенду: будто бы Кутенмайера затащили в такси коммунисты и там зверски убили, а труп сбросили в Ландверовский канал. Как видим, фантазия у Геббельса была очень небогатая — именно так расправились контрреволюционеры с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. Однако сказка Геббельса не получила распространения. Время было не то. Зато миф о «загубленном Хорсте Весселе» оказался живучим. В 1930 г. бушевал экономический кризис, кривая безработицы неудержимо ползла вверх, обстановка в Германии снова дестабилизировалась, и озлобленные люди готовы были поверить любой чуши. Да и Геббельс поднаторел в своем деле. Кроме того, Хорста Весселя действительно убили, и кое-какие стишки он все же сочинил. Стишки, которые прекрасно пелись на незамысловатый маршевый мотив и давали пищу темным инстинктам, озлобленным душам.

После первого «мученика» — Хорста Весселя дело у Геббельса пошло. В январе 1932 г. появился новый кумир — на сей раз подросток, мальчик из «гитлерюгенда» Герберт Норкус. Тут берлинский гаулейтер особо обыгрывал то обстоятельство, что «коммунисты» и «плутократы» убили невинного ребенка! Герберта Норкуса сменил другой подросток — Вагниц. В обоих случаях нацисты проявили двойное кощунство: мало того, что они вовлекали детей в кровавые драки, очень часто науськивали на родных — на отца с матерью, они еще и спекулировали на их детской беспомощности...

Вот что писал в «Ангрифе» Геббельс о Герберте Нор-

кусе. «В безутешных серых сумерках желтеет лицо с опущенными веками. Нежная головка растоптана — кровавое месиво. Длинные глубокие раны рассекают все худенькое тельце, смертельный удар ножом пришелся на легкие и сердце... Усталые черные сумерки. Из остеклевших глаз смотрит пустота смерти. Две белые ручки сложены на узкой мальчишечьей груди... Тишина зловеще глубока». Однако через несколько строк эта тишина прерывается детским голосом, «как бы говорящим с нами из вечности».

Вся эта ложь и безвкусица подогревала страсти. Уже тогда Геббельс показал всю меру своей бессовестности. У этого человека воистину не было ничего святого. Второго подростка — Вагница, убитого в поножовщине, затеянной нацистами, он возил в гробу три часа по берлинским предместьям, а потом заставил своих штурмовиков до темноты дефилировать перед открытой могилкой жертвы его собственной политики.

Вообще накануне прихода к власти похороны и создание посмертных мифов стали одним из главных пропагандистских приемов Геббельса.

Однако не только над мертвыми измывался будущий министр пропаганды. Нельзя не отметить его хулиганскую акцию против фильма по знаменитому роману Ремарка «На Западном фронте без перемен». Произошло это 5 декабря 1930 г. В первый же раз, как фильм пошел на открытом экране (на просмотр люди приходили по приглашениям) в одном из крупнейших кинотеатров Берлина, нацисты начали бросать «бомбы» из нечистот и пускать белых мышей. Сеанс пришлось прекратить. Все было проще простого: Геббельс заранее скупил большое число билетов на фильм и, соответственно «вооружив» своих молодчиков, рассадил их по всему залу.

В последующие пять вечеров тот же Геббельс окружил кинотеатр штурмовиками — их были десятки тысяч. 11 декабря 1930 г. фильм был запрещен во всей Германии из-за того, что «наносит ущерб репутации страны». И якобы требование о запрещении шло «снизу», «от народа»¹.

¹ Позже ведущая кинокомпания Германии УФА пыталась сделать купюры в этой американской ленте, чтобы хоть в урезанном виде познакомить с ней широкую публику. Но нацисты каждый раз вмешивались, и УФА, а с ней и вся прогрессивная общественность Германии подчинились хулиганскому диктату Геббельса. Особенно обидно Геббельсу было то, что Ремарк, этот страстный пацифист, был не евреем, а «чистым арийцем», куда более похожим на «классического германца», нежели и Геббельс, и Гитлер.

Если в случае с фильмом по Ремарку Геббельс скупил билеты, то в октябре 1932 г. он просто подделал билеты на предвыборный митинг, где должен был выступать вместе с депутатами партии «немецких националов». Когда законные обладатели билетов на этот митинг явились, выяснилось, что их места в зале заняты! И эта бандитская выдумка Геббельса тоже оказалась успешной.

Тем не менее, по свидетельству биографа Гитлера Хайбера, в 1930—1932 гг., то есть в годы наиболее интенсивной предвыборной борьбы и политических интриг нацистов, Геббельс «по сравнению с такими людьми, как Геринг и Фрик, играл третьестепенную роль». Тем не менее он ее играл. И, таким образом, после победы претендовал на свою долю «политического пирога».

Но самое главное, что за это время — с 1928 по 1933 г. — Геббельс прошел политическую школу а-ля нацистская партия — школу предательства, кровавых интриг, бессовестности.

И основной вывод, который он, на мой взгляд, сделал из «учения» нацистов, заключался в следующем.

Никакой спонтанности, никаких неожиданностей. Никакой импровизации! Все митинги, сборища, манифестации, погромы, «взрывы чувств», все кампании должны быть заранее подготовлены, продуманы, инсценированы. Каждый штурмовик, каждый боевик должен стоять на своем точно указанном месте и в точно указанное время выкрикивать заученные лозунги. Если надо кого-то поколотить, припугнуть, а то и пырнуть ножом, то и тут все должно проходить по расписанию. Вскакивать с мест, кричать «Хайль» и устраивать овации следует по знаку, данному вышестоящим.

Гитлер и Геббельс, пожалуй, первые в истории научились управлять толпой таким образом, что она этого даже не замечала. Но не спонтанно, а по заранее созданному сценарию ¹.

Захватив власть, они получили возможность испробовать эти свои «открытия» на 70 миллионах немцев. А что касается Геббельса, то на его долю выпала одна

¹ Кстати, западных историков почему-то удивляет, что Геббельс произносил свои «пламенные речи», заранее их выучив и прорепетировав, иногда даже перед зеркалом. Конечно он, как и Гитлер, чувствовал аудиторию. Но в основе речей лежал холодный расчет. Будучи человеком хвастливым, Геббельс иногда сообщал своим друзьям и любовницам, что в определенном месте он скажет то-то и то-то. И все поражались, как среди потоков красноречия он и впрямь говорил то-то и то-то.

из труднейших задач: формирование новой «идеологии» вандализма и нигилизма, бездуховности и слепого послушания.

* * *

Первый вопрос, который невольно возникает, когда рассматриваешь события на «культурном фронте» Германии после рокового 30 января 1933 г., таков: «А была ли у нацистской партии какая-нибудь программа культурной революции?»

Думается, точно сформулированной и зафиксированной в одном каком-нибудь документе не было. Однако чтение «теоретических» работ нацистов — «Майн кампф» Гитлера или «Мифа XX века» Розенберга, равно как и многочисленных статей Геббельса, Дарре и других видных деятелей НСДАП показывает, что основные линии нацистской культурной политики были выработаны еще в 20-х годах. Но они казались настолько, мягко выражаясь, несуразными, что ни в самой Германии, ни в Европе их не принимали всерьез.

Во-первых, нацисты намеревались очистить германскую культуру от «неарийских» элементов. Из литературы, музыки, живописи, архитектуры, из физики, математики, биологии удалить всех до единого евреев. Не допускать в музыку «негроидов» — джаз, а также чуждую немецкому духу атональную музыку. То же, разумеется, относилось и к авангарду в других искусствах. И их не пускать.

Во-вторых, насадить наглый шовинизм. Если можно так выразиться, шовинизм крови, расы. Доказательств на эту тему тьма, многие высказывания гитлеровцев уже приводились и в нашей печати. Ограничимся поэтому словами не «теоретика», а практика — «имперского комиссара Украины» Эриха Коха, который, приступив к своим обязанностям, закрыл на Украине все школы. И вот этот-то Кох вещал в 1943 г. в Киеве: «Мы должны понять, что самый последний немецкий рабочий в расовом и бытовом отношении в тысячу раз ценнее, чем здешнее население» (население Украины). Для Коха народы СССР были славянскими «недочеловеками». Почти столь же презрительно нацисты третировали и население Чехословакии и Польши, Югославии, а также США. «Мы — раса господ» — таков был пароль гитлеровской шайки. По их разумению, вся культура была создана

немцами — нордической расой, германцами. По существу, это основная мысль и «Мифа XX века», разбухшей от пустопорожних рассуждений «основополагающей» работы Розенберга.

В-третьих, вернуть культуру из «асфальтовых джунглей» (литературу 20-х годов Геббельс именовал «литературой асфальта») на родную немецкую почву. Чистая нордическая кровь должна была воссоединиться с чистой нордической почвой. «Blut und Boden» — кровь и почва, сокращенно «блюбо». В это понятие, придуманное, кстати, Дарре — первым министром сельского хозяйства фашистской Германии, вкладывался и некий мистический смысл: кровь, почва, древнегерманские руны, свастика — таинственные, связующие «арийцев» нити. Зов крови и зов предков, которые, по мнению нацистов, были куда слышнее немцу-селянину, нежели немцу-горожанину.

В-четвертых, решительная милитаризация всей культуры. Воспитание в мальчике, юноше, взрослом немце солдатских качеств — слепого послушания, дисциплины, военного честолюбия, желания стать героем грядущих войн. Эстетика казармы, солдатчины.

В-пятых, борьба с христианством, со всеми конфессиями. Особенно с католицизмом. Христианство пугало гитлеровцев тем, что оно столетиями являлось организующей и просвещающей народы силой. Церковный дух в Германии нацисты намеревались вытравить раз и навсегда, памятуя, что это был неприемлемый для них дух терпимости, доброты, милосердия. Главным на стезе борьбы с христианством был Розенберг, а не Геббельс. Именно Розенберг собирался уничтожить христианские праздники и христианские обряды, а на их месте возродить новые, якобы древнегерманские (языческие) верования и обряды. Взамен христианского календаря был придуман новый календарь, в частности, вместо пасхи — «праздник Солнцеворота». Свою лепту в это внес и главный палач третьего рейха Гиммлер, превратив эзэсовский замок в Падеборне в подобие языческого храма-капища¹. Борьба с христианством, умеряемая, впрочем, политическими соображениями (как-никак, Гитлер заключил с папой Пием XII конкордат!), велась одновременно с борьбой против масонства. Масоны не устраивали нацистов и своей «надгосударственной»

¹ Уже в 1934 г. были созданы первые «тинг площади» для массовых действ. У древних германцев это были площади для суда и народных собраний. Видимо, нацисты намеревались заменить «тингами» христианские храмы.

организованностью, а главным образом космополитизмом, считавшимся в коричневой Германии страшным грехом!

Нетрудно заметить, что пункты нацистской культурной программы выделены произвольно, на самом деле они были тесно сплетены: антисемитизм с крайним национализмом (шовинизмом), идея господства арийской расы с милитаризмом, милитаризация культуры с неприятием христианства с его заповедью «Не убий!».

Казалось бы, Германия была страной, менее всего пригодной для воплощения в жизнь подобной программы. В начале века в веймарские времена эта страна буквально поражала глубиной «культурного слоя», если выражаться языком археологов. В ней расцвели все «сто цветов». Лучшее в мире кино. Отличная живопись и архитектура. Достаточно назвать имена таких художников, как Либерман, Марк, Клее, Бекман, Кокошка, Барлах, Нольде, Кэте Кольвиц, и таких архитекторов, как Гропиус, Мейер, Мис ван дер Роэ, Беренс, Пауль. Небывалого расцвета достиг и театр — Германия породила двух режиссеров мирового класса — Макса Рейнхарда и Эрвина Пискатора и целое созвездие блистательных актеров: Марлен Дитрих, Вернера Крауса, Эмиля Янингса, Элизабет Бергнер, Грюндгенса, Терезу Гизе, Эрнста Гинсберга и многих, многих других. О литературе и говорить нечего: Томас Манн, Генрих Манн, Герман Гессе, Стефан Георге, Герхард Гауптман, Бертольт Брехт, Лион Фейхтвангер, Эрих Кестнер, Альфред Деблин, Оскар Мария Граф, Ганс Фаллада, Готфрид Бенн... Боже мой, какие имена! А музыка! Композиторы Хиндемит, Шёнберг (австриец по национальности, но накрепко связанный с немецким искусством), Рихард Штраус, Карл Орф. Дирижеры: Фуртвенглер, Отто Клемперер, Караян! Из философов назовем только трех — Карла Ясперса, Мартина Хайдеггера и Ханну Арендт... К этому надо добавить математиков, физиков — от Гана и Гейзельберга до Эйнштейна... на небывалом уровне были в веймарской Германии газеты, журналы и издательства, что всегда показывает культурный уровень общества. В публицистике действовали такие таланты, как Карл Осецкий и Курт Тухольский. Не забыть и университеты — по давней германской традиции они были не только учебными заведениями, но и культурными центрами, собиравшими вокруг себя интеллигенцию.

Вся немецкая интеллектуальная элита, воспитанная на лучших, вечно живых традициях европейской культуры (кстати, и на особенно почитаемой в тогдашней Германии

русской культуре), на традициях гуманизма, совершенно не вязалась с примитивными, милитаристски-расистскими «идеалами» нацистов. Кто из корифеев мог брать всерьез Гитлера с его чаплинскими усиками, чудовищными грамматическими ошибками, с его призывами со всеми расправиться, всех повесить? ¹ А тем паче Геббельса — уродливого колченогого скандалиста и хулигана, проповедовавшего чистоту расы, борьбу с «неполноценными народами», уничтожение «загнивающего искусства»?

Но вот Гитлер получил власть из рук «старого барина» Гиндербурга. Вот запылал рейхстаг, вот были провозглашены чрезвычайные законы. И молодчики в коричневой форме — люди Рема, Геринга и Гиммлера начали хватать евреев и коммунистов, социал-демократов и левых журналистов и заталкивать их в свои застенки — концлагеря (пока еще «дикие», а не «регулярные»).

Могла ли культура в эти дни варварства, вседозволенности и беззакония остаться нетронутой?

Геббельс и здесь не отстал от других соратников Гитлера — Геринга и Гиммлера.

И у него оказался «свой поджог рейхстага» — кошмарные костры из книг, запылавшие во всех университетских городах рейха. Пока штурмовики и аппаратчики огромного министерства «пропаганды и просвещения» усердно сбивали лепнину и сдирали бархатные портьеры в великолепном здании архитектора Шинкеля, отданного Геббельсу ², сам Геббельс долго и тщательно готовил операцию «Аутодафе». Якобы в интересах немецкого народа, от имени которого партия нацистов совершала все акты вандализма.

Это поистине поразительное шоу министр пропаганды устроил уже через три с небольшим месяца после

¹ Вот что пишет Клаус Манн в своем романе «Мефистофель» об отношении интеллигенции к Гитлеру. Актер Хефген — прототип Грюндгена — спрашивает себя: «Как? Хвастливый болтун, над которым так часто смеялись в кругу одухотворенных, прогрессивно настроенных товарищей, внезапно стал самым могущественным человеком в государстве?.. А ведь я был абсолютно уверен, что нацистов не стоит принимать всерьез! Ну и попал я впросак!»

² Дворец на Вильгельмплац был построен знаменитым архитектором Шинкелем для сына Вильгельма III. После этого он перешел к Леопольду, и иногда берлинцы называли его «дворец Леопольда». Интерьеры дворца поражали своей роскошью — там были «Лепной зал», «Красный зал», «Тронный зал», «Голубая галерея» и т. д. По приказу Геббельса с потолков старинных залов штурмовики сбивали лепные украшения, а со стен сдирали деревянную обшивку; газеты и документы они попросту выбрасывали.

захвата власти нацистами, точнее, через сто дней. Да, через сто дней в Германии запылали костры, на которых сгорели неугодные нацистам книги неугодных авторов.

* * *

В феврале 1933 г. главное управление прессы и пропаганды Немецкого студенческого союза — появилось в Германии и такое учреждение — сообщило, что с 12 марта по 10 мая пройдет «культпоход», точнее, «просветительский поход» *«против негерманского духа»*. Далее следовал такой текст:

«Еврейский дух, проявляющий себя во всей своей необузданности в мировом натравливании всех против вся и нашедший свое выражение также в немецких писаниях, должен быть искоренен, равно как и вообще либерализм. Немецкие студенты не хотят оставаться на почве бесплодного протеста, они хотят четких мер для образумливания и создания подлинно народных ценностей. Это выражено в 12 тезисах немецкого студенчества, которые с 13 апреля будут публично и недвусмысленно провозглашены:

1. Язык и письменность коренятся в народе. Немецкий народ несет ответственность за то, чтобы его язык и его письменность оставались бы чистым и нефальсифицированным выражением его народности.

2. Сейчас разверзлась пропасть между написанным и немецкой народностью. Это состояние — позор.

3. Чистота языка и написанного зависит от тебя! Твой народ передал тебе язык для сохранения.

4. Наш опаснейший враг — еврей и тот, кто у него в кабале.

5. Еврей может думать только по-еврейски. Если он пишет по-немецки, он лжет. Но и немец, который пишет по-немецки, а думает не по-немецки, — предатель. Студент, который пишет по-немецки, а думает не по-немецки, кроме того, бездумен и не знает своей задачи.

6. Мы хотим искоренить ложь, заклеить предательство, мы хотим создать для студенчества вместо очагов бездумия очаги дисциплины и политического воспитания.

7. Мы хотим обращаться с евреем как с чужим, а нашу народность брать всерьез. Поэтому мы требуем от цензуры:

еврейские произведения выходят только на еврейском языке. Если они выходят на немецком языке, их надо рассматривать как переводы. Строжайше запрещено употреблять готический шрифт. Готический шрифт только

для немцев. Немецкий дух должен быть искоренен из немецкой книжной торговли.

8. Мы требуем от немецкого студенчества показать волю и способность для самостоятельного осознания и решения.

9. Мы требуем от немецкого студенчества содержать в чистоте немецкий язык.

10. Мы требуем от немецких студентов проявить волю и способность для преодоления еврейского интеллектуализма и связанных с ним либеральных проявлений, ведущих к упадку немецкой духовной жизни.

11. Мы требуем отбора студентов и профессоров по надежности их мышления в немецком духе.

12. Мы требуем, чтобы немецкая высшая школа стала оплотом немецкой народности и полем битвы за немецкий дух.

В начале третьей недели нашей четырехнедельной акции начнется публичный сбор разлагающих книг, против которых в первую очередь борется студенчество. Каждый студент проведет чистку своей собственной библиотеки, в которую по недомыслию попали ненемецкие книги; каждый студент будет наводить порядок в библиотеках своих знакомых; студенчество займется чисткой публичных библиотек, которые не должны служить сборищами неизвестно каких книг.

Во всех высших школах 10 мая 1933 г. будут преданы огню нездоровые книги. Широкое уведомление о местах сборов будет произведено перед их началом».

Сам по себе чрезвычайно любопытный документ — просветительский поход *против* книг, созданий человеческого разума. И одновременно поход против германских граждан — евреев («Нюрнбергские законы», ущемляющие права части немецкого населения, будут изданы только в 1935 г.). И наконец, прямой призыв к чистке университетов: «отбор» студентов и профессоров «по надежности их мышления».

Ко всему, это «воззвание» было написано на чудовищном волапюке. К какой, собственно, «народности» призывал Геббельс студентов? К «народности» фашистских листов, столь же корявых, как и пункты этого воззвания? Кто фальсифицировал немецкий язык? Еврейские «интеллектуалы», «либералы» или малограмотные полууголовники, гаулейтеры, воцарившиеся 30 января 1933 г. во всей Германии?

И документы сии, между прочим, возникли не в разгар средневековья, а в 1933 г., то есть в начале второй трети XX, просвещенного века!

Какое поле для произвола, для погромов, запретов, гонений! Любого «арийца» на основании этого воззвания можно было объявить немцем, поскольку он «в кабале у евреев» или просто «думает не по-немецки». А уж вычистить нелюбимого профессора с кафедры было легче легкого, надо лишь сказать, что у него с «духом» не в порядке, что он плохо преодолевает «еврейский интеллектуализм» или же не борется с «либеральными проявлениями»!

Итак, нацисты прямо и громко заявили уже в феврале 1933 г., что свою человеконенавистническую программу в области идеологии они намерены проводить в жизнь. Что полученная ими власть — не только не образумила их, но, напротив, распалила. Что немцев и весь мир еще ждет множество сюрпризов!

Воззвание союза студентов было только началом.

После этого Геббельс провел кое-какие подготовительные «устрашающие» мероприятия. Так, 14 апреля прошла первая чистка в университетах. В результате было изгнано примерно 15% профессуры. Такие чистки «впечатляют» — не сомневаюсь, что оставшиеся 85% преподавателей начали бояться, что и их лишат куска хлеба. И наконец, 7 мая, за три дня до «аутодафе», были опубликованы «черные списки» Общества немецких издателей. Согласно этим спискам, предлагалось изъять из книжных магазинов и библиотек 14 тысяч названий 141 автора.

А 6 мая в рейхе стали распространять следующий документ:

«Комитет борьбы (против ненемецкого духа.— Л. Ч.) уведомляет вас о том, что из вашей публичной библиотеки надо изъять книги, отмеченные в приложенном «черном списке»¹. Но для того чтобы эта литература была

¹ Если говорить о писателях, то в большинстве «черных списков» фигурировало двенадцать фамилий: Лион Фейхтвангер, Эрнст Глезер, Артур Ноличек, Альфред Керр, Эгон Эрвин Киш, Эмиль Людвиг, Генрих Манн, Эрнст Оттвальд, Теодор Пливье, Эрих Мария Ремарк, Курт Тухольский, Арнольд Цвейг. Характерно, что в последующих уточнениях «черных списков» власти предостерегали исполнителей от слишком большого рвения. Так, они рекомендовали разделить весь список «крамольных» книг на три раздела: группу I, подлежащую сожжению полностью, группу II, из которой надо спрятать в «ядовитый шкаф» хотя бы один экземпляр на случай полемики с противниками режима. И наконец, группу III — «сомнительные случаи». Книги из группы III предлагалось «тщательно изучить», с тем чтобы присоединить впоследствии либо к группе I, либо к группе II. В группу I — в качестве примера — входил Ремарк. В группу II — Ленин и Маркс. В группу III — известный немецкий писатель Травен, который, кстати, так же, как и Ремарк, был «чистым арийцем».

действительно уничтожена, следует передать в ближайшие дни студентам — представителям комитета, которые появятся у вас, отобранные книги и брошюры, с тем чтобы 10 мая они были бы публично сожжены...»

Ну, а далее немецкая пресса тех лет сообщает нам во всех подробностях о торжественном сожжении «еретических» книг.

Вот Берлин, где церемония «аутодафе» была передана и по радио:

«Обращение комитета в округе X прочел Карл Ганс Безе; лозунги у костра выкрикивал Ганс Лайштриц (их встречали аплодисментами). Потом шло оповещение о речи министра просвещения и пропаганды Пауля Иозефа Геббельса. Оркестр играл марш, сочинение Арно Пардуна. Начало — очень тихо. Конец четвертой и последней строфы — громче: «За Гитлера, за свободу и хлеб! Германия, пробудись! Еврей, сдохни! Народ, к оружию! Народ, к оружию!»

А в это время в университете держал речь вновь назначенный профессор педагогики и философии Боймлер. Большинство переполнявших аудиторию студентов были в форме СС. Боймлер, между прочим, сказал, что революция «...медленно утверждает себя в двух областях: в высшей школе и в экономике. Рабочие, крестьяне и студенты становятся деятелями этой революции. Высшая школа, которая в год революции знает только дух ее и идею, но не знает Адольфа Гитлера и Хорста Весселя, должна быть названа аполитичной и олицетворяет другую систему мышления, а именно бесформенный идеализм»... Типу интеллектуала, которого создала философия наших дней, профессор противопоставил образ солдата. «Раньше солдата воспринимали как бездуховную личность, и никто не понимал, что армия — неотъемлемая составная часть народного воспитания. Не идеалистически-гуманистическая философия выигрывала битвы мировой войны, а безмолвная философия армии. Цель новой философии — преодоление фальшивой антитезы дух — власть!»

На наш взгляд, приведенные выдержки не нуждаются в комментариях. Так же не нуждаются в комментариях и газетные сообщения, часть из которых, изрядно сократив, мы приводим ниже.

«Дойче альгемайне цайтунг»:

«Несмотря на проливной дождь, к Студенческому дому на Ораниенбургштрассе собралась гигантская толпа.

Мебельные фургоны с книгами, внесенными в «черные списки», были украшены плакатами. С 9 до 10 часов вечера в Студенческом доме раздавали факелы. Ровно в 10 прозвучала команда фюрера СА: «Смирно! Шагом марш!» С оркестром впереди колонна направилась к Ораниенбургским воротам. Плотная цепь людей стояла по обеим сторонам тротуара на всем протяжении ее пути.

На Площади кайзера Франца Иосифа между городской оперой и зданием актового зала университета уже с 8 часов вечера собирались зрители, так что в 9 часов предназначенное для акта сожжения пространство было заполнено народом. В середине площади студенты сложили большой костер. Семь прожекторов стояли наготове, чтобы к началу «аутодафе» ярко осветить всю площадь. До самых Бранденбургских ворот были видны движущиеся массы людей, впечатление было такое, словно это народное гуляние. Лозунги, скандируемые специальными группами, были слышны на всех улицах и привлекали внимание толпы. Шествие несло также голову от бюста Магнуса Хиршфельда (руководителя научного института по проблемам секса.— Л. Ч.). Голову отломали от бюста, и один из штурмовиков нес ее на палке, чтобы она была видна издали.

«Генераланцайгер»:

«Машины с книгами, предназначенными для сожжения, двинулись вперед. Сопровождавшее их факельное шествие с пением тянулось по направлению к Бранденбургским воротам, а потом вдоль лип к площади Оперы. Перед костром студенты образовали цепь и передавали книги из рук в руки, а после бросали их в огонь. При ликовании толпы в 11.30 первые из двух тысяч книг были брошены в огонь — символический акт состоялся».

«Нойкёльнерблат»:

«Представители студенчества, прежде чем сжечь книги на костре, выкрикивали лозунги:

Первый студент. Против классовой борьбы и материализма, за народную общность и идеализм в жизни! Во имя всего этого я предаю пламени писания Маркса и Каутского!

Второй студент. Против декаданса и морального разложения! За то, чтобы было хорошее поведение и воспитание в семье и государстве, я предаю пламени писания Генриха Манна, Эрнста Глезера и Эриха Кестнера.

Третий студент. Против подлости мышления и политического предательства, за беспредельную преданность

народу и государству! Во имя всего этого я предаю пламени сочинения Фридриха Фостера ¹.

Четвертый студент. Против разлагающего душу преувеличения значимости секса, за аристократизм человеческой души. Во имя всего этого я предаю пламени писания Зигмунда Фрейда.

Пятый студент. Против искажения нашей истории и умаления наших великих деятелей, за почитание нашего прошлого. Во имя всего этого я предаю огню сочинения Эмиля Людвига и Вернера Хагемана ².

Шестой студент. Против демократически-еврейской антинародности, за национальное сознание! Во имя всего этого я предаю огню писания Теодора Вольфа и Георга Бернгарда ³!

Седьмой студент. Против литературного предательства солдат мировой войны, за воспитание народа в духе истины. Во имя всего этого я предаю огню сочинения Эриха Марии Ремарка!

Восьмой студент. Против чванливого обезображивания немецкого языка, за заботу о ценнейшем достоянии нашего народа. Во имя всего этого я предаю огню писания Альфреда Керра ⁴.

Девятый студент. Против наглости и самоуверенности, за уважительность и почтительность к немецкому народному духу. Пусть пламя поглотит писания Тухольского и Осецкого!

Какой пафос! Какое ликование! Но отнюдь не только в Берлине «сжигали ведьм». И газеты — слава бессмертному Иоганну Гутенбергу — сохранили для нас смрадный запах костров 1933 г., тешивших обезумевших нацистских обывателей.

Вот краткие описания этих позорных шоу.

Бонн. На трибуне новый университетский ректор, д-р Питруску и фюрер боннских студентов Шлевогт. В полном зале университета Шлевогт сказал: «Благороднейшей задачей студенчества является очистить литературу и искусство от всего ненемецкого. Революция только началась...» Ему вторил профессор Науман (немецкая и древнегерманская лингвистика, профессор с 1919 г.— Л. Ч.): «... Конечно, ошибки человечесны, но некоторые ненемецкие писания родились не из ошибок, а из нечистых помыслов».

¹ Немецкий философ, педагог.

² Исторические писатели, драматурги.

³ Крупнейшие немецкие газетчики в Веймарской республике.

⁴ Видный писатель и критик веймарской Германии.

«В то время когда толпа пела «Песню Хорста Весселя» внизу на Рыночной площади, окруженный лесом флагов, пламенел костер. В его шипящее пламя бросали газеты, журналы, книги и брошюры, и искры далеко разносились над темной массой людей».

Франкфурт-на-Майне. «Всей акцией управлял профессор Фрикк. Костер был разложен на историческом Ремберге перед ратушей. Телега с грузом книг прибыла к самому костру, ее тащили два быка. Сожжение закончилось пением «Хорста Весселя».

Геттинген. «Манифестация геттингенского студенчества началась в актовом зале университета, где из-за большого наплыва народа смогла уместиться только маленькая часть желающих. Новый ректор, профессор Нойман (приват-доцент с 1921 г.— Л.Ч.), между прочим, сказал: «Ремарка покупали тысячи людей и читали его, а те, кто знали и понимали, в чем дело, так и не подняли предостерегающего голоса...» Приват-доцент д-р Фрике заявил, что революция вступила в «творческую стадию». «Как символ воли к борьбе во всех университетах вздымается пламя, чтобы уничтожить грязь и нечистоты...» На Николаусберге студенческие группы и корпорации собрались вместе. Сигнал трубы возвестил о начале факельного шествия, оркестр СС заиграл марш, и под знаменем со свастикой студенчество прошло по улицам Геттингена к площади, где уже днем был сложен костер».

Кёльн. «Аутодафе» предшествовало официальное сообщение о том, что оно было перенесено по «чисто техническим причинам». По-видимому, произошел скандал, но подробности его теряются во мраке. Как бы то ни было, сожжение книг состоялось в следующую пятницу у памятника Павшему солдату. Вот как это было описано прессой: «В пятницу вечером начали скапливаться толпы народа. В 21 час ректор Леопольд (декан медицинского факультета, хирург) принял фюреров студенчества в Сенатском зале. Ректор и члены сената произнесли речи, которые транслировались по радио. Потом все отправились на площадь перед университетом, где уже горел костер. Студенты начали бросать в костер немецкие книги. Фюрер студенчества сказал, что это «не инквизиция, а пламенный протест против духа поджигателей и салонно-большевистских интеллектуалов».

Мюнхен. «10 мая на Кенингплац произошло сожжение книг коммунистических, марксистских и пацифистских, многие из которых принадлежали перу еврейских писа-

телей, сожжение как символ того, что нация отвернулась от немецкого духа».

Нюрнберг. «На площади Адольфа Гитлера собралась гигантская толпа. В середине был сложен большой костер для уничтожения множества привезенных на грузовиках разлагающих народ немецких писаний, брошюр и книг. Писатель Хагемейер (писал почти исключительно о культурной политике гитлеровцев, служил в ведомстве Розенберга) сказал, что «в тысячах городов Германии в этот час тоже горит огонь, дабы уничтожить остатки марксизма».

Вюрцбург. «Резиденцплац. На ней разложен костер для расово-чуждых, марксистских, большевистских книг».

И так далее и так далее!

«Аутодафе» было акцией устрашения, акцией демонстративно хулиганской. Геббельс «брал людей на испуг», как говорили уголовники. (А нацисты и были уголовники!) Он проводил «шоковую терапию». Видимо, решил раз и навсегда показать всевластие нацизма, полное пренебрежение к культурным ценностям. Напугать до смерти «среднего человека», привыкшего относиться с уважением к печатному слову.

И еще в одном мы различаем почерк нацистского министра пропаганды. Акция «костер», акция вандализма была проведена якобы по инициативе снизу! Так Геббельс будет поступать всегда: тогда, когда начнет уничтожать произведения искусства — картины («воля здорового немецкого народа»), и тогда, когда в 1938 г. будет тщательно подготавливать еврейские погромы («хрустальная ночь») — «спонтанное выступление масс».

Разумеется, нацисты боролись не только с книгами и с их авторами — крупнейшими писателями, философами, историками, социологами Германии. Они искореняли «ненемецкий дух» и в других областях, в первую очередь в искусстве: в живописи, музыке, театре.

И руководил этим не один Геббельс, во всяком случае, на первых порах, хотя уже 30 июня 1933 г. Гитлер заявил, что Геббельс отвечает «за все задачи духовного воздействия на нацию... за культуру и за... оповещение общества внутри страны и за границей насчет всего этого».

Увы! Другим политикам «третьего рейха» тоже хотелось внести свою лепту в... германскую культуру.

«Сам» Гитлер, несостоявшийся живописец, так и не

поступивший в Венскую художественную академию, стал верховным арбитром в области изобразительных искусств. Он самостоятельно определял, какие художники и скульпторы нужны «новой Германии», а какие не нужны. И это к нему бегал Шпеер — сперва придворный архитектор, а потом могущественный министр вооружения, дабы получить высочайшее одобрение на проекты грандиозных зданий, сравнимых разве что с древнеегипетскими пирамидами, и на перепланировку городов. Целых городов! На долю Геббельса пришлось лишь чисто «организационная» работа — искоренение «загнивающего искусства».

В прессе тоже все обстояло не так-то просто. Уже 1 августа 1931 г. Отто Дитрих, зять крупного газетного магната, был назначен (по партийной линии) «имперским шефом прессы». И после 30 января 1933 г. ничего не изменилось. Как ни злостовал Геббельс, прессу курировал Дитрих. Более того, к прессе подключился еще Аман, бывший фельдфебель Гитлера, не то главный льстец, не то главный делец при «дворе» фюрера, хозяйственный руководитель «Фёлькишер беобахтер» и гигантского издательского концерна «Эгер». Грубый и жадный Аман фактически захватил все издательские немецкие фирмы и стал мультимиллионером... В довершение всего он желал числиться «идеологом» и для этой цели имел журналиста — раба Ринхардта — тот писал «установочные» статьи, а Аман их подписывал.

Геринг, получивший в первый год нацистской диктатуры неслыханные полномочия, заодно «прихватил» и немецкий театр. Как супруг посредственной актрисы, он счел себя знатоком театрального дела. На первый взгляд кажется странным, что председателю прусского парламента и министру авиации давали на подпись репертуарные планы и списки актеров, выступавших в спектаклях... Но чему здесь, собственно, удивляться?

Наконец, с музыкой было совсем уж сложно, ибо знатоком музыки считал себя и Гитлер, друг истеричной Винифрида Вагнера, невестки Рихарда Вагнера.

Не надо забывать также, что у партии нацистов был свой «теоретик» — Розенберг. И он также желал принимать участие в выработке «идеологической линии» в искусстве. Безусловно, у него было свое собственное мнение насчет положения в немецкой музыке или литературе. Причем очень часто оно не совпадало с мнением Геббельса. Так, например, именно Розенберг, а не

Геббельс издавал самый авторитетный журнал по искусству в Германии «Искусство в третьем рейхе» (потом он был переименован в «Искусство в немецком рейхе»).

Все это, конечно, закономерно: неразбериха — непременное условие любого тоталитарного строя. Одна инстанция контролирует другую, один чиновник следит и поправляет другого, делая еще шагоч по пути удушения соответствующего искусства. В нацистской Германии хватало честолюбивых фельдфебелей, и каждый из них хотел погреть свои поганые руки над полузадушенным телом культуры.

Параллельно с унификацией и «нацизацией» всех искусств шел и быстрый процесс бюрократизации культуры. Именно это должно было окончательно перекрыть кислород любому творчеству. Но был и другой результат: все больше ведомств вовлекалось в псевдокультурную жизнь. А у каждого ведомства были, естественно, свои амбиции!

* * *

Процесс создания бюрократических структур настолько важен, что на нем стоит остановиться подробнее. Тем более что начался он уже в 1933 г., а далее структуры только разрастались, подобно опухолям.

Думается, что здесь будет достаточно хронологического перечня событий. В их смысле и значении читатель сам разберется.

1933 г. 13 марта создается Имперское министерство просвещения и пропаганды. Министром назначен Геббельс, статс-секретарем (заместителем) Вальер Функ¹. Сперва в министерстве было 350 чиновников, через четыре года — уже тысяча.

23 марта организуется Имперский союз немецкой сцены. В мае — Картель немецкой музыки. В июне — Имперский картель изобразительных искусств. В июне же — Палата работников радио и Организация для поощрения немецких писателей. В июле перекраивается секция литературы в Прусской академии искусств. Вместо изгнанного Генриха Манна председателем ее стал Йост. Тот

¹ В. Функ с 1937 по 1945 г. был министром экономики (после Ялмара Шахта), университета он не кончил, хотя учился некоторое время юриспруденции, экономике и философии. В 20-х годах Функ стал журналистом при крупных рейнско-вестфальских промышленных и финансовых воротилах. Помог Гитлеру на первом этапе своими связями.

самый Йост, которого вот уже почти 60 лет непрерывно цитируют. Это в его пьесе «Шлагетер» один из персонажей воскликнул: «Когда я слышу слово «культура», мне хочется нажать на курок моего браунинга». 31 июля новый Имперский союз немецких писателей поглощает только что созданную Организацию для поощрения немецких писателей.

22 сентября издан важнейший указ о создании имперской Палаты культуры, президентом которой стал Геббельс, а вице-президентом все тот же Функ. В обязательном порядке туда загоняют всех творческих работников. 15 ноября палата окончательно формируется — в ней возникает Палата музыки (президент Рихард Штраус!), Палата изобразительного искусства (президент проф. Хёниг), Палата театрального искусства (президент Лаубингер), Палата прессы (президент Аман), Палата радио (президент Дресслер-Андреас), Палата киноискусства (президент Шойерман¹). И Палата литературы (президент Блунк, создатель толстых исторических романов, «эпоса новой расы», как его рекомендовал один из нацистских критиков).

Возникновение палат (в них наряду с творческими работниками числились и чисто технические: от наборщиков до продавцов газет, от чертежников до расклейщиков афиш) привело к полному и окончательному закреплению творческой интеллигенции. Людям, не попавшим в эти палаты или исключенным из них, не разрешалось ни печататься, ни выставляться, ни исполнять свои произведения на сцене. «Дурное поведение» каралось исключением и фактически запретом на профессию!

1934 г. 14 мая издан декрет о подчинении всех немецких театров министерству Геббельса (но не отменен декрет от 25 июня 1933 г., в котором театрам Пруссии предписывалось давать отчет о репертуарном плане и составе исполнителей Герингу). Издан также декрет о «Нежелательности вредных писаний». Состоялся съезд работников немецкой сцены и интендантов радио, который принял решение о «запрещении негритянского джаза».

1935 г. Кадровые перемещения в палатах: Рихард Штраус уходит с поста президента Палаты музыки, его

¹ Надо признать, что ни Хёнига, ни Лаубингера, ни Дресслера-Андреаса, ни Шойермана автору этой статьи не удалось найти ни в одном справочнике. Похоже, их слава закатилась вместе с последними залпами второй мировой войны.

преемником становится Раабе. В Палате литературы Блунка заменяют Йостом — небольшая разница! Правда, Йост — личный приятель Гимmlера и в критических случаях прибегает к его помощи. Теперь, стало быть, в литературу вмешивается и главный каратель нацистской Германии Гимmlер. В том же году Геббельс создает Имперский сенат культуры. С 1935 г. начинается ежегодное проведение «Неделя германской книги» под красноречивым девизом: «Книга — меч разума». Воистину пропагандистов при тоталитарном строе покидает чувство юмора!

1936 г. Создается «Кружок культуры в СС». Да, чувства юмора у нацистов явно не хватало!

1937 г. Немцам было официально запрещено принимать Нобелевскую премию. Зато вводится «Национальная премия для представителей культуры и науки» в 100 тысяч марок.

...Думается, хватит хронологии! Тем более что с 1936 г. началась массированная кампания против всех видов изобразительных искусств. Именно эта кампания и становится центром «культурной жизни» Германии.

Истоки кампании можно проследить еще с 1933 г. 7 мая проходит чистка в секции изобразительных искусств в прусской Академии искусств. Первым удален Макс Либерман, председатель этой секции. Тогда же прошли издевательские выставки, наподобие «выставки» в Мангейме «Большевизм в культуре», и аналогичные шоу в Карлсруэ, Штутгарте, Дрездене, Нюрнберге и других городах. Огромный удар по изобразительному искусству был нанесен в результате массовых увольнений профессоров и преподавателей из художественных институтов Германии, которые подпали под изданный в апреле 1933 г. закон «О восстановлении статуса профессионального чиновничества». Из институтов были изгнаны крупнейшие мастера. Что уж тут говорить о профессиональных искусствоведах, собирателях произведений искусства, директорах музеев. Их в один миг лишили куса хлеба. Наконец, по приказу Геринга в том же 1933 г. было разгромлено «гнездо культурбольшевизма»: штурмовики произвели обыск, а потом и закрыли знаменитый «Баухауз» — объединение крупнейших архитекторов — новаторов Германии.

Но все это были лишь цветочки... Своего апогея акция по уничтожению всех видов изобразительных искусств достигла в 1937—1939 гг.

Важнейший импульс этой акции дал сам Гитлер, который на партийном съезде в Нюрнберге в 1934 г. обрушился на «все это искусство и культурное уродство кубистов, футуристов, дадаистов и им подобных» и призвал покончить с деятелями «каменного века, культурными карликами и зайками». И одновременно указал на «вторую опасность»: на так называемое «романтическое искусство», на «забегание назад», на «мир фантазии» и на тех, «кто думает навязать национал-социализму в качестве обязательного наследства для будущего мир собственных романтических представлений». (Здесь был намек на Розенберга, проповедовавшего стиль «немецкого ренессанса», действительно нечто совершенно несуразное.)

Итак, на очередном съезде Гитлер сказал, что надо считать здоровым и полезным искусством и что нездоровым и вредным. Дело оставалось за малым — искоренить вредное искусство. И вот в 1937 г. Геббельс велел тогдашнему президенту Палаты искусств нацистскому живописцу Циглеру «прочесать» все германские музеи и выявить там «произведения немецкого гнилого искусства, начиная с 1910 г.». В результате этого мероприятия 19 июля 1937 г. в Мюнхене была открыта выставка «загнивающего искусства»¹. Выставка замышлялась как передвижная — ее возили по многим городам и весям. На выставке были представлены полотна Нольде, Шмидта-Роттлуффа, Бекмана, Кокошки, Хефера, Марка и других, всего 370 произведений. Проходила выставка с большим шумом. Так же как и «аутодафе» из книг, это был хулиганский акт, дабы напугать людей, поразить их воображение! Рядом с каждой работой в залах висели таблички. К примеру: «Так видели больные мозги природу», или: «Немецкие крестьяне глазами жидов», или: «Музейные бонзы называли это немецким искусством».

Однако с Геббельсом и его экспертами (кроме Циглера особенно отличился искусствовед Баудиссин) случился неприятный казус: выяснилось, что немецкое население, не убоившись издевательских надписей, валом валило на выставку «загнивающего искусства». Считается, что там побывало до 2 миллионов посетителей. Особенно это было заметно потому, что выставки нацистского искусства не собирали людей. Пришлось «загнивающую» выставку прикрыть. Но результаты

¹ Знаменательно, что тогда же в Мюнхене с большой помпой был открыт «Дом немецкого искусства» для истинных германцев.

«творческого осмысления» нацистами искусства не стали от этого менее плачевными.

Всего из немецких музеев были изъяты тысячи скульптур, картин и графических работ. В это же время были смыты «вредные» фрески, разрушены памятники и архитектурные макеты негодных скульпторов и архитекторов. Кроме уже упомянутых художников нацистские эксперты удалили из немецких музеев работы Брака, Сезанна, Шагала, Гогена, Ван Гога, Кандинского, Матисса, Пикассо, Мунка.

В 1938 г. был издан закон «Об изъятии продуктов гнивающего искусства». Согласно этому закону, Гейбельс украл из музеев, в том числе и из австрийских, еще множество шедевров.

Позорные итоги похода против «гнивающего искусства» известны: под действием закона о конфискации «выродившегося искусства» из музеев и частных собраний пропало... более 20 тысяч работ, заточенных в спецхранилища, проданных на аукционах Фишера в Люцерне (1939—1941) и сожженных во дворе Главной пожарной команды в Берлине (4289 работ). Добавим к этому, что продано было 13 тысяч художественных произведений, продано за валюту, которая была чрезвычайно нужна в этот период нацистам для спешного вооружения. Что касается сожжения картин, то оно произошло в марте 1939 г., когда стало известно, что для военных целей надобны пустые зернохранилища, где были свалены в кучу «гнивающие» скульптуры и полотна.

* * *

Итак, «аутодафе», на которых уничтожали книги, и костры, на которых горели картины!.. И беспощадная борьба со всякого рода инакомыслием в искусстве. Мартиролог уничтоженных в нацистской Германии деятелей искусства велик... Уже в 1933 г. был замучен Эрих Мюзам — немецкий литератор. Его пытали, над ним издевались, и он был найден повешенным в нужнике концлагеря Ораниенбург. В 1938 г. умер от последствий пыток и побоев Карл Осецкий, лауреат Нобелевской премии. Его выпустили из концлагеря Папенбург-Эстервеген под «полицейский надзор» уже смертельно больным. В 1933 г. был убит историк искусства Теодор Лессинг. В берлинской тюрьме Плётцензее были казнены в 1943—1945 гг. публицисты Теодор Хаубах и Вильям Лейшнер, драматург Адам Кукхоф и писатель Адольф Рейхвейн — участ-

ники антифашистского Сопротивления. В тюрьме Бранденбург — Марк Зиверс, в тюрьме Берлин-Моабит — поэт и драматург Альбрехт Хаусхофер. Умер в концлагере Дахау прозаик Рек-Малецевин. Поэтесса Гертруда Кольмар была схвачена нацистами в 1943 г. и пропала без вести. В берлинской тюрьме погиб Теодор Вольф. «Всего» два месяца просидел в концлагере Бухенвальд Эрнст Вихерт, но был сломлен на всю жизнь.

А сколько немецких интеллигентов покончили с собой в самой Германии и в эмиграции?! Любимый молодежью актер Иоахим Готшалк убил жену и ребенка и застрелился сам — его жена была еврейка. В 1935 г. покончил с собой в Швеции крупнейший сатирик Германии Курт Тухольский. В 1940 г. наложил на себя руки на франко-испанской границе эссеист Вальтер Беньямин, а во Франции — Карл Эйнштейн. Вместе с женой ушел из жизни Стефан Цвейг. Покончил с собой и Вальтер Газенклевер...

Цвет немецкой интеллигенции вынужден был эмигрировать. Перечислить здесь всех невозможно... Назовем самых известных. Писатели: Томас и Генрих Манн, Бертольд Брехт, Ремарк, Зегерс, Бехер, Фейхтвангер, Оскар Мария Граф, Фридрих Вольф, Эрих Вайнерт. Дирижеры: Клемперер и Бруно Франк. Композитор — гордость немецкой музыки XX века Пауль Хиндемит. Режиссеры: Пискатор и Рейнхард. Художники: Кандинский (с 1921 г. жил в Германии), один из основателей знаменитого объединения «Голубой всадник», почти весь знаменитый «Баухауз» эмигрировал в США! Покинул Германию и один из известнейших биологов — Отто Майерхоф. Уехал из нацистской Германии Эйнштейн — великий математик, совесть XX века. Покинула страну Лиза Майтнер — крупный физик, друг Вернера Гейзенберга, Отто Гана и Нильса Бора и увезла с собой секрет цепной реакции урана!.. Очень многие знаменитые немцы ушли во «внутреннюю эмиграцию» — писатели Келлерман, Фаллада и Рикарда Хух, крупнейший европейский философ Карл Ясперс, физик Макс Лауэ, ученик Макса Планка, который также сохранил честь ученого и человека. Пастор Ниммелер — осужденный Гитлером на бессрочное заключение ¹.

Мы называем только представителей науки и искусства,

¹ Макс Лауэ, Планк и Отто Ган были лауреатами Нобелевской премии, не говоря уже об Эйнштейне!

нарочито исключая из числа активных противников гитлеровского строя профессиональных политиков — левых социал-демократов, деятелей других веймарских партий, профсоюзов, участников «генеральского» заговора против Гитлера, людей из самых аристократических семей Германии, казненных в 1944 г.

* * *

Читая эти перечни, можно подумать, что Германия превратилась в пустыню, что все крупные ученые и деятели культуры покинули ее.

Так ли это?

И так, и не так. Германия действительно стала «выжженной землей». Правил бал там в годы нацизма бездарности, низкие души, убогие, ущербные карьеристы. И все же, и все же...

Многие годы я — и не только я — считала, что в 1933 г. вся германская интеллигенция сказала решительное «нет» нацизму. Либо ушла в подполье (коммунисты, социал-демократы), либо эмигрировала (интеллигенция). Очень трудно отделаться от схематизма мышления, которое буквально въелось нам в кровь и плоть.

Но в истории все шло отнюдь не по желанной схеме. И это стало ясно уже в первые месяцы после прихода гитлеровцев к власти.

Внемземся на минуту к столь подробно описанным нами кострам из книг, разоженных Геббельсом. Мы уже видели, что держали речь в университетах не крупные промышленники и не мелкие лавочники, не милитаристы-генералы и не разнорабочие. Проводили «аутодафе» немецкие профессора и приват-доценты... Но, быть может, потом посыпались протесты наиболее видных германских ученых и деятелей искусства?

Как выяснилось. Геббельс не боялся общественного мнения у себя в стране. Он боялся только заграницы. Через день после «аутодафе» было распространено официальное сообщение немецкого телеграфного агентства:

«Берлин, 12 мая. Решительно опровергаются слухи о том, что на костре на площади Оперы в ночь на пятницу были сожжены и иностранные книги, английские и французские... Были уничтожены только немецкие книги. Всякого рода другие слухи — ложь и служат они лишь тому, чтобы принизить здоровый дух студенческой акции, направленной против негерманского духа».

Дескать, костры были чисто германскими «играми». Не надо вмешиваться во внутренние дела суверенного государства!

Правда, на сей раз Геббельс слегка ошибся в своих расчетах. Писатель Оскар Мария Граф распространил по всем немецким редакциям великолепное письмо под названием «Сожгите и мои книги». Письмо так выразительно, что несколько абзацев из него мы приведем, тем более что ни одна нацистская газета не осмелилась напечатать полные сарказма и горечи строки известного писателя:

«...Третий рейх отказался почти от всех значительных литературных трудов, отрекся от истинно немецкого творчества, большинство самых своих значительных авторов принудили к эмиграции... Невежественные и тщеславные конъюнктурщики, вандалы, правящие нами в данную минуту, пытаются изничтожить в искусстве все, что имеет мировое значение, и заменить само понятие «немецкое» узколобым национализмом... И представители этого варварского национализма, который не имеет ничего общего, воистину ничего общего с Германией... осмеливаются вносить меня в свои так называемые «белые списки», которые перед лицом мировой совести могут быть только «черным списком». Такого бесчестия я не заслужил!

Вся моя жизнь и все мое творчество требуют того, чтобы мои книги сгорели на чистом пламени костра, лишь бы не попали в кровавые лапы... коричневых бандитов и убийц!

Сожгите творения немецкого разума! Вам его не удастся погасить, как не удастся скрыть ваш позор!

Оскар Мария Граф».

Но слова О. М. Графа потонули в хоре нацистских прилипал, кричавших, что книжное «аутодафе» «было прекрасным и необходимым символом освобождения от чуждого духа».

А как отреагировала через несколько лет немецкая интеллигенция на выставку «Загнивающее искусство»? На запрещение произведений Хиндемита? Наконец, на эвтаназию — убийство «неполноценных»: стариков, больных и инакомыслящих? На «расовые законы»?

Да никак. Впрочем, вышеперечисленное случилось уже тогда, когда вся Германия была объята диким страхом и когда был полностью отлажен аппарат Гиммлера.

Но вот в октябре 1933 г. 88 немецких писателей принесли «Клятву верности Гитлеру». Среди подписавших были и крупные имена: Готфрид Бенн, Биндинг (он умер в 1938 г.), Вальтер фон Моло. В «Клятве», между прочим, говорилось: «Сознание силы и вновь обретенного единства, глубокое убеждение в верности наших задач по новому строительству рейха заставляют нас в этот серьезный час, господин рейхсканцлер (Гитлер. — Л. Ч.), торжественно поклясться, что мы будем следовать с абсолютной преданностью за Вами».

Впрочем, поэт Готфрид Бенн начал свою деятельность по восхвалению Гитлера еще раньше... В конце апреля, как раз когда активно готовилось «аутодафе» из книг, Бенн выступил по радио, где объявил: «Там, где говорит История, отдельные личности должны молчать». «Изничтожив» интеллигентов-эмигрантов, которые утверждали, что фашизм — победа низменного, он продолжил: «В наши дни ничего не решается голосованием (читай — демократией. — Л. Ч.), зато мы засылаем в будущее новый биологический тип». В речи по случаю кончины Макса Шиллинга, назначенного нацистами президентом секции литературы Академии наук после Генриха Манна, того самого Шиллинга, который выгонял своих коллег не только из академии, но и из страны, Бенн вещал: «Какое грандиозное, какое загадочное немецкое движение завоевало страну и захватило нас всех, политическое движение... движение, стремившееся к власти лишь для того, чтобы употребить ее... для моральной реставрации».

До «аутодафе» Бенну написал Клаус Манн, сын Томаса Манна, который вопрошал, что могло заставить Бенна отдать свое имя людям, от «чьей моральной нечистоты отворачивается весь мир»? Уже после «аутодафе» Бенн ответил К. Манну: «Теперь каждый, в том числе и литератор, должен решительно сказать, что важнее для него — частные страстишки или равнение на государство. Я выбираю последнее и должен во имя этого государства примириться с тем, что вы закричите мне с другого берега: «Прощайте».

Но, пожалуй, самое поразительное, что Бенн — а он был не только поэт, но и врач — решился на восхваление эвтаназии, вернее, предшествующего ей закона о «стерилизации» «расово неполноценных». В эссе под названием «Интеллект и душа будущих поколений» Бенн пишет: «Очищение народного организма должно быть проведе-

но не только по причинам энергии расы, но также из экономических причин». Оказывается, «неполноценные» стоят государству невиданные суммы».

Воистину читаешь и глазам своим не веришь... Очень старался Бенн угодить власть имущим в Германии, даже подписал опубликованное в «Фёлькишер беобахтер» в марте 1934 г. «Воззвание Союза национальных писателей», где одобрил «уход немецкой делегации из ПЕН-клуба, поскольку ПЕН-клуб, дескать, «губит престиж белой расы». Воззвание, которое кончалось призывом: «Немецкие писатели обращаются к писателям всех других народов не верить отныне потокам ненависти обреченной на вымирание эмигрантской литературы, а прислушиваться к голосу немецкой истории только из наших уст... Мы призываем писателей других стран познакомиться с нашими взглядами и дать нам знак, готовы ли они участвовать в Ассоциации национальных писателей. Если они захотят к этому прислушаться, то пусть ответят на наш прямой вопрос: готовы ли они принять участие в строительстве нового человеческого сообщества у себя на родине, находящейся под угрозой гибели как от внешних, так и от внутренних сил...

Ганс Йост, президент.

Готфрид Бенн, вице-президент».

Подписать это обращение вместе с Йостом должен был Биндинг, но Биндинг отказался, ибо он знал, что среди основателей ассоциации будет и некий Леерс. В связи с этим Биндинг написал письмо, где трусливо заметил: «Я не имею ничего против г-на фон Леерса, но за граница, от которой мы ждем отклик на наше обращение, ждем протеста против равнодушного интернационализма ПЕН-клуба, будет решительно против имени Леерса. Обе его книги «Евреи — вон!» и «Евреи наблюдают за тобой!» оценивать мы можем внутри страны в рамках выпуска первых книг о расе и крови, но для заграницы это невозможно».

И Биндинг, и певец милитаризма Эрнст Юнгер оказались умнее Бенна, во всяком случае осторожнее его.

Но спасли ли Бенна его верноподданнические речи и поступки? Нет. И он через какое-то время стал «персональной нон-грата». И только вмешательство... Гиммлера, который написал, что «начиная с 1933 г... Бенн держал себя совершенно безупречно», спасло его от «бешеных преследований» собрата по перу. (Термин «бешеные преследования» принадлежит опять же Гиммлеру.)

Но дело ведь не только в Бенне. Разве Бенн был один? И тут надо привести другой, печальный список...

Драматург с мировым именем Герхард Гауптман, написавший такие пьесы, как «Перед заходом солнца», «Потонувший колокол», «Ткачи», «Бобровая шуба», и многие другие столь же известные, не только остался в Германии, но и поддержал своим авторитетом Гитлера. Правда, в 1933 г. Гауптману был уже 71 год, но разве это может извинить писателя, на пьесах которого несколько поколений европейцев учились человечности и состраданию?

Мы уже писали выше, что президентом нацистской Палаты музыки, административно-сыскного учреждения, стал Рихард Штраус, самый крупный музыкант из тех, кто до конца оставался в Германии. Он же возглавил Союз композиторов. Штраус был новатором в музыке, тесно сотрудничал с Гофмансталем, писавшим ему либретто, автором опер «Саломея», «Электра», «Кавалер роз» и многих других. Он стал дирижером Берлинской филармонии вместо эмигрировавшего Бруно Вальтера и дирижером в Байрете вместо великого Тосканини. Его оперы шли во всей Германии. Когда началась травля крупнейшего немецкого композитора того времени Хиндемита, Штраус дал телеграмму Геббельсу, где одобрил сию вакханалию... Он спокойно взирал на то, как Геббельс увольнял оркестрантов-«неарийцев».

И Бенн, и Штраус впали в немилость. Но об этом речь пойдет ниже.

Особо «тяжелый случай» был с Мартином Хайдеггером, одним из известнейших немецких философов XX века. Хайдеггер никак не мог сослаться на то, что он не ведает, что творит. Все ж таки философия ближе к политике, нежели музыка. До сих пор вокруг Хайдеггера кипят ожесточенные споры. В этих спорах принял участие и советский философ Гулыга, к сожалению, пытавшийся оправдать Хайдеггера.

Но существует непреложный вердикт: экспертное заключение для суда по денацификации, которое дал знаменитый философ Карл Ясперс, человек безупречной репутации. (Ясперс оставался в Германии, но не пошел ни на какой компромисс с нацистами.) И вот, согласно этому вердикту, Хайдеггера *не* допустили до преподавания в университете в 1947 г.

После прихода к власти нацисты назначили Хайдеггера ректором университета во Фрейбурге. Уже во всту-

пительной речи он сравнил долг ученого с долгом солдата. Будущим оккупантам это должно было прийтись по вкусу. В речах 1933—1934 гг. Хайдеггер пал так низко, что славил «гений» Гитлера, вещал, что нацисты строят совершенно заново немецкую судьбу. Печатно хвалил величие национал-социалистского движения. Во фрейбургских архивах историк Гуго Отт нашел донос Хайдеггера на знаменитого химика, ученого Германа Штаудингера, будущего лауреата Нобелевской премии. Хайдеггер обвинял Германа Штаудингера в том, что тот якобы был пацифистом и в 20-х годах проклинал мировую бойню. Коллега Хайдеггера с трудом избежал лап гестапо¹. Однако и у Хайдеггера скоро начались неприятности с гитлеровцами. Примкнувшим интеллигентам никак не удавалось стать стопроцентными «наци».

Карл Гаусгофер был ученым «геополитиком», к тому же получил после первой мировой войны чин генерал-майора. В идеологии национал-социализма сыграл огромную роль, поскольку обосновывал «геополитически» экспансию нацистов, в особенности на Восток. В 1921 г., будучи профессором географии в Мюнхенском университете, Гаусгофер оказывал через Гесса большое влияние на Гитлера. Его учениками считали себя также Розенберг и Дарре. И в 1934 г. и даже в 1940 г. Гаусгофер выпускал книги, оправдывавшие политику гитлеровцев. А вот в 1944 г. Карла Гаусгофера арестовали, поскольку сын его оказался замешанным в заговоре против Гитлера 20 июля 1944 г. Сына Гаусгофера казнили, и отец не сумел этого пережить — в 1946 г. он покончил жизнь самоубийством.

Эмиль Нольде также оказался жертвой Геббельса. В 1937 г. были конфискованы более 40 полотен и около тысячи гравюр, литографий и акварелей этого художника. В 1940 г. Нольде исключили из Палаты изобразительных искусств, то есть лишили возможности писать и выставляться. И как ни вымаливал художник у власть имущих «прощения», ничего не помогало. А между тем этот крупный живописец был уже в 20-х годах членом НСДАП, проповедовал махровый наци-

¹ Сейчас идет спор о том, имела ли философия Хайдеггера какие-то точки соприкосновения с нацизмом. В этот чисто научный спор автор считает себя не вправе вмешиваться. Но человеческий облик Хайдеггера ясен. Особенно если знать, что любимая женщина философа, Ханна Арендт, тоже крупный ученый, вынуждена была, как еврейка, эмигрировать, а Хайдеггер продолжал служить нацистам.

онализм, ксенофобию и антисемитизм. С позиций «нордического духа» он выступал также против кубизма и конструктивизма. Геббельс очень ценил Нольде. Ничего не помогло... Розенберг и Фрик, а главное, коллеги-художники были против Нольде. Так Нольде подвергся опале, поскольку в своем искусстве не мог следовать тогдашней художественной догме.

Тягостный список выдающихся немецких интеллигентов, пошедших на службу к нацизму, закончим двумя физиками, нобелевскими лауреатами. Закончим отнюдь не потому, что список исчерпан...

Физик Филипп Ленард уже в 1924 г. стал открытым приверженцем Гитлера. Он писал книги, где утверждал, что лишь нордические физики (но не англичане!) могут считаться истинными исследователями природы. Ленарду принадлежит бессмертная формула об «арийской физике», в которой центральное место занимает учение о «народе и расе»! «Остальную» физику этот лауреат Нобелевской премии отрицал как «еврейский фантом». Когда Гитлер пришел к власти, Ленарду перевалило за 70, и по этой причине он не смог занять важный пост, зато получил первую «партийную премию» по науке. Однако в последние годы нацизма Ленард не то в силу неуживчивости характера, не то по причине склок в нацистской партийной верхушке потерял влияние.

Очень похожая судьба была у другого физика — теоретика Иоганна Штарка. Штарк был на 12 лет моложе Ленарда и сильно озлоблен. Уже в 1922 г. он потерял кафедру, так как крикливо и агрессивно выступал против теории относительности Эйнштейна и теорий Бора. В 1924 г. переметнулся к нацистам, а стало быть, выразил свое одобрение «расовой теории», антисемитизму и прочим «прелестям» нацистской идеологии. В 1930 г. Штарк вступил в НСДАП, после чего внес свой «оригинальный» вклад в физику: объявил, что физики-теоретики куда менее важны, чем физики-прикладники. Однако в 1940 г. Штарку пришлось худо: он поссорился с министром народного образования Рустом, с другими партийными функционерами и с деятелями из СС.

На суде по денацификации в 1947 г. Штарка признали «главным виновником». Против него выступили крупнейшие немецкие физики Лауэ, Гейзенберг. Кстати, тоже «чистые арийцы».

Итак, мы видим, что неприятности были решительно у всех корифеев, которые с восторгом приветствовали поначалу Гитлера и Геббельса.

Бенну уже в декабре 1933 г. запретили выступить по случаю смерти Стефана Георге, который умер в Швейцарии, а посему считался эмигрантом. Заодно Бенну припомнили и прежние «грехи» — близость к авангарду и речь на юбилее Г. Манна. Как сказано выше, его спас Гиммлер.

Штраус написал письмо Стефану Цвейгу, в котором возмутился тем, что на афише его оперы не стояло имя Цвейга-либреттиста. В том же письме он позволил себе несколько выпадов по адресу «арийцев»-аппаратчиков. Письмо перехватило гестапо, и Штрауса сняли со всех постов. Но оперы его продолжали исполнять.

Хайдеггер тоже недолго пробыл ректором университета. Его уволили, ибо он заколебался, когда ему предложили выгнать двух своих коллег. Судьба Гаусгофера и Нольде, как мы могли убедиться сами, оказалась уж вовсе незавидной.

Все они, видимо, удивлялись, что, несмотря на явные заслуги, с ними не стали церемониться. Напрасно удивлялись! Нацистскому тоталитарному строю не нужны были ни знаменитые композиторы, ни художники, ни философы, ни идеологи. А физики нужны только те, что строили ракеты и самолеты... Более того, истинные интеллигенты были этому строю *противопоказаны*. Их постепенно заменяли «полуинтеллигентами» (термин С. Аверинцева) или «образованщиной» (термин А. Солженицына).

Конечно, на «выжженной земле» нацистской Германии оставалось еще достаточно «звезд»: Фуртвенглер¹ и Караян дирижировали великолепными оркестрами, Лени Риффеншталь получала за свои помпезные фильмы Золотые медали в Италии, Грюндинг и Эмиль Яннигс блистали актерским мастерством на театре и в кино. А на балах у Геббельса было тесно от преданных нацизму писателей, музыкантов, художников, архитекторов и прочих интеллигентов.

¹ Некоторое время Фуртвенглер тоже был в немилости, в связи с тем, что заступился за Хиндемита, эмигрировавшего в 1937 г., но потом Геббельс одумался — Фуртвенглер был бесценной рекламой для нацистского строя.

Но, пожалуй, самая страшная метаморфоза произошла с представителями двух гуманнейших профессий — юристами и врачами.

Специалистов по праву в неправовом государстве нацистов были буквально толпы. Начиная от Олендорфа, начальника III Управления РСХА, которого кто-то из западных авторов назвал самым «интеллигентным палачом» в СС, кончая председателем Народного трибунала Фрейслером. Юристом был и Фрик, министр внутренних дел, приговоренный к виселице в Нюрнберге, и Отто Тирак, первый председатель Народного трибунала, и Теодор Рентельн — «генеральный комиссар» Литвы, и Гюртнер — министр юстиции, согласившийся на превентивные аресты и заточение в концлагеря без суда и следствия, но тем не менее прославивший «либералом». Теоретиками юриспруденции числились и Карл Шмитт, одобрявший нюрнбергские «расовые законы» и расправу с Ремом, Шлейхером и другими («высшая форма юстиции»), а также Вильгельм Штукарт, который вместе с Глобке писал комментарии к «расовым законам», а потом присутствовал на ваннзейской конференции, которая «постановила» уничтожить 11 миллионов евреев.

Надо ли перечислять дальше? Надо ли вспоминать многочисленных юристов, подвизавшихся в СС? Да и в обычных нацистских судах, которые в годы войны сажали людей за «слушание иностранного радио», «пораженческие разговоры», «нытье», «критиканство», «брюзжание» (формулы интеллигента Геббельса)! За все перечисленное можно было угодить на плаху.

Наконец, надо ли вспоминать целую армию военных юристов, которые приговаривали к смерти за «неповиновение», «самовольную отлучку», а под конец войны вешали людей, прикрепив им на грудь табличку: «Я — трус», или: «Я не хотел защищать рейх», или: «Я предал фюрера». Западногерманский драматург Хоххут возмущается тем, что военные юристы-убийцы так и не понесли наказания, отговариваясь тем, что выполняли приказы.

Понятий права, закона, наконец, конституции в нацистском государстве вообще не существовало. И немалую вину за это несут юристы.

Но, пожалуй, самая страшная роль была отведена в «третьем рейхе» врачам. Чтобы оправдать уничтожение миллионов людей, биологи и врачи-«теоретики» изобрели такие лженауки, как «расовая гигиена» и нацистская «евгеника».

Профессора Ганс Гюнтер, Ойген Фишер, Артур Хирт, Эрнст Рудин и многие другие собирали коллекции из скелетов, которые посылали им коменданты концлагерей, и хранили в спирту куски тел замученных людей. Они же проводили «научные экспертизы», нахлобучивая на головы несчастных диковинные плетеные колпаки для измерения черепов. Результаты этих «экспертиз» были предопределены: «Наличие неарийской крови не исключено». А раз так, человеку грозил концлагерь и печи крематория. Те же «теоретики» благословили не только уничтожение «чуждой крови», но и собственной «арийской». Именно они придумали и осуществили эвтаназию — умерщвление в госпиталях и тюрьмах стариков и больных (а под их видом и «политических»), как они говорили, «неполноценных», «балласта для нации».

Не забудем также, что в каждом концлагере был свой врач-эзэсовец. Он проводил «селекцию» — отделял «слабых» для крематория от «здоровых», которых «убивали работой» не сразу, а в течение нескольких месяцев. Врачи проводили опыты на живых людях: замораживали их, заражали неизлечимыми болезнями, впрыскивали страшные яды. В этой связи назовем только одну фамилию — Иозеф Менгеле. Менгеле, врач из Освенцима.

И на сем поставим точку. Хватит ужасов. Пусть они побудят нас задуматься над тем, до какой степени нацистская система, просуществовавшая относительно недолго, всего двенадцать с половиной лет (из них шесть лет военных), деформировала сознание и совесть немецкой интеллигенции. И каким податливым «материалом» оказалась большая часть интеллигенции.

* * *

Думается, что это многостраничное отступление было необходимо: один Геббельс и все его сотрудники не сумели бы создать в нацистском государстве столь всеобъемлющую систему идеологического террора, какая там была создана. Понадобились десятки тысяч добровольных помощников. И что самое удивительное: эти помощники (или пособники!) были чаще всего одеты в штатское, имели университетские дипломы и считали себя цветом нации.

Приспособив для своих целей за год-два большую часть этой интеллигенции («образованщины»), Геббельс занялся «текущими делами» — перекраиванием психоло-

гии, морали и прочих человеческих качеств 70-миллионного населения Германии.

За двенадцать с половиной лет он провел буквально десятки идеологических кампаний, часть из которых повторилась с назойливым постоянством. Но прежде всего он подчинил все сферы идеологической деятельности жесткой системе правил, ограничений, регламентации. Особенно это видно на примере прессы...

В нацистской Германии действовало одно-единственное агентство — ДНБ (Немецкое агентство новостей). Газеты, сохранив прежние названия, стали фактически одинаковыми — выражали точку зрения нацистской партии. Для этого в министерстве ежедневно или дважды в день собирали редакторов, сообщая им очередные «установки». Кроме того, журналисты имели на руках точные предписания — что можно печатать и что нельзя. Западногерманский историк Гельмут Хайбер в книге «Иозеф Геббельс» приводит длинейший список запрещенных тем. Ограничимся всего лишь несколькими выдержками из этого списка: нельзя писать о нищих и несчастных детях-сиротах. Запрещено упоминать, что Шуберт и Шуман сочиняли песни на слова Гейне. Нельзя намекать на то, что тайна вкладов в сберкассах и банках часто не соблюдается. Запрещено печатать, что Гёте был масоном, а бабушка Иоганна Штрауса — еврейкой. Нельзя писать о поездках Гитлера без особого разрешения. И не положено касаться его юности. Не разрешено освещать уголовные процессы, связанные с коррупцией (нацисты не воруют!), а в траурных объявлениях упоминать о том, что усопший не перенес операции (в нацистских больницах операции протекают успешно!). И т. д. Интересно, что даже в самые кульминационные дни «дружбы» с Советским Союзом Геббельс не велел публиковать ни одного слова похвалы в адрес... русского балета!

Думается, не надо даже упоминать о том, что радио, которое было целиком в ведении Геббельса, получало от него еще больше указаний, нежели газеты. То программы должны были стать «серьезными», то — «жизнеутверждающими», а в годы войны — «развлекательными» (разрешалось — о ужас! — исполнять по радио фокстроты и танго!). Радио Геббельс считал важнейшим идеологическим оружием. Посему радиоприемники в Германии были самыми дешевыми в мире. Кошмаром для немцев стали громкоговорители, установленные по всей стране и передававшие речи нацистских вождей, марши, а в годы

войны сводки с фронтов. Самое главное, что никто не осмеливался их выключать — это грозило концлагерем!

Что касается «изящных искусств», то скажем лишь о двух нововведениях Геббельса: он отменил всякую критику художественных произведений — просто запретил ее! И одновременно установил для актеров, писателей, художников различные звания: «профессиональный актер», «государственный актер», «сенатор культуры»¹. И все это совершалось под лозунгом: «Мы хотим приблизить искусство к народу, а народ к искусству».

Уже в первые годы Геббельс и его «дрессированные интеллигенты» переделали немецкий календарь — взамен христианских праздников были введены новые праздники. 30 января — День завоевания власти. 24 февраля — День основания партии НСДАП. Март — День памяти героев (в каждой провинции свой особый день). 20 апреля — День рождения Гитлера. 1 Мая — День труда (праздник, украденный у трудящихся!). В мае же — День матери. 22 июня — праздник «Солнцеворота». Сентябрь — Ежегодные восьмидневные партийные съезды в Нюрнберге. Октябрь — праздник урожая и вместе с тем «крови и почвы». Очень важное мероприятие, отмечавшееся торжественней всего в Бюкерберге. 9 ноября — главный праздник, годовщина «пивного путча» 1923 г. 25 декабря — «арийское Рождество», оно же — праздник «зимнего Солнцеворота».

В перерывах между праздниками проходили всякого рода организуемые Геббельсом кампании. Перечислить их воистину невозможно. Ограничимся малым: «Неделя вежливости», «Все на борьбу с рахитом», «Все на борьбу с молью», «Просветительская кампания», «Долой никчемных людей», «Никакого повышения цен». Все это звучит еще довольно безобидно, но в годы войны кампании стали иными, к примеру: «Накажем расхитителей угля», то есть людей, которые не хотели зимой мерзнуть. Еще более зловещими были кампании: «Долой подстрекателей», «Долой саботажников». Акция «Т-с-с» была связана со шпиономанией, охватившей весь рейх: людям внушали, что, если какая-нибудь бабуля в очереди

¹ Все нацистские бонзы разделяли неприязнь Геббельса к критике и критикам — этим «назойливым оводам», которые не способны заняться ничем путным. Так, Юлиус Штрейхер, военный преступник, приговоренный в Нюрнберге к виселице, однажды посадил критиков в машину, повез их в варьете и заставил заменить артистов, которых они критиковали, петь и ходить по канату!

проболтается и назовет номер полевой почты внука, все-му вермахту будет нанесен непоправимый ущерб. Горе немцам, попавшим под одну из этих кампаний,— их неминуемо ждал концлагерь!

Геббельс, имевший в ту пору архироскошный особняк и роскошные загородные виллы, какие до 1933 г. не снились и немецким миллионерам, особо ратовал за бережливость: была объявлена «неделя бережливости», а также «обед из одного блюда» — якобы все от рабочего до Гитлера ограничивали себя раз в неделю одним блюдом (фасолью с салом). Шла также кампания по сбору лыж и меха для солдат на германо-советском фронте. И наконец, постоянно проводилась кампания под названием «зимняя помощь». Нацистские вожди, их жены, известные актрисы стояли на улицах с копилками, куда собирали пфенниги и марки. И так из года в год. И все это было не милосердием, а сплошной мерзостью и фальшью, ибо в действительности германская верхушка, опьяневшая от умопомрачительных денег и неограниченной власти, плевать хотела на немецкий народ!

* * *

Специфика нацистского строя заключалась в том, что государство взяло на вооружение приемы и методы уголовного мира. Поджог рейхстага был, к примеру, чисто уголовным делом. То же самое надо сказать и о расправе с верхушкой СА, с бывшим канцлером Шлейхером и другими политиками 30 июня 1934 г. Их просто убили, даже не пытаясь инсценировать что-то вроде процесса. Такой же уголовщиной являлся и организованный Геббельсом еврейский погром в 1938 г.

1938 г. был годом, когда гитлеровцы еще пытались проводить экспансию, не развязывая «большой войны». Они перекраивали карту Европы с помощью шантажа, угроз и лживых обещаний. Якобы они не претендовали на чужую землю, а просто хотели решить свои «этнические проблемы». 30 сентября было заключено пресловутое Мюнхенское соглашение. И за границей, несмотря на позорные нюрнбергские «расовые законы» и прочие гонения на «неарийцев», еще находились прекраснодушные простаки или хитрые политики, притворявшиеся простаками, которые уверяли, что Гитлер вот-вот образумится.

И именно в 1938 г. Геббельс организовал погром.

Зачем? Почему?

И тут надо понять, что большинство нацистских

политиков не были профессионалами и не умели мыслить политическими категориями, категориями целесообразности. Они подчинялись своим криминальным инстинктам и желанию в очередной раз выслужиться перед фюрером ¹.

Поводом для погрома 1938 г. послужил выстрел в Париже. 7 ноября семнадцатилетний еврей Гриншпан совершил покушение на советника немецкого посольства фом Рата. Гриншпан был доведен до отчаяния: он оказался во Франции без документов (они были аннулированы) и без денег, а родителей, оставшихся в Германии, депортировали на польско-германскую границу с еще 1700 такими же несчастными. Польско-германская граница была для немецких евреев ловушкой — поляки евреев не впускали, а нацисты не разрешали вернуться обратно...

Впрочем, среди историков существует мнение, что выстрел был подстроен гестапо, ибо Гриншпан — явно неуравновешенный субъект — мог, подобно Ван дер Люббе, поддаться на любую провокацию. Характерно, что после оккупации Парижа нацисты так и не решились осудить его на открытом процессе. Что же касается фом Рата, то он считался отнюдь не стопроцентным «наци». Его будто бы хотели убрать из посольства. Словом, выстрел Гриншпана был во всех смыслах выгоден спецслужбам Гимmlера — посольство избавлялось от неугодного сотрудника, а антисемиты получали отличный козырь: евреи нападают за границей на «арийцев».

Но самое важное — это не предыстория погрома, а сам погром. Рат умер в больнице 9 ноября, и в 21 час того же дня об этом узнал Гитлер, который как раз в это время праздновал очередной юбилей неудавшегося «пивного путча» в кругу «старых бойцов». Гитлер пошептался с Геббельсом и сразу же после этого удалился, не произнеся ожидаемой речи. Таким образом, ясно, что фюрер самоустранился от последующих событий, выпустив на сцену Геббельса. Ясно также, что Геббельс действовал по согласованию с Гитлером. Уже до 9 ноября по его указаниям в маленьких городишках и селениях появились какие-то неизвестные люди, которые давали инструкции местным партийным функционерам и штурмовикам предпринять насильственные акции против евреев. Но письменного приказа никто не предъявлял и себя не называл. После 9 ноября все пошло

¹ Считается, что в 1938 г. Геббельс впал в немилость у Гитлера. Половая распущенность министра пропаганды будто бы привела в негодование «аскета» Гитлера.

куда как более «организованно». Герман Грамл в книге «Имперская хрустальная ночь» выстраивает погромную цепочку так: «Собрание — подстрекательская речь (Геббельса и др.) — приказ — погром».

Геринг в «партийном суде» следующим образом охарактеризовал организацию погромов: «Указания имперского министра пропаганды (Геббельса), данные устно, были поняты всеми присутствующими партийными фюрерами в том смысле, что партия не хочет выступать в роли зачинщика беспорядков, но в действительности должна их организовывать и проводить» (цитируем опять же по книге Грамла). Уже 9-го в 22.30 «старые бойцы» по телефону отдали приказ штабам гаулейтеров, те передали их крейслейтерам (окружным руководителям), а крейслейтеры — местным группам. Около 2 часов ночи пошли письменные циркуляры. Параллельно действовал начальник штаба СА Лутце. А 10-го рано утром каждый отдельный громила получил точное указание, кого убивать, какие двери взламывать, какие витрины бить и какие молельные дома поджигать. При этом разрешалось грабить, а награбленное тащить домой. Руководили этим местные фюреры СА, СС и СД, которые либо увлекали за собой еще и «любителей», либо сами изображали «народ». В инструкции говорилось, что на сожженные магазины, склады и синагоги надо вешать таблички: «Отомстим за смерть фом Рата», или «Смерть международному еврейству», или «Прекратим связи с народами, подчиняющимися евреям». Можно также добавить к этому «масонов».

В книге Грамла приводится весьма любопытный разговор двух функционеров СА: К. и С.

«— Говорит штандарт 411. У телефона группенфюрер С. Вы уже получили приказ?

— Нет.

— Аврал по всей Германии. Акты мести за смерть фом Рата. До вечера в Германии не должно остаться ни одного еврея. А еврейские предприятия следует уничтожить. Надо оповестить штурмбанфюрера Р.!

К. повторил приказ, а потом, несколько ошарашенный, переспросил:

— А как на самом деле поступать с евреями?

— Уничтожать, — ответил С.».

В «хрустальную ночь» (ее называли хрустальной, ибо осколки толстых витринных стекол, разбитых погромщиками, устлали целые кварталы) было убито 100 евреев, 30 тысяч заключили в концлагеря Дахау, Бухенвальд и Заксенхаузен.

Конечно, по сравнению с 6 миллионами людей еврейской национальности, уничтоженных нацистами во время войны, эти цифры кажутся «скромными».

Но тогда погром в Германии взволновал весь мир. И в чем-то Геббельс просчитался — ни один человек ни в самой Германии, ни за границей не поверил, что погром был спонтанным. Иностранные журналисты писали: то, что «произошло в Германии, не имеет себе равного ни в одной цивилизованной стране со времен средневековья». При этом журналисты подчеркивали, что немецкое население не виновато. Возмущенный действием нацистского аппарата, президент США Рузвельт отозвал своего посла.

Уже 10 ноября в нацистских газетах было опубликовано «обращение» к немцам, где говорилось, что надо немедленно прекратить всякого рода «демонстрации» против евреев¹. Свое неудовольствие погромом выразили Гесс, Геринг и Гиммлер. На специальном совещании, созванном по этому поводу, Геринг, в частности, сетовал на большие экономические убытки, которые нанесены в результате погрома, ведь витринное стекло, как отмечал Геринг, Германия покупает на валюту... Но и Геринг, и все прочие нацистские фюреры успокоились на том, что евреи заплатят за погром контрибуцию в размере миллиарда марок! Свою речь на тему «свиней», которым придется раскошелиться, Геринг закончил весьма оригинально: «А вообще-то я не хотел бы быть в Германии евреем»².

Конечно, погром 1938 г. сильно повредил фашистам в глазах общественного мнения. Это был еще один шаг, имевший своим следствием создание коалиции против коричневой Германии. Но от 1938 до 1945 г. миру пришлось пройти еще длинный скорбный путь.

* * *

С 1939 г., с того времени, как началась вторая мировая война, и особенно с 1941 г., когда Гитлер напал на Советский Союз, влияние Геббельса несколько уменьшилось. Думается, однако, не столько потому, что

¹ Это указание Геббельс не смог (или не захотел!) выполнить: и 11-го, и 12-го, и 13 ноября то тут, то там происходили эксцессы.

² На этом основании некоторые западные историки уверяют, будто Геринг не был антисемитом.

Геббельс сидел в Берлине, а Гитлер в своих ставках. Это была лишь видимая причина.

Подоплека же заключалась в неимоверном возвышении Бормана, который на последних этапах нацистского режима стал «альтер эго» Гитлера. Впрочем, основные пропагандистские кампании шли. И с «шептунами», «болтунами» и «нытиками», выявленными Геббельсом, Гиммлер расправлялся еще более жестоко, чем раньше.

Были у Геббельса в начале войны и кое-какие «триумфы». Например, именно он «инсценировал» процедуру капитуляции Франции: она произошла в том же самом салон-вагоне в Компьене, в каком маршал Фош подписал акт о капитуляции Германии в 1918 г. И разумеется, фюрер восседал в том же кресле, в каком сидел Фош. Геббельс добыл «реквизит» из музеев.

Но такие эпизодические вмешательства в «ход истории» отнюдь не устраивали министра пропаганды. Ему хотелось все время быть на виду — то ли командующим, то ли во главе какой-нибудь оккупированной страны. По свідетельству историков Френкеля и Меллвила, он без конца писал «меморандумы» Гитлеру со своими предложениями. Однако докладные записки министра пропаганды либо вообще застревали в письменном столе Бормана, либо оставались без ответа. Геббельс, в частности, хотел внести свою лепту в управление оккупированными территориями в Советском Союзе. Но натолкнулся на сопротивление Розенберга, который был назначен министром по «восточным делам» и не желал никакого вмешательства в свои кровавые дела.

Конечно, Геббельс плел всякого рода интриги и против Бормана, и против Розенберга, которых ненавидел лютой ненавистью. По его сохранившимся дневникам видно, что на этом (военном) этапе он пытался сговориться с Герингом. Они вели многочасовые беседы — соображали, как бы оттеснить соперников и снова стать «главными» у трона фюрера. Но Геринг явно впал в немилость — как-никак, он торжественно поклялся, что на Германию не упадет ни одна бомба, а в 1942—1943 гг. разрушения в немецких городах от бомбежек были просто чудовищными. Геринговская авиация окончательно потеряла превосходство. Так что он был плохим союзником. Да и неприязнь между Геббельсом и Герингом была слишком велика, чтобы они могли долго сотрудничать. Геббельс вел также какие-то разговоры с Леем, Шпеером и Функом, но и из этого ничего не вышло.

Последний «всплеск» бешеной энергии и активности Геббельса пал на 1943 г. ... 1943 г. был годом разгрома немецко-фашистских войск на Волге. 31 января прекратила сопротивление южная группа войск 6-й армии во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом, а 2 февраля капитулировала северная.

Сталинградская битва, длившаяся 200 дней и ночей, закончилась, таким образом, сокрушительным поражением нацистов. 91 тысяча немецких солдат, оказавшихся в окружении, голодных, обмороженных, больных, сдались в плен.

Поражение такого масштаба уже нельзя было скрыть от немецкого населения ни в каких введенных Геббельсом сообщениях с синими и зелеными заголовками и грифами: «Конфиденциально», «Секретно», «Совершенно секретно».

В Германии был объявлен траур, последние известия передавались под приглушенный бой барабанов, газеты вышли в траурных рамках.

И вот через 12 дней после Сталинграда во Дворце спорта в Берлине Геббельс произнес большую речь. Заменив Гитлера, который отказался выступать, он, очевидно, должен был как-то проанализировать ситуацию, наметить пути выхода из кризиса. Но Геббельс умел только одно: сочинять «зажигательные» пропагандистские речи, по существу совершенно пустые. И 14 февраля он сделал это со всем присущим ему блеском. Смысл его речи, если таковой вообще был, заключался в том, что Германия спасает Европу от «большевиков», от «вандалов русских», «спасает западную цивилизацию от натиска с Востока». А дальше Геббельс задавал риторические вопросы, на которые гигантская толпа во Дворце спорта отвечала диким ревом; звучало это примерно так:

«— Готовы ли вы вести войну и дальше с необузданной решимостью?

— Да!

— Готовы ли вы стоять у станков по 15—16 часов в сутки и ковать оружие?

— Да!

— Готовы ли вы, чтобы и женщины отдавали все силы войне?

— Да!

— Готовы ли вы, чтобы каждого тунеядца, лодыря и спекулянта ставили к стенке?..»

Речь Геббельса вошла в нацистскую историю как речь

об объявлении «тотальной войны». Сам Геббельс чрезвычайно гордился ею и говорил, что, если бы Гитлер сделал его вице-канцлером или предоставил бы ему чрезвычайные полномочия на несколько лет раньше, война была бы уже закончена. На самом деле ничего нового Геббельс не придумал и придумать не мог. «Тотальная война» уже давно шла: женщины в Германии работали на заводах, мужчины были подчистую забраны на фронт. А всех тех, кто выражал недовольство или просто осмеливался слушать «вражеское радио», ставили к стенке. Но казни в тылу не прибавляли мужества солдатам на передовой. Бесконечны были и призывы Геббельса к тому, что мы называем сейчас «социальной справедливостью», при нацистском строе это было дешевой демагогией. Нацистские бонзы продолжали пьянствовать, развратничать и тащить все, что попадалось под руку. Настроение «сумерков богов», сознание приближающейся катастрофы только способствовало чувству безнаказанности у нацистских временщиков. Речь Геббельса привела к смехотворным результатам, гора родила мышь — женщинам запретили красить волосы и завиваться, закрыли многие театры и рестораны... Но кто тогда ходил в рестораны? Да и парикмахеры, и кельнеры не могли повернуть ход войны, даже если их и призывали в армию...

Похоже, что сам Геббельс, повосхищавшись своей речью, впал в некоторое уныние. Тем более что «тотальной войной» занимались фактически Ламмерс — начальник канцелярии Гитлера, Борман и Кейтель.

Так продолжалось до июля 1944 г., до покушения на Гитлера. Как известно, «генеральский» заговор 20 июля окончился неудачей и был буквально потоплен в крови. Геббельс сыграл в подавлении заговора самую активную роль. По свидетельству историков, его квартира в Берлине на несколько дней превратилась в нечто среднее между боевым штабом, тюрьмой и судилищем. Ну, а потом все взяли в свои руки гестапо и «правосудие» в лице Фрейслера. Опять Геббельс вроде бы оказался не у дел.

И все же министр пропаганды с его лозунгами «тотальной войны» был одним из тех, кто в наибольшей степени повинен в затяжке бессмысленного кровопролития. Повинен в том, что на фронт бросали и безусых юнцов и стариков («фольксштурм») и что в мясорубке проигранной войны перемалывались все новые и новые жертвы.

22 апреля 1945 г., через двое суток после дня рождения Гитлера, который праздновали на этот раз в бетонном подземелье — бомбоубежище, в бункер переехали Геббельс, его жена и шестеро детей. Семье Геббельсов предоставили четыре комнатухи размером не больше купе спального вагона.

Заметим, что Геббельс переселился в подземелье тогда, когда другие фюреры его ранга — Геринг, Гиммлер, Риббентроп, Розенберг — бежали из Берлина, который вот-вот должны были занять советские войска.

Известно, что на самом последнем этапе войны шли попытки нацистских бонз договориться с Западом и вместо «безоговорочной капитуляции» Германии добиться сепаратного мира и уж во всяком случае спасти свою шкуру за счет шкуры Гитлера.

Почему же этого не делал Геббельс?

Западные историки объясняют сие в основном «преданностью фюреру» или же «фанатизмом». Объяснение довольно странное. Мы ведь знаем, с какой легкостью Геббельс предал своего первого хозяина и друга Грегора Штрассера, убитого в 1934 г. Да и вообще вероломство было одной из основных черт его характера.

Думается, причины сидения Геббельса в Берлине были не этические и не поэтические, а скорее «материалистические». За Геббельсом в ту пору не стояли реальные силы...

Кроме того, ряд историков полагает, что Геббельс был сторонником сепаратного мира не с Западом, а со Сталиным. В дневнике Геббельс писал, что он беседовал с Гитлером о сепаратном мире и что «фюрер скорее был бы готов пойти на переговоры со Сталиным. Но не думает, что это привело бы к положительным результатам, поскольку то, что он требует на Востоке, Сталин не сможет отдать». А в докладной записке Геббельс предлагал Гитлеру пойти на мирные переговоры со Сталиным, ибо в этом «есть шанс».

Последнюю попытку осуществить сию идею Геббельс сделал уже после самоубийства Гитлера, став его волею канцлером несуществующего рейха. Об этой попытке мы знаем из мемуаров наших военачальников. И поражаемся: до какой степени этот хитрый политикан был политически безграмотен. В мае 1945 г. ставить какие-то условия победившему в таких муках фашизм Советскому Союзу!

ПАРТАЙГЕНОССЕ МАРТИН БОРМАН

Пожалуй, ни о ком из гитлеровских паладинов не говорили столько после капитуляции нацистской Германии, сколько о Мартине Бормане, заочно приговоренном Нюрнбергским международным военным трибуналом к смерти через повешение.

Говорили о его таинственном исчезновении... Следы Бормана обрывались в ночь на 2 мая 1945 г. Будто бы тогда шофер Гитлера Кемпка видел его рядом со взорванным танком неподалеку от вокзала на Фридрихштрассе. Достоверно известно лишь, что вечером 1 мая один из трех наследников Гитлера, только что назначенный глава партии нацистов Борман, пытался прорваться из бункера фюрера сквозь уже занятый советскими войсками Берлин.

Особо усилились слухи о том, что Борман скрывается под чужим именем, в 60-х годах, когда израильская разведка обнаружила в предместье Буэнос-Айреса Адольфа Эйхмана, сделавшего себе пластическую операцию и спокойно занимавшегося коммерцией.

Итак, по иронии судьбы именно «серый кардинал» Гитлера, «тишайший» из коричневых властителей Германии стал предметом наиболее громких сенсаций. Сенсации эти сейчас стихли: во-первых, останки Бормана, видимо, найдены, эксгумированы и опознаны. Во всяком случае, так утверждает известный журналист Иохен фон Ланг в своей книге «Секретарь». А во-вторых, Борману в 1990 г. было бы девяносто лет. Многовато для активного политического деятеля.

Впрочем, на взгляд автора этой книги, по-настоящему интересна не загадка смерти Бормана, а загадка его жизни. Пользуясь вполне доступными ныне документами: тысячами указов и циркуляров, подписанных Борманом, его записными книжками и личными письмами,

наконец, прямыми и косвенными свидетельствами очевидцев, мы *обязаны* признать, что именно Борман был ключевой фигурой в нацистском рейхе; под конец, по-видимому, и сам Гитлер оказался у него в руках. И в то же время у нас нет оснований не верить тому же Лангу, который описал весьма примечательный эпизод: 1 мая 1945 г. Ланг — тогда ему было девятнадцать лет,— военнообязанный и раненый, оказался в охране берлинской радиостанции. Командир охраны, эсэсовский генерал, услышав передачу из Гамбурга, где говорилось, что фюрер «пал смертью храбрых» в боях за Берлин (в действительности, как мы знаем, он покончил с собой), заявил: «Мы не капитулируем и в полночь будем прорываться в направлении Гамбурга. Прорыв состоится под командованием рейхслейтера Бормана». Имя это, по словам Ланга, вызвало у всех удивление. И один из солдат спросил на неподражаемом берлинском диалекте: «Кто это такой еще? Разве все генералы пали смертью храбрых вместе с фюрером? Кто, собственно, такой, этот Борман?» На что супруга эсэсовского генерала, ярая нацистка, ответила: «Он (Борман) ближайший соратник фюрера, его секретарь». И далее Ланг пишет: «Не только мне одному показалось странным, что нас поведет в последний бой какой-то секретарь. Я вообще в первый раз услышал имя Бормана». Тоталитарное государство живет по своим законам: в нем личный шофер иногда значит больше, чем министр. В нацистском тоталитарном государстве ефрейтор, а не генералы, принимал стратегические решения. Архитектор (Шпеер) правил промышленностью, фельдфебель (Аман) — издательствами, а муж посредственной актрисы, по специальности летчик (Геринг) — театрами. И никого это не удивляло. До самой смерти Гитлера только узкий круг приближенных знал о существовании его долголетней любовницы Эвы Браун, зато миллионы людей без запинки сказали бы, что овчарок Гитлера кличут Блонди и Бела. До сих пор никто не может с достоверностью утверждать, приземлился ли в мае 1941 г. в Шотландии тогдашний заместитель фюрера Гесс по желанию Гитлера или вопреки его воле.

Тоталитарное государство полно тайн, больших и малых. Тайна — это условие его существования. Видимый фасад не имеет ничего общего с лабиринтами власти, с закоулками, где вершились темные дела, плелись интриги и где сколачивались и снова распадались группки «вождей», боровшихся друг с другом. Тоталитаризм —

это рукопашная впотьмах. Он несовместим со светом гласности.

* * *

Карьера Бормана началась с преступления. С жестокого садистского убийства. История его такова: в один из милитаристских «союзов» в Пархиме (Мекленбург) — таких «союзов» в Германии тогда были десятки — вступил в 1923 г. некий Кадов, учитель начальной школы. Этот Кадов был хвастун, ничтожество и к тому же не отдавал долги. В общем, обычный «кадр» карликовых полууголовных милитаристских организаций. Борман — член «союза», а главное, Тройенфельс, у которого Борман служил кем-то вроде управляющего именем, и еще несколько местных помещиков решили «убрать» Кадова. Тут же они распространили слух, будто Кадов шпион и предатель. А стало быть, подлежит суду «феме». Теперь, спустя много десятилетий, видно, что суды «феме», а попросту линчевание бывших сообщников, сыграли огромную роль в формировании «обыкновенного фашизма». Во-первых, они превращали абстрактный образ врага в конкретного носителя зла, от которого будто бы происходят все беды. Во-вторых, скрепляли круговой порукой участников преступления. Попробуй-ка выйди из «союза», если замешан в мокром деле, — тебя сразу уничтожат. В-третьих, так готовили будущих убийц, внушая им, что во имя «идеала» (какого — безразлично!) можно пролить человеческую кровь. Наконец, суды «феме» внушали населению темный, необъяснимый, почти мистический ужас...

Итак, Кадова решили убить. «Организационная» часть была поручена Борману. Борман посулил Кадову, что ему еще раз дадут в долг. И впрямь «партийный» кассир бакалейщик Мазоле выдал ему небольшой аванс и здорово накачал шнапсом. Пьяный Кадов направился в пивную напротив лавки кассира, а затем сел на велосипед и отъехал километров на 15. Борман в это время «согласовывал» и «утрясал». Кадова перехватили на дороге и вернули в пивнушку, где напоили до бесчувствия. После обыскали и будто бы нашли билет члена коммунистического союза молодежи и рубли (!), что звучит явной нелепицей. Вот и весь «суд». А далее дело шло так: мертвецки пьяного Кадова перенесли в пролетку, двое молодчиков Бормана сели с ним рядом,

двое влезли на козлы, а двое стояли на подножках. Кадова вывезли из города и начали вшестером избивать палками и резиновыми дубинками. В конце концов один из убийц, сельскохозяйственный рабочий Рудольф Хёсс,— запомним это имя, впоследствии Хёсс стал комендантом лагеря уничтожения в Освенциме — вырвал молодое деревцо и размозил череп пьяному. Кадова отвезли в поместье, где один из преступников перерезал ему горло перочинным ножиком, а другой всадил в голову две пули. После чего пролетку вымыли, одежду Кадова сожгли, а труп закопали ночью неподалеку в сосновом лесочке. Борман вызвал еще двух «начальников» «союза», и они договорились, как держать себя в случае раскрытия преступления. Они, дескать, ничего не знали о жестокой расправе, просто велели поколотить Кадова. Не убийство на политической почве, а хулиганство. Борман приказал непосредственным участникам смыться и был, видимо, уверен, что преступление никогда не раскроют. Но вышло иначе: один из шестерых, психопат, уже сидевший в Берлине в сумасшедшем доме, спустя три недели явился в редакцию социал-демократической газеты «Форвертс» в Берлине и выложил все начистоту. Среди мекленбургских работников юстиции было много реакционеров, и поначалу следствие подвигалось туго. Служителям Фемиды хотелось списать все на пьяную драку. Но после долгих проволочек дело все-таки передали в Лейпциг, и оно подпало под закон «Об охране республики». Тогда был арестован и Борман. Бормана тщательно охраняли, ибо незадолго до этого из тюрьмы бежал небезызвестный Эрхард, ярый враг Веймарской республики, организатор многих путчей. В 1929 г. Борман, расхрабрившись, писал в «Фёлькишер беобахтер»: «Мы вовсе не думали о побеге... Мы были твердо уверены и до сих пор уверены в том, что не были не правы, а были правы и заслужили не наказание, а поощрение». В 1923 г. был гитлеровский путч в Мюнхене. И вообще в этот год в Германии подняла голову реакция. Однако армия подавила беспорядки, и выпущенный было из-под стражи Борман сел на скамью подсудимых. Казалось, он понесет заслуженное наказание. Но темные батраки-исполнители плохо представляли себе, кто именно направлял их руку¹. Кроме

¹ Много десятилетий спустя нашелся свидетель, который видел, что Борман был во время «суда» в пивной и подсунул пистолет одному из непосредственных убийц. В 1924 г. свидетель побоялся сказать об этом.

того, веймарское правосудие не очень-то хотело вмешиваться в дела судов «феме». Поэтому убийство Кадова было квалифицировано как «непреднамеренное». Парень, перерезавший горло Кадову, получил 12 лет тюрьмы. Хёсс — 10 лет и т. д. Бормана осудили всего на год. И он просидел 11 месяцев.

Отныне во всех своих многочисленных анкетах и автобиографиях он писал, что «занимался политической работой» с 1923 г., еще до вступления в партию НСДАП, за что и отсидел год «в тюремных застенках Республики».

* * *

Биографический жанр предполагает хотя бы короткие сведения о детстве и отрочестве «героя». Мартин Борман родился в 1900 г., в четыре года потерял отца, мелкого служащего. Мать его вскоре вышла замуж за директора филиала банка. За восемь лет Борман одолел семь классов реального училища. Его еще успели призвать в армию, где он не получил никакого звания, числился рядовым артиллеристом, а на самом деле, видимо, был офицерским денщиком¹. Ничего примечательного во всей этой «предыстории» нет, кроме одной черты характера Бормана — он терпеть не мог своих близких — отчима, воспитавшего его, родных и сводных братьев и сестер. Всех без исключения. Грубил даже матери, когда она давала ему какие-то советы, дескать, не влезай в мои дела. Такая «несемейственность» в человеке, воспитанном в тогдашней Германии с ее традициями почтения к старшим, к своим воспитателям и безусловной сыновней любви к матери, была чем-то исключительным. Впрочем, если бы Борман стал официальным преемником Гитлера, будущие придворные историки, возможно, подчистили бы его биографию, представив злого хама, который ненавидел всех, кто помогал ему, эдаким простачком-добрячком, из принципиальных соображений не желавшим выдвигать родственников, дабы предотвратить nepотизм.

¹ По свидетельству того же биографа Бормана Ланга, пребывание в денщиках очень причудливо отразилось на его склонностях. У всемогущего «секретаря» было примерно 35 пар сапог — коричневых для мундира НСДАП, черных — для эсэсовского мундира. И сапоги всегда блестели. Бывший денщик получил возможность тиранить собственных денщиков, заставляя их надраивать свои сапоги. Деталь мелкая, но характерная.

Но самое интересное, что именно Борман, не признававший уз родства, сделал решающий шаг к своей карьере благодаря *родственным связям*. Он женился на дочери Вальтера Буха, главного партийного «судьи», председателя так называемой УШЛА. Аббревиатура эта буквально переводится так: Комитет по расследованию и улаживанию при руководстве НСДАП. Вальтер Бух был «старый боец» — так назывались все нацисты, примкнувшие к «Движению», то есть к Гитлеру, до 1923 г., до «пивного путча». В ноябре 1923 г. Бух шел в партийных рядах под предводительством Гитлера, Людендорфа, Геринга. В 1929 г., когда состоялась свадьба Мартина Бормана с Гердой Бух, двадцатилетней бесцветной долговязой девицей (она была на 10 см выше Бормана), Бух пользовался большим влиянием в НСДАП и у самого фюрера. Достаточно сказать, что он был депутатом рейхстага, когда нацисты имели там всего 12 мест! Само собой разумеется, УШЛА следила не за честностью, неподкупностью и нравственностью членов партии. Они могли быть ворами, хулиганами и насильниками, но ни в коем случае не «вероотступниками», нарушителями партийной дисциплины и воли фюрера. УШЛА, таким образом, стала важным орудием в руках Гитлера, чем-то вроде суда «феме», только легализованного.

Ну, а кем был в 1929 г. Мартин Борман?

Всего-навсего кассиром в кассе СА для помощи в случае надобности. Всякие нацистские кормушки, куда уже потекли капиталы рейнско-рурских промышленников и банкиров, как показали последующие события, стали немаловажным фактором в жизни партии. В СА Борман попал уже в 1926 г., когда штурмовиков возглавлял верховный фюрер СА (ОСАФ) Пфедфер фон Заломон. У него была сравнительно большая власть. Но «кассира» Бормана никто не принимал всерьез. Это был ничем не примечательный малый, не умевший ни произносить зажигательные речи, ни чем-либо другим воздействовать на толпу. До конца жизни он писал суконным языком казенных бумаг. И партийные вожди — от Геринга до Грегора Штрассера, от Розенберга до Шираха и от Геббельса до Лея — в ту пору относились к нему как к пустому месту ¹.

А вот на свадьбе Бормана собственной персоной

¹ В НСДАП Борман вступил в 1927 г. и занял незначительный пост в Тюрингии, а в 1928 г. стал там же «фюрером хозяйственного отдела», попросту хозяйственником.

присутствовали Гитлер и Гесс, а также Пфедфер и многие другие влиятельные нацисты. Естественно, ради отца невесты Буха. Свадьба была не «церковная», а партийная, «антирелигиозная». Вроде бы родители Герды были довольны будущим зятем. Впоследствии они жестоко заплатились за недостаток чутья, что ли... Но до того, как Борман стал первым помощником фюрера, еще много воды утекло. А в 1929 г. он был еще пешкой, а Бух — «фигурой».

В 1930 г. в СА произошли большие изменения — Гитлер удалил чересчур самостоятельного Пфедфера фон Заломона, который не только имел реальную силу и хотел играть самостоятельную роль, но и открыто бунтовал. После этого Гитлер перетряхнул всю верхушку штурмовиков. Должность ОСАФ'а была упразднена. Номинальным командующим СА стал сам Гитлер, а вернувшегося из Боливии Рема он назначил начальником штаба штурмовиков.

Но и Борман не остался в СА — наверно, почувствовал, что реальная власть перемещается от забубенных коричневорубашечников к будущим партийным аппаратчикам. Как уже говорилось выше, в партии нацистов существовала политическая организация. И Борман перешел туда, ибо его «канцелярское рвение» было оценено. Помогли, очевидно, и связи «старого бойца» Буха. Хотя к тому времени Борман и впрямь стал ценным работником. Он научился писать «исходящие» бумаги, докладные записки и т. п., то есть делать то, чем нацистские фюреры пренебрегали! Именно тогда он пожаловался в одном из писем: дескать, и я тоже хотел бы лучше остаться в СА, чем «просиживать штаны с утра до ночи за письменным столом и ворочать папками с делами».

Всем партийным аппаратом ведал в ту пору Грегор Штрассер. Так что непосредственно Борман был подчинен ему. Но уже в 1932 г. слишком независимый Штрассер, который предлагал свои пути завоевания власти и к тому же начал вести переговоры со Шлейхером, предлагавшим ему стать вице-канцлером, оказался не ко двору в НСДАП. Гитлер устроил ему скандал и предал анафеме. А после, как водится, «реорганизовал» ПО и сам возглавил эту организацию, добавив «Штаб центральной комиссии», начальником которого назначил Лея. Но предусмотрительно вывел из подчинения Лея двух других своих сатрапов — Гесса и Дарре, которым, естественно, тоже придал соответствующие чиновничьи аппараты.

Как мы видим, в нацистском «Движении» непрерывно шла борьба не на жизнь, а на смерть. Борьба за власть! Многие партийные бонзы ставили не на Гитлера, а на Штрассера, более сильного организатора и более «левого». Но Штрассер сдал позиции без боя, за что жестоко поплатился: в 1934 г. Гитлер убил его вместе с Ремом в «ночь длинных ножей».

Незаметное положение Бормана имело свои преимущества. Он мог лавировать, выжидать. Ведь, по свидетельству историков, руководство НСДАП было в 1930—1932 гг. «джунглями», и ни один человек точно не знал, кто из крупных хищников одержит верх.

* * *

Только в июле 1933 г. Борман впервые окончательно «определился» — его назначили начальником штаба «заместителя фюрера» Рудольфа Гесса. В этом же году он стал рейхслейтером НСДАП и депутатом рейхстага.

В том гадюшнике, который представлял собой партийный и государственный аппарат Гитлера, Гесс был, пожалуй, самой загадочной личностью. Разумеется, он входил в главу «Жизнеописание наших вождей» в «Путеводителе по национал-социализму». И появлялся на всех фотографиях рядом с Гитлером, но чем он занимался конкретно, так и осталось непонятным.

Родился Гесс в 1894 г., то есть был всего на шесть лет старше Бормана. Но уже сильно преуспел. В 1914 г. пошел добровольцем в армию. Был летчиком. В 1920 г. примкнул к нацистам. Одновременно учился в Мюнхенском университете. Сильное влияние на него оказал профессор Карл Гаусгофер, основатель «геополитики», науки, которая была чрезвычайно полезной Гитлеру для «обоснования» его агрессии. (Согласно Гаусгоферу, на границах рейха всегда должны были быть «дружественные», читай: подвассальные государства. А границы нацисты все время расширяли!) После путча 1923 г. Гесс сперва бежал в Австрию, а потом добровольно вернулся и сел в Ландсбергскую тюрьму, где уже находился Гитлер. Помог ему написать «Майн кампф», так как умел стенографировать и был намного грамотнее своего патрона. С 1925 по 1932 г. не занимал никакого официального партийного поста, но был неразлучен с Гитлером, был его «тенью». Он оказался одним из тех, кто создавал культ фюрера. Так, например, сообщники обращались

к Гитлеру «герр Гитлер», Гесс ввел новое обращение: «мой фюрер», то есть «мой вождь». Гесс буквально обожествлял Гитлера, но поскольку он всегда притворялся и, как мы увидим далее, разыгрывал из себя то «абсолютного идеалиста», а то и просто сумасшедшего, его отношение к фюреру остается тоже не совсем понятным. Однако карьера Гесса шла по восходящей, ибо он не претендовал на первенство. В 1932 г., когда Штрассер окончательно впал в немилость, Гесс возглавил Политический отдел в верхушке НСДАП. А с апреля 1933 г. ему официально присвоили титул (или звание?) «заместителя фюрера». В том же году он стал министром без портфеля в кабинете Гитлера. В 1938 г. Гесса ввели в Тайный министерский совет (в нем заседало всего 6 человек), а в августе 1939 г. в Министерский совет обороны. Таким образом, к партийным должностям Гесса прибавились еще важнейшие государственные посты. И наконец, в 1939 же году Гитлер назначил Гесса своим вторым (после Геринга) преемником.

Таковы веки чрезвычайно успешной карьеры Рудольфа Гесса, непосредственного начальника Бормана. Однако, только изучив биографию Бормана, можно понять, насколько важная роль предназначалась «моим фюрером» его «тени» Гессу. Захватив власть и заняв пост канцлера, а после, совместив в одном лице канцлера, президента страны и главнокомандующего, Гитлер нуждался в абсолютно послушном и всемогущем аппарате — орудии личной власти. И его «заместитель» должен был этот аппарат создать. Создать корпус аппаратчиков — всесильный и в то же время беспрекословно послушный своему «вождю».

Но у Гесса было одно общее со многими другими партийными политиками-нацистами качество. В том числе и с Гитлером ¹. Гесс также никогда в жизни не работал систематически, не имел твердой профессии. Летал, но не стал профессиональным летчиком. Учился, но не получил профессию, допустим, юриста или историка, инженера или врача.

¹ Один из первых и лучших биографов Гитлера — Алан Буллок писал: «Он (Гитлер) ненавидел всякую дисциплину, даже им самим налагаемую на себя... Канцелярская работа тяготила его; обычно, если была хоть малейшая возможность, он предоставлял ее другим. Этот важный факт объясняет власть таких людей, как Гесс и Борман, которые выполняли всю эту работу за него». Но «старый боец» Гесс также старался «спихнуть» ее на своего секретаря Бормана.

«Старые бойцы» были не только малообразованные дебоширы, но и деклассированные элементы. Они умели ломать, но не строить.

Надо отдать справедливость Гитлеру — до 1937—1938 гг., а то и раньше, он оставлял на важных постах и в государстве, а особенно в армии профессионалов. Только в 1938 г. кадрового дипломата, министра иностранных дел фон Нейрата сменил торговец шампанским Риббентроп. И лишь в 1937 г. вместо Шахта министром экономики стал журналист Функ. А вот граф Шверин фон Крозигк как был при Папене министром финансов, так и остался на этом посту до конца. Правда, в 1938 г. прошла свирепая чистка в армии. Именно тогда Гитлер под смехотворными предложениями устранил от дел военного министра фон Бломберга и главнокомандующего сухопутными силами Фрича. Тем не менее многих известных старых генералов он, кляня, терпел почти до последних дней. Так же, как и начальника президентской канцелярии Ламмерса, который ушел в отставку лишь в 1944 г. Но партийными делами не мог заниматься ни генерал, ни крупный финансист, ни кадровый дипломат. Тут нужны были свои специалисты.

Гесс, очень близкий Гитлеру человек, был еще менее самого фюрера способен к аппаратной работе. И уж вовсе не хотел сидеть за письменным столом, облекая довольно сумбурные «идеи» фюрера в бюрократические законы.

Бессмысленный полет Гесса в мае 1941 г. в Англию показал, что он являлся полным профаном в политике. Человек, находившийся на вершине власти в мощной европейской державе, поверил, что ему удастся уговорить британский кабинет «поладить» с Гитлером на том основании, что Гитлер не станет уничтожать «родственную нордическую расу». «Ничего, собственно, оригинального Гесс в Лондон не привез,— пишет А. И. Полтораки в книге «Нюрнбергский эпилог».— А сделав Англии унижительные, по существу, предложения — признать будущее господство Германии в Европе — и обещая ей взамен лишь господство в странах Британской империи, он, конечно, и не мог ничего добиться».

Вступив в НСДАП и отрекшись от религии, что было обязательным для видных нацистов, Гесс, как и многие полунинтеллигентные люди, начал искать какие-то эрзацы веры и нашел их в суевериях, в мистицизме и всякой чертовщине. Живейший интерес проявлял

секретарь Гитлера к книгам о средневековых пытках и аскетах, умерщвлявших свою плоть. Он уверовал в магнетизм, верил в знахарей, гадалок, ясновидцев, астрологов, спиритов. Гесса лечили десятки врачей, хотя он, как известно, дожил до 93 лет в тюрьме Шпандау¹ и покончил жизнь самоубийством.

Будучи интернирован англичанами, Гесс притворялся сумасшедшим. Ту же тактику он использовал и на процессе в Нюрнберге. Читая его последнее слово, становится не по себе. Гесс уверял, что у людей, окружающих его, были какие-то «странные глаза», имевшие «стеклянное, зачарованное выражение». И пытался уговорить суд, будто бы существует «тайное средство, заставляющее людей действовать и говорить... как это им прикажут». Составители сборника материалов Нюрнбергского процесса на русском языке даже сделали специальную сноску: «Подсудимый Гесс, продолжая разыгрывать роль психически ненормального, чтобы придать этому большую правдоподобность и убедительность, в последнем слове пытался нести околесицу и в то же время представить дело так, что главари нацистской Германии якобы были в неведении относительно творившихся злодеяний и что эти злодеяния будто бы совершались под влиянием какого-то дьявольского наваждения».

Авторитетная экспертиза в Нюрнберге признала Гесса вменяемым, но в то же время эксперты сошлись на том, что Гесс истерик и психопатическая личность...

Все это говорится для того, чтобы сразу же поставить точки над «i»: *правящую* партию нацистов на новом этапе, вернее, ее «администрацию» создавал отнюдь не Гесс. С самого начала Мартин Борман, катапультированный на свой пост вероятнее всего Бухом, получил широкое поле деятельности. Пока Гесс беседовал с духами и ходил на лыжах, его начальник штаба «просиживал штаны» и плел сложные интриги.

* * *

Каким же был в то время Борман? Как выглядел? Какие у него оказались «чиновничьи» достоинства? Как к нему относились окружающие?

¹ Гиммлер тоже пытался сноситься с «духами» и заниматься оккультизмом. Но по натуре он был прагматик, и дело ограничивалось тем, что шеф СС лечил своих эсэсовцев «травмами», презрев официальную медицину.

Розенберг, Франк, Ширах и другие нацистские фюреры оставили довольно подробный портрет Бормана: бычий затылок, короткая шея, «круглая» сутулая спина, средний рост, широкая физиономия. Из писем к жене видно, что Борман был склонен к полноте и не мог сбросить лишний вес. Шелленберг в своих мемуарах писал: «Мысленно я часто сравнивал его с боксером, который, наклонив туловище вперед и рыская глазами, разглядывает противника, чтобы внезапно кинуться на него».

Внешность Бормана на последнем этапе весьма подробно описал ротмистр Больдт, которого допускали для докладов в бункер Гитлера и который, очевидно, уже понимал, какую роль играл «альтер эго» нацистского фюрера. Вот что рассказал Больдт:

«На вид ему было лет сорок пять... Похож, пожалуй, на тяжеловеса. Выдающиеся вперед скулы и широко расставленные крылья носа придавали его круглому лицу энергичное и грубое выражение... Его темные глаза и выражение лица свидетельствовали о коварстве и холодной беспощадности».

Подытоживая, можно сказать: Борман никак не напоминал светловолосого стройного викинга с удлинённым лицом. Впрочем, это была беда не только Бормана, но и многих его высокопоставленных коллег по партии. Эталонами истинного германца внешне они никак не являлись.

Дошли до нас также и описания повадок Бормана. Он стоял перед Гитлером, как пишут очевидцы, «в позе лакея», чуть наклонив вперед верхнюю часть туловища, и тщательно прислушивался. По первому знаку готов был броситься выполнять поручение «своего фюрера». На поясе у Бормана висел блокнот, куда он заносил каждое слово Гитлера. Лишь только Гитлер открывал рот, как Борман начинал записывать. Если фюреру нужна была справка или если он просто не мог вспомнить чью-то фамилию, какую-то дату, название книги, Борман незаметно исчезал и мчался к телефону — в его штабе было множество опытных эрудированных сотрудников, работавших днем и ночью. И, глядишь, через несколько минут или часов нужная справка была готова. Тогда «лакей» Борман почтительно, без всякой аффектации общал Гитлера нужные сведения.

Но главным достоинством Бормана было его умение «докладывать»: четко, ясно, немногословно, понятно

и без всяких комментариев, не высказывая собственного мнения. Самый подбор фактов в докладах Бормана был чрезвычайно тенденциозен. Он как бы вкладывал в уста Гитлера нужный ему ответ. Но если фюрер вдруг «взбрыкивал», Борман ни одним словом ему не перечил и неукоснительно выполнял его распоряжения. Ибо Гитлер был столь же злобен и злопамятен, как и его главный исполнитель Борман. В последние годы нацизма фюрер вообще не желал выслушивать ничьих «рапортов», кроме «рапортов» Бормана. Как только кто-либо другой пытался объяснить ему ситуацию, он впадал в ярость, начинал кричать и топтать ногами.

Основным правилом Бормана было правило, которое можно выразить так: ни на минуту не оставлять фюрера. Он всегда находился поблизости от Гитлера: в кабинетах, на заседаниях, в узком кругу соратников, за обедом, в поездах, в самолетах¹. А в годы войны в различных ставках. К чему это привело на последних этапах нацизма, будет рассказано ниже...

Но до этого еще далеко. Борман лишь в начале своей карьеры. Затаив дыхание, внимает Гитлеру и, так сказать, «приучает» его к собственной персоне. До какой степени он приспособливается к «хозяину», видно по мелким штрихам: Борман был заядлый курильщик. Гитлер не выносил запаха табака. Проводя долгие часы с Гитлером, Борман ни разу не закурил. Либо терпел, либо на секунду выбегал из комнаты. Борман был не дурак выпить, а Гитлер не потреблял спиртного. Лишь в короткие дни отлучек Борман напивался: в присутствии Гитлера он не брал в рот ни капли алкоголя. В военные годы в ставке Гитлера подавался на стол овощной суп, ломтик хлеба, творог (Гитлер, как известно, был вегетарианцем). Обжора Борман также сидел на голодной диете². Но, пожалуй, самым «геройским подвигом» Бормана было то, что он из ночи в ночь на протяжении

¹ Правда, стать «тенью Гитлера» ему было дозволено примерно с 1936 г.

² Эти тяготы Борман терпел только потому, что «караулил» Гитлера. Остальные нацистские бонзы и в годы войны предавались роскошам. В берлинском ресторане Хорхера, к примеру, всю войну подавали фазанов, омаров и икру. Шпеер поведал миру, как его принимал Функ в 1943 г.: «Еда, которую, как всегда у Функа, подавали лакеи в ливреях, была такой же, как в мирное время. Суп-пюре из протертых фазанов, за этим последовало нашпигованное седло косули в сметанном соусе. Ко второму наливали отличное мозельское, а шербет мы запивали старым шампанским».

многих лет выслушивал разглагольствования фюрера о «вреде никотина», о «преданности собак», об «архитектурных замыслах в отношении Линца» (родного города Гитлера) или о выведении «чистопородных немцев».

И дело заключалось не только в том, что Борман умел «слушать». По существу, он очень скоро превратился в своеобразный «цех» по переработке словесных пассажей Гитлера в указы, приказы, законы, распоряжения, указания, директивы, рекомендации, циркуляры, словом, Борман делал то, что не захотел делать Гесс! «Мысли» Гитлера, переведенные на канцелярский язык, звучали иногда до крайности странно. Но это никого не смущало.

Биографы Бормана, а также историки и публицисты, занимающиеся нацизмом, в один голос отмечают исключительную память Бормана, его исполнительность и трудоспособность. А также его железное здоровье и выносливость. Утром, когда Гитлер еще спал, он улаживал все свои многочисленные дела. А ложился спать в то же время, что и фюрер, то есть глубокой ночью.

Кротость Бормана по отношению к фюреру сочеталась с чрезвычайной грубостью по отношению ко всем остальным. Разумеется, хамство Бормана проявлялось тем сильнее, чем большей властью он завладевал. Нетрудно понять, что, если вначале его полная безликость вполне устраивала нацистских бонз, то впоследствии Бормана раскусили и возненавидели. Но было уже поздно.

Характерно, что Эрнст Ханфштенгль, так называемый «Путци», сынок крупного дельца, который помогал еще неизвестному Гитлеру, знакомя его с «высшим обществом» Баварии, отзывался о Бормане вполне положительно. Но «Путци» в 1937 г. удрал из гитлеровской Германии. Борман еще не успел тогда «развернуться». «Путци» уверял, что Борман «честен, скромн (курсив мой.—Л. Ч.) и бережлив». «Он оказывал хорошее влияние» на Гитлера. И далее: «Они с Гессом неумоимо боролись против коррупции».

Совершенно иначе характеризовал Бормана Ширах, который, как и Ханфштенгль, был одно время любимцем фюрера. Ширах признался: «Я долгое время не понимал, какой он (Борман) опасный». В книге «В преддверии виселицы», написанной в Нюрнбергской тюрьме, Ганс Франк называл Бормана «сервильным батраком Гитлера» и «подлой тварью». Он же утверждал, что Борман «никогда не испытывал угрызений совести». Франц Ксавер Шварц, казначей НСДАП и личный

приятель Гитлера, часто сталкивавшийся с Борманом, уверял: «Борман — самый ужасный себялюб и враг старой партийной гвардии». По словам Шварца, он опасался, что секретарь фюрера «когда-нибудь всех нас (гвардию) уничтожит». Дарре, который одно время кооптировался с Борманом, впоследствии писал: «Он преследует одну цель: стать жестоким партийным диктатором». Дарре отмечал также непомерное честолюбие Бормана.

Довольно подробную характеристику Борману дал министр финансов Шверин фон Крозигк. «Этот человек,— писал он,— который тихой сапой продвигался к невиданной власти, питал, как и его предшественник (Гесс), антипатию к пышным выступлениям, к публичности и пересудам насчет своего шефа. Но в остальном они (Гесс и Борман) не имели ничего общего. В Бормане не было никакой «потусторонности». Он был грубым материалистом и обладал столь явной страстью к интригам, что она была даже в этих кругах интриганов необычной, и тщеславием, сравнимым разве что с тщеславием Гимmlера, на которого он походил также тем, что не считался с человеческой жизнью. Кроме того, он настолько презирал правду, что его безразличию к ней мог позавидовать сам Геббельс. Он был куда более твердокаменным, нежели Гесс. И не выпускал вожжи партийного руководства из рук, обуздывая гаулейтеров, большинство которых, скрипя зубами, ему подчинялись».

Из книги Альберта Шпеера «Государство рабов» видно, что в последние два-три года перед концом нацистского рейха именно аппаратные игры Бормана — Гимmlера определяли самоубийственную политику Гитлера. Шпеер называет Бормана «мотором геноцида, заряженным ненавистью». Пишет о тотальной слежке, которая велась также за «ведущими головами рейха», и о том, что каждый из власть имущих понимал: «В один прекрасный день Гимmlер и Борман могут использовать собранный материал против них». Шпеер также рассказывает, что в середине марта 1945 г. к нему пришел Гимmlер, чтобы как-то попытаться «выйти из игры, начать переговоры с Западом». И тогда Шпеер будто бы старался ему внушить, что в этой ситуации надо прежде всего «изолировать Бормана». О «холодном коварстве Бормана» писал и Клаус Манн, сын Томаса Манна, прекрасно разбирающийся в том, что происходило на его родине, в Германии, которую он вынужден был покинуть.

Старт небывалой карьере Бормана дал сам Гитлер. 14 июля 1933 г. он издал закон: «В Германии в качестве единственной политической партии выступает Национал-социалистская рабочая партия (НСДАП)». И далее, 1 декабря того же года, он провозгласил, что НСДАП — «носительница государственной идеи, она неразрывно связана с государством».

Законы эти Гитлер, безусловно, создавал для себя самого. Звериный инстинкт диктатора подсказывал ему необходимость построения *однопартийной* системы, а также необходимость сращивания этой системы с государственной. Вернее, сращивания двух аппаратов — партийного и государственного для создания сверхмощной номенклатуры, которая проникала бы во все сферы жизни и деятельности подданных фюрера. Власть министров и гаулейтеров, статс-секретарей и рейхслейтеров, подчиненная лично Гитлеру, должна была стать единой и неделимой.

Однако как строить государственную машину, административный аппарат — этого ни сам Гитлер, ни его ближайшие сподвижники не знали. Мы уже говорили выше, что до 1937—1938 гг. многих крупных профессионалов на важных постах оставили как в государстве, так и в армии. То же произошло и в отдельных министерствах и учреждениях. Даже гестапо в большинстве своем состояло из старых чиновников. Генрих Мюллер, глава гестапо, пришел из баварской полиции вместе с целой группой менее «знаменитых» сотрудников той же полиции.

Это не означало, однако, что аппараты министерств и ведомств при нацизме не менялись вовсе. Как раз наоборот. Известно было, что Гитлер ненавидел государственных служащих. Уже в первые месяцы 1933 г. было издано несколько поистине «сокрушительных» законов, предполагавших увольнение старых чиновников и «призыв» новых. 7 апреля появился закон о «восстановлении статуса чиновничества», согласно которому все «неблагонадежные» государственные служащие, равно как и служащие «неарийского происхождения», подлежали немедленному изгнанию со своих постов. В июле того же года чиновникам было предписано отдавать друг другу «гитлеровское приветствие», а не здороваться за руку. Объявленный 1 декабря закон «Об укреплении единства партии

и государства» привел не только к личной унии партийной верхушки с государственной, но и к тому, что партийные «активисты» были внедрены в государственный аппарат. В начале следующего года Имперский союз служащих (ДАФ) вообще слился с нацистской партией. Практически все немцы, которые хотели удержаться на государственной службе, рассчитывая на социальное страхование, на пенсию и т. д., должны были вступить в НСДАП. А позже Гиммлер стал жаловать этим людям эсэсовские чины. На парадные приемы они приходили в палаческих черных мундирах с «мертвой головой». И вот пойми, не то это были государственные служащие, не то члены какого-то полувоенного бандитского ордена!

Большая чистка государственного аппарата прошла в 1937—1938 гг. Было ли это случайное совпадение в деятельности двух диктаторов — Сталина и Гитлера? Споспсобствовал ли этому полный «паралич воли» у западных демократий?

Гитлер «очищал» чуждый ему государственный аппарат, чтобы получить полную свободу рук.

Кроме того, он также намеревался избавиться от прежних соратников, которые привели его к власти. Но эту чистку, как мы уже неоднократно показывали, проводил поэтапно — с 1934 г. до самых последних дней.

В пору первой перетряски аппарата государственной власти в Германии в партийной верхушке было учреждено два секретных отдела: отдел ПОИ для «надзора за чиновничеством» и отдел ПОИ для надзора за партийной номенклатурой. Деятельность их проходила тайно. И, на мой взгляд, недостаточно изучена. Ясно только одно: оба отдела были послушным орудием в руках Бормана.

В Германии никто никогда не провозглашал лозунга: *«Кадры решают все»*. Однако кадры действительно решали все. И, как теперь видно, единственный, кто это понял в полной мере, был Мартин Борман.

Если «обновление» государственного аппарата можно было проделать с помощью нескольких законов и явных чисток, то «обновление» партии было куда более щекотливым делом. Ведь большинство партийных должностей заняли «старые бойцы». Они имели «золотые партийные значки» и «ордена крови» (эти ордена давались тем, кто участвовал в путче 1923 г.). Но сия разношерстная публика — полуграмотные лавочники, мелкие хозяйчики и ландскнехты из «фрейкоров» — совершенно не подходили

к окружению Гитлера после его прихода к власти. Теперь за столом фюрера сидели промышленники, банкиры, красавицы аристократки, генералы и адмиралы. «Старых бойцов» надо было убирать, но как можно тише и незаметнее. На роль такого рода «вышибалы» Борман годился как нельзя лучше. Он не был «старым бойцом». Гаулейтеры его не признавали. Даже стали обвинять чуть ли не в «сталинизме».

Правда, и сам Борман не очень-то «корреспондировал» с изысканным обществом. Но он умел быть незаметным. И на первых порах действовал из-за спины Гесса.

Начал Борман, казалось, с малого: сформировал свою личную «администрацию», свой штаб. И завладел финансами Гитлера.

В годы войны аппарат штаба Бормана достиг 500 человек. Но это был «потолок». Однако уже с самого начала он привлек к работе сильных юристов, придав им статус чиновников со всеми вытекавшими отсюда привилегиями и льготами. Правой рукой Бормана стал Генрих Гейм, которого он сделал министерал-советником, то есть крупным чиновником. Гейм был советником Бормана, но о его существовании никто из простых смертных вообще не подозревал. Найти его в «именных указателях» самых дотошных исследований в большинстве случаев невозможно. Если до 1940 г. Гесс был «тенью» Гитлера, а Борман «тенью» Гесса, то Гейм был «тенью тени»!

Что касается личных финансов Гитлера, то ни его самого, ни его приближенных они не очень-то интересовали. Гитлер получал огромные суммы от издательства «Эгер», ибо книгу «Майн кампф» обязан был иметь каждый верноподданный в рейхе, и тираж ее рос и рос. Получал Гитлер также канцелярское и президентское жалованье, платила ему, наверняка, и партия, которой он руководил. Но главное заключалось не в этом. Так же, как власть государства, партии и фюрера не была разграничена, не разграничивалась и государственная, партийная и гитлеровская казна. Это привело к парадоксальному положению: финансовые возможности Гитлера были практически безграничны, а наличных денег у него за ненадобностью никогда не водилось. Борман покупал для Гитлера все, включая подарки его любовнице Эве Браун. А когда Гитлеру надо было бросить несколько марок в копилку «Зимней помощи», это делали за него его спутники — скажем, Геринг

или Геббельс, камердинер Линге или адъютант Брюкнер. Но вообще финансами Гитлера распоряжался Борман. Его называли «кошельком фюрера». Даже недвижимое имущество Гитлера было записано на Бормана. И в том хаосе, в который превратили германское государство нацисты, никто этому не удивлялся.

И вот в июле 1936 г. Борман «преподнес» Гитлеру роскошный подарок: тридцатикомнатный дом в Берхтесгадене, в горах, где пришлось, как мы бы сейчас сказали, заново создавать целую инфраструктуру: сеть дорог, мосты, прокладывать кабели, строить подстанции. И конечно, возводить целый комплекс зданий: казармы в форме каре для СД и «Лейбштандарта СС» — дома для обслуги, филиал партийной канцелярии, отель для гостей. И наконец, создавать нечто вроде подсобного хозяйства с коровниками, конюшнями, огромными теплицами, чтобы у Гитлера круглогодично были к столу свежие овощи и фрукты, и с оранжереями для цветов — фюрер любил розы и орхидеи!

В Берхтесгадене, по свидетельству Вульфа, известного историка нацизма и биографа Бормана (он написал книгу «Мартин Борман — тень Гитлера»), было построено 37 зданий стоимостью 1,5 миллиона марок.

Если в первые годы правления Гитлера к его резиденции в Берхтесгадене еще приходили местные жители и даже «паломники», и фюрер время от времени появлялся и говорил со «своим народом», то уже в 1936 г. Борман обнес Берхтесгаден колючей проволокой, и без пропуска на всю эту гигантскую территорию входа не было. Внутри сего пространства действовали «бормановские» законы, например, обслуживающему персоналу запрещали держать собак и кошек, дабы «не распугать дичь». Целую деревню в Зальцбурге Борман снес, чтобы «не портила вид».

Разумеется, все это содержалось до последнего дня за партийно-государственный счет ¹.

Но самое интересное для нас — это то, что неподалеку от «хором» Гитлера Борман построил для себя и своего семейства дом. И, конечно, тоже не за свой счет.

Гости в Берхтесгадене менялись. Менялись секретарши, врачи, адъютанты, приятельницы Эвы Браун. Поменялась даже домоправительница — сперва ею была единородная сестра Гитлера Ангела Раубал. Наконец, меня-

¹ В годы войны в Берхтесгадене были вырыты гигантские подземелья как для Гитлера, так и для семейства Бормана. Этим занимались, по свидетельству Вульфа, 6 тысяч иностранных рабочих.

лась за столом «дама» Гитлера. Только Борман сидел всегда на одном и том же месте, рядом с Эвой Браун, которая его терпеть не могла, но боялась.

Наивно было бы думать, однако, что Борман превратился всего лишь в казначея Гитлера, его прораба и внимательного слушателя! У него были, безусловно, дела поважнее.

* * *

Забегая вперед, скажем, что, завладев финансами Гитлера, Борман, видимо, к концу 30-х годов получил в свое распоряжение и партийную кассу. Во всяком случае, мало кто из гитлеровских сатрапов не обращался к Борману за финансовой «помощью». И Борман, разумеется, давал всем требуемую сумму (безвозвратно!). К примеру, Гимлеру он отвалил 200 тысяч марок для устройства квартиры его любовницы. С остальными Борман был еще щедрее, одаривая их многими сотнями тысяч марок.

Но и это было отнюдь не главным в деятельности Бормана.

Он с самого начала стал создавать свою картотеку возможных партийных и государственных аппаратчиков. В картотеке аккуратно фиксировались биографии и мелкие штрихи из жизни крупных и незаметных бонз. Наибольшее внимание Борман уделял «компроматам»: такой-то функционер, к примеру, напившись, обругал Гитлера. А другой сказал, что, только выехав за пределы нацистской Германии, он дышит свободно. Раз картотека, то, стало быть, и осведомители. И на это тоже шли деньги из партийной кассы, благо она никем не контролировалась! Так Борман начал проводить свою кадровую политику. «Подобно Гейдриху, он завел картотеку на всех, действуя вместе с внутривластным отделом СД,— писал Шелленберг в своих «Записках». — Картотека была своего рода политическим сыскным бюро. При назначениях или продвижениях по службе государственных чиновников, офицеров вермахта или членов НСДАП Борман еще в эпоху Гесса давал свои политические характеристики на основе этой картотеки, блестяще используя ее как инструмент власти. С помощью этого средства он мог оказывать соответствующее давление и на высокие партийные инстанции и в известном смысле держать их постоянно под прицелом; одновременно он тем самым оказывал и влияние на кадровую политику всех органов власти».

Биограф Бормана Ланг, на которого автор не раз

ссылался, предполагая, что уже в 1934 г. списки штурмовиков и опальных политиков, уничтоженных в «ночь длинных ножей», составлялись при участии Бормана. Что ж, это вполне вероятно.

Кто-то ведь должен был представить хоть какую-то бумагу-инструкцию! Сам Гитлер такими «мелочами» не занимался. Это уронило бы его достоинство «высшего существа», фюрера, ведомого Провидением. Заместитель Гитлера Гесс витал в облаках (в нацистских облаках!). Геринг был слишком большим сибаритом, чтобы заниматься «писаниной». Геббельс задумывал для Гитлера парадные шоу типа партийных съездов и сочинял свои статьи и речи. Наконец, простому чиновнику такого ответственного дела не поручили бы, да простые чиновники и не посвящались в подобные кровавые авантюры. Остаются только Гиммлер и секретарь Гесса Борман. Не исключено, что они оба, тогда еще почти никому не известные чинуши, приложили руку к этим спискам.

Ну, а позднее Борман и вовсе вошел в силу. Исподволь «отлучал» от партии «старых бойцов», необузданную вольницу, которая помнила Гитлера еще в начале карьеры, сперва шпиком рейхсвера, потом горлопаном на митингах, помнила, как он заигрывал со Стеннесом, с Пфедфером и Ремом, вождями штурмовиков, как маялся в приемных важных магнатов, рассчитывая на их подачки. На этом основании гаулейтеры и прочая нацистская «номенклатура» надеялись, что ее власть на местах будет неограниченной и что «старые бойцы» до конца своих дней станут стричь купоны со старых «заслуг». Но все это не входило в планы Гитлера и его нового приближенного Бормана.

Во-первых, необходимо было подчинить гаулейтеров и их свору власти в центре. Создать более или менее стройную бюрократическую систему. И, во-вторых, начать проводить опять же из центра нужную кадровую политику, чтобы на ключевых постах не оказались случайные лица из шайки того или иного гаулейтера, крейслейтера или новоявленного министра.

Можно без преувеличения сказать, что на протяжении долгих лет Борман вел беспощадную войну со «старыми бойцами», с гитлеровской «гвардией». Разумеется, согласно воле самого нацистского фюрера! Причем из них двоих Борман занимал более радикальную позицию, Гитлер более осторожную.

Гаулейтеры и все партийные чиновники очень скоро были опутаны канцелярской паутиной, которую неутоми-

мо плел Борман. Так, секретарь Гесса сочинил для гаулейтеров анкету, состоявшую из 42 пунктов. Эту анкету надо было заполнять каждый месяц. Уже с 1938 г. большую часть кадровых вопросов решал Борман. А в 1940 г. министр внутренних дел Фрик не мог принять на работу ни одного чиновника без резолюции Бормана. Кроме того, при назначениях на более или менее важные посты требовались партийные характеристики Бормана.

Читателю, не знакомому с ситуацией в нацистской Германии, аппаратные игры Бормана могут показаться довольно простыми. Партия нацистов пришла к власти, стала правящей — бессрочно правящей — значит, следовало перетасовать колоду, выдвинуть новых людей.

В действительности все было гораздо сложнее. Борману приходилось лавировать: некоторых гаулейтеров и других крупных партийных чиновников подсаживали, других — выгораживали. Хотя у него скопились горы компрометирующих материалов на всю эту братию, непрофессиональность, а зачастую прямые преступления почти всех «старых бойцов» были видны невооруженным глазом. Но снимать этих партийных чиновников никто не собирался. Гитлер предпочитал «товар с гнильцой», людей с изъянами, ими было легче манипулировать. Борман вместо карательных акций тушил скандалы.

Приведем только несколько примеров.

Гаулейтер Гамбурга Карл Кауфман еще до прихода нацистов к власти украл партийные деньги, был вымогателем и носил орден Железный крест, который ему никто не жаловал. В 1930 г. его исключили было из НСДАП. Но потом он снова занял свой почетный пост.

Гаулейтер Франконии Юлиус Штрейхер компрометировал своей антисемитско-порнографической газетенкой «Дер штюрмер» Германию во всем мире. Нацистские государственные деятели не раз указывали Гитлеру на то, что Штрейхер позорит рейх, мешает дипломатам проводить внешнюю политику. Штрейхер был уголовником с сексуальными отклонениями — он насиловал и пытал заключенных по политическим мотивам женщин. Кроме того, все знали, что гаулейтер Франконии нечист на руку. Но Борман избавился от Штрейхера только в 1940 г., когда тот окончательно обнаглел и в дело вмешался Геринг ¹. Однако полностью свалить Штрейхера ему все-

¹ Штрейхер утверждал, что Геринг импотент и что его единственная дочь Эдда появилась на свет в результате искусственного осеменения.

таки не удалось. Постыдную карьеру Штрейхера оборвал лишь Международный трибунал в Нюрнберге, приговорив его (так же, впрочем, как и Геринга и Бормана) к виселице.

Гаулейтер Бранденбурга Вильгельм Кубе был личным врагом Буха и Бормана, он распространил слух, что жена Буха, теща Бормана, была еврейкой. Кубе был известен своими неблагоприятными амурными похождениями, а позже и спекуляциями. Тем не менее титул гаулейтера за ним сохранили. А уж как старался Борман! В 1941 г. Кубе назначили «генеральным комиссаром» Белоруссии. Погиб Кубе не из-за происков Бормана, а в результате взрыва бомбы, подложенной советской партизанкой.

Ничего не дала и попытка Буха и других аппаратчиков осудить нацистов, которые в 1938 г. во время еврейского погрома («хрустальной ночи») грабили ювелирные магазины ¹ и насиловали женщин и подростков.

Зато с гаулейтером Вестфалии и Силезии Вагнером, который был для Бормана слишком большим чистоплюем, справиться оказалось гораздо легче. Борман обвинил Вагнера в том, что его дети учатся в католической школе, и в том, что жена Вагнера не разрешила их беременной дочери выйти замуж за эсэсовца. Обвинения для нацистской Германии были серьезные. Хождение в церковь и религиозность преследовались куда больше, чем воровство и вымогательство. Однако «старый боец» подал в партийный суд УШЛА, и его председатель Бух, тесть Бормана, торжественно оправдал Вагнера. Ничего не помогло злосчастному гаулейтеру. УШЛА в 1940 г. уже была не в чести. К тому же Борман, подружившись с Гиммлером, добился того, что он мог отменить любой приговор УШЛА. В 1942 г. Вагнера сняли со всех постов, в 1943 г. исключили из НСДАП (он вступил в нее аж в 1922 г.), и гестапо установило за ним слежку. Этот прецедент оказался роковым и для Буха, он явно сошел со сцены ².

Добился Борман и некоторых значительных перемен в ближайшем окружении Гитлера. Зеппа Дитриха, телохранителя и друга Гитлера с незапамятных времен,

¹ Автору удалось обнаружить только один случай наказания нациста за воровство. Губернатор «Галиции» Карл Лаш был расстрелян за присвоение государственных средств.

² Когда Бух впал в немилость, Борман перестал пускать его в дом и не разрешал своей жене Герде, дочери Буха, посещать родителей. Он даже не явился на похороны тещи, жены Буха.

отправили на фронт. Главного адъютанта нацистского фюрера Брюкнера совершенно внезапно отстранили от должности в 1940 г. и заменили бесцветным Шаубом.

Сместил Борман и Видемана, бывшего однополчанина Гитлера, который тоже был в личном штабе нацистского фюрера. Борман довел его придирками до того, что Видеман перед войной попросился на пост консула в Сан-Франциско.

Заметим, что все эти кадровые манипуляции удавались Борману еще в то время, когда он не был непосредственным помощником Гитлера, а всего лишь заместителем Гесса.

Борман в отношении кадров действовал по принципу «надающего толкни». «Старые бойцы», как важный нацистский корпус, безусловно, теряли свое влияние и авторитет. Только раз в году, в годовщину неудавшегося мюнхенского путча, Гитлер приходил в огромную пивную «Бюргербройкеллер» и предавался сентиментально-сладостным воспоминаниям о путче 1923 г. Тут фюрер был в кругу старых вояк. Но в 1938 г. через десять минут после того, как Гитлер неожиданно раньше срока отбыл на вокзал, в пивной взорвалась бомба, и «бойцы» потерпели значительный урон — восемь из них погибло, тридцать шесть были ранены¹. Да, «старым бойцам» становилось все неуютнее в коричневом рейхе. Им на смену, хоть и медленно, но верно, приходили новые прохвосты — ставленники Бормана!

* * *

Гитлеровское государство, безусловно, было государством *идеологическим*. До поры до времени нацистская верхушка не меняла, правда, социально-экономической структуры в стране. Но существует немало высказываний Гитлера насчет того, что после войны он «уберет монополистов» и передаст концерны в руки государства. Союз партии с промышленным и финансовым капиталом Гитлер считал сугубо временным явлением. Он собирался создать совершенно новый, чисто «арийский» строй взамен капиталистического, с новым государственным устройством, законами, религией, судопроизводством, органами власти. Трудно сказать, как выглядела бы эта

¹ Есть основания предполагать, что покушение 1938 г. было организовано гестапо.

антиутопия даже на бумаге. От начала до конца никто ее и не пытался сформулировать...

Однако государствление промышленности де-факто в коричневом рейхе уже шло. Гигантские предприятия «Герман Геринг-верке» были государственной собственностью. А под конец войны самым крупным монополистом в Германии стал Генрих Гиммлер, пытавшийся прибрать к рукам весь военно-промышленный комплекс. Гиммлер пользовался тем, что у него сосредоточились миллионы рабов; бесплатный труд всегда соблазнял диктаторов. Только боязнь полного хаоса и энергичное вмешательство Шпеера, министра вооружений, помешали Гиммлеру и Борману «экспроприировать» военные заводы и передать их в ведение Гиммлера.

Но в идеологические изыскания партийных функционеров никто не вмешивался. И эти функционеры двенадцать с половиной лет усердно воспитывали народ в нужном им духе. Епархией Розенберга была «расовая теория». Свой вклад в нее внесли и государственные органы («расовые законы»), и конечно же ведомство Гиммлера (геноцид против еврейского населения, против поляков и вообще всех славянских народов). Разумеется, и Борман приложил к этому руку. Но «главным специалистом» он считался в вопросах религии.

Если борьба с церковью была начата нацистской партией потому, что церковь представляла собой всемирную организацию, достаточно мощную, чтобы в некоторых вопросах противостоять государству фашистов, то Борман и Гиммлер, а также отчасти партийные «теоретики» Розенберг и Дарре всегда шли на шаг дальше нацистов-практиков. Они боролись против религии как таковой, против *моральных* норм, которые на протяжении тысячелетий насаждали разные церкви, взывая и к разуму и к чувству людей.

Итак, самым непримиримым борцом с религией в государстве Гитлера был «секретарь». Ненависть «секретаря» к церкви была просто-таки патологической.

В отличие от Гитлера и других нацистских «вождей» он отвергал всякие полумеры. Достаточно сказать, что сам нацистский фюрер до конца не выходил из церкви. А Геббельс, например, крестил своих детей. Борман же и его жена хвастались тем, что не принадлежат ни к какой конфессии, они вышли из церкви уже в 1936 г. и воспитывали детей в антирелигиозном духе.

Сохранилось очень много высказываний Бормана

о религии, они рассыпаны по сотням циркуляров и писем, которые выходили из-под его пера. Кое-какие из этих высказываний небезынтересны. Так, Борман не раз заявлял, что «религия — яд, от которого трудно отвыкнуть». Борман решительно возражал против модных в ту пору «новаций» насчет того, что Христос, дескать, ариец. Для него Христос был еврей, а непорочное зачатие — «выдумка попов». В католиках он чуял «заговорщиков». Но главное, он донимал членов партии бесконечными циркулярами по вопросам религии: таков был его метод «воспитания партайгеноссен», в духе антихристианства.

Началось все это уже в 1937 г., когда Борман запретил «прием людей духовного звания» в партию, дабы «предотвратить внесение в «движение» (НСДАП) церковно-политических контрастов». В 1938 г. Борман издал секретный указ, в котором объявил войну христианству. «Мировоззрение национал-социалистов и есть истинная вера», — писал он в указе. Пропагандистов партии он предостерегал от формулировок, согласно которым «церковь отвечает за потустороннюю жизнь людей, а партия за посюстороннюю». В действительности, утверждал он, «священники знают о том свете так же мало, как и мы». Их нельзя называть «слугами божьими», они «слуги церкви» или «служащие церкви». Мы, поучал он, не должны говорить о «богослужении», а лишь о «церковной службе». И далее: людей, связанных с определенными конфессиями, следует называть не «верующими» и не «религиозными», а «церковными». Никакого мировоззрения, кроме национал-социалистского, вообще нет!

Под диктовку Бормана Лей запретил членам Трудового фронта ходить группами в церковь или создавать хоровые общества для церковного пения. Тогда же Борман выступил против Бальдура фон Шираха, который не велел руководителям «гитлерюгенда» назначать какие-либо мероприятия на воскресные утренние часы, когда шла церковная служба.

В начале 1939 г. Борман направил письмо Русту (министру воспитания), в котором предлагал ему упразднить теологические факультеты в университетах. А если упразднить нельзя, то «хотя бы сильно ограничить». В результате теологические факультеты были закрыты в Инсбруке, Зальцбурге и Мюнхене, поскольку существование этих факультетов не было оговорено в конкордате, подписанном Гитлером. Уже после начала войны Борман направил новое послание Русту, где предлагал внушать всем

немецким детям «воздержание от христианского мышления». И в пример ставил собственных детей. «Мы терпим религию в школах, потому что существуют государственные договоры с церковью. Для воспитания молодежи и ее мировоззрения она не нужна». «Школьные молитвы следует отменить», «распятия из классов должны исчезнуть», но «только, если не возникнут политические осложнения». Руст, видимо, не спешил выполнять пожелания Бормана, и в следующем письме Борман намекнул, что он согласовал свои просьбы... с гестапо. В том же письме он не забыл отметить, что «говорит от имени партии» и что не надо слушать никакие другие партийные инстанции.

Министр культов Керрл написал книгу «Мировоззрение и религия». Борман, узнав об этом, запретил печатать рассуждения Керрла без его, Бормана, визы. Но Керрл уже не мог остановить печатание, книга вышла в свет перед самой войной. Взбучку получил Геббельс, со стариком Керрлом Борман даже не пожелал разговаривать.

Примерно тогда же — в конце 30-х — Борман затеял бесконечную «анкетную войну». Он рассылал циркуляры, в которых учил «партайгеноссен», как отвечать на вопросы о вере. Надо писать, поучал Борман, не «я верующий», а «я состою в такой-то церкви», или «исповедую такую-то религию», или «принадлежу к такой-то церкви».

Иногда бывает трудно понять, почему Борман так донимал своих товарищей по партии. Что это было? Мелочность? Садизм? Буквоедство?

Наверное, эдакий чиновничий азарт и в самом деле был ему не чужд. И получив власть, он с удовольствием издевался над людьми, не имеющими этой власти. И все-таки, видимо, в бюрократическом усердии Бормана в вопросах веры была своя логика. Помаленьку он и запугивал и отвращал от веры. Помаленьку, полегоньку расшатывал моральные устои среднего немца. Как говорится, не мытьем так катаньем. Впрочем, тот же Борман, не разрешавший писать людям, что они верят в Бога, поскольку надо было верить в национал-социализм, а в церкви только исполнять обряды, тот же Борман весьма толково объяснял идеологические принципы своего неприятия любой религии. «Христианское мировоззрение отрицает расовую теорию», оно против «уничтожения бесполезной жизни» — читай: стариков, больных и т. д., то есть против эвтаназии (Борман, совершенно очевидно, был ее вдохновителем и организатором).

Но продолжим рассуждения «секретаря» о религии... Категорически отрицал Борман целибат — обет безбрачия у монахов и монахинь. Ведь фюреру нужны были солдаты, и в рейхе всячески поощрялось деторождение. А тут вдруг целибат! «Христианская церковь,— писал он,— базируется на людской темноте и старается сохранить эту темноту у возможно большей части населения, ибо лишь таким образом церковь может сохранить свою власть». Абсолютно не устраивали Бормана и десять заповедей, и проповедь любви к ближнему, и призывы к милосердию. У него было честолюбивое желание заменить христианские заповеди — нацистскими. Ведь «национал-социализм — научно обоснованная теория жизни», а «христианские воззрения несовместимы с национал-социализмом». Как же выглядели переименованные Борманом заповеди? Довольно-таки странно! Он рекомендовал ввести «заповедь смелости», «заповедь запрещения трусости» (очевидно: «Будь смелым», «Не трусь»). Заповедь «соблюдения чистоты расы» (наверно, «без свидетельств об арийском происхождении бабушки и дедушки любимой женщины не ложись с ней в постель»).

После начала войны Борман принял множество мер для конфискации церковных земель, имущества монастырей и семинарий. Но тут у него получилась осечка. С гневным протестом против этих акций выступил епископ мюнстерский (граф Гален), и уже через десять дней после издания соответствующих распоряжений 30 июля 1941 г. церкви было возвращено отнятое имущество. Гитлер и большинство его приближенных боялись раздражать верующих. Ярость Бормана не поддавалась описанию: он предлагал казнить епископа. Однако, несмотря на все усилия «секретаря», его так и оставили на свободе, правда, под наблюдением гестапо. Решено было отложить расправу с епископом, а также с церковью на послевоенное время. Единственное, что удалось Борману, это приказать взрывать храмы, пострадавшие во время бомбежек. Но сия акция относится уже к самому концу войны, когда было ясно, что нацисты свою игру проиграли.

Успел также Борман в конце войны (в 1944 г.) распространить книгу «старого бойца» Лера. Он разослал по организациям НСДАП по два экземпляра этой книги с соответствующим циркуляром. В книге утверждалось, что «самое высшее в мире» — «расовый инстинкт», что человек «существует ради государства» и что «христианство — духовное детище иудаизма».

Большую роль сыграл Борман и в так называемой эвтаназии.

Теперь мы понимаем, что эта акция умерщвления «неполноценных» была своего рода генеральной репетицией геноцида на оккупированных территориях. Недаром ею руководил Гиммлер. Но безусловно, у истоков эвтаназии стоял Борман и именно он положил в основу сей акции идею о «нерентабельности» человеческой души, если она была заключена в больном теле. Хотя надо прямо сказать, что идеи Борман черпал всегда у Гитлера. Как мы уже писали, в большинстве случаев нацистский фюрер делился с приближенными мыслями глубокой ночью, когда они, наверно, уже дремали. Только Борман внимательно слушал и записывал. О «нерентабельности» содержать больных и старых людей нацистский фюрер заговорил уже в 1935 г. Думается, его слова особого внимания не привлекли, поскольку мысль была настолько варварской и чудовищной для цивилизованного общества, что не укладывалась ни у кого в голове. Но вот в начале войны в Европе, когда военные расходы стали поглощать все больше и больше денежных средств Германии, видимо, как раз Борман извлек идею Гитлера из забвения. Он тут же связался с Леонардо Конти, фюрером здравоохранения, и приказал разработать конкретные меры по уничтожению людей, находившихся в клиниках и госпиталях. Однако конкурент Бормана, начальник канцелярии Гитлера Боулер (Борман был начальником партийной канцелярии) вмешался в сию «почетную» задачу, привлек к делу эсэсовца хирурга Карла Брандта, и операция началась. Тысячи людей были убиты немецкими врачами и тысячи родственников получили извещения о смерти своих отцов, матерей, сыновей и дочерей!

Известно, что никаких официальных обсуждений и дискуссий по поводу эвтаназии даже в среде ближайших соратников Гитлера не было. Не было и официального постановления на этот счет. Просто Боулер и Брандт получили несколько слов на бумажке, в верхнем углу которой было написано: «Адольф Гитлер. Канцелярия», а в правом углу тиснут золотой орел — символ германского рейха.

Эвтаназия шла с большим скрипом уже с самого начала. Слухи о ней сразу же просочились в широкие массы. Бюрократия явно давала сбои. Семьи умерщвленных получали дурацкие извещения якобы с врачебными

диагнозами. Например, писалось, что больной погиб от приступа аппендицита, хотя родные знали, что у их отца (брата, деда) аппендикс был давно удален. В случаях таких ЧП Гитлер призывал Бормана, и тот давал соответствующие «разъяснения». С протестами стали выступать и духовенство, и простые граждане, и даже партийные активисты. Уже в августе 1941 г. указом Гитлера эвтаназию официально запретили, в действительности же ее проводили в концлагерях. А из-за колючей проволоки лагерей не проникало никаких слухов, и эвтаназия превратилась из акции, затрагивающей десятки тысяч, в акцию убийства сперва сотен тысяч «политических», а потом миллионов «неарийцев», военнопленных и т. д.

Ну а преследование евреев в Германии до начала войны и сразу после «аншлюса» и Мюнхенского соглашения? Неужели Борман остался в стороне от этого?

Разумеется, не остался. Его бюрократическую душу мучал, в частности, такой сложный вопрос: как вообще отличить в Германии евреев от неевреев.

По цвету волос? Но Борман, да и сам Гитлер были темноволосыми. По носу? По цвету глаз? Не получалось. Некоторые зловредные евреи обзавелись голубыми глазами и прямыми носами. По именам? Но имена что у евреев, что у немцев в Германии были одинаковые. По фамилиям? Опять же оказалось, что у немецких евреев фамилии часто «арийские». Более того, выяснилось, что некий крестьянин чисто «арийских» кровей Вольф (подозрительная фамилия!) повадился называть своих многочисленных отпрысков ветхозаветными именами. Например, Авраам Вольф! А Вольф был хрестоматийным «героем», если рассматривать его с точки зрения теории «крови и почвы», вполне «чистопородный» крестьянин с большой семьей.

Сначала Борман предложил вписать всем евреям в удостоверения слово «идд», что-то вроде «жид». Но потом отказался от этой идеи в пользу не менее «гениальной», которая и была принята. Отныне к именам евреев мужского пола добавляли «Израэль». Например, Фридрих Израэль или Иоганн Израэль, а к именам женским имя Сара, например, Аннамари Сара или Паулина Сара. Правда, непонятно было, как поступить, например, с Сарой Черчилль, англичанкой, дочерью Уинстона Черчилля (родственная кровь!). Может быть, писать: «Эта Сара не та Сара»?

Немало размышлений вызвала у Бормана проблема «полукровок». Какую примесь «неарийской крови» считать безвредной? Второй степени? Третьей? Четвертой? По этому вопросу «милый Мартин» — так Гиммлер называл Бормана и «дорогой дядя» — так Борман называл Гиммлера, крестного одного из своих сыновей — Генриха, обменялись множеством глубокомысленных писем. Оба обожали эпистолярный жанр.

Но не только это роднило двух самых жестоких сатрапов Гитлера. Читая документы, созданные Борманом и Гиммлером, а также их переписку, поражаешься прежде всего, какими мелочами, какой чепухой занимались эти два человека, обладавшие небывалой властью, распоряжавшиеся жизнью немцев, а в годы войны и жизнью миллионов граждан других стран, оккупированных гитлеровцами.

Гиммлер, к примеру, исписывал многие страницы рассуждениями о том, что должны пить и есть его палачи утром, днем и вечером.

Борман и Гиммлер стали воистину воплощением бессмысленного бюрократизма, пытавшегося вместить все многообразие жизни в подробные циркуляры и распоряжения.

Случайно ли это?

Отнюдь нет.

То страшное дело, которым оба они занимались: Борман «по партийной линии», Гиммлер «по государственной», дело массового умерщвления людей по признаку мировоззрения или по «расовому» признаку, надо было загородить не только колючей проволокой, по которой пропускали электрический ток, но и густым бумажным частоколом — предписаниями, приказами и т. д. Убийцы стали служащими, палачи — «партайгеноссен», преданными государству, партии НСДАП и фюреру — «вождю». Иначе они, наверно, незамедлительно попали бы в сумасшедшие дома или повесились бы.

Борман и Гиммлер сделали их *чиновниками* или *солдатами*, которые выполняли *свой долг*, *приказы* *вышестоящих!*

* * *

1941 г. — год, когда Борман достиг наконец вершин власти, начался для него обычной кропотливой «работой». По свидетельству историка Вульфа, которого мы уже не раз цитировали, в январе, к примеру, он занимался главным образом... публичными домами для иностран-

ных рабочих. По этому поводу из «партийной канцелярии» вышло множество документов. Например, документ о том, что в подобных заведениях нельзя использовать немецких женщин и что посещать бордели для иностранцев немцам запрещено. Сочинял Борман и специальные инструкции о том, какие гигиенические меры и меры безопасности должны соблюдаться: необходимо предусмотреть наличие водопровода, ванны, а также помещения для врача и полицейского.

Зимой 1941 г. Борман выступил поистине с «новаторским» предложением: заменить готический шрифт как негерманский, а скорее еврейский, на латинский (до этого в среде нацистов считалось наоборот, то есть что готический шрифт — истинно германский, а латинский скорее еврейский). Выяснилось, однако, что смена шрифтов была дорогостоящим предприятием, ибо это влекло за собой переоборудование всех типографий. А ведь шел третий год войны, и Гитлер уже готовился напасть на Советский Союз, «План «Барбаросса» был подписан.

И вдруг, посреди бормановских забот о публичных домах для иностранных рабочих и новых шрифтах, словно бомба разорвалась. Совершилось немаловажное событие — непосредственный начальник Бормана Рудольф Гесс 10 мая 1941 г. улетел в Англию на самолете ME-111.

Как уже говорилось, до сих пор остается загадкой, знал ли Гитлер о, мягко выражаясь, странной попытке Гесса добиться мира с Англией и тем самым предотвратить войну на два фронта. Однако историки считают, что Бормана Гесс в свои планы не посвящал. Гитлер и все его обычное окружение было в тот день в Берхтесгадене. В 10 утра Карл Пинг, адъютант Гесса, принес Гитлеру письмо от своего патрона. Гитлер еще спал. По свидетельству Шпеера, прочитав письмо, Гитлер закричал: «Немедленно позовите Бормана! Где Борман?» Таким образом, мы видим, что к маю 1941 г. Борман уже был совершенно необходим Гитлеру.

Только на следующий день стало известно, что Гесс благополучно приземлился в Шотландии, но что миссия его провалилась. Никаких переговоров с ним вести не собираются, а его самого интернируют до конца войны.

Как во время войны можно было пролететь через всю Германию, якобы готовящуюся к операции «Морской лев» — агрессии против Англии, не согласовав этот полет хотя бы с руководством немецкой ПВО, неясно. Но это не относится к теме нашего рассказа о Бормане...

Нетрудно понять, какой переполох поднялся в верхах нацистского рейха. Второй после Геринга преемник Гитлера вышел из игры. Освободилась нешуточная вакансия заместителя фюрера.

Несколько оправившись от смущения, Гитлер по совету Дитриха, шефа нацистской печати, и других приближенных решил объявить Гесса сумасшедшим: будто бы в результате ранений в годы первой мировой войны он был подвержен припадкам безумия. Пресса и радио передали сообщения с соответствующим текстом. Министр пропаганды Геббельс назвал сие объяснение «идиотским», поскольку правительство Германии во всеуслышание заявило, что вторым или третьим человеком в государстве (Гесс на всех официальных церемониях стоял рядом с Гитлером и имел после Гитлера и Геринга больше всего орден, постов и званий) был с 1918 г. псих.

Но ничего более умного нацисты придумать не сумели.

По логике вещей вслед за полетом должны были последовать серьезные санкции, но Гитлер обошелся со всеми предполагаемыми участниками подготовки к полету сравнительно мягко. Только адъютант Гесса на какое-то время угодил в концлагерь. Неприятности были также у всех «магов», иллюзионистов и астрологов, которые были вхожи к Гессу. Благо уже до полета Гесса (всего за три дня) вышло циркулярное письмо Бормана, где доводилось до сведения немцев, что «вера в чудеса и суеверие — орудие вражеской пропаганды»¹. И наконец, Мессершмитт, предоставивший переоборудованный соответствующим образом самолет в распоряжение Гесса, отделался, как говорят, легким испугом.

Конечно, и Борман по-своему отреагировал на полет Гесса. Прежде всего, он «переименовал» одного из своих сыновей — Рудольфа, названного так в честь Гесса, в Гельмута, а дочь Ильзу, названную в честь жены Гесса Ильзы, в Эйке. Кроме того, он попытался отравить жизнь супруге своего бывшего шефа, но Ильза Гесс пожаловалась Гитлеру, и тот осадил Бормана.

Аппарат власти Гесса даже не пришлось демонтировать. Оказалось, что он и так находится в руках Бормана.

Остался лишь один кардинальный вопрос: кто офици-

¹ Это циркулярное письмо наводит автора на размышления о том, что о полете Гесса было все же известно заранее, и в случае неудачи поступок заместителя Гитлера хотели объяснить зловредным влиянием магов и звездочетов.

ально займет место Гесса — ключевой пост в гитлеровском государстве.

Нацистские сатрапы проявили редкостное единодушие. И Геринг, и Лей, и Розенберг, и многие другие бонзы стали буквально заклинать Гитлера, чтобы он не сажал на место Гесса Бормана, не делал его своим заместителем. Гитлер сразу же согласился, заявив, что он вообще упраздняет сей пост. Но уже 13 мая Борман был назначен начальником партийной канцелярии и секретарем фюрера. В данном случае разное название должности «заместитель» или «секретарь» не играло ровно никакой роли. А 29 мая Борман стал министром и членом совета по обороне рейха. Словом, и де-факто, и де-юре Борман получил точно такие же полномочия, такую же власть, какую располагал Гесс. Только власть в его руках стала во много раз более весомой и действенной.

Можно без преувеличения сказать, что с мая 1941 г. по май 1945 г. Германия прожила под властью Гитлера — Бормана!

Эти четыре года были годами невиданных злодеяств и неслыханных преступлений. И в то же время годами горького похмелья немцев, годами расплаты за агрессию и геноцид. Это были годы *апокалиптических* страданий для миллионов людей.

* * *

Ну, а что представлял собой в ту пору Мартин Борман, ставший фактически хозяином над жизнью и смертью немцев? Что читал, к примеру, и читал ли вообще? Чем увлекался? Какие чудачества имел?

На первый вопрос ответить не представляется возможным. На второй — затруднительно. Что касается чудачеств, то тут биографы отмечают одно: Борман желал иметь герб, и притом не новый, а старинный. До мая 1945 г. архивариусы Гимmlера копались в церковных книгах, желая разыскать хоть одного знатного Бормана с гербом. Но так и не нашли. В роде Борманов было много крестьян, ремесленников и ни одного аристократа. И Мартин Борман это отлично знал, но герб был его вожаделенной мечтой. Гимmlер предлагал ему учредить новый герб. Вероятно, Борман согласился бы с предложением «дяди Генриха», но... пришлось бежать из подполья, где покончил с собой Гитлер, без герба. А ведь еще в конце апреля по этому поводу шли оживленные дебаты.

«Особой приметой» Бормана как личности стала его переписка с женой. Историки нацизма с брезгливостью пишут об этой глубоко безнравственной переписке. Конечно, читать чужие письма считается неприличным. Хотя после смерти знаменитостей их письма читают и даже изучают. На наш взгляд, переписка Бормана с женой заслуживает если не изучения, то прочтения. Иначе не поймешь, какие мелкие души могут определять судьбу целых народов. Тысячу раз повторяешь: нацисты были не антихристами, не демонами зла, не великими инквизиторами — это были паршивенькие подленькие людишки, сумевшие сколотить из деклассированных элементов соответствующую *партию* — *мафию*, которая привела их к власти, а потом создать новую *государственную структуру*, опять же *мафиозную*. Если читатель не верит, пусть заглянет в переписку Бормана с его супругой...

Уже было сказано, что Борман женился на Герде Бух, дочери главного партийного судьи, «старого бойца» Буха. Еще до вступления в брак Герда Бух вступила в национал-социалистскую партию, за что и получила впоследствии из рук Гитлера золотой партийный значок. Из трех «К», которыми определялись достоинства немецких мещаночек: «киндер», «кюхе», «кирхе», что означало «дети», «кухня», «церковь», Герда не имела двух последних — она отказалась от церкви, а с кухней была не в ладу, плохая хозяйка. Зато за 16 лет брака родила девять детей. Видать, Герда твердо усвоила, что немецкому фюреру нужны солдаты и солдатские матери. Девять детей!

Насколько нам известно, Борман не устраивал приемов, не приглашал гостей, а сам ходил в гости без жены. Но он жил в Берхтесгадене, неподалеку от Гитлера, и посему кое-какие подробности его семейной жизни стали известны. Об этом позаботились адъютанты Бормана, его камердинеры и секретари. Все они в один голос утверждали: с женой и детьми Борман обращался грубо, по-хамски. Жену подзывал свистом, как собаку. Детей бил. Они его боялись, радовались, когда он уезжал.

Зато с точки зрения «идеологической» брак Мартина и Герды Борманов считался образцовым, опытно-показательным. Всю ту чушь, которая писалась в годы войны о необходимости «выведения расово чистых немцев» (именно о «выведении»), супруги Борман принимали всерьез или делали вид, что принимают всерьез. Они боролись со всякими буржуазными предрассудками в супружеских отношениях.

Сойдясь с актрисой Маньей Беренс, Мартин гордо сообщил об этом жене в письме от 21 января 1944 г. Дескать, он всегда считал актрису очень привлекательной, но никогда с ней не спал. Однако в октябре 1943 г., встретившись с ней после долгой разлуки (до этого Манья была частой гостьей в доме Борманов, даже жила там), он почувствовал неодолимое влечение к ней. Несмотря на сопротивление, поцеловал ее и увлек своей «безумной страстью». Далее дословно идет такой пассаж: «Ты ведь знаешь мою волю! Не могла же Манья долго сопротивляться мне. Сейчас она моя, и я счастлив. Как ни странно, я чувствую себя дважды женатым мужчиной». Борман заверяет, что он доволен обеими женщинами — Гердой и Маньей. Письмо кончается фразой: «Теперь я должен быть вдвойне и втройне осторожен, чтобы быть здоровым и сильным».

Уже 2 января 1944 г. фрау Борман отвечает на письмо мужа пространным письмом. Она утверждает, что давно понимала: между мужем и актрисой что-то происходит. К Беренс она испытывает самые теплые чувства, дети к ней тоже прекрасно относятся, ведь Манья такая хорошая хозяйка! Нельзя, чтобы одинокие женщины не имели детей. Но в случае с Беренс «все будет в порядке», «я тебя знаю». Какой игривый намек!

Далее фрау Борман строит обширные планы, она как бы конструирует образец для будущих семейных отношений не только ее с Борманом, но и других идеологически выдержанных супружеских пар. Чтобы половая жизнь Мартина Бормана не прерывалась, Герда предлагает такой план: она и Манья Беренс будут попеременно беременеть — один год беременна она, на другой год — Манья.

В письме от 4 февраля 1944 г. Герда Борман развивает массу идей: она считает, что каждый здоровый мужчина хороших кровей должен получить возможность состоять в браке с двумя или тремя женщинами. И второй и третий браки следует приравнять к первому, «основному». Государство обязано признавать их и создавать такие же условия второй или третьей жене, как и первой. Что касается Маньи Беренс, то она, Герда Борман, с радостью будет нянчить ее с Борманом детей и с наименьшей радостью предоставит заботам актрисы своих детей. Под конец фрау Борман так расхрабрилась, что составила даже соответствующую официальную бумагу (образец), которую должны будут подписывать оба супруга: «Я, имярек, с согласия моей жены, имярек, желаю заключить

чрезвычайный гражданский брак» (чрезвычайный, видимо, из-за военного положения и недостатка мужчин с чисто «арийской» кровью!). Для себя Герда Борман тоже составила официальную бумагу следующего содержания: «Я, Герда Борман, урожденная Бух, согласна с намерением моего мужа вступить в гражданский брак с М...».

Видимо, Борману не понравились канцелярские упражнения жены — сочинять бумаги было его прерогативой.

Кроме того, на дворе стоял уже 1944 г., и Борман, в силу сложившейся военно-политической ситуации, не хотел тратить драгоценное время и силы на оформление «второго брака».

С начала 1945 г. в переписке супругов Борман половая тема уступает место продовольственной. Мартин Борман приказывает жене завозить картофель, другие овощи, фрукты и соки из их поместья в Мекленбурге в Оберзальцберг. Грузовики с углем и продуктами питания заполняют подземные кладовые рядом с убежищем семьи Борманов высоко в горах ¹. 30 января 1945 г. Борман издает циркуляр, где вещает о том, что немец, «который в этот час не демонстрирует величайшей воли к победе и не развивает максимальную энергию, недостойн называться немцем». В тот же день он пишет письмо жене, где велит ей копить мед и сушить яблоки, ибо «лучше есть сухофрукты, чем не есть никаких фруктов...».

Чтобы не возвращаться больше к делам семьи Борманов, скажем коротко: Герда Борман и ее девять детей бежали в автобусе с выбитыми стеклами к итальянской границе (до этого бормановская супруга имела личную машину с личным шофером). Через год, 23 апреля 1946 г., она умерла от рака матки. Всех детей крестили, семеро из них стали набожными людьми — католиками...

Читателя, наверно, удивила поразительная безнравственность Герды Борман, спокойно рассуждавшей о связи своего мужа с другой женщиной. Однако не она одна оказалась под гипнозом треклятой нацистской идеологии. Разве не странно, что глупенькая Эва Браун, обожавшая всяческие удовольствия — от танцев до развлекательных американских боевиков, от хорошей еды до богатых туалетов, покончила с собой? Еще более странно, что Магда Геббельс убила себя и шестерых детей только потому, что, как она писала своему сыну от первого

¹ Полю в убежище Борманов были частично паркетные, частично мраморные.

брака, сочла мир без фюрера недостойным того, чтобы в нем прозябали дети Геббельсов. А ведь сама Магда Геббельс в юности жила припеваючи в доме богатого отчима... еврея Фридлиндера. После этого удачно вышла замуж за капиталиста Квандта и наслаждалась жизнью без всякого Гитлера и даже без Геббельса, который будучи ее мужем, донимал Магду бесконечными наглыми изменами. До какой степени идеологической истерии надо было дойти женщине, чтобы уничтожить собственных детей! По сравнению с ней «идейная» Герда Борман, мечтавшая, чтобы у ее мужа было потомство от многих «арийских» женщин, меркнет.

* * *

Итак, в мае 1941 г. Борман наконец-то мог сказать себе: «Достиг я высшей власти». В мае 1941 г.! Вдумаемся еще раз в эту дату. Ровно четыре года оставалось жить «тысячелетнему рейху». Самых кровавых четыре года в его кровавой истории.

В ночь с 21 на 22 июня 1941 г., а точнее в 3 часа 15 минут 22 июня, «главные силы вермахта вторглись на советскую территорию». «Вооруженная борьба на советско-германском фронте,— пишет академик А. М. Самсонов,— развернулась от Балтийского моря до Карпат, а через несколько дней после начала войны она охватила все приграничное пространство от Баренцева до Черного моря. Враг полностью использовал преимущества внезапно и тщательно подготовленного наступления. Главное командование гитлеровского вермахта сразу ввело в действие 153 немецких дивизии. Группы армий «Центр», «Юг», «Север» под командованием генерал-фельдмаршала Бока, Рундштедта и Лееба на всех трех стратегических направлениях продвигались на восток».

И всей этой огромной армадой повелевал Гитлер, а его тенью, его неразлучным спутником, его сторожем и наперсником был Мартин Борман.

Меньше месяца прошло со дня нападения на Советский Союз, а Гитлер уже начал делить «гигантский пирог» — Россию! При этом людоедском пиршестве присутствовало всего шесть человек: сам Гитлер, Борман, Розенберг, Ламмерс, Геринг и начальник верховного командования вермахта Кейтель по прозвищу Лакейтель. Поезд Гимmlера стоял неподалеку от поезда Гитлера, но Гимmlера на совещание, к величайшей радости Бормана,

не позвали. За него, видимо, фюрер был спокоен — при всех обстоятельствах Гиммлер станет выполнять свои палаческие функции!

Совещание «шестерки» было названо «секретным государственным делом». На нем были провозглашены три секретных лозунга: *завладеть* (Советским Союзом), *править*, *использовать в своих целях* (сиречь ограбить!).

Сохранилась подробнейшая запись Бормана о совещании 16 июля 1941 г. Приводим ее в отрывках:

«По распоряжению фюрера сегодня в 15 часов у него состоялось совещание, на котором присутствовали рейхс-лейтер Розенберг, рейхсминистр Ламмерс (начальник имперской канцелярии.— Л. Ч.), фельдмаршал Кейтель, рейхсмаршал (Геринг.— Л. Ч.) и я.

...Важно, что наши цели мы не будем провозглашать всему миру...

...Мотивы нашего шага (нападения на СССР.— Л. Ч.) для всего мира должны быть объяснены, исходя из тактических соображений. Мы должны и в этом случае вести себя так же, как в случае с Норвегией, Данией, Голландией и Бельгией. И в этих случаях мы ничего не говорили о своих намерениях, и в будущем, проявляя ум, мы не станем этого делать. Мы, значит, опять будем подчеркивать, что нас вынудили захватить ту или иную область, упорядочить там положение и обезопасить ее; в интересах жителей страны мы обязаны были позаботиться о спокойствии, питании, транспорте и т. д., отсюда и наши усилия по урегулированию. Стало быть, нельзя, чтобы кто-нибудь догадался, что это и есть окончательное урегулирование! Все необходимые меры — расстрелы, выселение, etc.— мы, конечно, будем предпринимать, должны предпринимать...

...Крым необходимо освободить от коренного населения и заселить немцами.

...Точно так же Галиция, входившая ранее в Австрию, должна стать территорией рейха.

...В принципе дело идет, стало быть, о том, чтобы этот гигантский пирог (великую многонациональную державу.— Л. Ч.) правильно разделить, чтобы мы, во-первых, им *владели*, во-вторых, *правили* и, в-третьих, *использовали в своих целях* (курсив мой.— Л. Ч.).

...Принципиально важно одно: существование обладающего вооруженными силами государства западнее Урала навсегда исключается; за это мы готовы вести столетнюю войну. Все наследники фюрера должны знать, что безопасность рейха будет упрочена лишь тогда, когда

западнее Урала не будет существовать никакой другой военной силы; защиту этого пространства от всех возможных опасностей берет на себя Германия...»

...Фюрер подчеркивает, что балтийские государства должны войти в состав рейха.

...Точно так же Крым со значительной тыловой областью (область севернее Крыма) войдет в состав рейха; тыл должен быть как можно более пространным. (Как явствует из дальнейшего, под «тылом» Крыма Борман подразумевал Украину. — Л. Ч.)

...Фюрер подчеркивает далее, что и колония на Волге должна стать частью рейха, а также область вокруг Баку; она должна стать немецкой военной колонией...»

Из дальнейшего ясно, что Карельский полуостров Гитлер также намеревался присоединить к Германии. «И со всей осторожностью подготовить вхождение Финляндии в рейх на правах автономии». «На территорию вокруг Ленинграда претендуют финны; фюрер хочет стереть с лица земли Ленинград, а потом передать его финнам».

Страшный документ! И не только своей жестокостью, а больше всего какой-то тупой уверенностью в полной безнаказанности, в праве повелевать чужими народами, «делить» чужие страны, стирать с лица земли красивейшие города мира. Удивительно, что ни одному из шести сатрапов не пришла в голову простая мысль о том, что «пирога» еще не существует. Существует великая держава. Но идеология ударила в голову не только фанатичным женам нацистских бонзократов, она хуже любого наркотика пьянила и самого фюрера нацистов, и сановного Геринга, и партийного бюрократа Бормана, и чиновного Ламмерса, и потомственного военного Кейтеля!

Однако многого в записке еще не говорилось. Из дальнейших документов и высказываний Бормана ясно, что гитлеровцы намеревались не просто превратить «пространство до Уральских гор» в свою колонию, в сырьевой придаток Германии, но и в рабовладельческое государство, где патрициями станут гаулейтеры, «комиссары», наместники и просто «арийцы», а рабами — народы СССР.

Сразу после совещания и до последнего дня нацистского рейха шла грызня из-за «пирога», из-за того, кому достанутся самые лакомые, самые жирные куски. Каждый из бонзократов старался «внедрить» в «восточное пространство» своих ставленников и укрепить свое влияние. Гаулейтер Эрих Кох немедленно нацелился на Украину — он пользовался покровительством самого

Гитлера, ставленник Розенберга Генрих Лозе — на «север России», Кубе на... Москву, Фрауэнфельдс на Крым.

Были также созданы огромные новые аппараты для извлечения буквально всех материальных и людских ресурсов из оккупированных территорий, то есть для тотального грабежа. Уже 17 июля 1941 г. Розенберг был назначен «имперским министром по делам оккупированных восточных территорий». Геринг создал специальный «Руководящий экономический штаб Восток», чтобы вывозить из Советского Союза решительно все — от музейных картин до зерна, от растительного масла до мехов. Но главным образом, заводы и сырье. У Геринга, сверх того, существовала еще так называемая «зеленая папка» с подробным перечнем того, что следует грабить в СССР, а у Розенберга — «коричневая папка», где Розенберг расписал все детали «административного устройства» «пирога», сиречь Советской России до Урала!

Наконец, 21 марта 1942 г. Заукеля¹ назначили «генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы». Миллионы людей депортировались в Германию, и за несколько лет, а то и за несколько месяцев их умерщвляли непосильной работой. В распоряжении Заукеля прямо говорилось: всех «людей следует кормить, размещать и обращаться с ними таким образом, чтобы эксплуатировать их с наибольшим эффектом при минимальных затратах».

Добавим к этому, что «германизацией», «селекцией», уничтожением военнопленных, евреев и «комиссаров», а также прочими «расово биологическими» вопросами занимался Генрих Гиммлер с поощрения армии, которая согласилась с тем, чтобы вслед за ней на оккупированную территорию входили «комиссары» СС и СД, создавая буквально на каждом клочке земли свои «управления» для «специальных задач», отделы гестапо и т. д. А над всей этой пирамидой возвышался Борман — надсмотрщик и начальник, ибо он был ближе всех к Гитлеру.

Борман сразу заявил, что народы, населяющие Советский Союз, «недочеловеки», у которых одна альтернатива: «Либо рабство, либо смерть». Позднее и Геринг, и Кох, и Розенберг выступали против программы Бормана, пытаясь втолковать ему, что с народами СССР нельзя обращаться «как с животными, как с бестиями», это, дескать, невыгодно немцам. Но Борман с присущим

¹ Военного преступника Фрица Заукеля Международный военный трибунал в Нюрнберге приговорил к смертной казни через повешение.

ему апломбом продолжал твердить: «Они должны работать на нас, а если они нам не нужны, пусть умирают». Ему же принадлежит формула: «Военнопленные — наши враги, их надо бить, расстреливать». Дважды Борман побывал с Гитлером на Украине и каждый раз записывал: «Здесь будут хутора немцев, а вокруг русские рабы». «Стражайше запрещаются связи между немцами и туземцами». После одной из инспекционных поездок по украинским колхозам с эсэсовским медиком Брандтом Борман написал: «Здесь слишком много детей. У них здоровые зубы, никто из них не носит очков... Они не боятся тифа». Вывод — детей надо уничтожать, здоровые дети опасны для будущих колонизаторов!

Особое внимание Борман уделил украинцам. «Внешность так называемых украинцев обманчива, — предостерегал он, — у них светлые волосы, голубые глаза». Но немец должен быть бдителен: украинцы не «арийский народ», у них «плоские лица». Страшно читать эти поистине людоедские рассуждения!

Зимой 1941/42 г., когда десятки тысяч советских военнопленных гибли от голода и холода в немецких лагерях, Борман отдал следующий приказ: «Трупы русских заворачивать в картон или в промасленную бумагу, вывозить на армейских грузовиках и закапывать без всяких обрядов и церемоний».

Весьма решительно высказывался Борман и против «особого» (слишком мягкого!), как он выражался, отношения Розенберга к украинцам и против «поблажек» прибалтам со стороны Лозе. На Розенберга Борман беспрерывно жаловался фюреру. Лозе за «попустительство» прибалтам имел неприятности «по службе». Не разрешал Борман и контактов с Власовым. Даже Гиммлера к нему не подпускал.

В мае 1942 г. по его инициативе состоялось обсуждение плана германизации («онемечивания») России. На совещании у Гитлера кроме Бормана присутствовал еще только Розенберг. В августе того же года Борман отдал приказ по НСДАП «ускорить программу германизации восточного пространства во взаимодействии с Гиммлером».

Вообще во многих приказах, касающихся оккупированных территорий СССР и его населения, мы чувствуем не только почерк Бормана, они целиком плод его индивидуального «творчества». И подпись на них бормановская. Приведем несколько примеров.

27 января 1943 г. Борман приказал всем партийным

руководителям «применять оружие и телесные наказания» к советским военнопленным.

5 мая 1943 г. Борман направил циркулярное письмо, где предписывал передать депортированных из Советского Союза рабочих СС.

25 ноября того же года он распорядился, чтобы гаулейтеры «сообщали ему обо всех случаях слишком мягкого обращения с советскими военнопленными».

30 мая 1944 г. Борман запретил мешать «населению» убивать на месте («судить судом Линча») сбитых летчиков. Этот приказ касался в основном англо-американских летчиков, бомбивших немецкие города. Совершенно очевидно, что сами же бонзократы и организовывали расправы с летчиками!

13 сентября 1944 г., согласно распоряжению Бормана, крейслейтеры должны были договориться с комендантами концлагерей и лагерей для военнопленных о рабочей силе для военной промышленности.

И тут невольно возникает вопрос: почему, собственно, гитлеровцы в высшем эшелоне власти, и в частности Борман, чувствовали себя столь уверенно? Почему не боялись расплаты? Возмездия? Ведь приведенные приказы, распоряжения, циркулярные письма создавались и тогда, когда положение на фронтах, особенно на германосоветском фронте, становилось довольно-таки тревожным. А после — угрожающим.

Причина ясна. И Борман, и другие бонзы не анализировали ситуацию на фронтах и в рейхе — они смотрели в рот своему фюреру (которого, кстати, не раз вводили в заблуждение ложной информацией, боясь говорить правду, дабы не вызвать его гнев)!

А фюрер вещал.

3 октября 1941 г.: «Этот противник (Советский Союз.— Л. Ч.) уже сломлен и никогда больше не поднимется».

15 марта 1942 г.: «Мы предсказываем, что полное уничтожение советских армий произойдет этим летом».

Известно также, что накануне разгрома под Сталинградом Гитлер заявил, что этот город на Волге им «завоеван».

Однако не следует думать, что Борман занимался исключительно «восточным вопросом».

С мая 1941 г. нет ни одной важной сферы деятельности в «коричневом рейхе», в которой Борман не принимал бы самого активного участия.

Вот как он сформулировал свои обязанности: «1) Устройство личных дел фюрера. 2) Участие во всех

переговорах фюрера. 3) Доклады о текущих событиях фюреру. 4) Передача решений и мнений фюрера имперским министрам. 5) Улаживание споров и определение компетенции тех или иных министерств и ведомств. 6) Переустройство города Линца. 7) Наблюдение за резиденциями Гитлера. 8) Руководство группой стенографов при обсуждении военного положения».

Нетрудно заметить, что последний пункт давал Борману возможность контролировать и военных.

Но это, так сказать, теория... А практика была гораздо более зловещей.

20 января 1942 г. состоялась так называемая Ваннзейская конференция в Берлине. Ее проводил Гейдрих как начальник РСХА на основании устного приказа Геринга (письменного приказа историки так и не нашли). Целью этой конференции было «окончательное решение еврейского вопроса», то есть истребление всех евреев вне зависимости от их пола, возраста, рода занятий, вероисповедания, места рождения, взглядов. Среди истребляемых мог быть и гениальный музыкант, и трехмесячный ребенок, и старый деревенский кузнец, и католический монах, и раввин. Все решала «кровь, раса». Гейдрих дал «контрольную цифру» — 11 миллионов евреев. Задача была объявлена *приоритетной*. Товарные вагоны, необходимые для перевозки стратегических материалов, продовольствия, строительных материалов, повсеместно освобождались для «живого груза» — составы неслись с запада на восток, главным образом в Польшу, чтобы сконцентрировать людей в лагерях уничтожения, потом умертвить их в гигантских газовых камерах и сжечь в специальных крематориях.

Борман на конференции в Ваннзее не присутствовал, он послал на нее своего самого влиятельного сотрудника Герхарда Клопфера, статс-секретаря «партийной канцелярии» (должность статс-секретаря соответствовала должности заместителя министра). Однако совершенно очевидно, что именно Борману следовало поднять на ноги весь партийный аппарат, чтобы провести акцию такого масштаба, как «окончательное решение».

После поражения под Сталинградом гитлеровская верхушка провела очередную кампанию якобы для «спасения рейха от большевизма». Кампания эта называлась «тотальная война». В действительности «тотальная война» еще усугубила бедственное положение немцев и не изменила ситуацию на фронтах. 18 февраля 1943 г. Геббельс выступил в берлинском Дворце спорта со своей

знаменитой речью о тотальной войне, где попытался еще сильнее разжечь военную истерию и шовинистический угар, представив народ как одно целое, которое готово биться до последней капли крови. Однако еще до речи министра пропаганды Борман принял за дело.

13 января 1943 г. вышел указ, подписанный Гитлером, Кейтелем, Ламмерсом и Борманом: «Потребности в рабочей силе для обороны рейха делают необходимым использовать всех мужчин и женщин. Рабочую силу, которая не используется или не используется в полной мере, надо ввести в действие в соответствии с ее возможностями. Цель этого — освобождение для фронта боеспособных мужчин»... Далее в указе говорилось, что «все мужчины в возрасте от 16 до 65 лет и все женщины от 17 до 50 лет обязаны зарегистрироваться».

26 февраля 1943 г. была отбита попытка Шпеера оживить Совет министров, чтобы уменьшить влияние Бормана, Ламмерса и гаулейтеров.

12 апреля того же года по всей стране распространялось циркулярное письмо Ламмерса, в котором говорилось, что «полномочия Бормана действительны и за *рамками партии*; они обязательны для *государственных инстанций* и для всех руководящих деятелей государства, поскольку доводят до их сведения указания и точку зрения фюрера».

Именно Борман отвечал за все большее ужесточение мер, направленных на сей раз не на народы оккупированных стран, а непосредственно на сам немецкий народ.

27 января 1944 г. в «фюрерском послании» Борман призвал политических руководителей повлиять на немецких женщин, дабы «в их письмах на фронт, несмотря на суровую военную действительность, они проявляли веру и спокойствие».

26 июля 1943 г. (после свержения Муссолини) Борман направил телеграмму всем гаулейтерам, где писал: «Необходимо беспощадно выявлять и немедленно передавать полиции всех врагов государства, которые сейчас демаскируются. Беспольных, слабых людей надо исключать из партии и увольнять. Настоящие люди в партии, как уже неоднократно подчеркивалось, должны действовать на нервные и возбудимые умы успокаивающе. В любое время именно партийные товарищи обязаны излучать непоколебимую уверенность в том, что фюрер в нужное время всегда совершит нужный шаг».

21 августа 1943 г. Борман разослал письмо о том, что «желательно было бы *кооперировать* НСДАП с СД (с

карательными органами.— Л. Ч.) при публикации сообщений и при сборе информации».

Тут уж прямо видно, что в конце войны партийные структуры стали срачиваться с органами подавления.

В «подкрепление» предыдущего указа Борман издал циркулярное письмо от 16 сентября 1943 г., где прямо угрожал всем членам НСДАП, «проявляющим терпимость к вражеским высказываниям, не носящим партийные значки и манкирующим гитлеровским приветствием», то есть при встрече со знакомым не выбрасывающим правую руку вперед и не орущим «Хайль, Гитлер!», а, к примеру, говорящим: «Добрый день, сосед», или «Спокойной ночи, господин Кляйнер».

В том же ряду стоит и более ранний приказ Бормана, где он призывал ко «всеобщей мобилизации сил, чтобы встряхнуть партию и нацелить ее на критиканов».

* * *

Страшная жизнь наступила в последние год-полтора нацистского государства. Кроме гестапо и СД свирепствовали военные суды. Тирак, министр юстиции, ставленник Бормана, и Фрейслер, также креатура Бормана, отправляли на плаху все больше немцев. Усилил свое влияние Гиммлер, исподтишка обдумывая, как бы бежать с тонущего гитлеровского корабля.

После покушения на Гитлера 20 июля 1944 г.¹ гестапо и НСДАП срезали целый «слой» немецкого общества — на сей раз высший. Борман, мечтавший о собственном гербе и так и не получивший его, мстил офицерам и генералам — дворянам, представителям «лучших семей» Германии, имевших родовые гербы уже на протяжении столетий.

О простом народе и говорить нечего. В их дома приходили похоронки, их дома разрушали англо-американские бомбы. Им недоставало еды — все было «рационировано», карточки введены и на продовольствие и на самые необходимые промышленные товары — одежду, обувь, а также уголь. Германия недоедала, недосыпала, мерзла.

Однако суть нацистских высших структур была такова, что они существовали как бы в безвоздушном

¹ По свидетельству биографов, Борман 20 июля так растерялся, что часа два (решающих) вообще не принимал никаких мер.

пространстве. Выстрелы до них не долетали, если не считать последних недель в Берлине. Еды хватало, питья тоже ¹. Глубокие бомбоубежища были предусмотрительно подготовлены для «высоких гостей».

И в этом микромире накануне катастрофы шла та же жизнь, та же грызня, что и при зарождении нацистского строя. Только многие персонажи, как водится, поменялись местами. При абсолютной власти всегда бывают «калифы на час», фавориты, и наоборот, бывшие фавориты, впавшие в немилость.

Правил бал в последние два года, безусловно, Борман. Именно он изолировал Гитлера не только от внешних воздействий, но и от большинства нацистских бонз.

Шелленберг, начальник VI управления РСХА, в своих «Записках» очень наглядно показал, как постепенно возростала роль Бормана.

«Когда позже освободилась должность его прежнего покровителя Гесса (человека, которого он объявил сумасшедшим), он позаботился прежде всего о том, чтобы благодаря своему постоянному присутствию в окружении Гитлера постепенно стать незаменимым, а также посвященным во все конфиденциальные дела и во все политические переговоры. Кроме того, со временем в нем развилась поразительная ловкость; не только из-за его постоянного присутствия, но и из-за того, что он умел ловко вставить нужную реплику, *отвлекавшую Гитлера от неприятных тем и направлявшую его мысли в другое русло* (курсив мой. — Л. Ч.). К этому надо прибавить исключительную память, качество, которое Гитлер особо ценил, ибо чем тотальнее становилась существующая система, тем труднее было пропустить все разнообразие проблем через игольное ушко гитлеровской воли и восприятия. Со все возрастающим физическим одряхлением Гитлера эта задача требовала огромного нервного напряжения. И чем раздражительней и невыносимей становился Гитлер в последние годы войны, тем необходимее для него было присутствие Бормана и днем и ночью. Благодаря его умению все упрощать он мог свести самые запутанные и сложные обстоятельства дела к нескольким существенным вопросам. При этом он научился все то, о чем он докладывал, строить столь логично и психологически ловко, что конец его доклада с неизбежностью подводил к нужному ему решению».

Среди нацистских бонзократов буквально вой стоял!

¹ В последние недели в бункере Гитлера Борман пил «по-черному».

Ламмерс вышел из игры, как только ему исполнилось 65 лет, в 1944 г. Год для пенсионной жизни мало подходящий, тем более что все приказы Гитлера подписывались до этого «тройкой» — Борманом, Ламмерсом и Кейтелем.

Розенберг, идеолог партии, утверждал, что в последний раз виделся с Гитлером наедине в конце 1941 г. В 1942 г. он разговаривал с фюрером всего два раза в присутствии Бормана. Даже Боулера, начальника личной (не партийной!) канцелярии Гитлера, Борману удалось отстранить от дел. А уж кто-кто, а Боулер служил нацистскому фюреру верой и правдой: лично руководил эвтаназией, организовывал газовые камеры и направлял туда евреев.

Явное охлаждение, возникшее между Гитлером и Герингом на последнем этапе, историки склонны приписывать тому, что хвастливый Геринг во всеуслышание заявил: «Ни одна бомба не упадет на Германию», а в 1944 г. Германия лежала в развалинах. Но, думается, такое объяснение наивно. Гитлер ни с себя самого, ни со своих сообщников не спрашивал за невыполненные обещания. Первым и единственным критерием служила для него преданность того или иного бонзы ему лично. По-видимому, Гитлера поссорил с Герингом Борман.

Только Шпеер еще держался. Но за ним стояли немецкие промышленники, хотя их влияние сильно уменьшилось. Однако окончательно порвать в годы войны с военно-промышленным комплексом даже Гитлер не решался...

Какова была «кадровая политика» Бормана, можно понять из тех же «Записок» Шелленберга. Узнав о покушении на Гейдриха и о том, что тот с тяжелыми ранениями лежит в госпитале, Шелленберг, по его словам, тут же подумал о драматической роли в судьбе Гейдриха Бормана и Гиммлера.

Шелленберг пересказывает историю, сообщенную ему Гейдрихом:

«Во время нашей последней встречи с Гейдрихом он рассказал мне следующее:

В дни его последней поездки в ставку фюрера он должен был доложить ему о некоторых экономических вопросах в «Протекторате» (Чехословакии.— Л. Ч.) и сообщить свои предложения на сей счет. Долгое время он ждал Гитлера перед его командным пунктом — бункером, и вдруг Гитлер в сопровождении Бормана вышел оттуда. Гейдрих, как положено, приветствовал фюрера и стал ждать, пока Гитлер заговорит с ним и попросит сделать доклад. Но вместо этого Гитлер несколько секунд с недо-

вольствием смотрел на него, не произнося ни слова. Потом Борман одним движением руки опять вернул фюрера в бункер. В этот день Гитлер так и не принял Гейдриха, а на следующий день Борман сообщил Гейдриху, что фюрер больше не интересуется его докладом, так как проблемы, которые он собирался с ним обсудить, ему теперь совершенно ясны. Формально Борман оставался исключительно вежлив, но его ледяной тон явственно ощущался на протяжении всего разговора. Попытка Гейдриха все же проникнуть к Гитлеру потерпела фиаско. Еще через день ему, несолоно хлебавши, пришлось вернуться в Прагу.

С тех пор у Гейдриха создалось твердое убеждение в том, что против него готовится решающий удар — внешне это выражалось в бросавшемся в глаза беспокойстве. При этом мне казалось, что Гейдриха волнует не самый факт этого, скорее, он занят тем, когда и кем именно удар будет нанесен».

Далее Шелленберг пишет о смерти Гейдриха: «Внутренне я был убежден, что он пал жертвой тайного суда «феме» — самых близких к Гитлеру людей (самого Гитлера — Бормана — Гимmlера.— Л. Ч.)».

И еще Шелленберг намекает на то, что лейб-медик Гимmlера Гебхардт, возможно, приложил руку к смерти Гейдриха, который умер от сепсиса после покушения.

Вот какие нравы царили в «волчьем логове» — ставке Гитлера. И вот как усилилось влияние Бормана уже в 1942 г. (Покушение на Гейдриха было совершено чешскими патриотами 27 мая 1942 г.)¹

¹ Шелленберг называет целую главу в своих «Записках»: «Борман — Мюллер». Цель этой главы не только подвести читателя к мысли о том, что глава гестапо Генрих Мюллер, наиболее одиозная фигура в аппарате насилия нацистской Германии, имел своего аналога в НСДАП и непосредственно в окружении Гитлера, но и доказать, что у обоих будто бы были... прорусские настроения, желание выйти из войны с помощью Сталина. Здесь в «Записках» сразу же бросаются в глаза явные натяжки и передержки. Никаких прорусских настроений ни у Мюллера, ни у Бормана не было. Впрочем, вполне возможно, что выдумка эта возникла не в голове самого Шелленберга, а в голове сотрудников западных спецслужб, которые опекали Шелленберга в последние несколько лет его жизни после войны. Думается, и название главы «Борман — Мюллер» также результат их «творчества», на основе которого и возникла идея о том, будто Бормана и Мюллера скрывают «русские».

Однако, видимо, сам того не сознавая, Шелленберг или другой автор заголовка «Борман Мюллер» подметил чрезвычайно важный процесс в трансформации нацистского тоталитарного государства. На первый план вышли бюрократы — партийный бюрократ Борман и бюрократ-каратель Генрих Мюллер. Деклассифицированные элементы, к примеру, «старые бойцы» Эссер или Штрейхер, морфинист Геринг или

Но не только интригами, подсиживанием и, может быть, тайными убийствами занимался Борман в трагические для Германии дни 1942—1945 гг. Мы пишем «тайными убийствами», ибо многое еще темно в истории нацистской верхушки. И тайны при дворе Гитлера были куда страшнее, чем тайны при дворе Медичи.

Но при этом «двор» сей (подземный бункер) в последние полтора года напоминал также театр абсурда.

Казалось бы, в 1944 г. все было ясно. Германия проигрывала войну окончательно и бесповоротно. Уже была опубликована подписанная Рузвельтом, Сталиным, Черчиллем Московская декларация от 30 октября об ответственности за «зверства, убийства и казни», совершенные гитлеровцами на оккупированных территориях. Уже была известна также подписанная Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем 1 декабря 1943 г. «Декларация трех держав» после встречи в Тегеране. Декларация, где черным по белому было написано:

«Никакая сила в мире не может помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушить их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

Закончив наши дружеские совещания, мы уверенно ждем того дня, когда все народы мира будут жить свободно, не подвергаясь действию тирании, и в соответствии со своими различными стремлениями и со своей совестью...»

Наконец, не так уж много времени оставалось до Ялтинской конференции трех держав¹, где было принято решение о безоговорочной капитуляции нацистской Германии. Решение о безоговорочной капитуляции буквально носилось в воздухе — в нем воплотились надежды и чаяния десятков народов, истерзанных, задавленных и ограбленных гитлеровцами...

А в бункере Гитлера продолжалась иллюзорная жизнь, шел по-прежнему спектакль театра абсурда.

29 февраля 1944 г. Борман сочинил многостраничную записку под названием «Укрепление немецкого народа в будущем». В «Записке» было 28 разделов, некоторые из

пьяница Лей все больше уступали место образцовым идеологизированным чинушам типа Бормана и Мюллера.

¹ Ялтинская (Крымская) конференция состоялась в феврале 1945 г.

них, в свою очередь, имели несколько подразделов. Начинаясь «Записка» многозначительными словами: «В ночь с 27 на 28 января фюрер обсуждал с нами проблему будущего нашего народа. В этой и в предыдущих беседах необходимо отметить следующее...»

И далее шли двадцать восемь разделов! Приведем короткие выдержки из этого поистине «замечательного» документа театра абсурда.

«4. ... Будущая жизнь народа тем прочнее, чем многочисленнее число рожденных у этого народа...»

«8. ...Мы не сможем приказать девушкам и женщинам даже и после этой войны в обязательном порядке рожать детей... Необходима соответствующая воспитательная работа...»

«12. Чтобы привести к успешному разрешению столь важной для немецкого народа проблемы, надо проводить разъяснительную работу в каждом отдельном случае. Прежде всего, многие женщины, положительно оценивая наши директивы в целом (о том, чтобы их мужья заводили детей от других «чистопородных» нацисток.— Л. Ч.), в отдельных случаях, касающихся их собственных семей, с фанатизмом выступают против них... недостаток логики был всегда присущ женщинам...»

15. ...Смысл этого раздела в том, чтобы запретить немецким писателям изображать в своих новых романах, новеллах и пьесах «семейные драмы и семейные измены». Это же, согласно Борману, должно касаться «стихов, всякой там другой писанины и киносценариев», «где выводятя рожденные вне брака дети как неполноценные и незаконные».

Далее в этом разделе идут «гениальные» лингвистические упражнения Бормана:

«Слово «незаконный», как я уже давно подчеркиваю, должно быть окончательно вычеркнуто из нашего лексикона. Частица *не* в большинстве случаев означает что-то отрицательное. Приведем примеры:

«Законные — незаконные

Мирные — немирные

Свободный — несвободный

Симпатичный — несимпатичный

Аппетитный — неаппетитный

Счастье — несчастье

Вера — неверие...

Иными словами, мы уже сейчас должны отказаться от всего того, что целиком или частично представляет эту

проблему во вредном для будущего нашего народа свете! Ни на сцене, ни в разных писаниях не следует изображать конфликты между «законной женой» и «незаконной соперницей».

«17. Вывод: Мы обязаны способствовать тому, чтобы женщины, которые после этой войны не будут иметь и не смогут получить мужа, вступили бы в связь, сходную с брачной, хотя бы с одним мужчиной и родили бы как можно больше детей.

Тот факт, что такого рода связи не длятся всю жизнь, — естествен. Многие браки после длительного или короткого промежутка времени тоже распадаются. Впрочем, я даже уверен, что два человека, которые связаны дружбой, но притом не слишком часто видятся, охотнее держатся друг за друга всю жизнь, нежели при противоположных обстоятельствах. Конечно, притом, что дети в этом союзе укрепляют любовь и дружбу».

«19. Во многих случаях сопротивление законных жен базируется на *материальных* соображениях; жена, исходя из интересов своих детей, не хочет делить доходы или наследство мужа с другой женщиной и с ее детьми.

Это понятно! Но поскольку народ и государство хотят обеспечить свое будущее, они должны с помощью всевозможных средств, в том числе и материальных, обеспечить наивысшее число рождений; поэтому государство должно предоставлять матерям соответствующие крупные дотации...»

«27. Когда два человека идут регистрировать свой брак, чтобы узаконить его, то они главным образом преследуют следующие цели:

а) Брачный союз и вместе с ним потомство поступает под защиту государства и его органов власти, а также его гражданских законов.

б) Оба партнера знают отныне, что каждый несет перед другим определенные обязательства и что один не может убежать от другого».

Эти перлы можно цитировать еще очень долго! Но стоит ли? Думается, весь идиотизм бормановских рассуждений, вся их безнравственность видны уже по первой строчке!

Впрочем, Борман писал не только длиннейшие докладные записки на тему будущего многоженства с целью усиленного размножения. Писал тогда, когда впору было подумать не о рождении детей, а о смерти, о покаянии перед смертью. Он и декреты сочинял, боясь, что некому

будет колонизировать «восточное пространство». Сочинял декреты, когда «жизненное пространство» гитлеровцев, подобно шагреновой коже, все уменьшалось. Один из этих декретов следует все же упомянуть. Декрет этот был принят 14 июля 1944 г. и получил кодовое название «Операция сено». Согласно декрету «Сено», на оккупированных территориях следовало выявлять детей от 10 до 14 лет «арийской» внешности, отрывать их от матерей, менять им имя, фамилию и отправлять в рейх. Этим детям следовало внушить, что они немцы, а их бывшие родители — «недочеловеки». Всего-навсего!

Ну чем не театр абсурда?

Можно спросить: чего добился Борман, «отвлекая» Гитлера от мрачных мыслей всякими дурацкими рассуждениями насчет «размножения»?

Ведь он «достоорожил» нацистского фюрера в подземелье под имперской канцелярией до тех пор, пока все дороги к бегству были перекрыты советскими войсками.

Учтем, бормановский театр абсурда стоил жизни тысячам немецких юношей! Даже подростков, ребят шестнадцати и пятнадцати лет бросали в бой на «защиту Берлина». Сохранились фотографии, где видно, как трясшийся от болезни Паркинсона Гитлер прикрепляет дрожащей рукой на узкие «цыплячьи» груди мальчишек ордена!

Но разве это спасло Бормана? Разве все его козни, интриги и преступления не оказались напрасными?

Биограф Бормана Ланг, который неоднократно цитировался в этом очерке, уверяет, будто «весной 1945 г., незадолго до конца, Борман видел себя уже генеральным секретарем, таким же могущественным, как Иосиф Сталин... В подобной позиции он смог бы предоставить все представительские посты другим, сохраняя неограниченную власть».

Трудно представить себе, что думал весной 1945 г. Борман... Да, пожалуй, и не так уж интересно. Факты часто интересней догадок. Борман действительно был назначен, согласно завещанию Гитлера, главой партии НСДАП при канцлере Геббельсе и премьере адмирале Денице. Но навряд ли Борман верил, что ему удастся удержать свой пост, пробираясь после самоубийства Гитлера из осажденного Берлина... Что он тогда замышлял? На что надеялся?

В каждой судьбе есть своя логика. 12 лет Борман старался перехитрить всех. И это ему удавалось. Похоже, он перехитрил себя... Могилы его нет...

ОРГАНИЗАТОР НЕЧЕСТИВЫХ СДЕЛОК. ИОАХИМ РИББЕНТРОП

Ульрих Фридрих Вилли Иоахим Риббентроп родился 30 апреля 1893 г. Отец его Рихард был кадровый военный, мать, Софи, домохозяйка, умерла, когда мальчику было девять лет. Через некоторое время после смерти супруги Рихард Риббентроп ушел с военной службы, семья начала переезжать с места на место — Риббентропы поселились сперва в Швейцарии, потом во Франции. С 1909 по 1910 г. молодой Риббентроп жил в Англии, потом переехал в Канаду — там он работал строителем, клерком в банке, торговым служащим, занимался помаленьку коммерцией, даже завел собственное дело, но, видимо, не очень успешное. В Нью-Йорке он пописывал в газеты. Странствия заставили Риббентропа отлично выучить языки, что весьма пригодилось ему в дальнейшем. Когда разразилась первая мировая война, молодой Риббентроп быстро бросил в Оттаве свою импортно-экспортную контору и отправился в Германию, дабы участвовать в войне. В 1918 г. он оказался «на воле» — некоторые историки подозревают, что дезертировал. Однако грудь его украшал боевой орден Железный крест I класса. На этот счет в кругах нацистских шишек тоже ходили разного рода слухи...

Достоверно известно, что Риббентроп стал адъютантом генерала Секта, участником мирной делегации в Версале. Тут ему впервые пригодилось отличное знание языков. В 1919 г. Иоахим Риббентроп уволился из армии и, казалось бы, вполне удачно устроился в мирной жизни. Сперва начал торговать шерстью, потом стал представителем маркиза Полиньяка, продававшего шампанское. На поприще винной торговли он познакомился с богатым коммерсантом Хенкелем и 5 июля 1920 г. женился на его дочери Аннелиз (Элизабет). До 1924 г. он представлял фирму Хенкеля в Берлине, самую крупную фирму в Германии по торговле шампанским. Потом завел самостоятельную экспортно-импортную фирму: продавал шартрез, бренди, виски, а также шампанское, то есть дорогие и «престижные» вино-водочные изделия.

В 1925 г. Риббентроп сделал еще один шаг по лестнице, ведущей вверх,— присоединил к своей фамилии заветную частицу «фон», признак принадлежности к дворянскому сословию. Его адаптировала (усыновила) тетка. Риббентроп, молодой, преуспевающий коммерсант, стал дворянином, а тетка поправила свои финансовые дела: племянник обязался выплачивать ей ежемесячную ренту в размере 450 марок.

Сия сделка была, по-видимому, широко известна в нацистском рейхе. Во всяком случае, она дала повод Геббельсу придумать такую остроу: дескать, у Риббентропа все фальшивое — деньги получены от жены, титул куплен за деньги, а пост он выпросил.

В общем, биография Иоахима Риббентропа на первом этапе довольно выразительна и однозначна — он ловкий молодой человек с приятной наружностью, эдакий флорентинский Жюльен Сорель, который энергично и успешно делает себе карьеру. Только в XX веке карьеры оказались очень кровавыми.

Но нас в данном случае интересует другое: уникальность карьеры Риббентропа в среде гитлеровской гвардии.

В отличие от целой плеяды нацистов, пасынков веймарской Германии, бедных как церковные мыши, никому не нужных, так сказать, «не востребованных» тогдашним обществом — вспомним самого Гитлера, Геббельса, безработного летчика Геринга, фактически жившего на средства первого мужа своей будущей жены Карин,— Риббентроп был человек вполне преуспевающий. Мы уже знаем, что он женился на богачке, имел свое солидное дело, наконец, купил виллу в Далеме, аристократическом районе Берлина. Он вращался в обществе, вступил в «Унион-клуб» и «Клуб господ». В «Унион-клуб» его ввел якобы сам фон Папен, с которым он познакомился еще до войны в Турции, фон Папен — аристократ до мозга костей, любимец президента Гинденбурга, связанный и с финансовыми кругами, и с военными, и с католической церковью, с ее иерархами.

Нет, поистине Риббентроп был баловнем судьбы. И ничто, ничто не предвещало его кончины на виселице! Конечно, он был авантюрист, выскочка и, видимо, игрок по натуре. Но все ж таки зачем ему было связываться со столь темной партией, какой была НСДАП?

Риббентроп объяснял это страхом перед «социализмом»; дескать он предпочел наименьшее зло — национал-социализм. Вот как он высказался по этому поводу: «Зимой 1930/31 г. стало ясно, что Германия может капитулировать перед коммунизмом. Ни буржуазные партии, ни церковь, казалось, не смогут продолжительное время мешать этому. Единственный шанс задержать коммунизм заключался, по моему убеждению, в национал-социализме». И далее: «Германия приближалась к пропасти».

Однако эти слова в устах Риббентропа кажутся нам более чем неубедительными. Позднее мы увидим, с каким упоением выполнял тот же Риббентроп свою миссию в Москве в 1939 г. — сговаривался с... коммунистами.

Нет, не похоже, чтобы какие-то «идейные» мотивы толкали Риббентропа вступить в НСДАП, пусть даже и «идейная» ненависть к коммунизму.

Просто в 1930—1931 гг., когда молодой торговец шампанским заключил свой первый пакт с дьяволом, то есть начал сотрудничать с Гитлером, Гитлер был многообещающей фигурой, а его партия уже через год стала самой сильной в Германии. И Риббентроп счел, что в ее рядах можно скорее всего сделать большую карьеру.

А как только он это понял, то тут же ринулся в политическую борьбу.

Надо сказать, что старые нацисты до самого конца не могли простить Риббентропу того, что он прыгнул в их лодку буквально в последний момент, когда она была уже у финишной черты. Для них Риббентроп всегда был выскочка, «не свой». Никогда он не ходил в сапогах и в коричневой форме, не дрался в пивных залах и зальчиках стульями, не метал в противников тухлые яйца, не кричал: «Жид, сгинь!», не стоял в шпалерах, приветствовавших Гитлера, не вопил на площадях: «Зиг! Хайль!» Для кадровых нацистов с «дореволюционным стажем», как говорили в Германии в 30-х годах, — это был человек «примазавшийся», «не настоящий партайгеноссе». С «настоящими» у него не оказалось общих сладостных воспоминаний о былых боях и победах. Пока они завоевывали для Гитлера Германию, он ездил по миру и торговал дорогими марочными винами.

Возмущение «старых бойцов» карьерой Риббентропа, безусловно, усугублялось черной завистью — «старые бойцы» не обучались хорошим манерам, как правило, не знали ни одного иностранного языка и не бывали

за границей, а Риббентроп чувствовал себя там как рыба в воде.

Но Адольфу Гитлеру было глубоко наплевать на «старых бойцов» и на их эмоции. Он сразу понял, что Риббентроп может сослужить ему серьезную службу.

На первых порах Риббентроп стал посредником между Гитлером и Папеном, а стало быть, между Гитлером и Гинденбургом, на которого Папен имел большое влияние. Таким образом, в роковой 1933 г. Риббентроп оказался в самом эпицентре событий, или, вернее, в центре всех «дворцовых интриг» в буквальном смысле этого слова. И, судя по сохранившимся свидетельствам, вел себя чрезвычайно ловко, умело, активно. Сновал между Папеном и Гитлером, между отелем «Кайзергоф», штаб-квартирой нацистов, и президентским дворцом.

Характерно, что Геббельс, который постоянно вел дневник, не очень-то поминал Риббентропа. Для него он был случайной фигурой, никем, посыльным.

Зато чрезвычайно добросовестный немецкий ученый Вольфганг Михалка показал ныне, что роль Риббентропа в «дворцовых интригах» была очень велика. Буквально каждый шаг Гитлера подготавливался Риббентропом. Не говоря уже о том, что многие встречи и переговоры проходили на вилле Риббентропа в Далеме.

Познакомился Риббентроп с Гитлером всего лишь в середине августа 1932 г., то есть меньше чем за полгода до прихода нацистов к власти. Риббентроп писал: «Я увидел Адольфа Гитлера в середине августа, это произошло после берлинских переговоров правительств Папена — Шлейхера с ним, переговоров, которые кончились фиаско. Адольфу Гитлеру был обещан пост рейхсканцлера, но потом ему предложили стать вице-канцлером, Гитлер отклонил это предложение и уехал в Оберзальцберг. Друзья попросили меня стать... посредником между ними и господином фон Папеном». Этими друзьями, как нам сейчас известно, были граф Геллдорф, один из главарей штурмовиков, командир отряда «Бранденбург» и писатель Шмидт-Паули, так же как и Папен, подвизавшийся в католическом объединении «Арбайтсдинст».

О встрече Риббентропа с Гитлером известно не только из заметок Риббентропа, но и из рассказа самого нацистского фюрера. Вот что он говорил:

«Риббентроп пришел ко мне летом 1932 г., чтобы предложить сформировать правительство вместе с Папеном. Я объяснил, что не доверяю Папену и хочу

сформировать правительство вместе с генералом Шлейхером. Риббентроп возразил, что со Шлейхером поддерживать лояльные отношения нельзя. В ответ я прочел ему двухчасовую лекцию, кульминационным пунктом которой было утверждение, что генерал фон Шлейхер, будучи прусским генералом, не нарушит своего честного слова. Но Риббентроп твердо объявил мне, что в данном случае не может служить посредником, ибо он не доверяет Шлейхеру, а господин фон Папен человек чести».

С августа 1932 г. начались постоянные контакты между Гитлером и Папеном при посредничестве Риббентропа. Особо активизировался Риббентроп в конце 1932 г. и в первых числах января 1933 г.

В частности, именно он организовал 4 января 1933 г. встречу Гитлера со Шредером, крупнейшим банкиром Германии, в кельнском доме Шредера, встречу, которую известный немецкий историк Брахер назвал «днем рождения третьего рейха». В этот день германские монополисты и реакционеры, которых представлял Шредер, окончательно остановили свой выбор на Гитлере. Сделка эта была, так сказать, подтверждена в ночь с 10 на 11 января. Однако торг по конкретным вопросам только начался — важнейший из них сводился к тому, кому стать канцлером, а кому вице-канцлером в будущем правительстве. По-видимому, партнеры никак не могли договориться. Причем Папен безусловно ссылался на Гинденбурга, дескать, «старый барин» все ж таки не допустит «богемского ефрейтора» в канцлерское кресло. 12 января Гитлер не явился на обед к Риббентропу. Папен прождал его напрасно. 15 января Риббентроп отправился вместе с Гитлером в Оенхаузен, в предвыборную штаб-квартиру нацистов в округе Липпе, где шли частичные выборы в ландтаг, и Гитлер, который потерял на общегерманских выборах два миллиона голосов, бросил туда все силы, чтобы показать, на что способна НСДАП. В Оенхаузене нацистский фюрер много часов подряд внаштал Риббентропу, что не желает уступать ни пяди...

По вине Гитлера срывались встречи с Папеном и 16 и 17 января. Наконец Риббентроп придумал умнейший ход — он предложил Гитлеру встретиться у него не только с Папеном, но и с сыном президента Оскаром фон Гинденбургом и статс-секретарем, начальником президентской канцелярии Мейсснером, так сказать, с людьми, непосредственно влиявшими на престарелого Гинденбурга. Эту действительно «историческую встречу» Михалка,

биограф Риббентропа, проследил буквально по часам. В 9 часов вечера у Риббентропа появился Папен. В 10 часов — Гитлер, Фрик и Геринг, будущие члены кабинета. Что касается Оскара Гинденбурга и Мейсснера, то они, как и подобает заговорщикам, явились с соблюдением всех правил конспирации... А они и впрямь были заговорщиками — их заговор стоил человечеству 50 миллионов жизней. Так вот, Гинденбург и Мейсснер приехали на такси прямо из ложи оперного театра. Как только все были в сборе, Гитлер, минуя Папена, подошел к Оскару Гинденбургу и проговорил с ним два часа с глазу на глаз. Даже Мейсснеру, близкому человеку Гинденбурга-отца, он не разрешил вмешиваться в их конфиденциальную беседу.

Нам остается только догадываться, что сказал Гитлер Оскару Гинденбургу. Но догадаться все же можно. К тому времени президент оказался замешанным в не очень красивую аферу с так называемой «восточной помощью»: правительство оказало значительную финансовую помощь восточно-прусским помещикам. Однако часть средств «застряла» у самого президента и его ближайшего окружения.

После этой встречи Папен и Оскар Гинденбург вдвоем уговаривали заупрямившегося президента сделать Гитлера канцлером, поскольку на другой вариант фюрер не соглашался. 25 января Оскар фон Гинденбург появился у Риббентропа и сказал, что в рамках «национального фронта» президент согласен на канцлерство Гитлера. Но «национальный фронт» включал в себя и Гугенберга, короля газетной империи, миллионера и бывшего соратника Гитлера по Гарцбургскому фронту. Однако Гитлер заупрямился и уже не в первый раз вдрызг разругался с Гугенбергом. С 5 по 30 января торг шел день и ночь. По-видимому, Риббентроп окончательно переключился с торговли шампанским на политику. Гинденбурга, которому в ту пору пошел уже восемьдесят седьмой год и который все же был не в лучшей форме, окончательно запугали угрозой большевизации Германии, и он сдался, сделал канцлером Германии Гитлера, того самого Гитлера, которого он после первой встречи, по его словам, не назначил бы даже министром почт. После этого, уже 29 января, Папен и Риббентроп начали формировать новое правительство. Вечером этого же дня президент получил список будущего кабинета.

30 января в 11 часов дня канцлер и министры были приведены к присяге. А дальнейшее нам известно.

Впрочем, кое-что необходимо отметить. Риббентроп, один из главных интриганов в бесчестной сделке Шредер — Папен — Гинденбург — Гитлер, остался как бы ни при чем. Так, во всяком случае, казалось. (Только два нациста получили посты в новом кабинете — Геринг и Фрик.)

«Но это «казалось» было обманчивым,— пишет Михалка,— ибо Риббентроп не принадлежал к людям, которые согласились бы с тем, чтобы их заслуги не оценили по достоинству».

* * *

В Германии в начале XX века существовала не только каста военных, но и каста дипломатов. Профессия эта была как бы наследственной, семейной. Отпрыски дворянских родов с юности готовились к дипломатической карьере. Кадровые дипломаты служили любому режиму, вернее, служили Германии при любом режиме. Это было, конечно, полезно, ибо создавало определенную преемственность, да и дипломаты обладали необходимой выучкой.

Ясно, что Гитлер должен был эту традицию каким-то образом поломать. Ибо совершенно очевидно, что ни один тоталитарный диктатор не может примириться с тем, что ключевые посты в его «вотчине» будут занимать не, с позволения сказать, холуи, а люди, имеющие свои позиции, в какой-то степени независимые. Однако для проведения коренных перемен требовались осторожность и время. И нацистский фюрер, обладавший, безусловно, особым звериным чутьем, это понимал.

Дадим слово опять же Михалке. «В первый год,— пишет он,— Гинденбург настоял на том, чтобы «сохранить на посту министра иностранных дел барона Константина фон Нейрата и вообще не менять *никого* (Курсив мой.— Л. Ч.) из сотрудников дипломатической службы». Так оно и было.

Тем не менее поиск кандидатов на пост нового министра иностранных дел начался сразу же. Таких претендентов, которых Гитлер стал «пробовать», оказалось четыре, включая Риббентропа.

Первым из них был некий Людекке, который быстро сошел со сцены и получил прозвище «нацистский плейбой». Курт Людекке, так же как и Риббентроп, знал языки, долго жил за границей и имел там разнообразные

связи. Он занимался коммерцией и даже — правда, на короткое время — разбогател. Притом у Людекке было большое преимущество перед Риббентропом: он примкнул к нацистам еще в 1922 г. и пытался в то время установить контакты между Муссолини и Гитлером. Людекке имел довольно обширную дипломатическую программу: сперва попытаться заключить союз с Англией против Советской республики или же союз с Японией. А если обе эти затеи кончатся провалом, наоборот, искать союза с Россией. Надо сказать, что Людекке всерьез рассматривал эту альтернативу.

Сейчас это кажется нам странным. Но в годы Веймарской республики ничего особенно «еретического» в такой концепции не ощущалось. В ту пору связи между СССР и Германией были очень сильны. Россия была страной, резко выступавшей против «пут Версаля» и подерживавшей Германию не только морально и экономически, но и в военном отношении.

Людекке считался «левым» нацистом и, по его собственным утверждениям, победы Штрассер Гитлера, стал бы незамедлительно министром иностранных дел. Возможно, именно это обстоятельство помешало ему в дальнейшем. Однако на первом этапе после захвата власти у Людекке было несколько бесед с Гитлером, и кое-какие поручения нацистского фюрера он выполнял.

Вторым кандидатом на пост будущего министра иностранных дел был, видимо, «Путци» — Ханфштенгль, сынок богатых родителей, немало сделавших для того, чтобы Гитлер пришел к власти. О Ханфштенгле уже не раз говорилось в этой книге. Он тоже был нацистским плейбоем — тоже знал языки (учился в Гарварде) и числился вполне «светским» человеком. В нацистской партии он занимал посты, связанные с иностранными делами — главным образом по работе с зарубежной прессой.

Занятно, что все нацистские претенденты на министерский пост рассматривались с учетом их знания иностранных языков. Но ведь известно, что в 20—30-х годах вся европейская интеллигенция (как и русская до 1917 г.) прекрасно владела иностранными языками, подолгу жила за границей, имела друзей во многих странах. Но то интеллигенция... Маргинальные слои, а также слои опустившихся мещан, среди которых Гитлер вербовал своих ближайших соратников, языков не знала. Но это так, к слову...

Третьим важным претендентом на пост министра иностранных дел и заклятым соперником Людекке, Ханфштенгля и Риббентропа был Альфред Розенберг, партийный «теоретик». Он был стопроцентным «наци», и, соответственно, его концепция была самой вздорной, ибо предельно «идеологизированной» — он намеревался призвать все страны и народы к «крестовому походу против большевизма».

Гитлер, разумеется, был куда хитрее Розенберга и предоставлял своему главному «теоретику» упражняться в красноречии на внутренней арене, а сам очень даже умело и осторожно проводил свою внешнеполитическую линию.

Об этой линии мы знаем из речи нацистского фюрера, а также из воспоминаний Риббентропа, которые тот сочинял уже в Нюрнбергской тюрьме.

Риббентроп пишет, что на первых порах Гитлер стремился хорошо подготовиться к будущим шагам, так сказать, «не дразнить гусей», всячески декларировать свои мирные намерения и под прикрытием слов о миролюбии вооружаться и исподтишка хватать то, что плохо лежит...

Анализируя внешнеполитический курс нацистов в первые год-два после их «воцарения», надо сказать, что уже тогда он обладал всеми теми чертами — коварством, бесчестностью, бессовестностью, которые были характерны для стратегии и тактики Гитлера в дальнейшем.

Этот курс заключался в том, чтобы *помешать созданию системы коллективной безопасности*, разрушить *Лигу Наций*, перейти от *многосторонних договоров* и решений к *двусторонним сделкам*, желательно тайным или с тайными протоколами. Словом, перейти от нормальной цивилизованной дипломатии к дипломатии гангстерской, сугубо секретной. А главное — от попыток *стабилизации* положения на внешней арене к попыткам *дестабилизации*, от *конструктивной* политики к политике *деструктивной*.

* * *

И вот это и заставляло Гитлера проводить с помощью Риббентропа дипломатические акции, вернее, осторожный зондаж в отдельных странах Запада.

Возникает законный вопрос: в качестве какого же должностного лица Риббентроп эти акции проводил?

Мы уже писали выше о параллелизме гитлеровского бюрократического аппарата. Даже такой чисто «общего-

сударственный институт», как министерство иностранных дел, имел параллельные образования: внешнеполитическое ведомство НСДАП под руководством Розенберга и «Бюро Риббентропа», подчиненное непосредственно Гитлеру. Можно себе представить, какая грызня неизбежно должна была возникнуть между министерством иностранных дел, то есть фон Нейратом и его сотрудниками-профессионалами, и Розенбергом и Риббентропом! Но это было в порядке вещей.

Первой акцией, проведенной Риббентропом, была попытка договориться с Францией.

Риббентроп некоторое время жил во Франции, а также во франкоязычной Канаде. Наконец, как виноторговец, он имел дело с французскими фирмами — поставщиками лучших в мире вин.

8 апреля 1933 г. Гитлер в беседе с тогдашним послом Франции Франсуа-Понсэ возвестил: у него, мол, нет никаких враждебных целей на Западе уже хотя бы потому, что он «не намерен жертвовать еще миллионом своих людей ради войны с Францией». Это торжественное заявление развязало руки Риббентропу. Однако Риббентроп, как всегда, действовал не по официальным каналам, а через посредников. Тем более, тогдашний премьер Даладье желал разговаривать только с Папеном, никакого торговца шампанским Риббентропа он не признавал. Таким образом, волей-неволей будущий гитлеровский министр иностранных дел удовлетворился неким Фердинандом де Бриноном, в котором, как показали события, не обманулся. Сей посредник стал в 1940 г. представителем Лаваля в Германии, то есть явным коллаборационистом.

Риббентроп и Бринон проводили «челночные операции» между Берлином и Парижем. Продолжалось это, однако, не слишком долго: министр иностранных дел Франции в 1934 г. Барту не хотел никаких сепаратных сделок с гитлеровской Германией, хотя Риббентроп и убеждал его, что необходима встреча между ним, Барту и Гитлером. В то время официальным лозунгом нацистов был лозунг: «Эльзас-Лотарингия есть и будет французской, Саарская область есть и будет немецкой!» Естественно, Риббентроп козырял этим лозунгом. Ничего не помогало! Барту был за систему коллективной безопасности, за сближение с Россией, за создание каких-то дипломатических преград на пути Гитлера. Имея в виду эти цели, Барту решил предпринять поездку в Варшаву, Прагу и Белград...

В Берлине рвали и метали... Геббельсовская пропаганда пустила в ход такое выражение касательно Барту: «Если ты протянул руку для рукопожатия Германии, то в другой руке не должен сжимать револьвер...» Но пока министерство пропаганды упражнялось в не слишком удачных афоризмах, гитлеровские секретные службы тоже не сидели сложа руки. 9 октября 1934 г. Барту и югославский король Александр были убиты террористами. Многие историки считают, что руку этих террористов направляло ведомство Гиммлера.

Параллельно с переговорами Риббентропа с Францией нацисты предприняли первую попытку договориться с Англией через британского посла в Берлине Фипса. Но и эти переговоры вначале тоже шли довольно вяло.

В апреле 1934 г. Риббентроп наконец-то получил официальное назначение — сей предвестник войн и агрессии стал... уполномоченным по вопросам разоружения. Воистину у тоталитарных политиков нет чувства юмора!

Уже в октябре 1934 г. Германия и Италия вышли из Лиги Наций, но это отнюдь не помешало нацистам вещать повсюду, что они готовы все вопросы решать мирным путем. Милолюбивые речи Гитлера были по-прежнему обращены к Франции. Риббентроп организовал через Бринона интервью Гитлера, обращенное специально к Франции. Однако на сей раз псевдомилолюбивые инициативы нацистской Германии (в это время она лихо радочно готовилась к войне) были доведены до сведения и Лондона, и Рима, и Вашингтона ¹.

На сем этапе Риббентроп сделал во Франции отличное приобретение: нашел некоего Отто Абеца, который с 1937 г. стал сотрудником Риббентропа, а в 1940 г. — немецким послом в оккупированной Франции.

Наряду с этим Риббентроп продолжал вести интенсивные переговоры и с Англией. Среди его партнеров были тогдашний премьер Макдональд, министр Болдуин, лорд-канцлер Девидсон.

Это, безусловно, свидетельствовало о том, что часть английских политиков того времени стремились установить контакты с нацистами. Так, премьер Макдональд пригласил Гитлера в Лондон. 20 ноября 1934 г. Риббент-

¹ Прочные связи с Францией имел вице-канцлер Папен и немецкие военные. Тот факт, что зондаж и переговоры шли через Риббентропа, доказывает, что с самого начала Гитлер хотел иметь «своего» дипломата, никак не связанного с мировыми традициями дипломатии и мировой политики.

роп добился неофициальной встречи с премьер-министром Макдональдом на Даунинг-стрит, 20. Чего только не плел Риббентроп на этой встрече — и пугал англичан коммунизмом, дескать, национал-социализм — единственная альтернатива коммунизму в Германии, и клялся, что, освободившись от Версаля, Германия будет с помощью других европейских стран бороться за «вечный мир» на европейском континенте! Закончилась беседа тем, что Риббентроп пригласил тогдашнего лорда-канцлера в Берлин.

Переговоры Риббентропа в Париже и Лондоне получили у историков наименование «приватной дипломатии» или «дипломатии с черного хода».

Справедливости ради скажем, что далеко не у всех европейских политиков эта дипломатия пользовалась успехом. О Барту мы уже упоминали. Да и британский министр Болдуин под всякими предложениями отказывался встретиться с Гитлером, хотя Риббентроп буквально навязывал ему эту встречу, если не в Берлине, то хотя бы на пароходе. Отметим также, что германское военное министерство получило из осведомленных источников весьма нелестные аттестации «попугая Гитлера» — так американский историк Дейч прозвал Риббентропа. По сообщению этих источников, в британском правительстве были просто-таки возмущены вояжами Риббентропа. «Если уж немецкое правительство нуждается в особом представителе, — говорится в донесении военного министерства, — то он по крайней мере должен уметь вести переговоры, а не быть каким-то приبلудным торговцем шампанским. Форин офис (министерство иностранных дел), во всяком случае, не будет больше принимать Риббентропа».

Немецкий посол в Лондоне фон Хеш, в свою очередь, сочинил подробное послание о некомпетентности Риббентропа. По словам посла, британский министр иностранных дел Саймон прямо спросил его, какие преимущества видит Германия от посещений полуофициальных лиц? Не лучше ли отправлять официальных, облеченных доверием представителей?

Послание Хеша фон Нейрат сразу же препроводил Гитлеру.

Таким образом, Гитлер мог убедиться, что два его эмиссара — Розенберг, отправившийся в Англию в 1933 г., и Риббентроп не сильно популярны.

Дипломатическая карьера Розенберга на этом кончилась

(в мае 1933 г.), а карьера Риббентропа только началась. «Приблудный торговец шампанским» оказался «непопулярным». И именно он добился важного дипломатического успеха для нацистов — соглашения между Британией и Германией по флоту.

Но прежде чем подробнее остановиться на этой сделке — одной из самых загадочных сделок 30-х годов, давших Германии неслыханные козыри, попробуем понять, чем же все-таки Риббентроп был столь любезен сердцу нацистского фюрера?

Ну, конечно, тем, что он был «попугай», сразу же повторял за Гитлером все, что тот говорил. Но разве один лишь Риббентроп годился на роль попугая в нацистском рейхе?

Главное, что как раз Риббентроп стал ярким представителем гитлеровской дипломатии, понял ее суть и особенности и сам немало способствовал ее «становлению».

Риббентроп делал упор на идеологическую обработку иностранных граждан, иными словами, искал сообщников во всех слоях населения за границей... Действовал и демагогией и подкупом. Сообщники Риббентропа сколачивали целые пронацистские партии — «пятую колонну», подкупом или обманом вербовали свою агентуру. Дипломатические представительства нацистской Германии превратились не то в идеологические штабы, не то в шпионские гнезда. При этом Риббентроп не брезговал и пресловутыми маргинальными слоями общества — полууголовными, преступными элементами. Кстати, в годы оккупации агенты Риббентропа занимались прямым грабежом, вывозя в дипломатических контейнерах художественные и иные ценности, в том числе и для своего министра...

Советский Энциклопедический словарь так определяет слово «дипломатия»:

«Офиц. деятельность глав гос-в, пр-в и спец. органов внеш. сношений по осуществлению целей и задач внеш. политики гос-в, а также по защите интересов гос-ва за границей».

Меньше всего работу нацистских дипломатов времен Риббентропа можно назвать «офиц. деятельностью», это скорее была подрывная работа, *дестабилизирующая* положение в зарубежных странах. И опиралась она, соответственно, не на «офиц.» дипломатических сотрудников, а на «пятую колонну» и на прочих лиц, сочувствующих наци-

онал-социалистам, ставящим интересы чужого «гос-ва» выше интересов собственной страны!

Но мы еще только в самом начале карьеры новоявленного аристократа с частичкой «фон». Он еще даже не министр. Но уже тонко чувствует веяние времени.

Вот одно из его характерных донесений «наверх» где-то в 1934 г.: «Различные события во время моего пребывания (в Лондоне.— Л. Ч.) показывают, что главное сопротивление нашей политике как раньше, так и теперь оказывает Форин офис, в то время как у других авторитетных лиц появилось к нам разумное отношение. Общее впечатление заключается в том, что авторитетные круги и общественное мнение... сочувствуют нашему перевооружению, но все еще озабочены предполагаемым объемом авиации и прежде всего относятся с сильным недоверием к ее применению в будущем...»

Итак, как ни относишься к Риббентропу, но с его именем связана одна из крупнейших дипломатических побед нацистской Германии на Западе — соглашение по флоту между Великобританией и Германией.

Соглашение было заключено 18 июня 1935 г., а незадолго до этого, в марте 1935 г., Гитлер, презрев Версальский договор, ввел в Германии всеобщую воинскую повинность! Казалось бы, еще раз бросил вызов всему миру. Тем не менее Англия оказалась сговорчивой.

Суть военно-морского соглашения между Великобританией и Германией сводилась к следующему: в 1922 г. в Вашингтоне было установлено такое соотношение сил по флоту: США, Великобритания, Япония, Франция и Италия соответственно: 5:5:3:1,75:1,75... Как видим, Германия здесь вообще не фигурировала. Допустим, английские политики решились бы установить квоту для Германии в размере 1,75, уравнивая ее с Францией... Быть может, здесь и была бы какая-то доля разумности. Пойти на политическую уступку, пусть с нацистской державой, но все же через полтора десятка лет после окончания войны. Так сказать, перестать сводить счеты с проигравшей страной.

Однако в 1935 г. английские политики разрешили нацистам совершенно иную квоту военно-морских сил: 35 процентов от их собственного флота и 100 процентов от их подводного флота.

Никакой логикой этого объяснить нельзя!

Соглашение стало победой отнюдь не только Риббентропа, даже не только нацистской дипломатии, но

и победой всего агрессивного курса гитлеровцев. Можно с уверенностью утверждать, что без 1935 г. не было бы 1938 г. и известной мюнхенской сделки, когда крупнейшие деятели Англии и Франции, что называется, сами преподнесли на блюдечке с голубой каемочкой Гитлеру Чехословакию!

Конечно, никакие дипломатические таланты Риббентропа, даже если бы такие таланты ему и были свойственны, не сумели бы подвигнуть английских политиков на столь странный поступок — узаконить бешеное перевооружение Германии. То был с их стороны воистину роковой шаг — история, к сожалению, знает немало таких шагов — совершенно не укладывающихся ни в рамки элементарного здравого смысла, ни в рамки политических резонансов!

Как всегда в таких случаях, «доводы» за заключение соглашения нашлись... Во-первых, опять же пресловутый страх перед коммунизмом. Но в данном случае он на самом деле никакой роли играть не мог. Советский флот никак не угрожал Англии. Во-вторых, известное соперничество с Францией — но и здесь ясно было, что Франция отнюдь не собиралась оспаривать военно-морской приоритет своего союзника — Англии.

В те дни на Западе был опубликован фотомонтаж — на первом плане английский политик, за ним Гитлер во фраке и в военной каске на фоне двух орудийных стволов, направленных слева направо. Под фотомонтажом была подпись: «Крейсер, который стреляет только на Восток!»

Но такого рода предостережения были очень редки. Хотя «колокол уже зазвонил...». Тем не менее, можно с горечью констатировать, что нацистская Германия вошла в моду среди политиков Западной Европы именно в 1935—1936 гг. Ллойд Джордж, знаменитейший британский политик, приехал в Берхтесгаден поговорить с Гитлером (сентябрь 1936 г.), хотя был уже не у дел. Иден и Саймон — действующие политики Англии, также посетили Берлин. Захотел познакомиться с Гитлером не только Остин Чемберлен, консервативный английский политик, получивший Нобелевскую премию мира за Локкарнский пакт, но даже и всемирно известный драматург и острослов Бернард Шоу... И все эти лица исправно посещали Риббентропа! А Риббентроп, вообразивший себя великим дипломатом, вещал: «Если мы сумеем создать фундамент общеевропейских интересов, нетрудно будет сделать политический выбор между хаосом и воз-

рождением и тогда-то, наконец, начнется совместная работа, которая одна лишь может сделать существование Европы незыблемым и гарантировать на долгие годы в будущем порядок в мире — основу нашей цивилизации».

В 1935—1936 гг. карьера Риббентропа приближалась к зениту. И это при том, что он всего лишь три года назад попал в фарватер нацистов! Трудно преувеличить успех Риббентропа, заключившего соглашение по флоту. Ведь, как писали историки, это соглашение «открыло зеленый свет Гитлеру в Европе».

Но самым главным для Риббентропа была похвала фюрера, а фюрер сказал в связи с подписанием соглашения, что день 18 июня «стал для него счастливейшим днем жизни»¹.

Соглашение и впрямь означало открытую ревизию Версальского мирного договора.

Сознавая это, с грустью читаешь, к примеру, великолепную речь обвинителя от Великобритании Шоукросса на заключительном этапе Нюрнбергского процесса:

«...Уже со времени появления «Майн кампф» все цели политики нацистов сводились к территориальной экспансии, агрессии, господству, и... демократическим державам приходилось иметь дело с Германией, которая вне зависимости от отдельных неискренних заверений в мирных намерениях ставила перед собой именно эти основные цели. Если вообще могла идти речь о мире, то он был возможен лишь за счет Германии. И зная, что эта цена не должна и не может быть уплачена добровольно, немцы решились обеспечить мир силой».

Одновременно с психологической подготовкой германского народа к войне проводились необходимые меры для перевооружения. На совещании 23 ноября 1939 г. Гитлер в следующих выражениях резюмировал события

¹ Следует отметить, что именно Риббентроп был горячим сторонником переговоров по флоту. Гитлер в них не верил. Так что успех нацистов в данном случае был его личным успехом. Хотя Риббентроп, как и вся гитлеровская верхушка, отлично знал, что любое соглашение будет ими нарушено. Как отмечал историк Дюльффер, Гитлер с самого начала указывал в своем кругу, что «все эти соглашения будут действовать всего лишь 3—4 года. После этого, закончив перевооружение Германии, по возможности, без помех, он (Гитлер.— Л. Ч.) планирует направить вермахт на агрессию».

За двенадцать дней до подписания соглашения на конференции Риббентроп торжественно возвестил: «Обе великих нации одной расы» имеют возможность «навсегда разделить сферы влияния».

этого периода: «Я должен был перестроить все, начиная с народных масс и кончая вооруженными силами. Прежде всего, внутренняя перестройка — искоренение очагов разложения и пораженческих идей, воспитание в духе героизма. Проводя внутреннюю реорганизацию, я начал одновременно осуществление второй задачи — освобождение Германии от ее международных обязательств. Выход из Лиги Наций и уход с конференции по разоружению...

После этого приказ о перевооружении... В 1935 г. введение обязательной воинской повинности. После этого ремилитаризация Рейнской зоны...».

Заговорщики (нацисты.— Л. Ч.) намеревались прежде всего избавиться от политических уз, которые мешали проведению перевооружения. В октябре 1933 г. Германия вышла из Лиги Наций, а в мае 1935 г. отказалась от тех пунктов Версальского договора, которые касались вооружения, и сообщила миру о создании военно-воздушных сил, большой регулярной армии и установлении обязательной воинской повинности. Был создан имперский совет обороны, и уже 26 апреля 1935 г. состоялось второе заседание его рабочего комитета с участием представителей из каждого отдела...»¹

Далее Шоукросс с негодованием вопрошает: неужели можно поверить, что крупные государственные деятели Германии (он перечисляет и Нейрата и Шахта!) «могли предполагать, что режим не намеревается вести войну?»

Прочтя этот отрывок, понимаешь, почему политики стран-победительниц — и Англии, и Франции, и США, и СССР буквально всеми силами сопротивлялись открытию Нюрнбергского процесса: ведь ясно было, что все эти страны немало сделали для Гитлера и нацистского режима. На разных этапах и с разной мерой безответственности...

Но вернемся к данному случаю: как могла Великобритания вести переговоры с Риббентропом, пусть «приватные переговоры», после того как Гитлер вышел из Лиги Наций? Разве ее политики не читали «Майн кампф»? И неужели ни выступления эмигрантов-антифашистов, ни разведанные пресловутой английской разведки «Интеллидженс сервис», ни, наконец, сами действия нацистов — их публичные речи и статьи не убедили многоопытных европейских политиков в том, что «режим... намеревается вести войну»?

¹ Нюрнбергский процесс. Т. 7. М., 1961. С. 70.

А резня 30 июня 1934 г.? А убийство австрийского канцлера Дольфуса в том же 1934 г.?

Не будь всего этого попустительства Гитлеру, не будь явного саботажа системы коллективной безопасности в Европе, мир, возможно, и сумел бы спастись от невиданной трагедии второй мировой войны!

* * *

После июня 1935 г. события на международной арене следовали одно за другим: в марте 1936 г. германские войска вошли в ремилитаризированную Рейнскую область. В 1936 г. был объявлен четырехлетний план Геринга, по поводу которого Гитлер сказал: «Немецкая армия через четыре года должна быть готова выступить. Немецкая экономика через четыре года должна быть готовой к войне».

В ноябре 1936 г. Германия и Япония заключили так называемый антикоминтерновский пакт.

Ну а Риббентроп? Что он получил за свою верную службу?

11 августа 1936 г. Риббентроп был назначен послом в Англию с одной-единственной целью — добиться прочного германо-британского союза.

Однако Лондон отнюдь не воспринял это назначение как великую честь. Пребывание Риббентропа на посту посла длилось два года, и за эти два года отношения между Великобританией и нацистской Германией стали заметно холоднее.

Да, на сей раз в Англии «торговец шампанским» и его «новая» дипломатия были встречены без энтузиазма.

Иоахим Фест в книге «Лицо третьего рейха» пишет, что в Лондоне Риббентроп начал давать неуместные советы английским дипломатам, а потом оскандалился перед королем Англии: явившись на официальную аудиенцию, он приветствовал короля возгласом «Хайль Гитлер!», что справедливо было расценено как оскорбление его величества¹.

Видимо, это правда, а не анекдот, хотя поверить трудно! Зато достоверно известно, что, вернувшись из Великобритании в Берлин, Риббентроп охарактеризовал Англию как «нашего самого опасного врага».

¹ Сверх того, Риббентроп перестроил германское посольство в Лондоне, сделав из него помпезный дворец наподобие «партийных домов» Гитлера и поставив у входа в посольство своих «янычаров»-эсэсовцев в черных мундирах. И это не могло не раздражать англичан.

Однако в 1938 г. нацистская дипломатия уже не столь нуждалась в симпатиях и не боялась антипатий. И в военном и в военно-промышленном отношении коричневый рейх сильно окреп. На полях боев в Испании фашистские самолеты и танки проходили первую проверку. Немецкие войска уже оккупировали Австрию, подавив ее волю к сопротивлению отнюдь не дипломатическим путем, а откровенным шантажом и угрозами... Очередь была за Чехословакией.

Мир оказался накануне второй мировой войны. Войны, запланированной Гитлером. Но вот что странно: накануне войны Гитлер решил провести очередную чистку своих рядов. По размерам, масштабам, размаху гитлеровские чистки могут показаться уж не столь значительными... Подумаешь, сместили под смехотворным предлогом военного министра и главнокомандующего сухопутными силами и еще десяток ведущих генералов. Подумаешь, сняли министра иностранных дел фон Нейрата и назначили на его место «приблудного» Риббентропа.

Казалось бы, пустяк... Однако весьма показательный пустяк.

Фон Нейрат был, как уже говорилось выше, кадровый дипломат. Окончив юридический факультет, он избрал дипломатическую карьеру. В 1901 г. в возрасте 28 лет получил звание консула. С 1914 по 1916 г. был послом в Константинополе. В 1919 г. — посланником в Копенгагене. С 1921 по 1930 г. — послом в Риме. С 1930 по 1932 г. — послом в Лондоне. В кабинете Папена стал министром иностранных дел. Тот же пост занимал и в кабинете Шлейхера. А оттуда достался «по наследству» Гитлеру. Пока был жив «старый барин» — Гинденбург, и речи не могло быть о том, чтобы сместить его. Нацисты терпели Нейрата сравнительно долго. Характерно, что у них он считался «консерватором» и «реакционером» в отличие от «радикалов» и «революционеров» Геринга, Геббельса и Риббентропа.

Как мы видим, понятие «правых» и «левых», «консерваторов» и «радикалов» в зависимости от обстановки поворачивается на 180°.

Как бы то ни было, несмотря на то что при Гитлере каждый «заслуженный» нацист лез в иностранную политику — от «Путци» Ханфштенгля до Розенберга и от Дитриха до Геббельса, все-таки основной фигурой до 1938 г., целых пять лет, оставался профессионал фон

Нейрат, а не дилетант Риббентроп со своим доморощенным «штабом»!

Однако, узнав в ноябре 1937 г. о том, что Гитлер «планирует» захватить Австрию, а вслед за тем и Чехословакию, Нейрат позволил себе возразить против этих «наметок» и уже 4 февраля 1938 г. слетел с поста министра иностранных дел ¹.

Конечно, авантюрист и дилетант Риббентроп куда больше подходил нацистскому фюреру, нежели «соглашатель» и дипломат старой школы Нейрат.

Что же представлял собой Риббентроп почти в зените своей карьеры (кульминационным пунктом его карьеры, безусловно, был советско-германский пакт)?

В 1938 г. Риббентропу минуло сорок пять лет, не так уж много для ведущего министра крупнейшей державы. Но в гитлеровской верхушке все были сравнительно молоды.

Фотографий Риббентропа сохранилось великое множество. Вот он сидит за столом, подписывает очередной договор, пакт, соглашение... Столы: круглые, овальные, прямоугольные... Риббентроп одет с иголочки, очень коротко стрижен. Вот его встречают, он в форменной шинели с большими светлыми отворотами. (Для своих сотрудников-мидовцев Риббентроп самолично придумал очень причудливую форму, чем-то смахивавшую на цирковую униформу ².) Министр хорошего роста. Не толстый и не чересчур худой. Советский журналист А. И. Полтораки, присутствовавший на Нюрнбергском процессе, написал в своей книге «Нюрнбергский эпилог»: «...Журналисты посвятили немало восторженных строк элегантной фигуре Риббентропа, его светским манерам, умению одеваться. Тогда он старательно обслуживался парикмахерами, массажистами, портными...»

Да, внешне это был весьма благообразный господин, даже красивый. Держался он чрезвычайно надменно и разговаривал со всеми, кроме Гитлера, глядя сверху вниз, менторским тоном. На этом основании его прозвали Риббенсноб. Все, кто встречался с ним в ту пору,

¹ Нейрат до 1941 г. служил своего рода приличной «вывеской» для нацистов — он был назначен «протектором Богемии и Моравии», то есть наместником Гитлера в Чехословакии. На этом посту его сменил Гейдрих. И только в 1941 г. эту декоративную фигуру отправили в отставку «по возрасту». В Нюрнберге Нейрат был приговорен к 15 годам тюрьмы.

² На рукавах ее был вышит земной шар, на который опустился когтистый орел.

отнюдь не только подчиненные, отмечали, что Риббентроп, подобно самому фюреру, произносил длинные монологи, не слушал ничьих возражений, не умел ни спорить, ни отвечать оппонентам. Он... вещал!

Об этом в один голос свидетельствуют тогдашний министр иностранных дел Франции Бонне, министр иностранных дел Италии граф Чиано и многие другие. Французский посол в Германии Робер Кулондр писал в своих мемуарах: «Бесполезно разъяснять ему свою точку зрения, он не слушает, а его холодные пустые глаза не видят ничего, он всегда позирует и своим пронзительным голосом произносит заранее подготовленные речи». И далее: «В этом внешне красивом германце нет ничего человеческого кроме низменных инстинктов».

Современники отмечали и «цезарские замашки» Риббентропа и полное отсутствие у него чувства юмора.

Однако Гитлер явно благоволил к своему новому министру иностранных дел. Надо думать, что ему прежде всего импонировала *тотальная беспринципность* Риббентропа — глава МИДа, как мы говорили выше, ведя переговоры с Англией, умилялся тому, что обе «великие нации» имеют «одну и ту же расу», а позже с восторгом утверждал, что чувствовал себя в кругу «кремлевских вождей» как у себя дома».

Но беспринципность, как таковая, не была среди нацистских фюреров прерогативой Риббентропа. Равно как и подобострастие по отношению к Гитлеру. (Один из статс-секретарей Риббентропа писал, что его шеф находился прямо-таки «под гипнотическим воздействием Гитлера».)

Тут надо сказать, что сам фюрер имел довольно странные представления о функциях дипломатов: он считал, к примеру, что посол «должен быть, если надо, директором увеселительного заведения, должен уметь сводничать и фальсифицировать. Меньше всего он должен походить на корректного чиновника».

Как-то Риббентроп расхвастался в присутствии Гитлера. «Когда война кончится,— сказал он,— я заведу себе красивую резную шкатулку. И спрячу туда все государственные договоры и прочие соглашения между правительствами, которые я за время своей служебной деятельности разорвал и которые разорву в будущем». Сия живая картинка очень понравилась Гитлеру, и он шутиливо добавил: «А я подарю вам еще одну шкатулку, если первая окажется недостаточно вместительной». Вот какие

милые шутки позволяли себе глава великой державы и его министр!

До поры до времени Гитлер был вполне доволен Риббентропом и даже называл его «вторым Бисмарком», а однажды нашел, что он «гений».

Правда, под конец нацистский фюрер вообще не захотел ничего слышать о Риббентропе, и Риббенноб стал влачить самое жалкое существование среди гитлеровской «дворни». Но до этого было еще далеко...

* * *

Мюнхенское соглашение между Гитлером и Муссолини с Англией и Францией вошло в историю современности как весьма яркий пример попустительства агрессору, как пример того, к каким плачевным результатам приводит «политика умиротворения». В результате этого соглашения от 29—30 сентября 1938 г. Гитлеру была отдана на разграбление и позор Чехословакия, высокоразвитая, культурная, демократическая страна в самом центре Европы¹. Эта сделка не только не умерила аппетиты агрессора, но, наоборот, разожгла их. Более того, она дала некое моральное право Сталину договариваться с нацистским фюрером. (Правда, Сталин не нуждался ни в каких «моральных правах».) И все же... Вождь воочию увидел, как политики демократических стран отступили перед тоталитарным государством. Не говоря уже о том, что, заключив соглашение, касающееся всей Европы, эти политики — приличия ради — не удосужились пригласить Советский Союз на конференцию в Мюнхене. И Сталин сразу «усек», что Запад развязал ему руки, и возвестил, что СССР не намерен «загрести жар» для «империалистов».

И на Западе и у нас подробное описание переговоров, приведших к Мюнхену, и самой мюнхенской конференции можно прочесть во всех исторических трудах, посвященных этому периоду². Самую активную роль в переговорах играли кроме английского премьер-министра

¹ Характерно, что на Нюрнбергском процессе во время перекрестного допроса Яльмар Шахт сказал: «Гитлер не взял Чехословакию силой. Союзники просто подарили ему эту страну».

² Сохранились протоколы предшествующих Мюнхену переговоров, которые вел личный переводчик Гитлера Шмидт. Он же после войны подробнейшим образом описал все перипетии на конференции в Мюнхене.

Чемберлена, его министра иностранных дел лорда Галифакса и сэра Гендерсона, британского посла в Германии, кроме премьер-министра Франции Даладье, его министра иностранных дел Бонне и французского посла в Германии, кроме Гитлера, Муссолини и его министра иностранных дел Чиано и итальянского посла в Берлине Атолико, еще множество лиц. Очень усердствовали Геринг и Геббельс. А из германского министерства иностранных дел были привлечены к работе на последнем этапе Нейрат и Вайцзеккер. Только Риббентроп, как мы увидим ниже, оставался за «кадром».

Суть сделки в Мюнхене такова: Чемберлен и Даладье стремились предотвратить мирным путем конфликт, возникший якобы из-за Судетской области Чехословакии, населенной немцами, а в действительности конфликт вокруг самостоятельности Чехословакии.

Как ни бесчестны были «условия» Гитлера, как ни жалка позиция «умиротворителей» — все ж таки это была дипломатия, правда, так сказать, «дипломатия на тоталитарный лад». Стало быть, «игру» следовало вести не только Гитлеру, но и его министру иностранных дел, тем более что Риббентроп в то время ходил в любимчиках фюрера. Но именно Риббентроп никакого своего слова не сказал, мы не найдем его персону даже на периферии событий.

Уже в июле 1937 г. был разработан «План Грюн» — план военного захвата Чехословакии. На этом фоне и разыгрывались все дальнейшие события.

Знал ли Риббентроп, что Гитлер хочет оккупировать Чехословакию?

Знал. Ибо очевидцы свидетельствуют, что уже 28 мая 1938 г. фюрер в присутствии генералов Браухича и Бека, адмирала Редера, Риббентропа и Нейрата заявил: «Мое непоколебимое решение — стереть Чехословакию с географической карты мира».

Что же должен был делать Риббентроп?

Видимо, пытаться удовлетворить непомерные запросы своего патрона мирным путем, путем всякого рода хитроумных сделок. Тем более что Германия, по оценке немецких генералов, в эти дни еще отнюдь не была готова к войне. Однако Риббентроп именно этого и не делал!

Вот примерный ход событий: 13 сентября 1938 г. Чемберлен телеграфировал Гитлеру, что он готов прилететь в Германию в любое удобное фюреру место и в лю-

бое назначенное им время (чем быстрее, тем лучше!), дабы «изыскать мирное решение» конфликта вокруг Чехословакии. Телеграмма была составлена в униженно-просительном тоне. Для тогдашней публики в ней содержалась еще и такая пикантная деталь: все знали, что Чемберлен, которому в ту пору было уже 69 лет, в первый раз в жизни согласился лететь самолетом.

Гитлер устроил британскому премьеру поистине ледяной прием — не приехал на вокзал (Чемберлен по прибытии в Мюнхен пересел на поезд, поскольку Гитлер пожелал его увидеть у себя в Берхтесгадене), встретил на верхней ступеньке лестницы, в разговоре всячески третиrowал. Как бы фюреру пригодился его министр иностранных дел с ледяными глазами и с отличным знанием английского! Но беседа проходила с глазу на глаз. Присутствовал на ней только переводчик Шмидт. Историки утверждают, будто Гендерсон позаботился о том, чтобы избавить Чемберлена от лицемерия Риббентропа. Трудно это себе представить: если старый премьер сел в самолет и выслушал все грубости Гитлера, то он примирился бы и с Риббентропом. Очевидно, сам Гитлер не пожелал видеть на встрече собственного министра. На следующий день министр иностранных дел Германии «отплатил» англичанам — отказался дать им протокол беседы, что являлось неслыханным нарушением дипломатического этикета...

22 сентября Чемберлен опять приехал в Германию. На этот раз предварительно переговорив с Даладьё и Бонне. 22 сентября состоялась встреча британского премьера с рейхсканцлером в Петерсберге. Гитлер фактически предъявил англичанам ультиматум: если до 28 сентября чехи не покинут указанные им, Гитлером, районы (все — и старики и дети!), то он введет в Чехословакию свои войска.

Европа впадала в панику. В Лондоне стали срочно копать убежища, эвакуировать школьников и освобождать больницы. Из Парижа началось бегство. И в Германии люди спешно покидали приграничные районы.

28 сентября в 11 часов, за несколько часов до истечения ультиматума, Муссолини позвонил Риббентропу, но того не оказалось на месте (!). Тогда по просьбе дуче (Муссолини решил сыграть роль посредника и спасителя мира) его посол ринулся в имперскую канцелярию и уже застал там Гендерсона. Оба они позвонили Герингу — общими усилиями удалось отсрочить «решение» Гитлера

на 24 часа и добиться от него согласия на конференцию четырех держав — Великобритании, Франции, Италии и Германии — в Мюнхене. Все, как мы видим, делалось в пожарном порядке. И уже 29 сентября конференция началась. Но перед приездом англичан и французов Гитлер успел подготовиться — Геринг, Нейрат и Вайцеккер за спиной Риббентропа наскоро состряпали некий якобы компромиссный текст, и Гитлер собственноручно передал его Муссолини, которого поехал встречать на границу. Муссолини выдал текст за собственное сочинение, и он лег в основу Мюнхенского соглашения. Гитлер потирал руки: дата 1 октября, когда чехам и словакам предлагалось покинуть свою родину, была им намечена с самого начала. Называя другую дату, а именно 28 сентября, он просто блефовал.

По-видимому, и Чемберлен и Даладьё после мюнхенской сделки также чувствовали себя победителями (в Лондоне и в Париже их встречали цветами ¹).

Таким образом, у политиков крупнейших стран Европы не хватило здравого смысла, чтобы понять: никакие соглашения с агрессором не стоят гроша ломаного.

В данном случае мир, завоеванный за счет ни в чем не повинного чехословацкого народа, продлился *всего* одиннадцать месяцев.

Но нас интересуют не просчеты англо-американской дипломатии накануне второй мировой войны, а странное поведение Риббентропа. Этот диковинный дипломат жаждал не соглашения, а конфронтации, хотел войны против превосходящих сил, против мощной коалиции: Англии, Франции и... Советского Союза. Ведь СССР объявил, что он готов защищать Чехословакию, с которой у него был договор, в том случае, если за Чехословакию вступится Франция, также связанная с этой страной договорными отношениями. И если Польша согласится на пропуск частей Красной Армии через свою территорию... Так что и этот вариант не был исключен.

Только в фашистской державе министры иностранных дел могут быть более воинственными, нежели военная каста. Как явствует из множества источников, именно среди германских военных, тщетно пытавшихся связаться с демократическими и церковными кругами Запада, зрел в то время заговор против Гитлера.

¹ Только первый лорд адмиралтейства Уинстон Черчилль вышел из правительства и заявил в парламенте: «Мы потерпели тотальное сокрушительное поражение». Речь Черчилля была прервана негодующими выкриками.

Советско-германские пакты (договор о ненападении от 23 августа 1939 г. и договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.) со всеми их секретными протоколами Риббентроп считал своими самыми крупными достижениями. А деятельность с августа 1939 г. вплоть до 22 июня 1941 г., когда фашистская Германия напала на Советский Союз,— звездным часом в своей карьере.

В исторической литературе до сих пор обсуждается вопрос, кто первым сказал «А» — Гитлер или Сталин, кто первым пошел на сближение — фашистская Германия или коммунистическая Россия.

На наш взгляд, это обстоятельство не столь уж важно. Важно совсем другое — только два диктатора могли буквально за несколько дней повернуть руль своей иностранной политики на 180°. Демократические лидеры это, безусловно, не сумели бы сделать, поскольку они зависели и от общественного мнения у себя в стране и от мнения мирового сообщества.

Кого боялся Гитлер в Германии? Да никого. У него был его Гиммлер, который мог посадить любого немца в концлагерь на неограниченный срок. У него были послушные соратники, готовые по одному его знаку переиначить и идеологию и пропаганду. У него наконец был его замороченный, оболваненный народ... Да и Сталину некого было бояться...

Что касается международного сообщества, то тоталитарные режимы стремятся не только к экономической автаркии, но и к политической и к духовной. Они просто не слышат всего того, что говорят за пределами их границ. Они существуют в некоем вакууме, в замкнутом пространстве, и большая часть информации, которую получают абсолютные диктаторы, препарируется умелыми руками.

22 августа 1939 г., за день до подписания Пакта о ненападении с СССР, Гитлер сказал в Оберзальцбурге, проводя совещание командующих всеми видами вооруженных сил Германии:

«С осени 1938 года я решил идти вместе со Сталиным... Сталин и я — единственные, которые смотрим только в будущее. Так, я в ближайшие недели на германосоветской границе подам руку Сталину и вместе с ним приступлю к новому разделу мира... Генерал-полковник фон Браухич обещал мне войну с Польшей закончить

в течение нескольких недель. Если бы он мне доложил, что потребуются даже два или один год для этого, я бы не дал приказа о наступлении, и договор бы заключил не с Россией, а с Англией. Мы не можем вести длительную войну. Несчастливых червей — Даладье и Чемберлена я узнал в Мюнхене. Они слишком трусливы, чтобы атаковать нас. Они не могут осуществить блокаду. Наоборот, у нас есть наша автаркия и русское сырье. Польша будет опустошена и заселена немцами. Мой договор с Польшей был только выигрышем во времени. В общем, господа, с Россией случится то, что я сделал с Польшей. После смерти Сталина, он тяжело больной человек, мы разобьем Советскую Россию. Тогда взойдет солнце немецкого мирового господства...

Обстоятельства для нас благоприятные, как никогда. У меня только одна забота, что Чемберлен или какой-нибудь другой негодяй придет ко мне с предложениями о посредничестве. Он полетит с лестницы...»

Обычно цитируется лишь последний абзац этой циничной речи. В свете последовавших событий он показывает, до какой степени зарвался Гитлер. Но нас интересует как раз первый абзац, в котором фюрер утверждает, что еще в *осени* 1938 г. он «решил идти вместе со Сталиным».

Впрочем, может, и здесь Гитлер просто расхвастался — ему хотелось показать генералитету, что все идет точно по его предначертаниям. Что он провидец.

Интересно, что и Сталин хотел продемонстрировать: инициатива заключения советско-германского пакта исходила от него. Правда, он сделал это умнее!

Предлагая Верховному Совету СССР ратифицировать советско-германский договор о ненападении, Молотов, как председатель Совнаркома и народный комиссар иностранных дел, напомнил, что еще на XVIII партийном съезде (то есть 10—21 марта 1939 г.) т. Сталин разъяснил «нашу внешнюю политику».

«Говоря о наших задачах в области внешней политики, т. Сталин,— сказал Молотов,— так определял тогда наши отношения с другими странами:

«1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами;

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликт нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками».

И далее, уже от себя, Молотов разъяснил, как надо

понимать слова Сталина: «Как видите, в этих выводах т. Сталин говорил о том, что Советский Союз стоит за укрепление деловых связей со всеми странами. Но вместе с тем т. Сталин предупредил против провокаторов войны, желающих в своих интересах втянуть нашу страну в конфликты с другими странами.

Разоблачая шум, поднятый англо-французской и североамериканской прессой по поводу германских «планов» захвата Советской Украины, т. Сталин говорил тогда:

«Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований».

Как видите, т. Сталин бил в самую точку, разоблачая происки западноевропейских политиков, стремящихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз.

Надо признать, что и в нашей стране были некоторые близорукие люди, которые, увлекшись упрощенной антифашистской агитацией, забывали об этой провокаторской работе наших врагов. Тов. Сталин, учитывая это обстоятельство, еще тогда поставил вопрос о возможности других, невраждебных, добрососедских отношений между Германией и СССР.

Теперь видно, что в Германии в общем правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы.

Заключение советско-германского договора о ненападении свидетельствует о том, что историческое предвидение т. Сталина блестяще оправдалось».

Таким образом, говоря словами Зоценко, «оба два» диктатора, обладавшие «предвидением», устремились навстречу друг другу.

Безусловно, Молотов был прав: «В Германии в общем правильно поняли... заявления т. Сталина»¹, для них они послужили сигналом к началу контактов с Советским Союзом по всем линиям.

Вторым сигналом была отставка наркома иностранных дел Максима Литвинова в мае 1939 г. Литвинов был снят и заменен Молотовым совершенно внезапно, без

¹ У нас есть авторитетное свидетельство того, что речь Сталина на XVIII съезде была правильно понята в Берлине. Видный сотрудник германского министерства иностранных дел Хильгер пишет, что ни от Гитлера, ни от Риббентропа не ускользнуло, что речь Сталина свидетельствует об изменении внешнеполитического курса Советского Союза.

всяких видимых причин. На посту наркома старый коммунист Литвинов пробыл целых 9 лет — с 1930 по 1939 г., то есть, казалось бы, прошел через все ягодно-ежовско-бериевские смертельные рифы и подводные камни.

Как восприняли отставку наркома советские граждане?

Восприняли в соответствии с тогдашними нравами. Решили, очевидно, что пришел черед сесть в тюрьму и Литвинову. Естественно, официальная Москва, как всегда, загадочно молчала. Никаких комментариев опала Литвинова не вызвала. Зато во всех других столицах мира это событие оживленно обсуждалось.

На берегах Шпрее акция Сталина звучала как галантное приглашение к началу диалога. Дело в том, что англо-французская ориентация Литвинова была хорошо известна, именно он принадлежал к числу «близоруких людей», которые делали все новые и новые (безуспешные!) попытки создать в Европе систему «коллективной безопасности» для защиты от Гитлера. Кроме того, Литвинов был еврей. Для германских фашистов «персона нон грата». Впрочем, на еврея, даже на негра, нацисты согласились бы ¹. Но Сталин не хотел оскорблять «лучшие чувства» своих будущих партнеров. Русский Молотов к тому же был вторым человеком в государстве, что сделало впоследствии его подпись под договорами с Германией особо весомой.

Необходимость договоренности с Москвой обосновал Риббентроп. Уже в апреле 1938 г., то есть более чем за год до удаления Литвинова, Риббентроп послал Гитлеру весьма выразительную докладную записку. В этой записке Риббентроп утверждал, что, поскольку Советский Союз «сам исключил себя» из числа великих держав (очевидно, вследствие коллективизации, голода, чистки в армии и т. д.) — вот бы Сталину и Молотову заблаговременно прочитать сочинение Риббентропа! — то Германия-де не должна бояться войны на два фронта — СССР не готов воевать с «коричневым рейхом». Немецко-итальянско-японское сотрудничество гарантирует успех Германии, особенно в том случае, если к этому сотрудничеству присоединится Советский Союз.

«Новаторская» идея Риббентропа заключалась в том, что «пропасть между демократическими и тоталитарны-

¹ Сталин посылал в нацистскую Германию с секретной миссией Карла Радека, также еврея.

ми государствами будет все время расти» и посему тоталитарные государства «должны объединиться в сильную коалицию и добиваться совместных целей».

22 мая 1939 г. с большим шумом был подписан открыто агрессивный «Стальной пакт» — пакт между Италией и Германией. Чиано, итальянский министр иностранных дел, записал в своем дневнике: «Я еще ни разу не видел подобного документа. Этот договор — настоящий динамит».

Историки считают, что именно тогда желание вступить в договорные отношения с СССР окончательно оформилось в головах Гитлера и его министра иностранных дел.

В мае 1939 г. Риббентроп провел инструктаж немецкого посла в Москве графа Шуленбурга. Риббентроп объяснил Шуленбургу, что союз Германии с Италией направлен не против Советского Союза, а только лишь против англо-американского блока. Что касается Японии, то союз с ней первоначально строился на антикоминтерновских лозунгах. «Лозунг этот не означает, однако, реальной политической сути, которую мы имели в виду, поддерживая немецко-японские отношения. В гораздо большей степени мы думаем сейчас об общем противостоянии Англии. Основываясь на наших дружеских отношениях с Японией, мы считаем, что имеем возможность сгладить японско-русские противоречия... и повлиять на то, чтобы японская внешняя политика постепенно приняла такое направление, которое не будет приводить Японию к конфронтации с Россией».

Как показала история, всякие «новые» проекты очень часто являются воскрешением давно забытых старых. То же самое относится и к «новациям» Иоахима Риббентропа. Политика соглашения с Советским Союзом проводилась Гитлером и Риббентропом накануне нападения Германии на Польшу. Так называемый «План Вейс», план нападения на Польшу, разрабатывался вплотную с мая 1939 г. до середины августа того же года, то есть как раз в то время, когда Германия ждала «пробных шаров» от СССР и когда она сама стала проводить активный зондаж у Сталина, а потом и заседать на Кремль, дабы заключить с ним свои пакты.

Напомню также, что антипольская политика была традиционной политикой германского милитаризма.

Правда, Гитлер на первых порах, казалось бы, не воспринял заветов генерала Секта, который считал своей

задачей борьбу против Польши вместе с Советским Союзом. В 1934 г. между Германией и Польшей был заключен пакт о ненападении, и Германия не скрывала антисоветской направленности этого пакта. Однако «медовый месяц» между нацистской Германией и Польшей быстро кончился. В марте 1939 г. нападки Берлина на Польшу настолько усилились, что побудили Англию и Францию дать гарантии этой стране. Но и Англия и Франция так сильно дискредитировали себя в результате Мюнхенского соглашения, что Гитлер уже не слушал своих более осторожных советников, он слушал только Риббентропа, который считал, что, заручившись благожелательным отношением СССР, Германия быстро разобьет Польшу, а потом двинется дальше на восток.

После опубликования записанных нашим переводчиком Павловым бесед немецкого посла Шуленбурга с Молотовым стало известно, как шли переговоры, предшествовавшие заключению германо-советского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. И многое прояснилось.

Проанализировав ход этих переговоров, сразу отмечаешь знакомый «почерк» Гитлера — Риббентропа.

Заключение договоров так же, как и все планы нацистских территориальных захватов, строились на внезапности и неожиданности. Это, безусловно, были «блиц-переговоры».

Вот как начинается запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 15 августа 1939 г. по вопросу о решающем переломе в политике двух стран:

«Шуленбург извиняется за настойчивость, с которой он сегодня просил приема у т. Молотова. Но эта настойчивость объясняется инструкциями, полученными им из Берлина...»

Далее Шуленбург вручает Молотову «Памятную записку», где, по существу, содержится весь политический аспект будущего договора, и сообщает о настоятельном желании Берлина заключить договор с Москвой в максимально *короткие* сроки. Итак, уже 15 августа, в первый день дипломатического контакта с Москвой, Гитлер — Риббентроп предлагают готовый сценарий всех дальнейших шагов обеих стран.

Приведем несколько выдержек из этой «Памятной записки».

«1. Противоречия между мировоззрением нац.-соц. Германии и мировоззрением СССР были в прошедшие годы единственной причиной того, что Германия и СССР

стояли на противоположных и враждующих друг с другом позициях. Из развития последнего времени, по-видимому, явствует, что различные мировоззрения не исключают разумных отношений между этими двумя государствами и возможности восстановления доброго взаимного сотрудничества. Таким образом, периоду внешнеполитических противоречий мог бы быть навсегда положен конец и могла бы освободиться дорога к новому будущему обеих стран.

2. Реальных противоречий в интересах Германии и Советского Союза не существует. Жизненные пространства Германии и СССР соприкасаются, но в смысле своих естественных потребностей они друг с другом не конкурируют. Вследствие этого с самого начала отсутствует всякий повод для агрессивных тенденций одного государства против другого. Германия не имеет никаких агрессивных намерений против СССР...»

Воспроизведя эту кардинальную ложь, Гитлер — Риббентроп в пункте 3, правда в завуалированной форме, пригрозили Советскому Союзу.

«3. Не подлежит никакому сомнению, что германо-советская политика стоит в данный момент на историческом поворотном пункте. Политические решения, которые должны быть приняты в ближайшее время в Берлине и Москве, будут иметь решающее значение для развития отношений между германским народом и народами СССР в течение поколений. От этих решений будет зависеть, придется ли однажды обоим народам без принудительной на то причины опять *скрестить свое оружие* (курсив мой.— Л. Ч.), или же они вновь достигнут дружественных отношений. В прошлом обе страны всегда жили хорошо, когда они были друзьями, и плохо, когда они были врагами».

Далее идет чрезвычайно важный пункт:

«5. На основании своего опыта германское правительство и правительство СССР должны считаться с тем, что капиталистические западные демократии являются неприемлемыми врагами как национал-социалистской Германии, так и Советского Союза. В настоящее время они вновь пытаются, путем заключения военного союза, втравить Советский Союз в войну с Германией. В 1914 г. (добавим от себя, что тогда не было ни национал-социалистской Германии, ни Советского Союза.— Л. Ч.) эта политика имела для России худые последствия. Интересы обеих стран требуют, чтобы было избегнуто навсегда взаимное растерзание Германии и СССР в угоду западным демократиям».

Итак, мы видим, что тон «Памятной записки» — чисто дипломатического документа, выдержан в «лучших» традициях тоталитарной демагогии. «Навсегда положен конец», «исторический поворотный пункт», «в течение поколений», «капиталистические западные демократии»... «непримиримые враги» — уже по этому документу мы замечаем знакомый набор штампов.

В последнем пункте «Записки» ее авторы берут быка за рога и заявляют, что при использовании «обычного дипломатического пути» выяснение отношений двух стран «может быть достигнуто только медленно» и что посему «министр иностранных дел Германии фон Риббентроп готов на короткое время приехать в Москву, чтобы от имени фюрера изложить г-ну Сталину точку зрения фюрера».

Молотов был не только самым «молчаливым дипломатом в мире», но и самым осторожным, поэтому он сразу же заявил, что приветствует «желание германского правительства улучшить взаимоотношения с СССР». Что же касается приезда Риббентропа в Москву, то, для того чтобы обмен мнениями дал результаты, по мнению т. Молотова, необходимо проведение соответствующей подготовки. И под конец беседы Молотов опять повторяет, что «необходимо провести подготовку определенных вопросов, для того чтобы принимать решения, а не просто вести переговоры».

Но Шуленбург торопит «непроницаемого» Молотова. В записи беседы говорится: «В заключение Шуленбург просит т. Молотова ускорить ответ на сделанное сегодня заявление».

И вот всего через два дня, 17 августа, Шуленбург вновь встречается с Молотовым и вручает *вторую* «Памятную записку».

Суть ее в том, что нацисты готовы «заключить с СССР пакт о ненападении...», «германское правительство готово гарантировать Прибалтийские государства совместно с СССР» и «...употребить свое влияние для улучшения и консолидации советско-японских отношений».

За все эти «блага» — свободу рук в Прибалтике и «примирение» с Японией — фюрер просит одного: «...принципиального и скорого выяснения германо-советских отношений... «По этой причине министр иностранных дел Германии г-н фон Риббентроп выражает готовность начиная с 18 августа (напомним, «Записка» вручена 17 августа.— Л. Ч.) во всякое время прибыть

в Москву на аэроплане с полномочиями фюрера вести переговоры о совокупности германо-советских вопросов и, при наличии соответствующих условий... подписать соответствующие договоры».

Врученная в тот же день Молотовым Шуленбургу «Памятная записка» куда более сдержанна. Советское правительство, так сказать, напоминает Гитлеру, что еще совсем недавно «Германское правительство, используя так называемый антикоминтерновский пакт, стремилось создать и создавало единый фронт ряда государств против СССР, с особой настойчивостью привлекая к этому Японию».

Кончается «Записка» призывом заключить «торгово-кредитное соглашение», после чего можно будет сделать «второй шаг» и заключить пакт о ненападении или подтвердить пакт о нейтралитете 1926 г. «с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики...».

Но вот наступает 19 августа. 14 часов.

«Шуленбург снова извиняется за настойчивость, с которой он сегодня добивался приема, но срочность его дела требовала этого».

Позволю себе снова привести несколько выдержек из беседы Шуленбурга с Молотовым, в которой германский дипломат буквально не давал советскому министру опомниться и гнал его вперед к роковому пакту...

«Шуленбург заявляет, что из последнего заявления г. Молотова германское правительство усматривает положительное отношение Советского правительства к вопросам, поднятым Шуленбургом. При нормальных условиях эти вопросы могли бы быть урегулированы обычным дипломатическим путем. Но положение в данное время необычное, и, по мнению Риббентропа, необходимы скорые методы урегулирования вопросов. В Берлине опасаются конфликта между Германией и Польшей».

«Первый шаг — заключение торгово-кредитного соглашения — Шуленбург считает уже сделанным. В вопросы взаимной гарантии Прибалтийских стран, пакта о ненападении, влияния на Японию также внесена ясность. И поэтому Риббентроп придает большое значение своему приезду и считает нужным со всей *быстротой* (курсив мой.— Л. Ч.) приступить ко второму этапу. Риббентроп имел бы неограниченные полномочия Гитлера заключить всякое соглашение, которого бы желало

Советское правительство». И далее, через несколько строк: «Гитлер готов учесть все, чего пожелает СССР».

И дальше бесконечные повторы:

«Шуленбург снова настаивает на приезде Риббентропа, которому (приезду) также и Гитлер придает громадное значение. Риббентроп смог бы заключить протокол... Время не терпит (разрядка моя.— Л. Ч.).

И вялые возражения Молотова:

«Но перед приездом Риббентропа надо получить уверенность, что переговоры обеспечат достижение определенных решений, тем более что мы еще не сделали первого шага — мы не подписали кредитно-торгового соглашения».

И опять Шуленбург:

«Шуленбург снова настаивает на приезде Риббентропа, чтобы еще до взрыва конфликта (так Шуленбург называет уже подготовленную агрессию Германии против Польши.— Л. Ч.) прийти к определенным результатам. У него нет сомнений, говорит он, что при составлении протокола также не должно встретиться затруднений».

И еще раз Шуленбург заверяет Молотова, что Германия готова «идти навстречу всем желаниям Советского правительства».

Беседа заканчивается зловещими словами Шуленбурга: «В Берлине торопятся...»

И только тут лед сломан:

«16 час. 30 мин. Тов. Молотов сообщает, что он доложил правительству содержание сегодняшнего разговора и что для облегчения работы он передаст текст проекта пакта. После прочтения пакта т. Молотов сообщает, что Риббентроп мог бы приехать в Москву 26—27 августа после опубликования торгово-кредитного соглашения».

Дальше все идет с поистине головокружительной быстротой: 21 августа, спустя всего шесть дней после первого обращения Шуленбурга к Молотову, Гитлер посылает телеграмму Сталину, и в тот же день Сталин ему отвечает. А еще говорят, что диктатуры рождают бюрократию! В данном случае аппарат не подключается — все идет на уровне «вождей». Телеграмма Гитлера послана в 15 ч. 00, а письмо Сталина в 17 ч. 00.

Из телеграммы Гитлера Сталину приведем четыре пункта из шести:

«2) Заключение пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгий срок...

3) Я принимаю предложенный Председателем Совета Народных Комиссаров и Народным Комиссаром СССР господином Молотовым проект пакта о ненападении, но считаю необходимым выяснить связанные с ним вопросы скорейшим путем.

4) Дополнительный протокол, желаемый Правительством СССР, по моему убеждению, может быть по существу выяснен в кратчайший срок, если ответственному государственному деятелю Германии будет предоставлена возможность вести об этом переговоры в Москве лично. Иначе Германское Правительство не представляет себе, каким образом этот дополнительный протокол может быть выяснен и составлен в короткий срок...

6) Я считаю, что при наличии намерения обоих государств вступить в новые отношения друг к другу является целесообразным не терять времени. Поэтому я вторично предлагаю Вам принять моего Министра Иностранных Дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Министр Иностранных Дел имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол. Более продолжительное пребывание Министра Иностранных Дел в Москве, чем один день или максимумально два дня, невозможно ввиду международного положения. Я был бы рад получить от Вас скорый ответ».

И подпись: *«Адольф Гитлер»*.

А вот дословный текст письма «секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина рейхсканцлеру Германии А. Гитлеру»:

«Рейхсканцлеру Германии
господину А. Гитлеру
Благодарю за письмо.

Надеюсь, что германо-советское соглашение о ненападении создаст поворот к серьезному улучшению политических отношений между нашими странами.

Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Согласие германского правительства на заключение пакта ненападения создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство поручило мне сообщить Вам, что оно согласно на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа.

И. Сталин».

Если внимательно прочитать записи Павлова, то сразу поймешь: Гитлер и его министр Риббентроп

стоцентные авантюристы — им все равно, что подписывать, их интересует только время. Они боятся упустить время! Для них германские обязательства, весь этот договор — клочок бумаги. Будет выгодно — они на него сошлутся, не будет — разорвут в прямом и в переносном смысле этого слова.

Ну а как же на это согласился великий хитрец Сталин? Иезуит, коварнейший из всех диктаторов?

И тут обратимся к наследию самого «секретаря ЦК ВКП(б)»: как известно, он любил щеголять русскими пословицами; в одной из своих речей Сталин сказал о ком-то: дескать «он» «молодец среди овец, а как встретит молодца, сам овца».

Вот именно... На сей раз Сталин встретился не с «овцами» — оппозиционерами, которые были твердо убеждены: существуют только те правила игры, которые они сами установили — верность догме, партийная дисциплина, партийные решения. На сей раз Сталин встретился с диктатором, равным себе во всех отношениях, таким же бессовестным и таким же лживым.

Ясно, что Гитлер потирал руки, отправив в Москву Риббентропа и получив соглашение с Советским Союзом в обмен на «протокол».

Ну а то, что произошло далее, известно всем.

23 августа был подписан советско-германский договор о ненападении с соответствующим секретным протоколом.

Почему он был так важен Сталину?

Да очень просто. Сталин знал, что Гитлер вот-вот нападет на Польшу. И, как мы видели выше, во время переговоров это и не скрывалось. Ну, конечно, перед лицом таких событий и «вождь» хотел урвать себе кое-какие лакомые куски...

Сам договор от 23 августа 1938 г. хорошо известен. А комиссия А. Н. Яковлева ввела в наш официальный обиход и секретный протокол, о котором речь шла выше.

Слава Богу, мы перестали яростно отрицать то, что было давным-давно известно всему миру. Это наше отрицание только дискредитировало в глазах общественного мнения и нашу дипломатию, и нашу историческую науку...

Тем более что, на мой взгляд, протоколы с лихвой «перекрываются» еще одним договором с фашистской Германией, заключенным 28 сентября того же года, — договором о дружбе и границе между СССР и Германией.

В этом втором договоре все уже было сказано с предельной ясностью. А на газетных страницах того времени для наглядности публиковалась карта Польши с нанесенными на ней новыми границами, демаркационной линией между войсками рейха и Союза!

Так что с самого начала (особенно после ввода наших войск в Прибалтику) секретный протокол был секретом Полишинеля...

Автор смотрел текущую прессу того года. Какой же поток одобрений и восхвалений договоров хлынул на страницы наших газет! И рабочие, и колхозники, и интеллигенты, захлебываясь от восторга, хвалили и мудрость вождя, и наших новых друзей — нацистов, которые-де не хотят воевать, а стремятся к миру, лишь обороняясь от происков так называемых «демократических стран»¹!

А теперь, извинившись за столь обильное цитирование официальных документов, вернемся к Риббентропу и его миссии в Москве, а главное, к мироощущению человека, на котором было сфокусировано внимание всего мира в эти августовско-сентябрьские дни.

Визит Риббентропа подробнейшим образом описан в исторической литературе: рано утром 22 августа в летний погожий день он вылетел из Берлина, переночевал в Кенигсберге и прибыл в Москву в полдень 23-го, после чего сразу же отправился в Кремль. Все шло как по нотам. В разговоре со Сталиным и Молотовым — а они оба встретили германского министра иностранных дел — Риббентроп нарисовал самую радужную картину сотрудничества Германии и СССР с заманчивой целью... передела мира. Сталин между прочим сказал, что антикоминтерновский пакт «может напугать разве что лондонское Сити и мелких английских торговцев». Фраза эта очень понравилась Риббентропу, и он много раз ее цитировал. На вечернем приеме обстановка стала особенно сердечной. Поднимая бокалы, писал Риббентроп в своей докладной записке, «господин Сталин спонтанно предложил выпить за здоровье фюрера: «Я знаю, как немецкий народ любит своего фюрера, поэтому хотел бы выпить за его здоровье».

Все это пиршество происходило, пока делались копии с договора и с секретного протокола. Ранним утром 24-го

¹ Гитлеровцы тоже хвалили мудрость своего фюрера. Но не всегда дружно. К примеру, главный идеолог НСДАП А. Розенберг считал германо-советский пакт «предательством идеалов». Герингу тоже была не по вкусу «русская политика», он всегда хотел сближения с Англией.

все копии были подписаны, в 13 часов Риббентроп снова вылетел в Германию, где его, затаив дыхание, поджидал в Бергхофе (резиденции в горах) Гитлер. Риббентроп пробыл в Москве ровно 24 часа. Несмотря на столь краткий визит, он был полон самых восторженных впечатлений. Прежде всего, он был буквально упоен успехом. И сравнивал свою «русскую политику» с политикой Бисмарка. Ни больше ни меньше! И не раз повторял, что внешняя политика Германии «должна быть свободна от всяких идеологических концепций». «Внешнюю политику,— заявил он,— нельзя рассматривать с мировоззренческих позиций...»

Но это еще не все. Если в Лондоне Иоахим Риббентроп чувствовал себя выскочкой и чужеродным элементом, то Москва произвела на него самое чарующее впечатление. Фашистский министр иностранных дел заявил, в частности, что в Кремле ему показалось, что он в кругу «старых друзей», точнее, «в кругу старых партийных товарищей». Даже в Нюрнберге, на пороге виселицы, Риббентроп вспоминал, что коммунистические вожди — люди с «сильными лицами» и что с этими людьми он провел «по-настоящему гармоничный вечер».

Но особенно примечательны политические выводы Риббентропа из его мимолетных встреч в Москве:

Сталин и его ближайšie соратники «вполне подходящие люди», они «не плетут никаких заговоров». «По моим собственным наблюдениям в Париже, Лондоне и Москве и на основе множества изысканий, которые я в этом вопросе предпринял,— утверждал Риббентроп,— не существует перекрестных связей между евреями в Москве и подобными же кругами в западных столицах». Посему Риббентроп отмечает пропагандистский тезис насчет подрывной работы по «большевизации мира», которая будто бы «планово ведется из одного еврейского центра». Вообще состоянием «еврейского вопроса» при Сталине германский министр иностранных дел удовлетворен. По его мнению, евреи «не имеют в Союзе никакого влияния»... даже в Одессе. Они практически «вытеснены из всех сфер управления».

Но самое главное впечатление Риббентропа: Сталин и его окружение проводят политику... российского самодержавия. «Сталин оставил мысль о мировой революции,— утверждал Риббентроп,— он готов перейти к идеологии русского национализма». Со слов Риббентропа Гитлер писал в письме к Муссолини, что «окончательная победа Сталина привела к метаморфозе большевистских

принципов. Сталин возвращается к национально русским формам жизни».

«Сталин абсолютный аристократ,— вещал Риббентроп,— его можно считать продолжателем традиционной политики царской России». «Большевизм» не имеет больше «московитско-интернационального характера», он становится «славянским московитством».

Неоднократно Риббентроп и Гитлер возглашали, что в Советской России наблюдается «идеологическая смена вех».

Ну а как Сталин на этом этапе отнесся к своим новым партнерам?

Если верить западным историкам, Сталин чувствовал, что договор с Германией не так уж и прочен. Во всяком случае, чувствовал в августе 1939 г. Как мы увидим ниже, дальнейшие контакты советской дипломатии с Риббентропом — Гитлером усыпили его всем известную подозрительность. Однако 24 августа он якобы схватил за рукав Риббентропа, который собирался покинуть Кремль, и сказал: «Советское правительство очень серьезно относится к пакту. Даю честное слово, что Советский Союз никогда не обманет своего партнера». В эти слова явно сквозит недоверие к Гитлеру и Риббентропу! Однако ко всем непроверенным «устным рассказам» немцев (приведенные выше оценки политики СССР слышали десятки людей) надо относиться с крайней осторожностью... Всякое историческое событие обрастает кучей анекдотов и домыслов.

Вернемся к фактам. После блицкрига в Польше советская сторона чрезвычайно активизировалась. Английский историк Буллок считает, что «в итоге войны с Польшей русские позиции в Восточной Европе усилились даже больше, нежели немецкие». Разумеется, это настораживало нацистов, особенно не понравился Гитлеру отход Прибалтийских стран к СССР. На Прибалтику он сам точил зубы!

Тем не менее Риббентроп полетел во второй раз в Москву и 28 сентября поставил свою подпись под договором «О дружбе и границе между СССР и Германией».

В тот же день Молотов и Риббентроп подписали совместное коммюнике, где говорилось: «После окончательного решения проблемы, возникшей в результате крушения польского государства,— в интересах всех народов покончить с состоянием войны между Германией с одной стороны и Францией и Англией с другой...»

Теперь стало известно о так называемых «Доверительном протоколе», двух «Секретных дополнительных протоколах» и еще одном «Дополнительном протоколе между Союзом ССР и Германией» — в нем были подробнейшим образом обозначены границы между СССР и Германией на захваченных территориях Польши.

Гитлеру нужен был мир на Западе не в последнюю очередь для того, чтобы двинуться против... народов Советского Союза.

Понимали ли это тогдашние кремлевские политики, или Бог окончательно лишил их разума?

Надо сказать, что большую роль в «уступчивости» гитлеровцев сыграли торговые поставки СССР в Германию; как-никак, а именно благодаря им Германия не только держалась на плаву, но и наращивала свою военную машину в условиях английской блокады.

Риббентроп все это время был в фаворе. Его главная забота заключалась в том, чтобы, захватив Польшу, Гитлер не заключил мир с нерешительными и уступчивыми западными политиками, чтобы не было второго Мюнхена.

Чиано, прибывший в Берлин сразу после окончания польско-германской войны, писал, что «влияние Риббентропа приводит к тому, что отношение фюрера к западным странам остается непреклонным».

6 октября в речи в рейхстаге Гитлер подчеркнул значение новых отношений между СССР и Германией, назвал их «поворотным пунктом в политике Германии». По его словам, именно с помощью России Германия окончательно освободилась от «оков Версальского договора».

Оценивая тогдашнюю обстановку в мире, не надо забывать, что Англия и Франция, хоть и объявили войну нацистскому рейху, так и не начали боевых действий. И это не только снижало их престиж, но и предоставляло Гитлеру возможность ударить в тот час и в том месте, где ему было выгодно. Таким образом, в те роковые дни в высшей степени беспринципно вели себя не только кремлевские вожди, но и демократические политики Запада!

29 октября и 11 февраля Советский Союз и фашистская Германия заключили новые торговые соглашения. Соглашения эти были настолько важны для «коричневого рейха», что 30 марта Гитлер распорядился в первую очередь выполнять обязательства по отношению к СССР, а потом уже по отношению к вермахту.

В феврале 1940 г. Сталин должен был отправить в Германию миллион тонн зерна, 900 тысяч тонн горючего, 500 тысяч тонн фосфатов и 500 тысяч тонн марганцевой руды. Кроме того, СССР обязался покупать для Германии в других странах металл и сырье.

Осенью 1939 г. после позорного пакта Молотова — Риббентропа Москва начала так называемое «мирное наступление» — пропагандистскую кампанию с целью доказать недоказуемое, а именно, что Германия якобы готова к миру, а Лондон и Париж разжигают войну...

Речь Гитлера в рейхстаге, о которой мы упоминали выше, также была, по утверждению нацистской пропаганды, «последним мирным предложением» Германии. Таким образом, в СССР и в нацистском рейхе наблюдалось трогательное пропагандистское единство.

Конечно, это очень помогало Гитлеру морочить голову простым людям во всем мире.

Но главный успех политики Риббентропа заключался в том, что во время войны на Западе только семь немецких дивизий стояли на германо-советской границе.

Знал ли тогдашний любимец Гитлера, министр иностранных дел Германии Риббентроп, что Гитлер готовился к войне против своего союзника — Советского Союза? Видимо, знал. Хотя в подробности Гитлер, возможно, его и не посвящал.

У Риббентропа были свои функции и в отношении Запада. В частности он должен был все время подбадривать или, скорее, подталкивать Муссолини. Министр ездил в Италию, готовил встречу Гитлера с Муссолини на перевале Бреннер, в горах на границе между двумя странами. Встреча состоялась 19 марта 1940 г., а через три месяца после этого Италия вступила в войну.

9 апреля того же года началась так называемая операция «Везерюбунг». Германия напала на Норвегию. В то же время Риббентроп вел переговоры с Суньером, испанским министром иностранных дел. Министр был под стать своему шефу Франко. Твердый орешек. Суньер, как и сам «каудильо», не желал принимать участие в войне, кроме того, Риббентроп был ему крайне несимпатичен. Испанского министра, как пишет Буллок, раздражало прямо-таки «гротескное тщеславие» «Риббенсноба». Но и переговоры Гитлера с «каудильо» ничего не дали. Хорошо известно, что Испания так и не вступила в войну. Гитлер сказал, что он бы предпочел удалить себе два-три зуба, только бы не вести переговоры с Франко.

Однако главной задачей Риббентропа оставались интриги и обман Советского Союза.

27 сентября 1940 г. в Берлине был подписан пакт между Германией, Италией и Японией. Смысл этого пакта — разграничение сфер интересов трех стран и координация агрессивных планов¹.

Естественно, в Москве не могли не встревожиться — как-никак, неофициально этот пакт по-прежнему называли *антикоминтерновским*.

Поступали и другие тревожные сигналы: Германия договорилась с Финляндией о том, что Финляндия пропустит немецкие войска якобы для защиты норвежских портов. Подписали нацисты и соглашение с Румынией, соглашение с враждебным СССР государством на его южных границах.

Все это делалось, разумеется, без всякого согласования с Москвой. В частности, о пакте трех Молотову сообщили за день до его подписания. И, разумеется, постарались убедить, что острие пакта направлено против Англии.

Чтобы ослабить впечатление от недружественных действий германского правительства, Риббентроп предложил Молотову приехать в Берлин и, так сказать, на месте уладить все «недоразумения». На имя Сталина было отправлено соответствующее письмо (13 октября). Спустя неделю был получен ответ: Москва сообщала, что в первой половине ноября Молотов прибудет в Берлин.

Молотов приехал в нацистскую Германию 12 ноября. Визит этот был запечатлен десятками фотографов и кинооператоров. Молотов с Гитлером, Молотов с Риббентропом. Вот Молотов в темном пальто и шляпе (все члены Политбюро ходили тогда в одинаковых пальто и шляпах, за исключением, разумеется, Сталина, который, как и Гитлер, имел «собственную», весьма «оригинальную» полувойнную форму) идет впереди с разряженным Риббентропом, а за ними темная толпа, темная от черных шинелей, видимо эсэсовских! Молотов в пенсне, лицо непроницаемое...

¹ Характерно, что в 1941 г. Гитлер не так уж и хотел вступления Японии в войну, ибо это означало «привлечь желтых для победы над славянскими недочеловеками». Как видим, идеология никогда не была безразлична нацистскому фюреру. Вообще первый договор с Японией 1936 г. был делом рук не министерства иностранных дел, а «Бюро Риббентропа». Несмотря на его явно антисоветскую направленность, он никогда не вызывал восторга фюрера, который на первых порах очень критически относился к «желтым японцам».

В день приезда, 12-го же ноября, состоялась беседа наркома иностранных дел СССР с министром иностранных дел Германии. После чего Молотова сразу же принял Гитлер. Сохранились протокольные записи обеих этих бесед. Их делал Шмидт, переводчик немецкой стороны. Делал, конечно, и Павлов, наш переводчик, но этой записи у нас нет, поэтому будем цитировать по Шмидту.

Вслед за вводными словами Риббентропа о том, что после двух его визитов в Москву ситуация в мире изменилась, нацистский министр иностранных дел повторил то, что уже содержалось в письме к Сталину, а именно:

«...Англия как мировая держава переживает начало конца, ибо положение Англии день ото дня ухудшается; Германия, естественно, приветствовала бы скорейшее окончание конфликта, так как она ни в коем случае не хочет ненужных человеческих жертв. Если же англичане в течение следующего года не решатся признать свое поражение, то они наверняка подвергнутся бомбардировкам и днем и ночью. Подводные лодки Германии постепенно включатся в военные действия и нанесут ужасающие потери. Германия придерживается того мнения, что Англия, возможно, уже скоро будет вынуждена прекратить войну из-за воздушных налетов. В Великобритании заметно большое беспокойство... и т. д. и т. п. в том же духе.

Англией управляет «политический и военный дилетант по имени Черчилль, который во всей своей предыдущей карьере всегда в решающие моменты оказывался полным банкротом и окажется им и в данном случае».

«...Сила позиций держав оси такова, что они размышляют не о том, выиграют ли они войну, а о том, насколько быстро смогут окончить уже выигранную войну».

«Все вышеперечисленное, а именно естественное желание Германии и Италии как можно быстрее закончить войну, привело к тому, что оба государства оглядываются в поисках друзей, которые преследуют те же цели, то есть цели предотвращения любого распространения войны. Пакт трех держав между Германией, Италией и Японией явился результатом этих устремлений...»

И тут Риббентроп, что называется, берет быка за рога и предлагает народному комиссару Молотову... передел мира в союзе с государствами, подписавшими антикоминтерновский пакт. Вступление в этот самый пакт. Оказывается, они с Гитлером уже все продумали.

«...Фюрер придерживается ныне того взгляда, что

вообще было бы весьма желательно, если бы однажды была предпринята попытка сформулировать широкую концепцию разграничения сфер интересов между Россией, Германией, Италией и Японией. Фюрер долго и тщательно размышлял над этим вопросом и при этом пришел к следующему выводу: на основании позиций, которые занимают четыре народа в мире, было бы нормальным, если бы ударная сила их территориальной экспансии при условии проведения умной политики была обращена в южном направлении. Япония уже следует этому направлению на юг и в дальнейшем в течение столетий будет занята этим, для того чтобы упрочить свои территориальные приобретения. Германия определила свои сферы интересов... и после установления нового порядка в Западной Европе будет проводить территориальную экспансию также в южном направлении, то есть в Центральной Африке, в области бывших германских колоний. То же самое можно сказать и об Италии, которая направит свою экспансию на юг в направлении африканской части Средиземноморских областей, то есть в северо-восточные части Африки. И вот он, министр иностранных дел, спрашивает себя, не будет ли правильным, если Россия, учитывая ее исконные интересы, станет искать выход к свободным морям, также в южном направлении».

Это, заявил в заключение имперский министр иностранных дел, является «основополагающей мыслью, и она могла бы быть изложена Молотову в связи с его берлинским визитом».

На вопрос Молотова о том, какие именно моря он (Риббентроп.— Л. Ч.) имел в виду, когда говорил только что относительно доступа к морю, Риббентроп ответил, что, по его мнению, «после войны повсюду произойдут большие изменения». Он напомнил о том, как в Москве он объяснил Сталину, что Англия больше не вправе господствовать в мире... Англия проводит безумную политику, за которую она однажды должна будет поплатиться. Поэтому Германия считает, что в территориальном статусе Британской империи произойдут большие изменения.

В этой связи он полностью понимает недовольство русских соглашением в Монтрё¹ касательно проливов.

¹ Конференция в Монтрё 1936 г. проходила с участием СССР, Турции, Великобритании, Франции и определила статус проливов. Она заменила решения Лозаннской конференции 1922—1923 гг. Согласно решениям конференции в Монтрё, черноморские государства в мирное

Германия еще более недовольна ими, ибо она в них не участвовала. Лично он (Риббентроп.— Л. Ч.) придерживается того мнения, что соглашения в Монтрё, совершенно так же, как и комиссия по Дунаю, должны исчезнуть и быть заменены чем-то новым. Это новое соглашение должно быть заключено между теми силами, которые особо заинтересованы в этом вопросе, прежде всего — Россией, Турцией, Италией и Германией. Ясно, что Советская Россия не может быть довольна нынешним состоянием. Германия считает приемлемой мысль о том, что в Черном море Советская Россия и прилегающие страны будут иметь известные преимущества по сравнению с другими странами мира. Несуразно, что страны, находящиеся в тысячах миль от Черного моря, утверждают, будто они обладают точно такими же правами, как прилегающие страны.

Новое соглашение с Турцией о проливах должно, кроме всего прочего, обеспечить особые права России, о деталях которых он в данный момент еще не может высказаться, но которое в принципе должно открыть для военного и торгового флота Советского Союза более свободный доступ к Средиземному морю.

То и дело Риббентроп говорил не так, как подобало имперскому министру, даже не так, как подобало торговцу шампанским после удачной сделки... Он изъяснялся наподобие разбойника с большой дороги в предвкушении богатой добычи.

Нацистский министр изрек, в частности, примерно следующее: победа над Польшей и Францией поправила дела не только Германии, «оба партнера советско-германского пакта хорошо на нем заработали...». «Вопрос лишь в том, нельзя ли будет хорошо заработать совместно и впредь и не будет ли Советская Россия участвовать...» Тут Риббентроп высказался несколько туманно, но понять его все же можно было — он предлагал дальнейшее участие Советского Союза в переделе мира...

Словом, в ноябре 1940 г. министр иностранных дел Германии прямым текстом предложил СССР вступить в пакт агрессоров для совершения пиратских акций не то под знаменем со свастикой, не то под милитаристским знаменем тогдашней императорской Японии, не то под флагом российской монархии!

время имели право проводить военные корабли через проливы без ограничений при соблюдении определенных условий. Что касается нечерноморских государств, то проход их судов ограничивался.

После беседы с Риббентропом у Молотова состоялась беседа с Гитлером, который говорил примерно то же, но еще более неопределенно и витиевато. Однако Молотов в обеих беседах, надо отдать ему справедливость, не «клевал» на посулы нацистов, а высказывал совершенно конкретные опасения и претензии. Из его слов можно было легко понять, что СССР не желает отказываться от своих «интересов» в Европе — его интересует судьба Балканских государств — Болгарии, Румынии, а также Югославии и Греции. Не говоря уже о Польше. Настаивает Советский Союз и на нейтралитете Швеции.

Но Гитлер обо всем этом договариваться не желал — кроме обещания добиться советско-японского договора о ненападении, а также заверения в том, что на Балканах «Германия не имеет никаких интересов», ничего конкретного ни фюрер, ни его министр не предложили. Молотова это не удовлетворило. Он спорил с Гитлером, возражал ему, словом, вел себя еще «хуже», чем Франко. Гитлер был явно раздражен.

На банкет в советском посольстве, который Молотов дал в честь немцев, нацистский фюрер не изволил пожаловать.

Неудачно закончилась и вторая беседа Молотова с Риббентропом на следующий день, которая, кстати говоря, была прервана воздушной тревогой — обоим министрам пришлось спуститься в бомбоубежище. Риббентроп в очередной раз задал «решающий вопрос»: «Готов ли Советский Союз работать вместе с нами (с Германией. — Л. Ч.) для ликвидации Британской мировой империи?» И в очередной раз заверил, что «с Англией уже покончено».

Но тут Молотов произнес свою первую и единственную в жизни остроту, которая заняла прочное место в истории дипломатии. «Если насчет Англии это верно, — сказал он, — то почему мы очутились в бомбоубежище и кому принадлежат бомбы, падающие сейчас на город?»

Ни о чем не договорившись, Молотов поехал в Москву с проектом договора, врученным ему Риббентропом. Документ этот назывался: «Проект соглашения между государствами трехстороннего пакта и Советским Союзом. Соглашение между правительствами трех держав: Германии, Италии, Японии — с одной стороны и Советского Союза — с другой».

К этому «проекту» был приложен еще один еще более пикантный «Проект секретного протокола № 1». Приведем этот протокол полностью, ибо он очень любопытен.

«Представители Германии, Италии, Японии и Советского Союза при подписании сегодняшнего соглашения, заключенного между ними, установили следующее:

I. Германия заявляет, что независимо от тех европейских территориальных изменений, которые могут произойти при подписании мирного договора, главное направление ее территориальных устремлений направлено на Центрально-Африканское пространство.

II. Италия заявляет, что независимо от тех территориальных изменений в Европе, которые будут предусмотрены в мирном договоре, главное направление ее территориальных устремлений — пространство в Северной и Северо-Восточной Африке.

III. Япония заявляет, что главное направление ее территориальных устремлений — Восточно-Азиатские районы, южнее Японского островного государства.

IV. Советский Союз заявляет, что главное направление его территориальных устремлений — территория к югу от государственных границ СССР в направлении Индийского океана».

Сам Кафка не придумал бы столь фантазмагорического «проекта протокола»... В Европе бушевала война... Англичане мобилизовывали все силы для отпора нацистам... Народы Индийского океана, Эгейского и Мраморного морей с пресловутыми «проливами» понятия не имели, что нацистский фюрер распорядился их судьбой... Гитлеровские генералы уже держали в ящиках своих письменных столов разработки «плана Барбаросса», плана нападения Германии на Советский Союз... А Риббентроп ничтоже сумняшеся предлагал Молотову совместно делить шкуру неубитого медведя... Чудеса!

Вот что пишет по этому поводу уже цитированный нами английский историк Буллок: «Истинный смысл предложений, которые были сделаны Молотову во время его визита, до сих пор неясны. Быть может, они были задуманы как обширный маскировочный маневр, с помощью которого Гитлер хотел перехитрить русских, заканчивая в то же время приготовления к агрессии против них. Быть может, они были, впрочем, попыткой Риббентропа создать альтернативу войне с Россией, и Гитлер согласился с ними, считая, что эти предложения (примкнуть к пакту 1940 г. между Германией, Италией и Японией.— Л. Ч.) не принесут вреда и могут послужить тому, чтобы ввести в заблуждение Сталина и Молотова насчет его действительных намерений. Что касается Гитлера, то

трудно себе представить, что он мог всерьез планировать дальнейшее русско-германское сотрудничество. У него были совсем другие планы... Сразу же после беседы с Молотовым Гитлер сказал Герингу, что он намерен напасть на Россию еще весной...»

Итак, в Берлине все было ясно. Того же не скажешь о Москве. Реакция Сталина на предложения Риббентропа была иной, нежели реакция Молотова. 25 ноября, меньше чем через две недели после приезда Молотова из Германии, Советское правительство прислало официальный ответ на предложение о заключении четырехстороннего пакта. СССР на это предложение согласился, правда, с рядом оговорок. В частности, Москва требовала немедленного отзыва немецких войск из Финляндии, предоставления баз в проливах, в Босфоре и Дарданеллах, заключения пакта о взаимопомощи между Россией и Болгарией и наконец отказа Японии от угольных и нефтяных концессий на Северном Сахалине.

Но тут у Москвы получился некоторый сбой. Так сказать, любовь без взаимности.

Несмотря на неоднократные напоминания и запросы из Москвы, несмотря на заверения нацистов, что русская нота рассматривается в соответствующих инстанциях, Берлин так никогда и не ответил на предложения Сталина... Гитлер не желал продолжать переговоры с СССР.

Автор долго ломал себе голову — чем объясняется совершенно непонятная «податливость» Сталина? Неужели он и впрямь хотел примкнуть к пакту трех? Неужели не видел, что со стороны Гитлера это всего лишь маневр, желание поставить Советский Союз в совершенно невыносимое положение?

Непохоже на столь хитрого и изощренного политика, каким был Сталин. А может быть, «вождь» хотел потянуть время? Или вовсе обмануть Гитлера и нанести первый удар? Такие предположения на Западе неоднократно делались.

Думаю, что ответить на этот вопрос смогут лишь советские историки, предварительно опубликовав имеющиеся в наших архивах документы по этому вопросу ¹.

¹ А. Д. Сахаров в своих Воспоминаниях писал: «В Горьком мне удалось... прочитать записки Евгения Александровича Гнедина о предыстории советско-германского пакта. Гнедин, приводя многие опубликованные на Западе документы и дополняя их своими воспоминаниями, убедительно показывает, что советско-германский пакт 1939 года, его секретные статьи, сближение вплоть до переговоров о присоединении к оси — все это не просто необходимый маневр, единственный выход из

Во всяком случае, переговоры вокруг новых пактов между СССР и Германией объясняют нам одну психологическую загадку — почему Сталин так растерялся 22 июня 1941 г. Почему счел нападение нацистской Германии на Советский Союз столь уж «вероломным». Ведь до этого Гитлер так же вероломно захватил почти всю Европу.

Но тема Сталина — не наша тема. Что касается Риббентропа, то переговоры с Молотовым в ноябре 1940 г. были его лебединой песней...

После 1941 г. престиж Риббентропа и его министерства все время падал. «Дипломатия» гитлеровской Германии всегда была дипломатией особого склада — ее назначение заключалось в подготовке к экспансии «мирными средствами», в плетении интриг разного формата, начиная от липовых договоров, кончая мелкими преступными акциями (к примеру, Риббентроп вместе с Шелленбергом из РСХА намеревались похитить герцога и герцогиню Виндзорских в том же 1940 г., очевидно, чтобы провозгласить их в Берлине законными властителями Британии!)

Но вот на всех фронтах заговорили пушки, и дипломатия замолкла...

20 июня 1944 г., в день покушения на Гитлера, Риббентроп, как и другие нацистские сатрапы, прибыл в ставку фюрера, дабы продемонстрировать свою преданность и верноподданнические чувства. Но и здесь счастье не улыбнулось ему: он чуть не подрался с Герингом. Геринг замахнулся на Риббентропа маршалским жезлом, а Риббентроп заорал своим пронзительным голосом: «Я все еще министр иностранных дел, и мое имя фон Риббентроп».

С разрешения Гитлера Риббентроп пытался вступить в переговоры с западными союзниками, дабы выторговать хоть какие-то послабления для Германии после ее поражения. Риббентроп выработал нечто вроде «памятной записки» для своих агентов, которые должны были вести сепаратные переговоры в Стокгольме, Дублине, Лиссабоне и Ватикане. Однако, быть может, именно эта «записка» лучше всего показывает, до какой степени гит-

положения, сложившегося для СССР в результате Мюнхенского «умиротворения» агрессора, а поворот, давно желаемый Сталиным — Молотовым, соответствующий их глубинной ориентации и подготовленный множеством их многолетних действий».

леровский министр иностранных дел не понимал обстановку в мире. После почти шестилетней войны, унесшей миллионы жертв, после неслыханных злодеяний нацистов на оккупированных территориях Риббентроп объявил «коричневый рейх» «противоядием против коммунизма» и страной, желающей «решить еврейский вопрос» или, точнее, «вопрос о мировом еврействе». Характерно также, к чьей помощи прибег Риббентроп для столь ответственных переговоров с западными державами: один из его «послов», Хессе, сотрудник министерства иностранных дел, был настолько неосторожен, что шведская печать сразу же узнала о «заходах» немецкого дипломата. По свидетельству современников, Хессе действовал как слон в посудной лавке. Второй доверенный Риббентропа, тридцатидвухлетний Меллхаузен представлял собой нечто среднее между дипломатом-любителем и разведчиком.

Только после самоубийства Гитлера Риббентроп вновь вынырнул из небытия. Он попытался прибиться к Деницу, создавшему правительство во Фленсбурге. Однако и у Деница ему не повезло. Адмирал сразу же объявил, что Риббентроп больше не министр иностранных дел. «Чтобы не заводить долгих споров с Риббентропом,— пишет Фест в своей книге «Лицо третьего рейха»,— Дениц предложил Риббентропу позвонить ему еще раз, если он найдет подходящую кандидатуру на пост мининдела. Через час Риббентроп позвонил снова и сказал, что он тщательно все обдумал и может с чистой совестью предложить Деницу лишь *одну* кандидатуру — Риббентропа».

После афронта с Деницем Риббентроп скрылся. Но скрылся как-то очень неумело. 14 июня 1945 г. английский патруль в Гамбурге, «прочесывая» город в поисках мелких преступников, попал в пансион и позвонил в какую-то дверь. На звонок вышла девица в дезабилье и после разговора с патрулем позвала неизвестного господина, пребывавшего в кровати. Господин в пижаме вышел в переднюю и оказался... Риббентропом.

Нюрнбергский трибунал не дождался от Риббентропа ни слова раскаяния, ни одного разумного слова, показывавшего, что он хотя бы задним числом понял преступность политики своего патрона Гитлера. Бывший министр лишь твердил, что он выполнял приказы. Многие свидетели пишут, что в Нюрнберге надменность Риббентропа перешла в свою противоположность — в «заискивание» и «старательность».

В заключение приведем еще одно высказывание журналиста А. И. Полторака, присутствовавшего на суде в Нюрнберге и видевшего, стало быть, бывшего министра Гитлера на протяжении долгих месяцев, пока длился процесс. Вот что пишет Полторака:

«Блеклым и облинявшим выглядел на скамье подсудимых бывший рейхсминистр иностранных дел Иоахим Риббентроп. Вид у него удрученный, соответствующий той метаморфозе, которая произошла в его положении... Господин рейхсминистр... как-то сразу постарел, опустился. Нередко он является в зал суда небритым, непричесанным. Да и в камере у него страшный беспорядок. Бюрократ по натуре, он развел там целую канцелярию, и бумаги валяются кругом в самом хаотическом состоянии...»

Достаточно было несколько дней понаблюдать за Риббентропом во время суда, чтобы заметить, что ведет он себя совсем не так, как скажем... Геринг... Держится скромно, даже заискивающе. Он чем-то напоминает ученика, который очень плохо занимался, оставлен на второй год и теперь старается замолотить свои грехи.

Когда в зал входят судьи, Риббентроп каким-то образом умудряется опередить всех: и своих соседей по скамье подсудимых, и защитников, и обвинителей — и первым вскакивает с места. На вопросы отвечает с готовностью... Сидит Риббентроп чаще всего скрестив руки: это его любимая поза... Едва суд возобновляет свою работу, как он весь превращается в слух. На лице скорбная маска. Риббентроп старается казаться подавленным огромностью жертв и испытаний, которые выпали на долю человечества. Он держится с таким видом, будто сам вышел из миллионов потерпевших и явился в нюрнбергский Дворец юстиции, чтобы предъявить свой счет...»

Полторака приводит и характеристику, данную Риббентропу его адвокатом доктором Заутером, который отказался от своего клиента. На вопрос Полторака, не жалеет ли Заутер, что у Риббентропа оказался другой защитник, немецкий юрист ответил: «Знаете, господин майор, я просто счастлив, что развязался с ним... мне страшно надоел этот «государственный деятель». Он нерешителен, истеричен, склонен к панике...»

Трибунал в Нюрнберге приговорил Риббентропа к виселице. Прочитируем опять же Полторака: «Риббентроп перед казнью находился в состоянии полной прострации. Он не шел по тюремному коридору, его тащили».

ОГЛАВЛЕНИЕ

АДОЛЬФ ГИТЛЕР. «ОДИН НАРОД, ОДНА ИМПЕРИЯ, ОДИН ФЮРЕР»	3
ОРДЕНА И БРИЛЛИАНТЫ ГЕРМАНА ГЕРИНГА	77
«ЧЕЛОВЕК В ПЕНСНЕ». ГЕНРИХ ГИММЛЕР	135
ПАЛАЧ ОТ ИДЕОЛОГИИ. ИОЗЕФ ГЕББЕЛЬС	215
ПАРТАЙГЕНОССЕ МАРТИН БОРМАН	279
ОРГАНИЗАТОР НЕЧЕСТИВЫХ СДЕЛОК. ИОАХИМ РИЙ-БЕНТРОП	332

